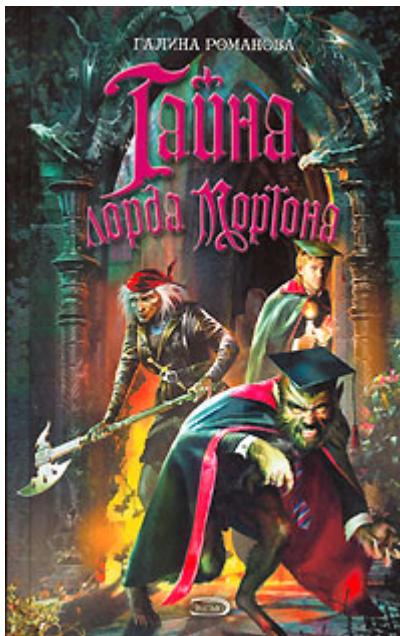

Галина Львовна Романова

Тайна лорда Моргана

Сканирование, распознавание, вычитка — Глюк Файнридера
«Романова Г.Л. Тайна лорда Моргана: Роман»: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-15066-8

Аннотация

Страшная угроза нависла над молодым магом Эмилем Графом. В день совершеннолетия он узнает, что его настоящее имя — Максимилиан Мортон. Давным-давно его родители погибли, приняв участие в восстании, которое поднял могучий колдун Белый Мигун. Сам предводитель восстания сумел уйти от наказания и сбежать, но теперь, двадцать лет спустя, он не прочь вернуться — и Максимилиан занимает в его планах важное место. Мортон нанимается учителем в Школу Магии и Волшебства — МИФ, и в стенах магической академии с ним начинают происходить загадочные и злоеющие происшествия. Однако коллектив Школы МИФ — опытные педагоги и маги — готов встать на защиту своего молодого коллеги.

Галина РОМАНОВА

ТАЙНА ЛОРДА МОРТОНА

Глава 1

Просто удивительно, до чего ж много развелось в последнее время магических школ, свободных колдовских лицеев, волшебных гимназий, чародейных училищ и колледжей волхвования! Пятый час я сидел над длиннющим свитком пергамента, на котором были начертаны гербы и девизы всех учебных заведений мира, внимательно перечитывая объявления и рекламные проспекты. Пергамент был такой длины, что я мог бы оклеить им все стены и потолок своей маленькой квартирке и еще остался бы приличный рулон. Вся комната была заполнена его волнами, я чудом не потерял, где начало и где конец, и устал упрекать себя за то, что отважился на поиски столь традиционным путем.

Дело в том, что мне была нужна работа, и желательно по специальности. Многие

школы, колледжи и гимназии предлагали вакансии, но в начале учебного года все выгодные места успели занять счастливицы, а на мою долю остался лишь обслуживающий персонал.

Когда глаза у меня уже заболели от мелькающих строк объявлений, я сказал себе: «На сегодня хватит!» Было уже за полночь, и мне не помогли ни кофе, ни аутотренинг. Оторвавшись от пергамента, я тоскливо окинул взглядом его развалы. В конце концов у меня оставались непрочитанными еще восемнадцать метров рулона — и соответственно около девяноста объявлений. Я встал, стряхнув с колен несколько завитков пергамента, и, высоко поднимая ноги, чтобы не затоптать объявления, направился к еле видневшейся в углу кровати.

И вдруг — такие вещи всегда происходят вдруг! — внимание мое привлек блеснувший герб.

Многие объявления магических школ светятся. Они то горят призрачным светом, как посадочные костры на Лысой горе, то мерцают, словно блуждающие огоньки, то переливаются, уподобившись драконьим глазам в глубине пещеры, то вспыхивают и мигают, будто китайские гирлянды на празднике Йоль. У меня рябило в глазах от их огня, но тут я наклонился и потянул на себя пергамент.

Герб был красив — Мировое Древо, держащее на своих ветвях замок, окруженный семью радугами. Когда я провел над ним ладонью, снимая кодировку, Древо вспыхнуло и рассыпалось, превратившись в вязь крупных букв:

«Средней общеобразовательной Школе Магии МИФ срочно требуется преподаватель по звериной магии и нежитиведению. Все социальные гарантии. Достойная заработная плата. Иногородные обеспечиваются жильем. Рассмотрим все предложения. Возможно совместительство. Если вы заинтересовались, настройте вашу чашу на частоту 140 для получения дополнительной информации».

Конечно, я заинтересовался. Звериная магия — это и была моя специализация! Напрягало другое — моя чаша имела максимальную частоту 100.

Однако голь на выдумки хитра. Сбегав в душевую — безжалостно топча остальные объявления, — я принес оттуда таз, утвердил на его дно мою чашу-приемник, на глазок разметил стенки таза до отметки 140 и стал осторожно заливать внутрь воду.

Чаши-приемники, миски и котлы служат не только для волшебства и чародейства. Чаши давно уже заменили нам телевизоры, принятые у простых смертных, как мы называем людей, лишенных магии. Чаша даже в какой-то мере круче — в зависимости от того, какая жидкость в нее налита, ее можно использовать как телевизор, радиоприемник, магнитофон и диктофон. Надо лишь налить воду, молоко, вино или кровь — кровь используют исключительно консервированную — до определенной отметки и произнести необходимое заклинание.

Мое изобретение оказалось удачным. Едва поверхность воды успокоилась и я провел над нею рукой с зажатым в ней амулетом, в глубине за клубился туман, сквозь который проступил средневековый замок. Судя по дикому пейзажу, он находился где-то в северных горах.

— Приветствуем вас в Школе Магии и Волшебства МИФ, одной из старейших школ магии, основанных еще Семерыми Великими, — зазвучал голос гида. — Школа МИФ дает всестороннее образование, что позволяет ее выпускникам полнее ощутить возможности магии и проверить собственные силы. Ежегодно МИФ выпускает до ста пятидесяти студентов, которые могут найти применение своим знаниям в любой отрасли деятельности. В учебном процессе изучаются тринадцать предметов — больше, чем во многих школах Старой Европы, за исключением Трансильванского Колледжа Вампиров и Школы Олимпийского Резерва в Греции. Преподавание ведется на стандартном северном наречии, общем для всей Европы в седьмом-восьмом веке нашей эры, с использованием славянских речевых оборотов, так что обучаться в нашей школе могут дети всех европейских государств. Все преподаватели высококвалифицированные специалисты...

— Дальше, — прервал я. Подобные хвалебные речи может часами произносить о себе

каждая школа. С тех пор как их число перевалило за тысячу, жесткая конкуренция заставляет директоров пускаться во все тяжкие.

Картинка сменилась. Теперь из глубины чаши на меня глядела человеческими глазами рогатая морда козла.

— Директор средней Школы МИФ мессир Леонард, — отрекомендовал его голос за кадром, — рассмотрит вашу кандидатуру. Если вы решили принять наше предложение, коснитесь амулетом воды и назовите свое имя, предыдущее место работы и заведение, где вы обучались.

Моя протянутая рука с зажатым в кулаке амулетом замерла в воздухе. Назвать свое имя? Какое?

Дело в том, что у меня было два имени. Будучи назван родителями, в соответствии с их вкусами, всю свою сознательную жизнь я откликался совсем на другое имя, ничего не зная о своем происхождении.

Детство и юность мои прошли в самой обыкновенной семье Графов, потомственных волшебников, в частном доме одного из пригородов Ключ-Города на побережье Балтики. У меня были брат и младшая сестра. С братом, Эрастом, мы были двойняшками, то есть появились на свет почти одновременно — он вечером 31 мая, а я утром 1 июня. И тем не менее мы не были друг на друга похожи. Высокий плечистый спортсмен Эраст, своими черными кудрями и синими глазами сводивший девушек с ума, — и я, среднего роста тощий блондин, Эмиль Граф, прошу любить и жаловать. Мама утешала меня тем, что наша сестра Эмма тоже мало походила на нас с братом.

С Эрастом мы учились на разных курсах — его магические способности проснулись в десять лет, как положено, а мои дали о себе знать лишь через месяц после того, как мне исполнилось одиннадцать. Впрочем, это было не так уж плохо — Эраст на первых порах помогал мне с домашними заданиями и даже давал попользоваться шпаргалками на экзаменах. Он же был моим защитником от однокашников, потому что щуплого меня частенько поколачивали ровесники.

Только после окончания Неврской Школы Колдовских Искусств наши дороги разошлись. Эраст продолжил обучение в аспирантуре, а мне при поступлении в ветеринарный колледж не хватило одного балла и пришлось посвятить себя педагогике.

Эраст окончил аспирантуру три года спустя, как раз накануне праздника Лугтнаса, как принято у кельтов, или Перунова дня, как называют его славяне. На вечеринку в честь окончания учебы пригласили и меня — я и брат уже два месяца как были совершеннолетними, нам исполнилось по 21 году, и мы могли делать, что хотели.

Домой я вернулся под утро с тяжелой головой и проспал до обеда — по причине слабого здоровья я плохо переношу алкоголь. Встал только после полудня, сходил в душ, кое-как оделся — и только тут заметил, что на подоконнике смирно сидит почтовый ворон.

Мне никто никогда не писал, кроме родных. Даже Анастасия, та русская ведьмочка, в которую я был влюблен в Школе Искусств, и то никогда не отвечала на мои письма. А тут...

Руки мои дрожали, когда я вскрывал конверт, украшенный литерой "М". От волнения и последствий похмелья я не сразу смог понять смысл написанного, а когда понял, молча опустил на кровать.

"С днем рождения, Максимилиан Мортон! — было написано четким крупным почерком. — Я не ошибся. Сегодня, 1 августа, действительно твой день рождения, и тебя действительно зовут Максимилиан Мортон. Сегодня тебе исполнился 21 год, и я счел, что пора открыть тебе правду.

Ты родился в другой семье, но твои родители умерли, и семейство Графов взяло тебя на воспитание. Судя по тем сведениям, которые мне поступали, они прекрасно справились со своей задачей и сделали из тебя достойного члена общества. Я бы мог молчать и дальше, но твои родители оставили тебе кое-какую собственность, которой ты отныне можешь распоряжаться. В этом конверте чек на предъявителя. Он сработает, если ты назовешься своим настоящим именем — Максимилиан Иероним лорд Мортон Девятый. Гордись своим

родом, ибо Мортонны насчитывают уже тридцать шесть поколений, и тебе выпала честь стать тридцать седьмым лордом Мортонном. С днем рождения, Максимилиан!"

Подписи не было — только та же литера "М".

Не помню, сколько я просидел, тупо уставившись перед собой. Очнулся, когда в дверь моей комнаты постучали, зовя к обеду. На деревянных ногах я спустился в гостиную и молча положил перед матерью конверт.

— Что это такое? — промолвил я и не узнал своего голоса.

Мать побледнела и оглянулась на отца. Тот сдвинул брови.

— Эмиль, — мама всхлипнула, — мы... мы не хотели тебе говорить...

— Так это правда?

— Эмиль, мы все делали с разрешения попечительского комитета. Мы выдержали настоящий конкурс на право стать твоими родителями и... Сынок, разве тебе было у нас плохо?

— Но почему?! — воскликнул я. — Почему вы скрывали от меня правду? Почему я узнаю это от чужих людей?

— Он не чужой тебе! — вскрикнула было мать, но отец остановил ее взмахом руки:

— Молчи, Алиса. Эмиль... то есть Максимилиан уже совершеннолетний и имеет право знать, почему его отдали на воспитание именно нам и почему называли другим именем. Если ОН решил открыть правду, нам тем более негоже ее скрывать...

Отец сам усадил меня на стул и под всхлипывания матери поведал мне самую странную историю.

Это началось задолго до моего рождения. Трансильванский Колледж Вампиров окончил с отличием некто, принявший после посвящения имя Мигун и вошедший под этим именем в историю. Он продолжил обучение в аспирантуре за границей и вскоре защитил диссертацию по теме «Проблемы эволюции магии». По его теории выходило, что маги вырождаются и через два-три поколения людей, владеющих истинными Силами, можно будет пересчитать по пальцам. Дескать, уже сейчас рождается много магов с ослабленными способностями и, пока не поздно, надо исправлять положение. Кое-кто из высших чинов заинтересовался его разработками, и Мигуну позволили заниматься исследованиями. Прошло восемь лет, прежде чем поняли, ЧЕМ на самом деле занимается Мигун.

Был скандал, его лабораторию закрыли, а за опыты над людьми Мигуна лишили всех степеней. Он ушел в подполье и организовал секту Светлого Пути. Приняв имя Белого Мигуна, новоявленный гуру утверждал, что магов можно спасти, если все силы бросить на черную магию вуду и зачинать детей только в соответствии с ее канонами. Рожденные при благословении духов вуду, эти дети станут гениями и спасут магию от вырождения. Со всех стран к Мигуну в секту бежали подростки от тринадцати до восемнадцати лет. Бежали, чтобы стать сверхлюдьми и построить новый мир. Власти опомнились слишком поздно.

Мои родители были сектантами. Моя мать сбежала в секту в четырнадцать лет. У нее были выдающиеся способности в магии, она могла достичь гениальности. За полгода девчонка сделала такую карьеру, что Белый Мигун назвал ее своей духовной дочерью и решил, что первого чудо-младенца она родит именно от него.

И тут появился мой отец, Иероним Мортон. Он был уже студентом, ему было двадцать лет. Непонятно, почему, но гуру Мигун стремительно изменил свое решение и свел Женеьеву фон Ньерд и Иеронима лорда Мортонна. Под пение мантр на алтаре они зачали сына, названного Максимилианом.

К тому времени дела секты пошли плохо. Могущественные покровители подали в отставку, и власти всерьез взялись за Светлый Путь. Белый Мигун принял решение о восстании.

Это был страшный год. Люди боялись выходить из дома и собираться в толпы. Прямо на улицах вспыхивали магические поединки, и каждый из них заканчивался жертвами. Только карт-бланш, выданный инквизиторам, позволил подавить восстание. Арестовали двенадцать тысяч боевиков — большинству не было и восемнадцати — еще тысяч семь

погибли, спастись удалось единицам. Секта перестала существовать.

Мои родители тоже были арестованы. Иеронима Мортон должны были помиловать потому, что он был из рода Мортонов. Его жена ждала второго ребенка. И наказание им грозило предельно легкое — у них только стерли бы магические способности и гипнозом слегка подкорректировали поведение, не затронув ни память, ни чувства. Но накануне суда Иероним Мортон и Женестьева фон Ньерд были найдены в камере мертвыми. Все были уверены, что это самоубийство, и даже специальное расследование не прояснило ситуацию.

Белый Мигун ушел от возмездия. Его искали шесть лет. Было арестовано девятнадцать самозванцев, пока наконец его не вычислили по телепатическому следу. Гуру схватили и приговорили к пожизненному заключению в Диких Горах. А сирот раздали в чужие семьи. Одним из них был я, Максимилиан Мортон, названный новыми родителями Эмилем Графом.

Сказать, что я, узнав все это, был оглушен и раздавлен, значит, ничего не сказать. Мать плакала весь день, брат и сестра смотрели на меня, как на чудовище, и даже домработница, казалось, что-то подозревала.

Обуреваемый самыми черными мыслями, я отправился в Национальный банк, но не в тот, которым пользовались простые смертные. Никто из них не догадывался, что в одном здании помещались сразу два банка — вход во второй скрывался за панелью в кабинке для обмена валюты.

Задумавшись, я едва не совершил ошибку, особым способом открывая проход, и, оказавшись в НАШЕМ банке, некоторое время стоял, озираясь по сторонам. Здесь все происходило так же, как в Национальном банке — разве что пол, стены, потолок и конторки служащих были из малахита и других камней всех оттенков зеленого, а заправляли делами гномы. В банке рано утром было еще мало клиентов, и сразу же почти все они повернули ко мне головы.

— Прощу пройти, — пропищал ближайший клерк. — Вы что-то хотели?

— Вот. Обналичить чек и...

— Понятно. — Гном внимательно изучил пергамент, проведя по нему хрустальным шаром. — Чек на предъявителя. Пожалуйста, распишитесь вот здесь.

Я послушно взял перо, отметив про себя, что его явно выдернули из крыла грифона, и вывел в углу пергамента, там, где указал гном, свои имя и фамилию. Потом положил сверху свой амулет — большой кусок необработанного янтаря.

Тонкий луч из хрустального шара упал на амулет — и ничего не произошло. Но гном напрягся.

— Простите, — проскрипел он совсем нелюбезным тоном, — но вы, кажется, ошиблись. Такого имени не существует. Мы не можем выдать вам требуемую сумму. И советую объяснить, почему вы решили воспользоваться другим именем.

— Но я написал правду, — попытался возразить я.

— Если бы вы написали правду, шар бы отозвался. Это не ваше имя. Может быть, объяснитесь, почему вы пользуетесь чужим, Эмиль Граф, или кто вы есть на самом деле?

Я почувствовал себя сбитым с толку. Мне не раз приходилось видеть, как мать снимает со счета в банке определенную сумму — всякий раз, когда она подписывалась пером грифона «Алиса Граф», в хрустальном шаре вспыхивал ее портрет. Я тоже написал свое имя... Свое?

— Подождите! — воскликнул я, заметив, что гном уже тянется к звонку, чтобы вызвать охрану, — я ошибся. Позвольте мне еще раз!

Дрожащей рукой под нелюбезным взглядом гнома я вывел на пергаменте «Максимилиан Мортон»...

И сразу увидел в хрустальном шаре свою перекошенную от напряжения физиономию.

— Вот так-то лучше. — Клерк мгновенно подобрел. — Хотели немного пошутить, а, молодой человек? Хрустальный шар никогда не ошибается. Имя дается человеку один раз, и изменить его нельзя, даже если очень захотеть. Советую вам хорошенько запомнить это на будущее, Максимилиан Мор...

Тут с гномом произошло нечто странное. Он осекся, подался вперед, внимательно изучая мою подпись, потом перевел взгляд на хрустальный шар, подул на него, покрутил, усиливая четкость изображения и глядя то на меня, то на мой портрет.

— С ума сойти, — прохрипел он. — Максимилиан лорд Мортон? Лорд Мортон!

Последние слова он выкрикнул громче, чем следовало, и банк мгновенно наполнился изумленными голосами: «Мортон!.. Лорд Мортон!.. Тот самый? Не может быть!» — раздавалось со всех сторон. Я затравленно оглянулся. Клиенты банка показывали на меня пальцами, клерки едва не вскакивали на стойки, чтобы лучше видеть. Несколько гномов выбежали из подсобки. Высунула нос даже охрана — четверо кобольдов.

— Не понимаю, в чем дело?! — воскликнул я. — Что происходит?

— Молодой лорд Мортон, — мечтательно протянул гном, — а я все думал, увижу ли вас когда-нибудь или нет? Это такая честь... И такая ответственность. Разрешите вас поздравить и выразить вам свою признательность и соболезнования.

Это уже было слишком. Повернувшись, я со всех ног бросился вон.

— Погодите! — заверещал гном. — А ваши слитки? Неимоверным усилием воли я заставил себя вернуться назад.

После того случая я не мог больше оставаться со своей семьей. Мне казалось, что меня предали дважды — сперва настоящие родители, решившие покончить с собой и бросившие меня на произвол судьбы, а потом приемные, столько лет скрывавшие от меня настоящее имя. Наследство, полученное от родителей, правда, оказалось небольшим — всего-навсего двести слитков в золоте и серебре. Оно позволило мне снять квартиру и некоторое время существовать вполне безбедно. Однако прожив столько лет в обеспеченной семье, я вскоре спустил все состояние и теперь отчаянно искал работу...

— Максимилиан Мортон, — помедлив, назвал я, коснувшись амулетом поверхности воды в чаше. — Педагогический колледж в Похиоле, факультет зверомагии. Ветеринарный колледж в Беловежской Пуще заочно.

По воде пробежала рябь, а потом дребезжащий голос за кадром возвестил:

— Поздравляю вас, Максимилиан Мортон. Вы приняты. На рабочее место вы должны прибыть как можно скорее. Йотунский экспресс отходит из Уппсалы ежедневно дважды в сутки кроме субботы. Дальше доберетесь дилижансом. Ждем вас в Школе МИФ!

Последний раз вспыхнул бегущими огнями герб школы. Я с улыбкой смотрел на корявый ствол Мирового Древа и старинный замок. Мне казалось, что радуги подмигивают мне.

Спал я в ту ночь, словно убитый, и мне снилась радуга.

Наступивший день как раз был субботой, и с утра я снял со счета остатки слитков и ринулся по магазинам. Я тратил деньги, не жалея — совсем скоро у меня будет зарплата, так что напоследок можно и шикануть. Я даже заехал к Графам, чтобы обрадовать их и сказать, что уезжаю завтра утренним экспрессом.

Домой я вернулся вечером, чтобы собрать вещи, но еще с порога услышал требовательный стук в окно. Распахнув ставни, я впустил почтового ворона.

Сердце мое сжалось, когда я увидел белый конверт с единственной литерой "М". Опять! Что там на сей раз? Какие еще тайны мне предстоит узнать?

«Максимилиан! — прочел я. — Я целый год наблюдал за тобой и до сих пор был доволен. Но сейчас ты совершаешь ошибку. Если хочешь быть счастлив, не смей никуда уезжать из города!»

Подписи опять не было — только литера "М".

Я разозлился и сжег письмо. Кто бы ни был этот тип, он явно просчитался. Если бы он действительно хотел мне счастья, то не стал бы скрывать правду еще в детстве или, по крайней мере, не допустил, чтобы я когда-либо узнал свое настоящее имя. Он разрушил мой мир, и я испытывал настоятельную необходимость нарушить его планы.

На другой день семейство Граф провожало меня на вокзале.

Билет на утренний экспресс мне достать не удалось. Правда, оставался еще дневной

поезд, но до него надо было ждать шесть часов.

— Может быть, полетишь на дракоморане? — спросила меня приемная мать, дама Алиса Граф. — Два часа — и ты в Йотунхейме. Они отходят каждые четверть часа.

— Нет, — сказал я. — Ты же знаешь, я не переношу высоты. Хочешь, чтобы мне стало плохо в полете?

— Но ждать еще шесть часов и следующие шесть трястись в поезде? На месте будешь в десять часов вечера, а тебе еще ловить дилижанс.

— Ерунда. Дилижансы ходят до одиннадцати. У меня останется куча времени.

Дама Алиса пыталась меня отговорить, но я был как камень. Прошедший год научил меня многому. Если раньше я был готов ответить «да» на любое предложение, то сейчас с тем же пылом на все отвечал «нет». И настоял на своем.

В Йотунхеймском экспрессе народа набилось, как в пригородной электричке в начале дачного сезона. Мне еле удалось отыскать себе местечко в последнем вагоне. Большинство пассажиров были йотуны и цверги в своих неизменных комбинезонах и черных очках вполлица. В спертom воздухе вагона специфический запах йотунов был еще сильнее, так что к концу третьего часа я уже жалел, что не полетел на дракоморане. Там хотя и прохладно — кабины, болтающиеся под брюхом драконов, с открытым верхом, и их обдувает ветром, но по крайней мере, там нет такой вони.

Йотунский экспресс, вопреки своему названию, еле тащился и то и дело приостанавливался, словно впереди по рельсам брела корова. Когда мы проезжали берегом моря, кто-то додумался сорвать стоп-кран, заметив в воде касатку. Пока восстанавливали порядок и отлавливали хулигана, прошло некоторое время, так что на конечную станцию «У Черных Скал» мы прибыли без десяти одиннадцать вечера.

К тому времени я остался в вагоне в единственном числе. Большая часть йотунов вывалилась на предыдущей остановке. Следуя укоренившейся традиции, единственной, которой йотуны следовали в цивилизованном обществе, «Уходя, гасите свет!» — едва последний из них покинул вагон, как поезд погрузился во тьму. Только в первом вагоне мерцал огонек.

Наконец экспресс остановился и ощутимо вздохнул.

— Поезд дальше не пойдет. Просьба освободить вагон, — произнес усталый голос у меня над ухом. — Это ваша остановка, если вы еще не поняли.

Я несколько не удивился и, ощупью пробираясь между сиденьями, выбрался на узкий мокрый после дождя перрон.

— Надеюсь, путешествие было приятным, — сказал мне в спину тот же голос.

— Да, благодарю тебя и обещаю, что теперь всегда буду ездить Йотунским экспрессом, — ответил я.

— Все так говорят, — вздохнул голос, — а потом берут билеты другой компании.

Я не стал вступать в полемику. Этот голос принадлежал самому поезду — отличительная черта всех экспрессов состоит в том, что в случае, если вы купили билет, вам полагается невидимый личный проводник. Он подсказывает, где ваше место в вагоне, вместо вас спорит с тем, кто его занял без спроса, объявляет остановки и вызывает проводницу, чтобы вам принесли чаю. Невидимый проводник самоликвидировался, стоило вам покинуть вагон, но проявлялся снова, едва вы покупали новый билет.

Перрон, на который я вышел, был погружен во тьму. Кроме двух сигнальных огней в головах поезда и звезд на небе, вокруг царил полный мрак. Я сделал несколько шагов — и полетел вниз со ступенек, не заметив лестницы.

Единственной из встречающих меня была огромная лужа. Некоторое время пришлось потратить на общение с нею и попытку избавиться от ее приставаний. Выбравшись наконец на сухое место, я огляделся, ощущая растущее чувство отчаяния.

Я стоял на пустой площадке. Свет звезд озарял холмы, окружившие ее со всех сторон. Экспресс упирался носом в круто срезанный бок одного холма и явно готовился отправиться в обратный путь. Сбоку возвышалось приземистое здание вокзала. И — ни единой живой

души вокруг.

Подхватив свои вещи, я направился к вокзалу, чтобы спросить у дежурного, когда отходит последний дилижанс к Школе МИФ, но не прошел и десяти шагов, как его увидел. Темная громада дилижанса, подсвеченная двумя фонарями, высилась невдалеке, и как раз в этот миг возница щелкнул кнутом и протяжно крикнул:

— Тронулись!

Набирая ход, дилижанс поехал по направлению ко мне. Это наверняка был последний транспорт на сегодня, и я не раздумывая ринулся ему наперерез.

Крупные рогатые твари, напоминавшие знаменитых козлов Тора, вытаращили на меня глаза и встали на дыбы, а возница замахал над головой кнутом, витиевато перебирая по матери всех моих родственников, как настоящих, так и приемных, из чего я сделал вывод, что он родился в России. Я увернулся от машущих в воздухе раздвоенных копыт, вторично встретился коленкой с лужей и встал, отдуваясь.

— Что за нежить тут бродит?! — рывкнул возница. — А ну как заговором кину?

— А давайте мы! — послышались из дилижанса молодые голоса. — Чур-чур-чур! Свят-свят-свят! Коль нечистый, будь проклят! Коль...

— Стойте! — закричал я. — Мне надо попасть в МИФ, Школу магии. Я спешу.

— А чего ты там забыл? — возница, лохматый, как снежный человек, наклонился ко мне.

— Я новый учитель.

— Упс! — раздалось из дилижанса. — Пацаны, приехали!

— У мессира Леонарда все на месте, — огорошил меня возница, но тут же смягчился. — А, ладно, ради праздника подброшу бесплатно. Не ночевать же тебе посередь поля.

Подхватив чемодан и сумку с книгами, я залез внутрь дилижанса, где нос к носу столкнулся с тремя подростками лет по шестнадцати. Мы воззрились друг на друга с одинаково настороженными лицами, а потом дилижанс тряхнуло, и мы, словно кегли, попадали на сиденья. Я кому-то отдал ног, зато мне ощутимо въехали локтем в живот. Дорога была тряской, возница спешил, дилижанс мотало из стороны в сторону, а кромешная тьма не позволяла сориентироваться в пространстве... В общем, ехали мы весело.

Наконец, дилижанс остановился, и мы с облегчением выгрузились на прохладный осенний воздух. Дилижанс стоял посреди просторного внутреннего двора громадного средневекового замка. Мои попутчики подхватили свои пожитки и быстро затопали к высокому крыльцу. Я поспешил за ними, решив, что парни могут указать мне дорогу.

Навстречу мне выступил озаренный неугасимыми огнями постамент, где в вечном покое замерли семь статуй. Подростки прошли мимо, а я остановился, забыв обо всем на свете.

Это были они, Семеро Великих Магов всех времен и народов, которые в давние времена создали современную школу магии. Они первыми основали семь школ, где обучали своим искусствам будущих магов, и им до сих пор молились многие из нас.

Впереди стоял — сперва мне показалось, что это Гэндальф из «Властелина Колец» — тот же длинный плащ, та же надвинутая на глаза широкополая шляпа, тот же посох и белая борода, спускавшаяся на грудь. Справа на боку висела странническая сума, слева — меч. Он так же часто бродил по земле и тоже имел много имен: Один, Отец Битв, Создатель Рун, Похититель Меда Поэзии, покровитель гадательной магии и рун.

Справа от него стоял другой старец, уже в римской тоге — Аполлоний Тионский, современник Иисуса Христа, урожденный полубог, прославившийся созданием иллюзий и покровительствующий всем, кто занимается чувствами. Случайность помешала ему стать верховным богом для трети простых смертных людей.

Место слева досталось Веланду, покровителю предметной магии. Он был изваян полубогаженным, с кузнечным молотом и клещами в опущенных руках. Вместо левой ноги у него была деревяшка. Говорят, он единственный из Семерки до сих пор жив, ибо в его

жилах течет кровь эльфов.

Рядом с Веландом, если обходить постамент слева, стоял единственный человек, кельтский бард Талейсин, простой смертный, причисленный к лику богов за непревзойденный дар песенного слова, покровитель магии слов. Он был изваян с лютней в обнимку. Возле него в одной из своих бесчисленных поз замер Шива, бог-танцор и покровитель магии жеста. Талейсин и Шива редко оказывались порознь, ибо слово и жест объединяла музыка, превращая в песню и танец.

За их спинами нашлось место еще двоим, и этим великим магам я поклонился особо, ибо это были мои покровители.

Первым был Волх Змеевич, сын смертной женщины и зверя, бог превращений и покровитель зверей. Кольчуга сидела на нем, как вторая кожа, славянское лицо было холодно и красиво. Он был похож на зверя, ставшего человеком. У его ног сидел Цернуннос, бог-полузверь, человек со звериной головой и ветвистыми рогами. Он замер в главной своей позе — скрестив ноги и уперев руки в колени. Маг стихий — и этим все сказано. В Беловежской Пуще и Неврской Школе Колдовских Искусств мы почитали его славянского двойника, Белеса.

Неугасимые огни горели у подножия каждой статуи, и казалось, что Семеро Великих не просто так сомкнули свой строй — они ждут нападения неведомого врага и готовы дать отпор всякому, кто дерзнет нарушить их единство.

Пока я глазел на тех, чьи деяния мы, маги, почитали больше, чем простые смертные всех своих святых и пророков, вместе взятых, подростки куда-то исчезли, и я остался один. Хорошо еще, что главные двери замка были приотворены, и к ним вела широкая лестница, озаренная такими же огнями. Залит огнями был и замок, напоминая «Титаник» сразу после отплытия. Светился весь первый этаж и последний, шестой. На остальных четырех горели отдельные огоньки, да и главные башни были полны света. Вспомнив, какой сегодня день — 22 сентября, начало осени и седьмого месяца годоворота магов, — я направился в замок. Понедельник — праздник, значит, все в замке еще не спят.

Но едва я переступил порог, как меня постигло разочарование. Просторный холл был пуст. Только колонны, многочисленные статуи, украшенные гирляндами стены и несколько лестниц и плотно закрытых дверей.

Я крикнул, зовя кого-нибудь. Тишина. Где-то смеялись, танцевали и пили брагу и пунш, но холл казался вымершим. Понимая, что торчать на одном месте глупо, я со вздохом поднял свои вещи и затопал вверх по первой попавшейся лестнице.

На сто сороковой ступеньке я был готов впасть в отчаяние. Я слышал звуки музыки, иногда до меня доносились смех и голоса и даже топот ног, но никого не видел. Лестница, извиваясь, как змея среди лиан, вела меня сквозь этажи. Я был уверен, что не сходил с нее, но она шла то вверх, то вниз, а то закручивалась, как спираль. Она меня просто дурила!

— Выход в свет! — не выдержав, громко произнес я, нашарив под рубашкой амулет.

Короткая вспышка — и лестница, сразу став послушной, завершилась в начале длинного темного коридора, в дальнем конце которого горел огонь. Я с новыми силами устремился вперед, но не прошел и пяти шагов, как послышался протестующий визг и в воздух взвилось что-то белое.

— Ну это просто уму не растяжимо! — завизжало привидение, зависая над моей головой. — Нельзя уже прикорнуть в уголке и помечтать о смерти! Совсем наглость потеряли! Грязными ногами по народному достоянию! Эх, видел бы тебя дядя Федор!

— Какой дядя Федор? — машинально спросил я.

— Ну, Федор Иоаннович Рюрикович, сын Ивана Грозного! — Привидение обрело вид огромной летучей мыши с уродливой мордочкой.

Собравив наконец, кто передо мной, я отступил на шаг и вытащил из-за пазухи амулет, стиснув его в кулаке.

— Вот только этого не надо! — вскрикнуло привидение, закрываясь крыльями. — Ну что за нервный народ пошел — чуть что, сразу заклятие кидают, да поубийственнее!

Помереть тебе надо, вот что! Сразу выздоровеешь! А то ходят тут всякие...

— Вот я тебе покажу — «помереть»! — рассердился я и сделал пасс свободной рукой.

— О-ой! — Привидение кувыркнулось в воздухе, бледнея на глазах. — Ой, какие мы сердитые!.. Давай так! Ты снимаешь свое заклятие, а я не говорю преподам, кто тут шатается по этажам после отбоя. Идет?

— Не идет, — я все еще не отпускал амулета. — Я — новый учитель.

— Да ну? — Привидение всплеснуло крыльями, причем с такой силой, что они слились в одно, и, пытаясь разъединить их, летучая мышь рухнула на пол и некоторое время возилась у моих ног белесым клубком. Наконец из него вынырнула мордочка со вздернутым носом.

— Правда? А по какому предмету?

— Звериная магия.

— Ух ты. — Привидение подпрыгнуло, вытягиваясь в струнку, как перепуганный новобранец перед старшиной. — Виноват, гражданин начальник, не признал! Ей-магги, не признал! Разрешите представиться — Малюта Скуратов!

— Он же — Маленький Кожан, — перевел я.

— Для друзей — просто Кожан, — закивало привидение так яростно, что на сей раз пострадали его большие уши. Они отвалились и спланировали на пол. Малюте пришлось спускаться за ними на пол и прилаживать к голове. — Но близкие зовут меня еще короче — Нетопырь.

Взлетев, он сделал надо мной круг почета. Хотелось думать, что почета, потому что неприятных сюрпризов вроде кусочков бумаги, перьев из подушки и прочего мусора при этом на мою голову не посыпалось.

— Что угодно магу-ветеринару? — заложив третий вираж, поинтересовался Нетопырь.

— Я только что приехал и хотел бы...

— Счас-счас, все организуем в лучшем виде, — засуетилось привидение. — Извольте следовать за мной.

Взлетев, — что далось ему с большим трудом, — Малюта Скуратов устремился вдаль по коридору, не забывая жизнерадостно покрикивать: «Но, залетные! Счас в лучшем виде доставим! Пристегнуть ремни!» — и даже: «Эй, на барже! Не отставать!» А поскольку привидение в любом случае передвигается быстрее человека, мне приходилось прилагать усилия, чтобы не отстать.

Наконец сумасшедший бег по ступеням, галереям и, коридорам закончился перед высокими створчатыми дверями, из-под которых пробивался луч света. Два монстра, похожие на грифонов, зарычали на меня.

— Ну, я пошел. — Нетопырь с беспокойством воззрился на придверных зверей. — У меня еще дел полно...

И исчез прежде, чем я успел раскрыть рот.

За дверью слышались негромкие голоса. Решив, что терять все равно нечего, я постучал и, чуточку выждав, толкнул дверь.

Она открылась неожиданно легко, явив мне просторную комнату. Несколько кресел стояли вдоль стен. В центре на возвышении на треноге покачивался котел для гаданий. По стенам были развешаны картины и схемы пентаграмм, по углам притулились два шкафа и полки с книгами и пергаментными свитками.

Половина кресел была сдвинута к середине комнаты, где стоял накрытый стол с остатками праздничного ужина. При взгляде на тарталетки, полупустые салатницы и бокалы я вспомнил, что последний раз ел часов двенадцать назад.

Четыре женщины повернули головы в мою сторону. Пятым за столом был крупный угольно-черный козел с пышной гривой на шее и развесистыми рогами.

— Мессир Леонард? — Я решил не терять времени. — Я Максимилиан Мортон, тот самый, который...

— Позвольте ваш амулет.

Это произнесла немолодая женщина с холодным высокомерным лицом. Она выглядела

так безупречно, что я не просто протянул ей амулет на цепочке, но и раскланялся:

— Прошу вас, леди.

— Леди Ульфрида, — сухо молвила она, сделала пасс над моим амулетом холеной рукой знатной дамы и кивнула присутствующим: — Да, это он.

Дамы сразу заахали, сгрудились вокруг меня. Мой чемодан и сумку с книгами оставили у порога, а меня затормошили, подтаскивая к столу.

— Где же вы были, молодой человек?! — дребезжащим голосом воскликнул мессир Леонард. — Признаться, мы ждали вас с дневным экспрессом и даже выслали специальный дилижанс!

— Я опоздал к продаже билетов на этот поезд.

— Опоздали? — В разговор вступила еще одна женщина, средних лет, плотная с миловидным лицом и неприятным пронзительным голосом. — Постарайтесь впредь больше не опаздывать, молодой человек. Дисциплина — вот самое главное. Без дисциплины нет педагогики, и то, что вы — Мортон, вас несколько не извиняет. Более того, на вашем месте я бы серьезно задумалась над своим поведением, ибо столь высокое имя налагает определенную ответственность. Все беды от недисциплинированности...

— И все мировые открытия тоже, — промолвил негромкий шелестящий голос из глубины одного из кресел. Сидевшая там женщина почти полностью сливалась с ним. — Если рассудить здраво, то лишь те, кто нарушает существующие догмы, кому тесны рамки закона, кто плюет на дисциплину — только те и способны достичь чего-либо в этой жизни. Ибо они суть те, кто раздвигает горизонты для других людей, улучшая их жизнь. И пускай они ступают по терниям и непризнаны при жизни, но после смерти им воздвигают памятники. Во все века и времена были такие — бунтари, мечтатели, талантливые одиночки... маги, в конце концов!.. Мы воспитываем магов, а у мага главное качество — фантазия и вера в чудо, в то, что однажды свершится нечто, разрушающее привычный круг, и тогда...

— Ваша теория интересна, коллега Маска, но молодой человек устал, — притопнул ногой мессир Леонард. — Я весьма сожалею, что вы не прибыли раньше. В таком случае вы бы посетили наш Осенний бал и вчерне познакомились со школой, детьми и преподавателями. Впрочем, у вас будет время завтра...

— Занятия начинаются в восемь утра, — перебила директора та самая дама, что говорила о дисциплине. — У вас занятие с шестым курсом. Потом еще три пары — и после половины четвертого можете знакомиться со школой сколько влезет. Только не забудьте к следующему понедельнику предоставить мне вашу программу и план занятий.

— Морана Геррейд, — мессир Леонард качнул рогами, — юноша только что приехал. Может быть, вы повремените с подобными нагрузками?

— Пустяки, — отмахнулась дама Морана. — Наши дети и так потеряли десять дней. Будет просто преступлением, если мы позволим пропасть хотя бы еще одному дню.

— Я вас провожу. — Леди, проверявшая мою личность по амулету, взяла со стола два бутерброда и бокал и вышла, кивком головы поманив меня за собой. — Наши комнаты в одном крыле.

— Не забудьте, что на вашем попечении еще и живой уголок! — крикнула мне вслед Морана Геррейд.

Глава 2

Не помню, как я добрался до своей комнаты. Леди, представившаяся как Ульфрида ап-Элль, оставила мне бокал вина и бутерброды, поздравила с Осенним Равноденствием и удалилась, а я провалился в сон, едва бутерброды оказались в моем желудке. Собственно, я уснул за едой, и они провалились туда очень быстро — добавочное ускорение придало им мое падение в кровать.

Шесть часов спустя я стоял в огромной школьной столовой на помосте, на котором

располагались учительские столики. Мессир Леонард запрыгнул на свое персональное кресло и, пока ученики торопливо поглощали завтрак, представил меня коллегам. Едва услышав мое имя, они окружили меня, и на сей раз церемония знакомства затянулась, потому что каждой учительнице захотелось пожать мне руку и лично спросить, тот ли я самый лорд Мортон.

Вчера в учительской я видел далеко не всех — большая часть педагогов в первом часу ночи уже спала. Остались лишь те, кто дежурил на Осеннем балу. Морана Геррейд оказалась завучем и преподавателем магии рун. Леди Ульфрида — магии стихий. Дама Маска, которая рассуждала о запретах и фантазии, — магии иллюзий. Она меняла наряды иногда по несколько раз в день, и уже через неделю я пришел к выводу, что вся высокая мода не только мира магов, но и простых смертных работает лишь для того, чтобы обеспечить Маску нарядами.

Остальные учителя тоже были весьма своеобразны, но сейчас я ограничусь лишь краткими характеристиками.

Маленькая старушка с седым пучком волос и очками на носу, дама Труда, была преподавателем по предметной магии. Она вечно что-то вязала и смотрела на всех ласково и снисходительно. Магию слова преподавала Сирена — ее мягкий журчащий голос до сих пор стоит у меня в ушах. Стоило ей заговорить, как слушатели забывали обо всем — и это при том, что она вечно одевалась нарочито небрежно, в какие-то балахоны и накидки.

Магия жеста и танца была представлена Лыбедью — шикарной блондинкой в столь декольтированном платье, что я побагровел, когда она представилась мне, а дама Морана сделала коллеге замечание «за растление малолетних». Это я-то малолетний? Впрочем, строгая завуч наверняка имела в виду школьников.

Вторым завучем была Берегиня — мускулистая старуха в кожанке с длинной седой косой на груди. Она вечно курила, и даже здороваясь со мной в первый раз, не выпускала изо рта трубки. Она преподавала в школе боевую магию.

Смуглая худощавая Лилита была специалистом по начальной магии — предмету, с которого начиналось обучение в любой школе, независимо от последующей специализации. Приветствуя меня, задержала мою руку в своей ладони и улыбнулась:

— Скажите, а это трудно — быть Мортоном?

— Невероятно трудно, — сознался я. — Тем более что я до сих пор не подозреваю, чего от меня все ждут.

Лилита подмигнула мне и понимающе кивнула головой. Это добило меня окончательно — она, должно быть, уверена, что я скрываю какую-то тайну.

Кроме женщин, были здесь и мужчины, чему я обрадовался. Магию превращений преподавал плотного сложения тип средних лет, Спурий Волчий Хвост, всем своим видом наводивший на мысль об огромном звере. Когда нас познакомили, он от полноты чувств едва не сломал мне кисть и жизнерадостно воскликнул на весь зал:

— Рад знакомству, Мортон! Теперь нас будет трое в этом курятнике, а?!

Третьим оказался преподаватель зелий и ядов, Черный Вэл, упорно требовавший, чтобы его именовали лордом. Он мне ничего не сказал, даже не подошел знакомиться, только смерил придирчивым взглядом с ног до головы. Мне же его худое бледное лицо, глубоко посаженные черные глаза, презрительный рот и горбатый нос не понравились сразу. Хотя, с другой стороны, делить нам было нечего.

Ну и наконец, двое не совсем людей. Мессира Леонарда, директора Школы МИФ и преподавателя по потустороннему миру, я уже представлял. Тринадцатой была Невея Виевна, нежить из рода лихорадок. В ее ведении находилась, как ни странно, целительная магия и школьный медпункт. Невея Виевна материализовалась перед моим носом, холодно улыбнулась, но прикоснуться ко мне не стала, погрозив костлявым пальцем:

— Уже мечтаешь попасть в больницу?

— Надеюсь, вы со всеми познакомились? — Дама Морана тут же вклинилась со своими замечаниями и взяла меня под руку. — Занятия начнутся через полчаса. Вы как раз

успеете дойти до кабинета. Советую не опаздывать на первый урок. Вы должны сразу дать понять детям, что такое дисциплина.

Аудитория для занятий звериной магией находилась в непосредственной близости от моей комнаты — надо было лишь пройти дальше по коридору к соседней двери. Помещение состояло из двух частей — лекционной и небольшого кабинета. К аудитории примыкал живой уголок, соединявшийся с моей комнатой тамбуром.

По первости я все-таки немного замешкался и переступил порог класса, когда урок уже начался. Тридцать мальчишек и девчонок пятнадцати-шестнадцати лет сидели за расположенными полукругом столами и во все глаза смотрели на меня. Лекция была спаренной — обычно обучение в школах магии раздельное, — поэтому все места были заняты. Во взглядах детей было столько недоверчивого внимания, что я почувствовал себя неуютно, словно первоклашка, нарвавшийся " темном коридоре на банду старшеклассников.

— Здравствуйте, — сказал я, кашлянув и открыл классный журнал, пробегая взглядом череду имен и фамилий. — Я ваш новый учитель по звериной магии...

— Значит, это правда?! — ахнул какой-то мальчишка.

— Что — правда?

— Ну... что вы... то есть... — Он засмутился. — Дэвид говорил, что в школу приехал новый препод... то есть вы.

— А что, вы ждали кого-то другого?

— Да, то есть нет, — ребята заговорили все разом. — Мы думали, опять дама Морана придет.

— А разве у вас сейчас по расписанию не звериная магия?

— А ей плев... то есть она всегда замещает заболевших учителей и проводит с нами дополнительные занятия.

— Магия рун — очень важная магия. Собственно, магия потустороннего мира и магия начал многое взяли от нее, — сказал я.

— Да ну ее! Задолбала со своими рунами! А у нас уже специализация началась! — возмущенно загомонили мальчишки и девчонки. Похоже, ребята не видели во мне учителя — я, скорее, был новым человеком, с которым можно было поделиться наболевшим. Что ж, в свое время я и сам недолюбливал некоторых преподавателей, не сумевших привить мне любовь к их предмету, поэтому некоторое время слушал учеников.

— Хорошо, а теперь давайте вернемся к уроку. Наша тема...

— Успеется. — Тот же парень, что первым задал вопрос, развалился на сиденье поудобнее. — Лучше расскажите о себе.

— Что?

— Ну, кто вы и откуда. Должны же мы знать, кто нас будет учить.

— Хорошо, — вздохнул я. Правду сказать, мне не хотелось вот так, с ходу окунаться в учебный процесс. — Меня зовут Максимилиан лорд Мортон. Я сирота — мои родители погибли, когда я был маленьким. Воспитывали меня... очень хорошие люди.

— Если они хорошие, чего ж вы от них уехали? слышался ехидный голос с задней парты.

— Это к делу не относится. Захотел — и уехал, — рассердился я. — Немного работал в зоопарке...

— Ух ты! — Класс оживился. — А вы там за кем ухаживали? А вы василиска видели? А на что он похож на самом деле — на змею или петуха? А на драконах вы летали? Чтобы верхом, а не на дракоморане? А Алконоста слушали? А...

Они буквально закидали меня вопросами.

— Тихо-тихо! — еле остановил их я. — Давайте так — вы сперва записываете лекцию, а потом мы поговорим. Идет?

Восторги утихли, как по волшебству.

— А лекция долгая? — робко поинтересовалась какая-то девочка.

— Как будете записывать. Ну что, начнем?

Ребята завздыхали, но полезли за перьями и тетрадями.

— Итак, тема «Классификация мифических животных. Причины и последствия проявления магических свойств». Записали? Слушайте.

Мифические животные — далее МЖ — делятся на хтонических чудовищ, как-то: Мировой Змей Йормунггард, Мамонт, Черепаха, на которой стоит мир, и так далее, антропоморфных — сирены, русалки-фараонки, богинки, лебединые девы, дивьи люди...

— А у нас есть одна такая! — встряли с задней парты. — Дама Сирена знаете, что скрывает под своим балахоном...

— Это к теме не относится, — возразил я.

— Еще как относится! — Парень даже отбросил перо. — Сами посудите — она Сирена и они — сирены.

— Встань, — распорядился я. — Как зовут?

— Да ну! Да чего? — заныл он. — А чего я сказал?

— Ладно тебе, Крис, — буркнул его сосед. — Засыпался, ничего не попишешь.

— Итак, Кристиан, — я внимательно посмотрел на мальчишку, — может быть, ты нам объяснишь, как выглядят сирены? Чтобы мы не перепутали их с дамой Сиреной?

— Ну, они это... не люди, вот. И поют.

— Очень полная зоологическая характеристика. Ладно, Кристиан, садись. Сирены относятся к антропоморфным птицедевам и входят в тот же отряд пернатых, что и Гамаюн, Алконост и богинки. Нижняя часть их тела — птичья, а верхняя — человеческая. Причем богинки выделены в отдельную подгруппу, так как у них кроме женских особей встречаются и мужские. Сирены размножаются партеногенезом. Это амазонки среди антропоморфных зверей.

— А русалки? — подал голос кто-то.

— Русалки относятся к другому отряду. Кроме того, не путайте водяниц и мавок — настоящую нежить, — с албасты и фараонками. У последних существуют самцы и самки, а нежить к воспроизводству себе подобных практически неспособна... Итак, продолжим. Кроме этих существ, есть животные собственно мифические — Единорог, Василиск, Гиппогриф, Скарапея, Семаргл-Переплут и другие. Их количество ограничено, многие находятся на грани исчезновения, а другие и вовсе истреблены человеком. Еще одна группа — криптозвери. Многие из них известны и простым смертным. Это снежный человек, морские змеи...

— Несси, Кракен, мамламбо, — опять донесся голос с задней парты.

— Именно они, — кивнул я. — А также те самые албасты и фараонки. Эти две последние формы жизни очень древние, и есть мнение среди ученых авторитетов, что большинство криптозверей и антропоморфы имели общих предков. Ну и наконец, самая большая группа мифических животных — это звери, наделенные Силой, звери-символы. Например — собака. Это и Грumanский Пес, и Собака Баскервилей, и воплощение Семаргла. Кошка — это и кошки богини Фрейи, и Сфинкс. Волки — Гери и Фреки великого Одина, а также знаменитый Фенрир сын Локи и Белый Князь Волков. Конь, корова, петух — список можно продолжать. У большинства этих зверей есть мифические прототипы, но и самые обычные собаки, кошки и лошади при определенных условиях тоже способны на проявление волшебных свойств...

Здесь я оборвал сам себя, потому что, обводя взглядом класс, заметил, что в аудитории добавился новый человек. Худой, болезненно-бледный подросток в старомодном одеянии — батистовая рубашка с кружевами, широкий пояс, бриджи, чулки и башмаки с пряжками — сидел на краю передней парты и торопливо что-то строчил на длинном пергаменте, кажущемся бесконечным, как лента Мёбиуса.

— Ты кто такой? — спросил я.

Юноша перестал писать и сделал нетерпеливый жест рукой — мол, потом, сперва лекция.

— А это Прилежный Ученик, — просветил меня Кристиан. — Он привидение.

Незнакомый юноша оторвался от своих пергаментов и помахал ладошкой. Вглядевшись, я заметил, что он слегка прозрачен. Но еще больше, чем наличие в классе привидения, меня поразило то, что одно из них явилось при дневном свете!

— Да он безобидный. Просто пришел с вами познакомиться, — объяснили мне ребята. — Таскается на все лекции с утра до ночи, а ночами сидит в библиотеке.

Прилежный Ученик был действительно одним из привидений Школы МИФ. Когда-то давно он был настоящим человеком, но, одержимый идеей познать все на свете, дошел до того, что сам не заметил, как стал призраком и наконец-то мог не тратить время на сон, еду и отдых.

— Вот классический пример того, что много учиться вредно — можно заучиться до смерти, — назидательно промолвил второй мой главный собеседник, Дэвид, и прикоснулся к своему амулету: — Развеять?

— Зачем? — улыбнулся я. — Пусть сидит. Мне он не мешает, а знания не бывают лишними.

Постепенно я снова увлекся лекцией. Сделать это было просто — мифические животные мне всегда нравились, и я готов был рассуждать о них часами. Опомнился я только когда прозвенел звонок, знаменуя окончание занятия. Но на самом деле это было только начало — меня ждали еще четыре урока — трех третьих классов и одного седьмого.

Выжатый, как лимон, чувствуя, что посадил с непривычки голос и завтра буду читать лекции шепотом, я поплелся в учительскую. Каждый педагог был обязан в конце своего рабочего дня посетить ее — вдруг завучу придет в голову что-то сообщить.

Переступив порог, я сперва решил, что у меня дежа-вю. В центре стоял накрытый стол, вокруг него были расставлены кресла и теснились женщины. Все, как вчера вечером — за исключением того, что тут был весь педколлектив, а блюда и напитки на столе стояли нетронутыми. Когда я закрыл за собой дверь, учителя громко, но недружно прокричали:

— Поздравляем с боевым крещением!

— Мы рады тому, что вы среди нас! — прожурчал голос Сирены, и она, колыхаясь многочисленными юбками и оборками, подошла и взяла меня за руку. — Вы — сама юность и свежесть. И надежда на то, что наша трудная стезя не зарастет терниями и волчцами, ибо вниз каждый катится сам, а вверх, к свету и знаниям, идти нелегко. Для нас это счастье, для нас это — жизнь во всех проявлениях ее.

Сирена подвела меня, слегка оглушенного звуками ее голоса, к столу. В руки мне сунули бокал и протянули на тарелочке тартинку.

— За нового члена нашего коллектива! — воскликнул мессир Леонард. Сам он, как я заметил, бокала не поднимал. Перед ним на столе стояли две плошки — в одну был налит пунш, а в другой покрошен салат.

Здесь было принято самообслуживание, но все учительницы почему-то сразу кинулись ухаживать за мной. Они наперебой предлагали мне то тартинку, то бутерброд, то салатик, то еще пунша, то угощали сладостями. Из-за своей застенчивости неискушенный в общении с дамами — рядом с красавцем Эрастом я всегда проигрывал в глазах девушек — я стеснялся, и был едва ли не благодарен даме Моране, когда она вдруг сказала:

— Может быть, хватит? Максимилиан, как вы нашли живой уголок? Пожалуйста, подумайте, кого из опасных тварей надо в нем ликвидировать?

— Ликви... что? — не понял я.

— Вы не знали? Я думала, что леди Ульфрида вам все объяснила вчера вечером, когда провожала в вашу комнату. — Завуч бросила на преподавательницу магии стихий убийственный взгляд. — Вашу предшественницу покусали бешеные шуликуны! В школе развели неоправданно много животных. Их притаскивали даже сами дети, что недопустимо. В конце концов от скученности и при отсутствии квалифицированной ветеринарной помощи там стали возникать болезни. Раз вы специалист, вы должны вылечить больных и подать список тварей, которых следует отправить на ликвидацию. Мы не можем держать в школе опасных зверей!

— Простите, — моргнул я, — но я еще не был в живом уголке.

— То есть как?

— Вчера было уже поздно, а сегодня с утра...

— Можно было хотя бы заглянуть! Отправляйтесь немедленно!

— Но...

— И не забывайте — вы еще должны написать мне четыре программы — отдельно для третьего курса, отдельно для четвертого, шестого и седьмого, где у вас занятия. И подать список расписания факультативов.

У стола воцарилось неловкое молчание. Корпоративный междусобойчик был забыт. Но самое главное — меня поразило то, что директор и большинство женщин спокойно отнеслись к устроенной мне выволочке. Я поставил бокал на стол, положил недоеденный бутерброд.

— Хорошо, — промолвил я в наступившей тишине. — Я могу идти?

— Идите, — с видом победительницы кивнула дама Морана.

Я вышел, но не успел пройти и пяти шагов, как меня осторожно потянули за рукав. Я обернулся — маленькая дама Труда смотрела на меня сквозь толстые стекла очков.

— Не пугайтесь, деточка, — мягко проговорила она. — Программы уже есть — ваша предшественница все написала. Вам надо только изменить кое-что, подправив их для себя лично. И с животными вы справитесь. А на даму Морану не сердитесь. Она все делает правильно.

Впоследствии я узнал, что строгая завуч повышает голос на всех и каждого, и единственный, кто избежал подобной участи — сам директор, да и то потому, что он был в ладу с потусторонним миром и запросто мог ответить магией на интриги своей подчиненной. Даже сын дамы Мораны, и тот предпочитал встречаться с матерью лишь трижды в год — на празднике Йоль, на празднике Бельтан и в день своего рождения. А дама Труда находила оправдание всему — даже банальным кнопкам, которые с завидным постоянством подкладывали ей ученики. Но в тот момент мне было обидно.

Однако стоило мне переступить порог живого уголка, обида куда-то исчезла. Живой уголок находился в большом полутемном зале, где два окна заросли пылью и паутиной, на полу и стенах виднелись потеки грязи, в углах скопился мусор, а клетки, лохани с водой и вольеры теснились в беспорядке. И запах... Вонь стояла ужасная. Даже так — УЖАСНАЯ! Похоже, сюда никто не заходил с начала учебного года, а если и заглядывали, то только чтобы вывалить в кормушки объедки из школьной столовой.

Оставив дверь открытой, чтобы хоть немного проветрить помещение и поскольку боялся, что потеряю сознание от вони, пока буду возиться с замком, — я осторожно пошел между клеток, разглядывая их обитателей. Одни встречали меня громкими криками, другие молчали, но это молчание было весьма выразительно!

Все было плохо. Клетки заросли грязью. В аквариумах вода приобрела буро-зеленый цвет с бензиновыми разводами. Кажется, единственным, кто хорошо себя чувствовал, был гриф. Он разорвал на клочки собрата и наслаждался кровавым пиршеством. Да еще аспиды. Эти впали в спячку и не замечали ничего.

Хуже всего дело обстояло с албастами. Из шести трое не подавали признаков жизни и всплыли брюхом кверху. Темные пятна на боках и едкий запах свидетельствовали, что для них все было кончено.

И еще плохо пришлось шуликунам — тем самым, которые покусали учительницу. Их клетка была окутана тройным слоем магической защиты и прямо искрила, а маленькие козлоногие человечки бегали, визжали и скакали, бросались на прутья и, обжигаясь, бились на грязном полу в судорогах.

Я присел перед клеткой на корточки. Шуликуны мигом перестали метаться и сгруппировались в кучку, прожигая меня злобными взглядами. Я сжал в кулаке амулет, проговаривая заговор на нечистую силу — и шуликуны отпрянули, визжа от злости.

Мальчишкой я часто ходил в живой уголок в родной школе. Там тоже были шуликуны,

но совершенно ручные — их можно было даже выпускать побегать, они отзывались на клички и могли выполнять простейшие команды. А все потому, что мой учитель сумел подобрать к ним ключик и научил этому и меня.

Оставив клетку, я порылся по углам и нашел то единственное, что могло отвлечь шуликунов, — старый халат, фартук с рваными завязками, две алюминиевые миски и гнутую ложку. Шуликуны завизжали от удивления, когда я распахнул дверцу и швырнул все это на пол клетки, а потом скопом ринулись разбирать игрушки. Не прошло и минуты, как двое уже играли в прятки, ползая в складках халата, еще один нацепил на себя фартук и разгуливал по клетке, волоча его за собой наподобие мантии, а трое других колотили мисками и ложкой друг друга. Под их счастливые вопли я совершенно спокойно убрал из клетки толстый слой грязи и заменил заклинания, сняв все лишние блокировки и перенацелив оставшиеся. Клетка перестала искрить, и шуликуны немедленно отреагировали на это — троица перестала тузить друг друга и принялась бить по прутьям ложкой и мисками, наслаждаясь звоном и скрежетом. Порывшись в карманах, я нашел обрывок веревочки и старую пуговицу и отправил туда же — пусть играют, — и под аккомпанемент радостного визга занялся уборкой остальных клеток.

Живой уголок Школы МИФ заслуживал скорее названия зоопарка. Кроме грифов, албастов и шуликунов, там были аспиды — целых шесть штук, два грифона, пораженных пухоедом, пара волков, худых, как стиральные доски, две Жаравь-птицы, пара молодых драконов с потускневшей чешуей, восемь змей, грязный, с клочьями летней шерсти единорог, которому было слишком тесно в крошечном вольере, козлерог, выглядевший немногим лучше, змея Скарапея, голодная и потому злая, небольшая стайка фараонов, у которых от гнилой воды началась экзема и чешуя отваливалась с хвостов клочьями, два дива в отвратительном состоянии и мавка, прозрачная, как туман. Еще немного — и она бы исчезла совсем, настолько была плоха. Больше половины зверей нуждались в ветеринарной помощи, с момента болезни учительницы их никто не кормил, сама комната тоже заросла грязью, и я потратил остаток дня только на то, чтобы вычистить эту помойку. К вечеру прутья клеток и стенки вольер и аквариумов были отчищены, я залил новую воду албастам и фараонкам и переставил террариум с аспидами поближе к окну, а Жаравь-птиц выпустил полетать. Но работы все равно остался непочатый край. Нужно было почистить чешую драконов, змей и фараонов, обработать оперение грифонов и Жаравь-птиц, вымыть волков и единорога — подозреваю, что звери не будут от этой процедуры в восторге, а еще... В общем, к тому времени, как я закончил оказывать всем обитателям зоопарка первую помощь и накормил их, время неуклонно приближалось к полуночи.

Наконец я запер за последним обитателем зоопарка клетку и перевел дух, озираясь по сторонам. Шуликуны притихли, свив себе гнездо из старого халата и фартука. Жаравь-птицы и дивы отчаянно чистили перья, а фараонки сердито шлепали хвостами, недовольные тем, что их вымазали едкой мазью. Волки и Скарапея прижались к прутьям клеток, следя за мной пристальными взглядами — надеюсь, не с гастрономическим интересом.

— До завтра, — сказал я прежде, чем погасить свет.

В террариуме, где жила мавка, что-то шевельнулось. Полупрозрачное лицо с полными страдания глазами оборотилось в мою сторону.

— Мы будем ждать, — прошелестела она.

Так началась моя жизнь в Школе МИФ. Я вскакивал в половине седьмого утра, чтобы успеть заглянуть в живой уголок — хвосты фараонкам требовалось смазывать четыре раза в день, — и бежал на занятия. — восьми до четырех с часовым перерывом на обед я читал лекции, а потом до вечера чистил клетки, ухаживал за драконами, выгуливал единорога и козлерога, кормил зверей.

Завтракали и обедали учителя вместе со школьниками, а ужинали кто как. Я, занимаясь живым уголком, Всегда опаздывал к общему для учителей ужину и приспособился ужинать в одиночестве.

Впрочем, не один я игнорировал общий стол. Невея Виевна, будучи лихоманкой, почти

не появлялась среди нас. Как и специалист по зельям и ядам, наш «господин отравитель» Черный Вэл. Хотя я бы предпочел, чтобы вместо него тягой к уединению страдала наша завуч дама Морана Геррейд. Вот от кого мне всегда хотелось держаться подальше! Да и не только мне. По-моему, ее не боялся только наш директор мессир Леонард.

Первый же выходной я потратил на то, чтобы познакомиться со школой поближе. Официально замок имел шесть этажей и три крыла, но на самом деле, как и любая школа магии, внутри был сложнее, чем снаружи. Вскоре я убедился, что по нему можно блуждать часами и все время оказываться на одном и том же месте.

На первом этаже замка кроме парадного холла находилась библиотека, школьная столовая, танцзал, зал спортивных занятий и кабинет зельеварения. Второй и третий этажи были жилыми. Кроме большой спиральной лестницы, их соединяли между собой и с четырьмя башнями более полутора десятков малых лестниц и запасных ходов, открывавшихся с помощью магии. Кстати, учителя жили рядом с учениками.

Четвертый и пятый этажи были заняты кабинетами и аудиториями, на пятом этаже помещался кабинет директора, а на четвертом находились учительская, живой уголок и апартаменты вашего покорного слуги. Большая же часть шестого этажа была отведена под вместительный зал, использующийся для проведения торжественных приемов и балов, тут же были расположены больничное крыло и аудитории для занятия потусторонней магией.

Что касается башен, то в них можно было попасть практически с любого этажа — надо было только знать, какая лестница куда ведет. Ибо лишь большая спиральная соединяла все этажи между собой, остальные были куда хитрее. Ближайшая к моей двери лестница, например, вела из моего правого крыла четвертого этажа в левое крыло шестого, а если бы вы стали по ней спускаться, то очутились бы сразу возле библиотеки, минуя третий и второй этаж. Запомнить, куда и по какой лестнице надо идти, было очень сложно. В начале семестра путался не только я, но и многие первокурсники.

Внутри школа здорово напоминала средневековый замок — каменные колонны, сводчатые потолки, нарочито грубая мозаика на полу, стрельчатые окна со старинными витражами, светильники в виде факелов и каменные горгульи. Мебель и состояние канализации тоже были выдержаны в духе времени. Не то, что Неврская Школа Колдовских Искусств — она только снаружи напоминала деревянный храм. За порогом все было оборудовано по последнему слову магического дизайна — все блестящее, новенькое, стильное. Впрочем, здесь мне тоже понравилось.

В то утро — заканчивалась вторая неделя моей работы в школе — меня разбудил колокольный трезвон, раздавшийся в шесть утра. Подобные звуки означали, что вас призывает директор. Ломая себе голову над тем, что мессир Леонард хочет от меня в такую рань, я кое-как оделся и бегом бросился по сонным коридорам в его просторный кабинет, совмещенный с учительской. Из-за необычайной внешности — в любое другое время я бы и о нем читал лекции как о мифическом животном — мессир Леонард жил прямо на рабочем месте. Впрочем, не стоит забывать, что и моя комната отделялась от живого уголка только тамбуром.

Когда я примчался в учительскую, выяснилось, что директору понадобился не я один. В сборе были все педагоги. Даже Невея Виевна, бледная до зелени, маячила где-то под потолком, как привидение, страдающее бессонницей. Я прибыл предпоследним — уже после меня в помещение вплыла, томно закатив глаза и зябко кутаясь в шелковую шаль, Сирена — она по полночи проводила за сочинением стихов и сейчас явно еще не отошла от творческого экстаза.

Когда мы собрались, мессир Леонард пристукнул копытом — я заметил, что он стоял в центре наспех нарисованной пентаграммы, — и стены на миг вспыхнув ли зеленоватым светом. Невея Виевна спустилась с потолка на пол.

— Уважаемые коллеги, — дребезжащий голос мессира Леонарда дрогнул, — я призвал вас сюда, чтобы сообщить... м-м... В общем, прошлым вечером произошло важное событие, и я хочу, чтобы вы это знали. Комната защищена тройным кольцом временной хронопетли,

поэтому ни одно слово не выйдет из этих стен — и, надеюсь, из ваших уст. Советую всем поставить уже сейчас мысленный блок, чтобы никто, даже ненароком...

Нахмурившись, директор грозно обвел нас взглядом. Дождавшись, пока все выполняют его требование, он продолжил:

— Каждый вечер я настраиваю свой котел, дабы узнать, что происходит в мире. Вы знаете, что МИФ расположена в глуши и новости доходят до нас с опозданием. Поэтому я и слежу за выпусками эфира. Об этом событии я узнал еще вчера вечером, но дал вам выспаться. Кроме того, я надеялся, что за ночь в этом деле появятся новые подробности... Итак, очередной выпуск через полторы минуты. — Мессир Леонард взглянул на большие песочные часы. — Прошу вас, коллеги!

На небольшом возвышении на треноге стоял плоский котел, бока которого были испещрены рунами. Он использовался и для гаданий, и для приема эфирных видео — и звукопередач — совсем, как моя личная чаша. Но если я мог принимать максимально частоту «100», то у директорского котла разрешение было в 760 единиц, и он мог запросто ловить телевидение простых смертных — роскошь, о которой мне оставалось только мечтать.

Судя по уровню воды в котле, частота была «111» — для важных общественных новостей и правительственных сообщений. От воды исходил сильный травяной дух.

Мы сгрудились около котла. С наибольшим комфортом расположились только Невея, опять взмывшая к потолку, и сам директор. Он встал на задние ноги и сделал передними несколько пассивов. Мессир Леонард всегда колдовал, не прибегая к амулету. Поверхность воды пошла рябью, в глубине возникла стандартная заставка — передача предполагалась звуковая, без картинки.

— Немного раньше начали, — пробормотал директор, услышав постепенно усиливающийся голос.

— ...беспрецедентный случай, — произнес диктор. — Вчера, за четверть часа до заката, стало известно о побеге из района Диких Гор известного колдуна вуду, бывшего лидера печально известной в прошлом секты Светлый Путь Белого Мигуна. Мигун содержался в пещерах особого уровня, запечатанных еще при Александре Македонском. За две тысячи четыреста лет это первый случай, когда преступнику удалось преодолеть подобную защиту. К расследованию дела подключены лучшие следователи. По следу пущено шесть Искателей, но пока ни один не взял след. Несмотря на принятые усилия, способ побега остался неизвестен. Есть ли у Мигуна сообщники на воле — также неизвестно. Каковы его цели и где он сейчас находится — неизвестно. Власти уверяют, что повода для беспокойства нет, однако элитные части Спецназа Инквизиторов на всякий случай приведены в полную боевую готовность. Слушайте программу «На гребне эфира» — мы всегда в центре событий! Только у нас — самая свежая информация.

Мессир Леонард тронул копытом поверхность воды — и голос пропал.

— Почти то же самое, что я услышал вчера вечером, — сказал он. — Разница в том, что вчера было сказано всего о двух Искателях. Ничего не изменилось.

— Хм, как сказать, — скривилась Берегиня. — За ночь изменилось количество Искателей. Это уже немало. Держу пари — к будущей полуночи их число возрастет до тринадцати.

— Ваша шутка неуместна, — отозвалась дама Морана. — Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

— Тоже мне, проблема, — скривилась преподавательница боевой магии. — Я еще двадцать лет назад высказывалась за то, что этого маньяка надо казнить. Нет, правительство хотело подлизаться к Сообществу Стран Старого Света и решило быть гуманным! Вот и получило головную боль. Убийц надо убивать — вне зависимости от того, что там лепечут о правах человека.

— Кажется, вы тоже убивали? — парировала дама Морана.

— Это была война. — Старуха вытащила трубку.

— Я приказываю немедленно прекратить спор! — Мессир Леонард пристукнул копытом по полу. — Не время ворошить прошлое, надо думать, как справиться с настоящим. Опасный преступник вернул себе свободу. Вы понимаете, чем это грозит нам? Нашей школе? В опасности все дети — от новорожденных младенцев до подростков. Подростки в большей мере — ибо двадцать лет назад Белый Мигун делал ставку именно на них. Сейчас они уже выросли, но у тех, кто когда-то был в секте, успели родиться свои дети. И кто знает...

— Я немедленно просмотрю списки школьников, — отрапортовала дама Морана. — Если среди наших учеников есть дети бывших сектантов, придется принимать меры.

— Меры придется принимать в любом случае. Пока не будет выяснено что-либо определенное, школа переводится на осадное положение. Все письма просматривать, дама Маска, это по вашей части. Берегиня, вам стоит еще раз проверить внешний круг защиты. Дама Морана...

— Я раскину руны — вдруг там будет найден совет.

— Хорошо. Ну и всем остальным педагогам следует посвятить учебные часы защите — каждому по своей специальности. Начиная от элементарной самообороны и заканчивая противоядиями и контрзаклинаниями от темных сил.

— И не забудьте, коллеги, — встряла дама Морана, — что недостающие часы вам придется потом отрабатывать. Школьная программа должна быть освоена детьми в полном объеме, несмотря ни на какие чрезвычайные ситуации. Идите, готовьтесь.

Невея Виевна что-то прошипела сквозь зубы и растворилась в воздухе. Вслед за нею один за другим покинули учительскую все остальные.

Я немного задержался в дверях, пропуская вперед наших дам. Спурий Волчий Хвост улизнул вместе с ними, а Черный Вэл приостановился, изучающе взглянул мне в лицо, но ничего не сказал.

— Мессир Леонард, — позвал я, плотно прикрывая дверь.

— М-м? — Директор уже просматривал толстый свиток, ловко удерживая его передними копытами.

— Простите, но... Вы ничего не хотите мне сказать?

— Вы о чем, Максимилиан? Что я должен вам сказать?

— Не знаю, но, мне кажется... Белый Мигун... Вы, наверное, не знаете, кем были мои родители.

— Знаю. Что дальше?

— Вы знали? — воскликнул я. — Вы знали, кем были мои родители, и все-таки взяли меня на работу?

— А что в этом такого? Я не заглядываю в будущее — это дело дамы Мораны. Впрочем, она раскидывала на вашу кандидатуру руны. Выпали три комбинации, во всех трех повторялась руна Кано. О подробностях вам лучше спросить саму даму Морану.

— Я так и поступлю, — машинально пообещал я, но не сделал к двери и шага. — И все-таки, мессир... Я не понимаю. Мои родители были сектантами. Неужели это вам ни о чем не говорит? Неужели вы ничего не думаете? Не подозреваете? Неужели вам духи потустороннего мира ничего не открыли... обо мне?

— А кто вы такой, что духи должны знать вас? Что вы совершили? — отмахнулся от меня мессир Леонард, но я кожей чувствовал, что он уходит от ответа. Директор явно что-то знал.

— Скажите мне все! — потребовал я. — Я обязан знать правду! Мне уже несколько раз намекали на то, что я Мортон!

— Ну и что?

— Как — «что»? У всех, с кем я сталкивался, весьма странная реакция на это имя. Как будто мой отец совершил нечто ужасное!

— Ну, почему сразу отец? Может быть, дело в вашем семействе, к которому вы имеете честь принадлежать?

Я был ошарашен таким поворотом дела. Вспомнилось странное письмо — там говорилось, что я девятый Максимилиан в роду Мортонов и представитель тридцать седьмого поколения этого рода. Вообще-то я слышал, что Мортоньё кое-чем знамениты, но в семействе Графов, где я воспитывался, это было запретной темой, и сейчас я, как ни старался, не мог вызвать из памяти ничего путного.

Мессир Леонард тем временем отвернулся и скользнул взглядом по рядам высоких, до потолка, книжных полок, заставленных книгами и заваленных манускриптами. Повинуясь мысленной команде, стандартная красная папка спланировала на пюпитр перед его мордой и раскрылась.

— Сам не понимаю, почему не уничтожил эту папку раньше, — пробормотал он. — Из всего выпуска никто не достиг особенных высот, и хранить ее не было смысла. А вот подика! Как живые...

Я подошел, заглянул через мохнатое плечо. Сто сорок юношей и девушек — молодые маги, каждый под своим колдовским именем, которое маг принимает, пройдя посвящение. Рядом портреты преподавателей — обычный памятный адрес. У меня хранился такой же в память о Школе Искусств — там до сих пор портрет Анастасии Мельник из Дедославля обведен алым в знак любви. Я пробежал глазами череду незнакомых имен и лиц и вдруг заметил сбоку еще одно.

Девочка лет четырнадцати, с длинными светлыми, почти белыми косами. Глаза ее горели огнем. В них светились воля, ум, сила и жизнелюбие. Она была явно моложе остальных выпускников, да и портрет ее был другим — любительский снимок, наклеенный косо и наспех.

— Женевьева фон Ньерд, — прочел я вслух.

— Она была удивительно талантлива. Самородок. Неограниченный алмаз, — мечтательно промолвил мессир Леонард. — И к тому же красавица. Но — с тяжелым характером. Школа стонала от ее проказ. Малютка Женни верховодила целой бандой мальчишек — все были на год-два старше ее, но слушались эту пигалицу, как родную мать... Кстати, «фон Ньерд» не описка. Она действительно праправнучка того самого вана Ньерда из Асгарда. Кроме старших детей, Фрейра и Фрейи, от второй жены, Скади, у него было трое детей. Женевьева внучка младшего из его сыновей... Женни сбежала в секту, уведя с собой всю свою банду. Каюсь, я вздохнул свободно, когда ее не стало в этих стенах. Дисциплина сразу поднялась на недостижимую высоту. Правда, мы перестали брать первые места на олимпиадах по стихийной и словесной магии... Что уставился? — совсем другим, резким тоном промолвил директор. — Да, я действительно знал твою мать. Она училась в нашей школе. Ее бывшие однокашники закончили МИФ как раз в тот год, когда ты родился. Половины из них нет в живых — погибли, когда боевики Белого Мигуна вышли из подполья.

Я тупо уставился на памятный адрес. Раз за разом возвращаясь взглядом к снимку матери, я с опозданием заметил, что имена почти всех юношей заключены в темные рамки.

— Они специализировались на боевой магии и магии жеста, — объяснил мессир Леонард. — И пошли добровольцами.

— А мой отец? — спросил я. — Вы знали моего отца?

— Нет, — качнул головой директор. — Твой отец учился в особой спецшколе, куда не принимали всех подряд. Детей туда к воротам подвозили личные шоферы, а преподаватели дрожали над каждым учеником. Элитный Колледж Чародейства для детей богатых и знатных магов! Твой отец был лордом — тебе это о чем-нибудь говорит? Да если бы не секта, твои родители вообще не должны были встретиться! Я и видел его только один раз — когда по всем каналам передавали запись ареста четырех Мортон. Женевьева несла тебя на руках. Я сразу ее узнал — она нисколько не изменилась. Ты похож на нее, но слишком высок ростом, наверное, в отца.

Я посмотрел на снимок девушки с горящими глазами. Несмотря на прошедшие годы, он не потускнел. Казалось, приложи усилие — и мать оживет. К сожалению, у меня не было ни одной фотографии настоящих родителей, и я просто не знал, какими словами обратился

бы к ней.

Мессир Леонард качнул рогами.

— Через полчаса начнутся занятия, — сказал он. — Вам следует успеть подготовиться... Это можете взять с собой. Если пожелаете.

Он опять стал неприступно-официальным, но сейчас я был ему за это благодарен. Я молча взял красную папку со снимками класса и пошел к себе, не отрывая взгляда от лица Женеьевы фон Ньерд.

С того дня мы вскакивали в шесть утра, чтобы собраться над вещательным котлом и с замиранием сердца слушать последние новости. Чаще всего они слово в слово повторяли то, что передавалось вечером. Но однажды, как сейчас помню, в воскресенье, вместо обычных заученно-бессмысленных фраз о том, что «предпринимается все возможное и невозможное», диктор, у которого, судя по оттенку кожи, в роду были водяные, взволнованным голосом произнес:

— Начнем наш выпуск срочным сообщением из Ирландии. Нынешней ночью в местечке Лох-Лэнд произошел террористический акт. На воздух взлетел и, рухнув, раздавил транспортную стоянку, кемпинг, кафетерий и половину парка аттракционов гостиничный комплекс «Тара», только-только отстроенный и готовый принять первых посетителей в предстоящий Самхейн. Зданию нанесен непоправимый ущерб, пострадали также все заведения, на которые упали его обломки. Имеются жертвы, в основном среди посетителей кафетерия, кемпинга и дежурной смены обслуживающего персонала комплекса, которые в ту ночь находились на работе. Всего погибло не менее ста двадцати человек, еще двести получили ранения. При проведении террористического акта был использован минимум магии, поэтому спецслужбы не смогли поднять тревогу. Ответственность за взрыв взял на себя один из бывших членов секты Белого Мигуна. При аресте он сознался, что таким образом хотел приветствовать возвращение своего гуру. На основе заявления арестованного, чье имя не разглашается в интересах следствия, власти сделали вывод, что беглый преступник Белый Мигун находится где-то на Британских островах.

Признаюсь, когда я услышал это сообщение, у меня возникло желание захлопать в ладоши. Но, похоже, никто не разделял моих чувств. Мои коллеги переглядывались и сочувственно качали головами.

— Итак, появились сведения, что Белый Мигун в Ирландии, — нарушил молчание мессир Леонард. — Отсюда можно сделать вывод, что...

— Можно расслабиться, — ляпнул я.

— Что он сумел пересечь незамеченным несколько границ, добираясь от Тибета до Ирландии. А, следовательно, либо у него есть могущественные покровители, либо Белый Мигун знаком с высшей магией.

— Если не ошибаюсь, одним из его дипломов был диплом по иллюзиям, а второй — по потустороннему миру, — встряла дама Морана. — Жаль, что он не учился в МИФ. Мы бы тогда...

— Мы бы тогда мгновенно оказались в осаде, — повысил голос директор и притопнул копытом. — Ибо я не намерен допускать в школу кого бы то ни было, связанного с сектой.

— А я бы точно постаралась его убить, едва он появится на пороге, — категорично заявила Берегиня.

Хлопнула дверь. Я обернулся — из учительской выскочил Черный Вэл.

Прошло несколько дней, и из Ирландии стали поступать новые сообщения. В двух местечках неподалеку от Лох-Лэнда видели загадочное привидение. Его сумели сфотографировать, и по снимкам опознали Белого Мигуна. Неизвестно, были ли снимки поддельными — экспертиза ничего не выявила, — но людей все это взволновало. В Ирландию ввели отборные спецчасти инквизиторов. Британские острова лихорадило. Королева-бабушка выступила с заявлением, что волноваться рано и в крайнем случае можно просто изолировать Ирландию, как было шестьсот лет назад, во время последнего восстания фирболгов.

Пока власти пытались отловить Белого Мигуна, обычные маги принимали свои меры. Британские острова захлестнула волна Мигунофобии. Несколько частных школ магии закрыли, другие перешли на особый режим работы. Все родители, кто мог, забрали детей домой на бессрочные каникулы или вовсе перевели их в школы Старого и Нового Света.

Досталось и нашей МИФ. В среду на следующей неделе нас опять созвали в учительскую.

— У нас новый ученик, — с порога объявил всем мессир Леонард. — Обучался в Уэльской школе Полых Холмов.

— Полых Холмов? Но это же черная магия! — возмутилась дама Морана. — Допускать черного мага к нам?

— Мальчик хронически не успевал. Особенно плохие отметки у него в наведении порчи и, как ни странно, в теории магии мертвых. Родители его были бывшими сектантами, приговоренными к стиранию магических способностей, и они настояли, чтобы сын пошел по их стопам. Однако он недавно потерял мать, а затем и отца, и его дядя, ставший опекуном мальчика, воспользовался ситуацией, чтобы перевести племянника к нам. В свое время он окончил МИФ. Это Клад Мельхиор. Его племянника зовут Даниил Мельхиор.

— Клад? — переспросила дама Труда. — Я помню его. Мальчик был очень талантлив. Написал такую чудную работу по прикладной теории благородных металлов...

— Значит, решено. Даниил прибудет завтра утром.

Даниил Мельхиор прибыл утренним экспрессом, и я впервые увидел его только в обед. Худой смуглый мальчик, не по возрасту суровый, с пышными, прямо-таки девчоночьими кудрями, вошел вслед за мессиром Леонардом в столовую. Когда его представили третьему курсу, в одном из классов которого он будет учиться, Даниил и бровью не повел, а просто подошел к новым товарищам и встал рядом.

Я с интересом рассматривал его. По странному стечению обстоятельств именно в этой группе у меня должно было состояться занятие сразу после обеда. Значит, я первым из учителей познакомлюсь с этим английским чудом.

Тот урок запомнился мне надолго. Ибо Даниил все полтора часа не сводил с меня черных внимательных глаз. От его немигающего взгляда мне было не по себе. Я все ждал, что вот-вот он поднимет руку и огорошит меня неожиданным вопросом, но мальчик промолчал весь урок. А я, еле дождавшись звонка, прямым ходом отправился к себе в комнату и, не раздеваясь, рухнул на постель. У меня кружилась голова, я чувствовал себя бесконечно усталым и сам не заметил, как заснул.

...Во сне я шел по длинному мрачному коридору. Узкие стены были сложены из грубых камней, заросших мхом и плесенью. Под ногами противно хлюпало. С низкого потолка свисали сосульки грязи. Справа и слева в стенах виднелись забранные решетками ниши — там на цепях сидели какие-то уроды, но я не смотрел по сторонам. Стараясь не замечать вони, я шагал сквозь тьму, держа перед собой факел.

Неожиданно взгляд мой уперся в одну нишу. Там на четвереньках стоял обычный человек — только нагой и закованный в неимоверное количество цепей. Видимо, он стоял так уже давно, но когда свет моего факела упал на него, узник поднял голову. Сквозь гриву грязных спутанных волос на меня глянули светлые глаза. Самые обычные глаза, полные терпеливого ожидания...

Глава 3

А между тем незаметно приблизился Самхейн, праздник Всех Святых и Нечисти. Для нас, магов, этот праздник особенно важен — наряду с Йолем, который простые смертные называют Рождеством, а также с Летним Солнцеворотом и Бельтаном, Первомайским Праздником Весны и Любви. По всей школе заранее развесили гирлянды и фонарики, в кладовой горкой высились приготовленные тыквы, спешно чинились старые и шились новые карнавальные костюмы, а из кухни неслись соблазнительные запахи.

Как и все магические школы, МИФ представляла собой особый мир. Ночью здесь нередко можно было услышать загадочные звуки, кто-то стонал и гремел цепями, слышались подозрительные шаги, тени иногда начинали двигаться независимо от хозяев, а уж привидений, вроде Нетопыря Малюты Скуратова, можно было встретить на любом этаже. В одной из башен жила баньши, в другой обитали упыри-бомжи, в подвале гнездилась нежить, а прилегающая территория проста изобиловала разными магическими и мифическими существами. В школьный парк пробовали запустить кентавров, но они не прижились — выходцам из Греции в Скандинавии было холодно. Зато в речке часто видели морских змей, заплывавших на нерест, весной на лужайках встречали даже фей.

Поэтому обитатели школы привыкли к сюрпризам, но эти дни перед Самхейном запомнились всем надолго..

Я знал, что нечисть перед Самхейном распоясывается. В Школе Колдовских Искусств, которую я заканчивал, в последний день октября по календарю простых смертных нечисть устраивала настоящий шабаш, и горе было неосторожному ученику, который осмеливался подсмотреть за ее проказами. Двое моих однокурсников даже попали в больницу.

Поэтому я не особенно удивился, когда за два дня до Самхейна меня разбудили жуткие звуки.

После того загадочного сна я стал плохо спать и проснулся мгновенно. Казалось, совсем рядом стонет и ревет от боли огромный тролль. Вопли были такими пронзительными, что мне пришлось собрать все силы, чтобы рискнуть зажечь свет. Ночная лампа из светлячков озарила мою комнатку, но вопли от этого стали только громче. В довершение ко всему вдруг раздался страшный грохот, словно рухнула половина стены!

Набросив халат, я выскочил в коридор. Дальний конец его был погружен в зеленоватое свечение, которое таяло на глазах. Страх приковал меня к месту, я застыл, не в силах сделать ни шагу. Но тем не менее мне показалось, что там кто-то стоит...

На всем четвертом этаже я жил один. Остальные педагоги жили на втором и третьем, вместе со школьниками. Не успел я перевести дух и решить, что делать дальше, как новый крик раздался откуда.

Цокот копыт эхом отразился от стен коридора. На меня налетел мессир Леонард. С горящими глазами и развевающейся гривой он так сильно напоминал христианское изображение Сатаны, что я вскрикнул от ужаса.

— Оно там, наверху! — крикнул мне директор и галопом поскакал к лестнице. Я крепче стиснул в кулаке амулет, наскоро запер дверь и поспешил за ним.

Пятый этаж был залит тем же мертвенным зеленым светом, но он уже таял, растекаясь, как туман. Добрая половина ламп освещения была разбита, и осколки усеивали пол. Выпущенные на волю светляки бестолково металась повсюду, но часть жучков валялась среди осколков сверху лапками. Я поднял одного из них.

— Дохлый.

Мессир Леонард понюхал светляка на моей ладони.

— Очень странно, — проблеял он, — вы не чувствуете магии?

Я провел амулетом над жуком. Он вспыхнул ярко-зеленым светом, дернул лапками — и с треском рассыпался в прах.

— Магия мертвых, — со знанием дела определил мессир Леонард.

Вслед за нами на пятый этаж поднялись и остальные учителя. На лестницах замаячили даже мордашки детей — заспанные, но от этого не менее любопытные.

— Магия мертвых? — Дама Морана, выглядевшая нелепо в цветастом ночном халате, отороченном мехом, поправила на волосах сеточку. — Откуда, профессор?

— В нашей школе есть несколько ее ярких представителей, госпожа Геррейд. Те, кто, если вам так будет угодно, живет в ТОМ мире. А сейчас, когда на носу Самхейн...

— Привидения? Вы думаете, это их шутки?

— Хелем не взятые могут вернуться туда, где Дажьбога щит ярко сияет, — со знанием дела произнесла Сирена. — В пору Безвременья очи богов путь им укажут к хоромам

предков...

— Обычно они ведут себя более сдержанно, — поджала губы дама Морана. — Если так пойдет и дальше...

— Думаю, к Самхейну они успокоятся, — сказал мессир Леонард. — Но на всякий случай я проведу обряд. Это должно их остановить.

Но директор ошибался. На вторую ночь все повторилось — с той только разницей, что на сей раз пострадали оконные стекла. Они вылетели не только в рекреационных, но и во всех комнатах северной стороны, так что пришлось часть детей временно переселить в другие комнаты, поставив по четыре-пять кроватей там, где раньше стояли две-три, а некоторые занятия сократить, ибо пострадали и классы. Но третья ночь прошла удивление мирно — неизвестный полтергейст ограничился завываниями и топотом ног. Однако этого с лихвой хватило, чтобы многие в школе не сомкнули глаз полночи.

В эти дни у меня в живом уголке произошло печальное событие — умерла мавка. Эти полуводяные духи на зиму впадают в спячку, подобно русалкам и водяницам, и просыпаются, когда прогреются водоемы. Ослабленная из-за плохого содержания, мавка не смогла впасть в спячку вовремя и слабела не по дням, а по часам. Она стала настолько прозрачной, что лишь по блеску волос и шевелению песка в аквариуме можно было понять, где она находится.

В последнюю ночь перед Самхейном я сидел возле ее аквариума, и когда из коридора послышались заунывные вопли, заметил, как заколебалась вода.

— Ты что-то чувствуешь? — спросил я.

— Чу-у... чу-у... — только и донеслось в ответ.

— Кто это? Призрак?

— О-о!.. О-о-о... не-ет...

— Это человек? Кто-то из магов или ученики? — забеспокоился я.

Но мавка лишь булькала водой и что-то шептала. Из ее шепота я разобрал только, что она сильно напугана — настолько, что от страха и умерла.

И тем не менее Самхейн остался праздником. Он служил как бы подготовкой к празднику Йоль, когда Рождается новый год и новый бог. Простые смертные ошибочно называют этот день Рождеством, приписывая все одному-единственному человеку, и не подозревают, что на самом деле празднуют не день рождения младенца, но возрождение всего мира, каждый раз обновлявшегося в самые короткие дни года.

Замок в одну ночь расцвечился сотнями огней и гирляндами. Повсюду под потолком плавали воздушные змеи — казалось, здесь открыли филиал китайской выставки воздухоплавания. Занятия в этот день отменили, и школьники слонялись по коридорам, временами уворачиваясь от нежити, которая, не боясь света дня, шныряла под ногами: Домовики исподтишка старались что-нибудь стащить, кикиморки швырялись всем, что попадется под лапку, похожие на жертв техногенной катастрофы брауни просто бегали и размахивали лапками. Где-то кого-то окатили водой. Девочки взвизгивали, когда кикиморки дергали их за косы. Упал кто-то из старшекурсников — брауни связал ему вместе шнурки на ботинках.

Среди воздушных змеев скользили привидения. Заметив меня, Нетопырь Малюта Скуратов камнем спланировал вниз и огрел холодным крылом по спине:

— Ну, как? Обживаешься помаленьку?

— Спасибо. Кстати, ты не знаешь, кто это шумел по ночам?

— Не мое дело. Я вообще случайный гость — как на этом празднике жизни, так и там, в холодном мире по ту сторону. Я одинок, позабыт, заброшен. И никто меня не любит, а все только норовят наступить на крыло и... Уй! — Нетопырь даже подпрыгнул, потому что кто-то из первоклассников действительно запустил в привидение петардой. Она взорвалась прямо в прозрачном животе Малюты, и он мгновенно стал пестрым от высыпавшегося конфетти.

— Укушу-у! — завыл Нетопырь, кидаясь за мальчишкой, и оставил меня в покое.

Во время праздничного обеда в зале распахнули окна, и в них стали влетать вороны, сороки и галки. Вороны несли письма от родных и друзей, сороки — телеграммы, а галки, объединившись в стаи, тащили посылки. Нашлось несколько мальчишек и девчонок, которым посылки доставили серые вороны — родители этих ребят проживали на другом конце света.

К своему удивлению, я тоже получил письмо и посылку. Моя мачеха, Алиса Граф, поздравляла меня с праздником и долго, путано извинялась за то, что сама не решилась открыть мне правду. В посылке оказался хрустальный футляр для моего амулета и красивая фибула с изящно вышитой руной Уруз, соответствующей моему настоящему дню рождения. Примерив фибулу, я вздохнул про себя и решил, что обязательно пошлю что-нибудь мачехе на память.

Вторая посылка пришла, когда все уже отправлялись в большой зал, где должно было произойти главное действо ночи Самхейна. Две галки втащили маленькую коробочку, уронили ее к моим ногам и умчались прочь так стремительно, словно боялись, что я выдеру им перья.

Я поднял коробочку. На ней не было ни подписи, ни обратного адреса. Только несколько славянских рун, долженствующих обезопасить посылочку от магического просвечивания. Заинтригованный, я открыл ее...

И тут же выронил, скорее от раздражения и разочарования, чем от страха.

В коробке лежаладохлая крыса.

— Глупая шутка, — громко сказал я, надеясь, что меня услышат те, кто захочет насладиться моим испугом.

— Нет, — раздался над моим ухом скрипучий холодный голос. Оказавшись рядом, Черный Вэл двумя пальцами поднял крысу за хвост и положил в коробку. — У вас завелись враги. У вас есть враги, Максимилиан?

При этом он посмотрел на меня так пристально, что мне захотелось сказать: «Да, и одного из них я сейчас вижу». Но вместо этого я покачал головой:

— Не помню, чтобы я кого-то обидел.

— Ну-ну. Считайте, вам повезло. Но на всякий случай сплюньте трижды через левое плечо и прочтите заговор от сглаза, — пожелал «господин отравитель», взял эту злосчастную коробку и ушел прочь, пробираясь сквозь толпу.

Я сердито посмотрел ему вслед. Со дня моего приезда в школу прошло больше месяца, но Черный Вэл заговорил со мной едва ли не впервые. Он вообще мало с кем разговаривал.

Но едва я переступил порог главного зала на первом этаже, все тревожные мысли разом вылетели из головы. Зал был украшен великолепно. Я, наотмечавшийся Самхейнов в бытность школьником, а потом студентом, был поражен и очарован. Самыми главными атрибутами праздника были выдолбленные изнутри тыквы с вырезанными на них масками и огромный котел, под которым уже были сложены дрова. До полуночи оставалось всего ничего. Едва раздастся гонг, зажжется огонь. Нечисть получит полную силу, и самой главной заботой будет — не дать огню погаснуть. По традиции, роль нечисти исполняли сами школьники, переодетые и загримированные, но тут, при таком скоплении брауни, домовиков и кикимор, наверняка не станут привлекать магов.

Дама Маска, прекрасная в воздушном одеянии, которое меняло оттенки в зависимости от того, что делала его владелица, поднялась к помосту с котлом. Дама Лилита, как представитель магии начал, щелчком пальца зажгла огонь, и Маска, вскинув увешанные браслетами руки, вдохновенно...

Завыла!

Вопль был такой пронзительный и страшный, что не только дети — взрослые отпрянули от помоста. Маска застыла с поднятыми руками и запрокинутой головой — и вдруг завизжала что было силы, показывая куда-то вверх.

Мы тоже запрокинули головы. Под потолком, примостившись на лепном карнизе, сидела баньши и вдохновенно орала, раскачиваясь в такт своим воплям. Все знали, что она

живет в самой старой башне замка, но впервые за долгое время баньши решила нарушить свое уединение.

— Смерть! Смерть! Он пришел сеять смерть! — вопила она в промежутках между завываниями. — Он пришел сеять смерть! И теперь все умрут! Будет только смерть! И ничего больше! Смерть! Смерть!

А потом случилось то, что не случилось на Самхейн, наверное, никогда.

Зал погрузился во тьму. То есть полную и абсолютную. Позже, когда глаза немного привыкли, стали заметны серые пятна окон и на их фоне силуэты людей, но тогда...

Крики, визг, плач девчонок, ругань и обрывки заклинаний, сопровождаемые вспышками тут же гаснущего света. У какого-то умника в руках сработала петарда, и к шуму примешались крики боли. Послышались голоса учителей, пытавшихся навести порядок. Сирена громко начитывала вису, призывая огонь вернуться, но ее голос заглушался шумом толпы и воплями баньши, которые перекрыл жуткий грохот и треск.

Я тоже рванулся куда-то, потому что стоять на одном месте было еще страшнее, но в этот миг чья-то холодная рука схватила меня за запястье, и в лицо взглянули два белых глаза.

— Нет! — завопил я не своим голосом. — Пусти!

Похититель, кто бы он ни был, тут же разжал руки и в тот же миг появился свет. Бледно-желтым огнем одна за другой загорались тыквы-головы, озаряя зал и взъерошенную толпу мягким светом. Понемногу приходя в себя, мы озирались, сиюсь отыскать виновника происходящего, но все было забыто, когда обернулись на помост.

Огромный котел был перевернут и лежал на боку. Костер под ним залила какая-то подозрительная жидкость, похожая на шампунь, а все содержимое котла разбрызгано по полу и одежде тех, кто случайно оказался рядом. Самхейн был сорван.

На другое утро всех привидений вызвали в кабинет директора.

И здесь позвольте мне сделать паузу и сказать два слова об этих обитателях замка..

С Нетопырем Малютой Скуратовым, маленькой летучей мышью с большими амбициями, я уже успел познакомиться. Как и с Прилежным Учеником. Это были одни из самых безобидных привидений школы. Кроме них был Неугомонный Строитель — волот, который спроектировал этот замок в незапамятные времена, но когда строительство было закончено, заявил, что его творение нуждается в серьезной доработке и он должен во что бы то ни стало довести замок до совершенства. Волот столь рьяно взялся за дело, что до сих пор, почти две тысячи лет спустя, из подвалов еще доносятся удары его кирки и слышатся приказы, которые он отдает «бригаде рабочих». Если любопытный ученик застучает Неугомонного Строителя за его делом, тот заставляет невольного помощника таскать камни, класть раствор и расписывать стены фресками. Причем отделаться от него можно только единственной фразой: «Назовите, пожалуйста, размер моей пенсии».

Четвертым привидением замка был Сумасшедший Проповедник. Когда-то монах из простых смертных случайно попал в Школу МИФ, возмутился «козням дьявола», что творятся тут, и принялся обличать и бичевать колдовство. Чем и занимается до сих пор. Его любимое занятие — подкараулить одинокого студента и начать читать ему мораль на тему: «Уж лучше убивать и грабить, чем колдовать и воровать». Избавиться от него можно, если пообещать уйти в монастырь.

По сравнению с ним двое других призраков были образцами добродетели и общительности. Одним был Оживающий Доспех — рыцарь, который время от времени испытывал жгучее желание либо сразиться с драконом, либо приручить единорога для своей дамы сердца. На первом этаже стояли рыцарские доспехи всех времен и народов, от ассирийских пехотинцев второго тысячелетия до нашей эры до тирольской пехоты конца уже нашего шестнадцатого столетия. Дух рыцаря вселялся во все по очереди, но предпочтение отдавал все-таки коллекции из Германии, откуда при жизни и был родом. Как он попал в Школу МИФ, оставалось тайной.

Другой была Студентка-Неудачница. Девушка в школьной форме старого образца — длинное глухое платье конца девятнадцатого века, — вечно заплаканная, бесконечно

жаловалась на то, что отстаёт по всем предметам. Её любимым занятием было перебирать, какие кары обрушатся на её бедную голову, если выяснится, что она опять не сдала экзамен. Особенно боялись её накануне сессии, потому что тот ученик, к которому Студентка прицеплялась с расспросами, обязательно проваливался на экзамене.

Была ещё парочка духов, которые показывались из своих склепов раз или два в год, да и то ненадолго. Вся эта компания была шумной, но довольно мирной — по сравнению с Закладной Жертвой.

Когда начинали строить замок МИФ, в его основание замуровали живого человека, чей неуспокоенный дух был призван хранить замок от разрушений. Мужчина это был или женщина, старик или ребенок — неизвестно, ибо всякий, кто встречался с Закладной Жертвой, терял память. Правда, её потом удавалось вернуть, но подробности страшной встречи никто никогда не вспоминал.

И вот все они — за исключением Закладной Жертвы — стояли на ковре в учительской перед нашим начальством. Оба завуча, Берегиня и дама Морана, замерли по обе стороны от мессира Леонарда, восседавшего на своем широком кресле по-собачьи. Студентка-Неудачница горько плакала и умоляла дать ей шанс пересдать экзамены осенью. Прилежный Ученик тискал блокнотик и нервничал — вот-вот должны начаться занятия, на которые нельзя опаздывать. Оживающий Доспех — на сей раз в русской кольчуге — тряс булавой и грозил надавать поганым монголам по шее и сусалам. Неугомонный Строитель озирался и качал головой — он уже нашел недоделки и жаждал их исправить. А Сумасшедший Проповедник махал крестом и ругал магию такими словами, за которые испанские инквизиторы сожгли бы на костре его самого.

Наконец мессир Леонард притопнул копытом по обивке кресла.

— Я вызвал вас сюда, чтобы задать всего один вопрос, — проблеял он. — Зачем вам понадобилось срывать праздник Самхейн?

— Это не я! — заголосила Студентка. — Я не хотела! На Самхейн нет занятий...

— Как это — «нет занятий»? — подхватил её слова Прилежный Ученик. — Наука не стоит на месте. Потерянный день — это в известных условиях потерянный год! Век! Эпоха!

— Я не знаю ответа! — зарыдала Студентка. — Я не успела выучить этот билет. Спросите у меня что-нибудь еще! Все остальное я знаю! Я учила, честное слово!

— Вот до чего довела вас ваша так называемая магия! — завелся Проповедник. — Покайтесь, вернитесь в лоно Матери Нашей, Святой Церкви, постом и молитвами смойте с себя грех волхвования, взойдите на костер очищения — и благодать Божья снизойдет на вас...

— Да Батый во всем виноват! — рявкнул Рыцарь. — Он, поганец, на Русь-матушку с мечом явился! Ну да ничо! Мы, русичи, не лыком шиты. Кто с мечом к нам придет, того и мордой об стену!

Оживающий Рыцарь всегда перевоплощался в вояку той эпохи и страны, чей доспех надевал.

— Давайте, давайте тут все быстро порушим, а потом я возведу на месте этого склепа королевские палаты, — оживился Строитель. — Здесь все будет по последнему слову дизайнера, из стекла и бетона! Лифт, домофон, охранная сигнализация...

— Так вы знаете, кто подстроил это безобразие на Самхейн? — Мессир Леонард еще раз притопнул копытом.

Призраки заволновались, но ни исчезнуть, ни дать отпор не могли, ибо магистр потустороннего мира мессир Леонард заранее позаботился о том, чтобы заключить их в магический круг.

— Кто угодно, только не мы! — категорично заявил Нетопырь. — Мы живем в этой школе, мы...

— Мы счастливы тут учиться! — пылко воскликнул Примерный Ученик.

— Я... я надеялась на пересдачу, — робко поддакнула Студентка.

— Здесь еще столько всего строить и перестраивать, — высказал свое мнение

Строитель.

— А супостаты житья не дают, поганые! — подвел черту Рыцарь.

— Так вы не знаете?

Призраки немного посовещались.

— Наше мнение таково, — Нетопырь шагнул было к мессиру Леонарду, но зацепил магический круг и с шипением отдернул лапу, — что это был не наш.

— В школу проник посторонний?

— Никак нет! — Рыцарь сделал «на караул». — Граница на замке!

— Осмелюсь доложить, Закладная Жертва непременно бы что-то почуяла, — сделав умное лицо, прошептал Нетопырь. Несмотря на маленький рост, по пояс хрупкому Прилежному Ученику, он верховодил всеми призраками и единственный не боялся Жертвы: из-за того, что не был человеком. — Осмелюсь высказать свое мнение, что это кто-то из ваших.

— То есть?

— Ну, это сделал человек. Живой человек!

— Вот как? — Завуч Морана Геррейд склонила голову набок. — Значит, это кто-то из магов буянил в День Разгула Нечисти? И кто же по-вашему? Кто-то из учеников? Или преподавателей?

— Не можем знать. Но возможно, кто-то хочет, чтобы вы так думали! Мне так кажется. — Нетопырь со значением воздел лапку. Остальные призраки шумно выразили согласие, причем Строитель и Рыцарь размахивали — один киркой, а другой булавой. Только Проповедник перебирал четки и бормотал, что это есть кара Господня за богомерзкое занятие, и каялся, что пойдет в ад вместе со всеми.

— Значит, вы хотите обвинить кого-то из нас? — Голос дамы Мораны понизился до зловещего шепота. Если бы она так обратилась ко мне, я бы сразу написал заявление об уходе да еще и повесился на всякий случай.

— Вы нам не верите! — патетически воскликнул Нетопырь. Он вскинул передние лапы-крылья, и на них материализовались цепи, явно бутафорские, если судить по чеканным узорам и фигурным звеньям. — Что же, — голос его задрожал от благородного негодования, — мы докажем, что это не наша вина. Замок без привидений — это не замок! За мной, дети мои!

Он сделал попытку уйти, но магический круг держал крепко, и Нетопырь шлепнулся на пол.

Мессир Леонард внимательно посмотрел на лицо дамы Мораны и движением копыта нарушил магический круг. В тот же миг все привидения исчезли. Только опустевшие латы, которые покинул дух Рыцаря, с грохотом осели на пол.

Леди Ульфрида сделала несколько пассивов.

— Они ушли.

— И хорошо, — дама Морана улыбнулась. — Нет привидений — нет проблемы.

Замок сразу почувствовал отсутствие этой публики. Прилежный Ученик больше не торчал в лекционных аудиториях, Студентка-Неудачница не приставала к засидевшимся в библиотеке ученикам, Строитель не грохотал ничем в подвалах, а Нетопырь не подкарауливал никого в темных коридорах, чтобы внезапно возникнуть с жутким воплем. Стало тихо и... спокойно.

Но я не верил в виновность привидений. Ведь мавка перед смертью дала понять, что это был не призрак — хотя и не живой человек. Разве это возможно, чтобы живой и неживой одновременно?

Возможно — подсказывал здравый смысл. Существуют живые мертвецы — зомби. Если кто-то из учеников или преподавателей зомби? Тогда все просто — провести тотальную проверку и... Что дальше — я представить себе не мог. Однако, на всякий случай, однажды на перемене подошел к мессиру Леонарду и высказал ему свою идею. Директор молча выслушал мой сбивчивый бред, потом с усилием встал на задние ноги и положил

передние мне на плечи. Я охнул и покачнулся — весу в директоре было, как в откормленном бычке.

— И как вы себе это представляете, молодой человек? — поинтересовался он. — Выстроить всех учеников и персонал и объявить: «Мы ищем зомби! Ожившие мертвецы, два шага вперед!» Да знаете ли вы, мой юный Искатель, что зомби не может существовать без мага, который контролирует каждый его шаг? И стоит магу узнать, что его подопечного вычислили, как он запросто даст ему команду на самоуничтожение. И мы получим настоящий труп — исполнителя, в то время как нам надо выйти на организатора. Поверьте моему опыту — в свое время я сам занимался подобными вещами — студентом, на практике.

Раздавленный во всех смыслах авторитетом директора, я с позором удалился.

Но желание доказать невиновность привидений толкнуло меня на отчаянный шаг, и несколько дней спустя я отправился в башни.

К тому времени по школе пополз слух, что привидения переселились в Башню Баньши, на чердак. В самой башне имелось несколько тайных комнат и даже вроде бы гробница кого-то из первых учеников Семи Великих Магов. Там чаще других находили несчастных, встретившихся с Закладной Жертвой, поэтому пойти туда в одиночку мог только наивный идиот вроде меня.

В школе уже объявили отбой, когда я, прихватив фонарь, пустился в путь. Светильники горели только в коридорах жилых этажей и в начале лестниц. Вступив на каменные ступени Башни Баньши, я очутился в почти полной темноте и, хотя понимал, что свет — мое главное оружие, пригасил фонарь. Впрочем, было у меня кое-что еще — столовый нож, которым я чистил для единорога морковку.

Хорошо, что ступени были каменными — ни скрип, ни шорох не выдавал моего присутствия, хотя для привидений нет ничего невозможного. Затаив дыхание, я одолевал пролет за пролетом, приостанавливаясь только у дверей, которых в башне было много, и уже начинал задумываться, что будет, если я дойду до самой вершины, а никто мне не встретится. Вызывать привидения самому? Но я не обладал необходимыми навыками!

И вдруг я услышал голоса. И замер.

— Мне страшно, Крис, — девичий шепот. — Пойдем отсюда.

— Сейчас пойдем, — ломающийся мальчишеский басок.

— Зачем мы пришли сюда?

— Здесь нас никто не застукает. Иди ко мне.

Легкая возня, сопение. Я почувствовал, что краснею, и уже повернулся, чтобы уйти...

— Нет, Крис, я не хочу, — снова девушка. — Что? Ты обещала!

— Я не обещала, что это будет ЗДЕСЬ!

— А где тебе хочется? В кабинете директора?

— Не знаю, но... тут как-то... страшно!

— Плевать! Привидений в замке больше нет!

— И все равно. Там, внизу, гробницы...

— А, так ты хочешь на чьем-нибудь гробике? Оригинально! Пошли!

— Нет! Я... пусти, Крис, я пойду к себе.

— Что? — в голосе парня послышалась злость. — Так ты что, решила меня надуть? Нет уж, Вероника! Обещала, так давай!

Опять возня и звонкий звук пощечины. Я понял, что пора вмешаться, и кашлянул.

От двухголосого вопля, казалось, должны были пробудиться все мертвецы в округе. Любители острых ощущений ломанулись вниз по лестнице и налетели на меня. Визг, крик, ругань! От неожиданности завопили все трое.

— Вы что тут делаете? — напустился я на ребят, подкрутив фитиль фонаря.

— Мы... это... это... мы. — Парень, еще недавно бывший таким смелым, затравленно озирался по сторонам. Я узнал в нем Кристиана, не дававшего мне открыть рот на первой лекции. Девушка тоже была мне знакома — она училась на том же шестом курсе в параллельном потоке.

— Жить надоело? — продолжал я наступление. — Тут же обосновались привидения!
— Их тут нет! — осмелился возразить Кристиан.
— Ты уверен?

Парень не успел открыть рот. Совсем рядом послышалось сдавленное мычание. Такие звуки мог издавать тот, кому заткнули рот кляпом. Стена сбоку от нас озарилась призрачным светом, в котором проступил силуэт человека, спеленутого по рукам и ногам, как египетская мумия. Человек отчаянно извивался, пытаясь избавиться от веревок.

— Закладная Жертва, — прошептал Кристиан и, заорав что есть мочи, ринулся вниз.

Жертва выступила — проще говоря, вывалилась — из стены. Надо было бежать, но я понимал, что мы не успеем сделать и шага. У меня оставалось единственное средство. Торопясь, пока безумно вытаращенные глаза призрака не нашли нас, я наклонился и очертил на камне круг. Девушка Вероника прижалась ко мне.

— Мама, мамочка, — всхлипывала она.

Закладная Жертва рванулась на звук ее голоса. Я еле успел закрыть девушке рот ладонью — и тут призрак наткнулся на невидимую стену.

Меня словно ударили бичом — такой силы был толчок. Я понимал, что должен молчать и задавить в себе страх, иначе призрак доберется до нас. Жертва отпрянула от круга, забилась, пытаясь освободиться от пут, застонала сквозь кляп. Вероника вцепилась в меня, зажмурившись, а я не мог отвести взгляда от пляски призрака. Умом я понимал, что, пока стоим неподвижно, мы недоступны для Жертвы. Но сколько времени нам придется так стоять — неизвестно. Ведь начертить круг мало — надо еще и произнести определенный заговор, а я его не знал. Все-таки моя специальность — магические животные, а не духи иного мира.

Жертва металась по площадке, с легкостью проходя сквозь стены и меняя траекторию, только когда натыкалась на мой магический круг. Она не видела нас, но чувала, что мы тут. Она — да, это была молодая женщина, я это видел вполне отчетливо, — была просто вне себя. К многовековому ужасу, боли и ненависти к своим мучителям, приговорившим ее к такой страшной смерти, примешивалась злость на неуловимых нас.

Стоп! Осенило меня! Жертва! Закладная Жертва! Строители замуровали ее в стене замка при закладке школы. И Неугомонный Строитель был одним из них.

Сделав знак Веронике молчать и не двигаться, я передал ей фонарь, присел на корточки и вонзил нож в пол, стараясь выломать один камень.

Неугомонный Строитель ревностно относился к своему детищу — замку и терпеть не мог, когда зданию наносили повреждения, да еще и умышленно. А тут я сижу и ломаю пол!

И Строитель возник, зависнув в воздухе у меня за спиной. Я ощутил его появление по внезапному дуновению холодного воздуха. Коленка вздрогнувшей Вероники больно ткнула меня в плечо.

— А ну, кто тут давно камни не таскал? — рявкнул он, замахиваясь киркой.

Закладная Жертва среагировала на звук голоса, развернулась в его сторону и...

Теперь можно было кричать, топтать ногами и петь песни — призраки не обращали на нас внимания. Жертва нашла одного из своих мучителей и ринулась на него. То, что перед нею такой же призрак, ее не остановило. Строитель ретировался сквозь стену, а яростно мычащая мумия ломанулась следом.

Путь был свободен. Схватив Веронику за руку, я через три ступеньки кинулся вниз.

Опомнились мы только на пороге третьего этажа. Младшие курсы и учителя жили на втором, а старшие — на этом. Причем левое крыло было отдано под залы рекреации и спальни девочек, а правое — мальчиков. На этаже царила сонная тишина и темнота — горели только факелы у поворотов, и в высокие окна коридоров заглядывал молодой месяц.

Как-то само собой разумелось, что дальше я пошел провожать свою ученицу. Мы оба молчали, глядя в пол. Я вспоминал Закладную Жертву и думал о привидениях. Что было на уме у Вероники — не знаю.

У решетчатой двери своей рекреации девушка остановилась.

— Пожалуйста, — прошептала она, и глаза ее засветились в темноте, словно у кошки, — не говорите даме Моране о... ну, вы понимаете, о чем? Вы же знаете, что бывает с теми, кто видел Закладную...

— Да, знаю. И советую тебе больше не встречаться с Кристианом.

— Это я уже поняла. — Вероника грустно вздохнула. — Я могу идти?

— Иди, — сказал я и ушел первым.

Два дня спустя было занятие с одной из девчоночьих групп шестого курса. В нашей школе обучение раздельное, классы соединяют только на лекции, что происходит не чаще одного-двух раз в неделю. Вместе ребята занимаются и в различных кружках, а вот в столовой стоят отдельные столы для мальчиков и девочек.

Программа занятий предусматривала различные темы для обеих половин класса. И сегодня была как раз тема, которой у мальчиков быть просто не могло.

Несколько дней назад я все-таки добился для школы разрешения, и к нашему одинокому самцу единорогу прислали самочку. Теперь у нас была пара этих животных, и характер самца сразу испортился. Он стал вспыльчивым, пробовал кусаться, если я хотел его почистить, и непрестанно колотил копытами в стенки стойла, требуя простора. Но на дворе начиналась зима и я не решался выпустить единорогов побегать.

Девушек было всего одиннадцать, и они сгруппировались тесной кучкой, когда я под уздцы вывел из стойла одного за другим обоих единорогов, привязав их к торцовым стенам кабинета для практических занятий. Здесь были расставлены вдоль стен конторки, установлены насесты и загородки для животных, а места было достаточно и для тридцати учеников.

В противовес самцу, единорожиха оказалась смирной, как кошка. Ее рог был ребристым и загибался назад. Это считается пороком, и единороги с кривым рогом обычно выбраковываются. Я стоял возле нее, чем выводил из себя самца, который до отказа натягивал цепочку, пытаясь дотянуться и укусить меня. Самочка же вела себя так, словно нарочно разогревала его ревность. Я придерживал ее за уздечку и поглаживал короткую гривку, а она лизала мне руки, выпрашивая сахар, которым я угощал ее накануне.

— Итак, девушки, вы сами видите, что тема нашего занятия — единороги и способ ухода за ними, — начал я, когда восторги девчонок стихли — большинство никогда не видели этих зверей вблизи. — Единорог относится к отряду непарнокопытных — обратите внимание на его ноги. К этому же отряду относится и Индрик-зверь, и солнечные кони, влекущие колесницы богов. В природе единорогов почти не осталось, за исключением их дальних родичей — носорогов, которых простые смертные сейчас истребляют из-за якобы целебных свойств их рогов. Скажу сразу — хотя единороги и носороги и родственники, но родство это дальнее, словно у кита с коровой и у крокодила с динозавром, поэтому свойства носорожьего рога несколько преувеличены. Сейчас большинство единорогов разводится на фермах, ведутся племенные книги, и давно бы встал вопрос об одомашнивании единорогов и использовании их в качестве ездовых животных, если бы не одна особенность их поведения. Кто знает, какая?

Девочки зашушукались, подталкивая одна другую локтями. Ну, конечно, тема была затронута весьма щекотливая! Наконец самая маленькая и худенькая девочка, Инга Штурм, подняла руку.

— Единороги подпускают к себе только... это... ну, девушек, — робко произнесла она.

— А почему так тихо? Ты ответила правильно! Единороги подпускают к себе только девиц. То есть девушек, сохранивших свою чистоту.

Класс тихо захихикал.

— Что тут смешного? Смех стал громче.

— Объясните, что вас так насмешило? — Я начал терять терпение.

— Вы... вы, — подружка Инги, Кристина Шульц, смущенно хихикая, ткнула в мою сторону пальцем, — вы же не это... не девушка! А они к вам...

Единорожиха наконец смирилась с тем, что сахара ей не видать, и в отместку

принялась жевать манжет моей рубашки.

Теперь настала моя очередь смущаться. Ну что делать, если я действительно пока еще не...

— Из любого правила бывают исключения, — заявил я, стараясь выглядеть независимо в глазах пятнадцати-шестнадцатилетних девушек, которые волей случая оказались посвящены в тайны моей личной жизни — а вернее, в тайну полного отсутствия таковой. — И вообще, это к делу не относится. Мне нужен доброволец для демонстрации правил обращения с единорогами. Кто желает?

— Можно мне? — вдруг раздался знакомый голос, и вперед протолкалась Вероника. В одной руке у нее был зажат вскинутый вверх блокнотик, другой она распахивала однокурсниц.

Девушки захихикали.

— Пожалуйста. — Я слегка отодвинулся, освобождая ей место возле единорожихи. — К единорогам надо подходить осторожно, не делая резких движений и ни в коем случае не издавая громких звуков. Даже выросшие в неволе звери этого не любят. И во всяком случае, не торопиться, дать единорогу время себя обнюхать. Протяни руку и подходи не спеша.

Единорожиха насторожила уши и вытаращила глаза, натягивая цепочку. Ей было жутко интересно, как и ее партнеру, который перестал изводиться и выворачивал шею в сторону Вероники.

Вообще-то единорог — зверь опасный. Ударом копыта он пробивает насквозь латы на рыцаре, а его зубы могут перекусить любую цепь. Ему нипочем даже колдовство, которым его пытаются приручить некоторые маги. Это я уж не говорю про его рост и вес — при внешней хрупкости сложения единороги крупнее большинства лошадей — за исключением тяжеловозов, выведенных в России.

Вероника отчаянно трусила — это было видно по тому, как девушка зажмурилась, протягивая руку. Но единорожиха вела себя образцово. Она шумно обнюхала пальцы девушки, потом лизнула ей ладонь и вдруг улеглась.

— Что и требовалось доказать, — громко сказал я. — Вероника, можешь открыть глаза. Обязательно погладь зверя и скажи ей что-нибудь ласковое.

— Вставай, — произнесла девушка, и единорожиха с готовностью вскочила. Ее супруг заржал, изводясь от ревности. А Вероника с победным видом взялась за уздечку вместе со мной.

— Видите? Ничего сложного, — обратился я к остальным девушкам. — Сейчас вы по очереди будете подходить к единорогам. Не торопитесь — они звери подозрительные, и если вы броситесь к ним все сразу, результат будет обратным. Когда зверь ляжет, погладьте его и что-нибудь скажите, чтобы зверь привык к вашему голосу. И помните — единорог сам чувствует, кого отвергнуть, а кого допустить до себя.

После такого примера девушки осмелели, но занятие продолжилось только для восьмерых. Трое не смогли приблизиться не только к самцу, но и к более смирной самке. Оба зверя тут же прижимали уши и начинали пятиться, а самец скалил зубы и бил копытом по полу.

— Сожалею, — сказал я трем неудачницам, — но вы сами знаете, по каким признакам единороги допускают до себя девушек. Поэтому ваше задание — подготовить статьи про единорогов и их ближайших родственников. А мы с вами, — я повернулся к остальным восьми девушкам, которые, облепив впятером самку и втроем самца, гладили их и чесали за ушами, — поучимся ухаживать за единорогами в неволе. Шерсть зверей, как вы видите, чистая, но очень густая и длинная, поэтому она нуждается в вычесывании. Также особого ухода требует их рог...

Улучив минуту, когда, объяснив девушкам, как надо правильно вычесывать шерсть, чтобы единороги не испытывали беспокойства, я отошел, предоставив шестикурсницам действовать самостоятельно, Вероника — на так и держала единорожиху под уздцы — тихонько наклонилась в мою сторону.

- Спасибо вам, — прошептала девушка.
— За что?
— Вы никому не сказали... ну, что мы были в Башне Баныши.
— Это же наша тайна! — подмигнул я.

На другой день, выйдя из своей комнаты, я наступил на прямоугольный конверт, на котором стояла литера "М". И она, и почерк письма были мне знакомы. Удивление вызывал разве что способ доставки — следов почтового ворона заметно не было.

«Я внимательно слежу за твоими успехами на поприще педагогики, — было написано в письме. — Но недавно до меня дошли слухи о твоём возмутительном поведении. Совершенно безответственно рискуя жизнью, ты осмеливаешься разгуливать по замку ночью! Если хочешь жить, пореже выходи на улицу после заката и вообще держись подальше от темных уголков».

Я замер, держа письмо в руке. О нашем походе знали только трое — я, Вероника и её незадачливый ухажер Кристиан Шульц. Неужели проболтался кто-то из них? Но кому? Кто он, скрывающийся за письмами без подписи?

Я еле дождался, когда ко мне на занятия придет группа юношей из шестого класса. Объясняя новый материал и проверяя домашнее задание, я не спускал глаз с Кристиана — как он себя ведет. Паренек сидел на своей задней парте, что-то корябал в тетради и иногда перешептывался со своим соседом. В общем, вел себя как обычно.

После занятия я сделал ему знак остаться.

— Мне нужно с тобой поговорить, Кристиан, — сказал я.

Трое приятелей Кристиана, Артем, Дэвид и Альберт, задержались было, поджидая его, но я выставил их за порог.

Некоторое время мы оба молчали.

— Ты ничего не хочешь мне сказать, Кристиан? — наконец заговорил я.

— О чем? Я что? Я ничего не делал! — пожал плечами он. — Вы о чем?

— О том, что произошло в Башне Баныши.

— А что там было? Ничего не было! — ошетинился он. — Мы только...

— Я не спрашиваю, что вы там делали с Вероникой. Ты кому-нибудь рассказывал об этом случае?

— Что я, совсем дурак? — хмыкнул он. — Мне жить пока не надоел о!

— Дело в том, что об этом случае стало известно. Кто, по-твоему, мог проболтаться?

— Вероника, — заявил он. — Больше некому. Девчонки всегда языками треплют. Особенно...

— Особенно после того, как кавалеры их бросают и убегают, спасаясь от привидений, которых сами же и вызвали, желая покрасоваться?

— Да мало ли чего она наболтала... А что, вас вызывали к Моране?

Изумление на его лице было таким неподдельным, что я отпустил Кристиана и задумался. Похоже, парень не врал. Но все-таки кто же следит за мной? И что ему от меня нужно?

Глава 4

Зима в том году наступала непростительно медленно. Выпавший было на Самхейн снег растаял уже через два дня, и земля на спортплощадке, в сквере возле школы, на грядках вокруг оранжереи и подсобного хозяйства, а также в школьном парке превратилась в грязь. Два дня всюю шел проливной дождь. И это в начале зимы! После Самхейна прошло три с половиной недели прежде, чем пошел снег. Снегопад зарядил с самого утра, падал весь день, покрыв землю толстым белым ковром, и даже сейчас, поздно вечером, за окном еще медленно кружились крупные хлопья. Мне рассказывали, что в этих широтах снег иногда идет по целым дням, и я представлял, что будет, если снегопад не перестанет ночью.

Впрочем, у меня был неплохой шанс удостовериться в этом самом, ибо было уже почти одиннадцать часов ночи, а я все сидел в пустой учительской, склонившись над единственной лампой в углу кабинета. Полчаса назад в школе прозвенел отбой, педагоги убедились, что дети разошлись по своим спальням, и тоже отправились на отдых. Наступила пора привидений, тайных свиданий и полуночников вроде меня.

Скажу откровенно, я не любитель засиживаться допоздна. Но накануне я задал сразу в пяти классах самостоятельные работы и забыл проверить их вовремя. А уже подходило окончание полугодия, у простых смертных шли первые дни декабря. По плану у меня стояли еще две контрольные, а задать их и по итогам выставить оценки я не мог, потому что не проверил предыдущие. Сегодня днем дама Морана сделала мне за это выговор, и я корпел над сочинениями и докладами.

Здесь были работы двух третьих классов, одного шестого и двух седьмых. На шестом курсе это были статьи о единорогах и их родственниках, а на третьем курсе мы проходили Мировое Древо и его сторожей.

Единственной работой, которая порадовала меня среди шестидесяти пяти других, было сочинение Даниила Мельхиора, новичка с Британских островов. Он не только сделал подробный обзор по славянской, скандинавской и кельтской мифологии, но и упомянул Сенмурва, иранского крылатого пса, облачных слонов Индии и привел примеры из литературы. Работа его изобиловала многочисленными ошибками, некоторые слова он писал по-русски английскими буквами, но читать ее было приятно. Так, он писал, что вещий Боян, легендарный поэт XI века, «rastekalsya misiu po drevu», то есть мог принимать облик белки, которая снует туда-сюда по стволу Мирового Древа, перемещаясь в иные миры, а в образе sizogo orla и серого волка мог посещать мир богов. Вторым таким гениальным поэтом русских был Пушкин с его белкой, грызущей золотые орехи, и котом, ходящим по цепи вокруг дуба у Лукоморья. Для третьекурсника это была очень серьезная работа, и я даже махнул рукой на ошибки в правописании, а про себя решил, что надо познакомиться с Даниилом поближе.

У меня остались непроверенными только шесть работ, когда часы над дверями звучно, словно орган, пробили двенадцать. Глаза слипались, и я решил сделать перерыв. Несколько минут спустя в коридоре послышались торопливые шаги, и в учительскую влетел Спурий Волчий Хвост, преподаватель магии превращений. Вместо своей обычной мантии он был в кожаных штанах и меховой потертой куртке с наброшенным на голову капюшоном. Светлые волосы слиплись прядями. Раскрасневшись, он безумным взглядом обвел учительскую и уставился на меня.

— Хвала Волху! Вы здесь! — хрипло выдохнул он. — Вы ветеринар?

Я осторожно выпрямился:

— Вообще-то да, но...

— И прекрасно! — Спурий подскочил и схватил меня за руку, силой вытаскивая из-за стола. — Скорее! Нужна ваша помощь!

Он был гораздо сильнее шуплого меня. Кроме того весь его вид говорил о том, что произошло нечто необычайное.

Мы помчались по темным коридорам, спускаясь вниз, к выходу.

— Спурий, вы что? — воскликнул я, когда до меня дошло, куда мы направляемся. — Это опасно!

Запоздало я вспомнил о письме от незнакомца. Он предупреждал, чтобы я не выходил никуда по ночам. Тем более — это я знал точно! — на носу полнолуние, а в школьный парк иногда забредают оборотни.

— Конечно, опасно! — воскликнул Спурий, прыгая через три ступеньки. — Она умирает!

Это заставило меня заткнуться.

Второй раз я опомнился, когда мы выскочили на улицу. Я был в простой рубашке и короткой накидке, в мои башмаки сразу набился снег. Он крупными хлопьями летел прямо

нам в лицо, ветер забирался под одежду. Уже через полминуты я дрожал от холода и прилагал все усилия, чтобы согреться бегом.

— Это просто чудо, что я вспомнил о вас! — на бегу заговорил Спурий. Каким-то чудом он ухитрялся знать, куда бежит. — Понимаете, я только вышел прогуляться, слышу — шум. Я — бежать. Смотрю — она. А я-то в целительстве мало что понимаю. Невею позвать — да лихоманка не станет с Арысью возиться. Мол, не человек!

Мы обогнули левое крыло замка, промчались через занесенную снегом спортплощадку — я промок окончательно и бесповоротно, — потом по цепочке Спуриевых следов пересекли посадки возле оранжереи, перелезли через плетень возле свинарников и бычарни, и впереди, за небольшим полем, встал...

Нет, не школьный парк. К школьному парку надо было идти через правое крыло. А это была роща. И находилась она за пределами школы. Через заснеженное поле тянулась и пропадала во мраке дорожка полузасыпанных следов. Если бы не замешательство, я бы заметил, что следы какие-то странные...

— Но это же за территорией школы! — ахнул я.

— Конечно! — Спурий дернул меня за собой.

— Это опасно! Зимой тут шныряют оборотни!

— Знаю.

— И потом — что вы делали за территорией школы ночью?

— Дыхалку собьешь, — оборвал меня Спурий.

Увязая в глубоком снегу по колено, я был на последнем издыхании, когда мы наконец ввалились под кроны рощи. Тут было совсем темно из-за толстых стволов. Сугробы намело такие, что я, споткнувшись в темноте о корень, нырнул в один из них с головой. Мой провожатый спокойно выволок меня наружу, отряхнул и потащил за собой дальше. Дрожа от холода, я ругал себя последними словами за мягкотелость и думал о том, что завтра непременно свалюсь с простудой.

— Уже скоро, — выдохнул Спурий. — Вот сейчас...

И тут я увидел. И не поверил своим глазам. Это была небольшая полянка, через которую протекал ручей. Его ледяное покрывало было проломано в одном месте. Рядом, вытянувшись в сугробе, лежало странное существо. Снег вокруг него был изрыт и испачкан чем-то темным. Только подойдя ближе, я понял, что это кровь.

Спурий встал коленями в снег рядом с тварью.

— Арысь-поле, — промолвил он, касаясь ладонями ее шкуры. — Она ранена. Посмотрите, что с нею.

Я склонился над существом. Человеческое странным образом сочеталось в ней со звериным — сильное тело огромного волка, грубая складчатая, словно у носорога, кожа, но покрытая чешуей, задние лапы, увенчанные когтями, почти человеческие руки, обнаженная женская грудь и звериная морда, на которой особенно жутко смотрелись длинные лохматые косы и человеческие глаза. Грудь Арысь-поля и пострадала больше всего.

— Здесь ее сын учится, на третьем курсе. — Спурий держал это существо за... за руку. — Она прибегает к нему иногда по ночам, но сегодня не добежала. Она не видела, кто ее порвал. Если бы не я...

— Вы видели, кто это был? — спросил я.

— Одно могу сказать — это не призрак. Это человек.

— Человек?

— Да. По крайней мере, он двуногий. И... невысок ростом. Но бежит феноменально быстро.

Я тоже встал коленями в снег. Руки мои заоченели, и я еле смог дотронуться до рваных ран на плече и груди Арыси. Собственно, я никогда прежде не видел вообще никакой женской груди. С огромным усилием я заставил себя сосредоточиться на происходящем.

От запаха крови и вида рваных ран меня замутило. Арысь-поле вздрагивала и постанывала при каждом моем прикосновении. Хорошо еще, что было темно! Я кое-как

соединил обрывки плоти и закрыл их руками.

— Плоть, снова стань плотной, — начал я заклинание. — Кожей оденься, как древо корою. Жидкость жизни, бег свой умерь. Снова вернись во вместилище духа, чтоб не прервалась работа у Норн.

Арысь-поле судорожно вздохнула. Морда ее ткнулась в снег, глаза закрылись.

Оттолкнув меня, Спурий приник к ее морде.

— Жива, — выдохнул он минуту спустя и склонился над ее ранами, загребая в пригоршни снег и счищая его с тела. — Ух ты! Здорово! Шрам, правда, останется, но это ничего! Слышишь, сестра! Мы с тобой еще побегаем!

Арысь-поле пошевелилась и что-то прорычала.

— У вас золотые руки. — Спурий с чувством хлопнул меня по плечу, отчего я опять повалился в сугроб. Чертыхаясь, он выволок меня наружу. К тому времени у меня зуб на зуб не попадал.

— Что ж вы неженка-то такой! — всплеснул Спурий руками и набросил мне на плечи свою куртку, оставшись полуголым. Впрочем, это дела не меняло, ибо его руки, грудь и спина оказались покрытыми густым волосом. Наскоро попрощавшись с уснувшей Арысью, Спурий повел меня через поле обратно.

В поле меня чуть не сбил с ног ветер. Но к тому времени, когда мы вернулись на школьный двор и проходили мимо памятника Семерым Великим, я согрелся от ходьбы настолько, что снова мог говорить.

— Странно, кто же все-таки напал на Арысь? — произнес я.

— Я сам все время думаю об этом, — кивнул Спурий. — Раны явно нанесены ножом.

— Я в этом не разбираюсь...

— Зато я на своем веку перевидал немало ран — и от ножей, и от кинжалов, и от стилетов. Ее пытались зарезать, но кто и зачем? К сожалению, я ее не расспросил. А сейчас она не в том состоянии, чтобы говорить. Пожалуй, — он остановился на крыльце и обернулся назад, — я вернусь и перетащу ее куда-нибудь в укромное место. А не то оборотни ее разыщут. Верните мне куртку.

— А все-таки что вы делали в роще? — спросил я возвращая ему одежду.

— Гулял, — загадочно ответил Спурий. — Чудные дела творятся в школе, вы не находите?

— Да, — согласился я.

Спурий уже набросил на плечи свою куртку и сделал несколько шагов по занесенным снегом ступеням, но вдруг замер как вкопанный.

— Следы! — воскликнул он дрогнувшим голосом и упал на четвереньки.

Я вытянул шею. На занесенном снегом крыльце отпечатались следы чьих-то ног. Кто-то бежал, прыгая через три ступеньки, и явно этот «кто-то» пробежал тут уже после того, как мы вышли из замка.

— Смотрите, — Спурий запустил пальцы в один след, — это кровь! Это он! Тот, кто ранил Арысь-поле!

— А разве не может быть, что он поранился где-то еще? — предположил я. Спурий поднял на меня глаза, и я сам понял, что сморозил глупость. Кому придет в голову бегать ночью босиком по морозу?

— Прости, Арысь, — Спурий бросился по следам, — но придется тебе поспать в сугробе.

Мы влетели в вестибюль и замерли в изумлении.

Доспехи, стоявшие вдоль стен и на ступенях некоторых лестниц, те, в которые иногда вселялся дух Рыцаря, валялись на полу развалившиеся на части. Шлемы раскатились по всему помещению, отвалились латные перчатки и поножи. Оружие было разбросано в живописном беспорядке. Создавалось впечатление, что доспехи внезапно ожили и попытались сразиться с кем-то, кто раскидал их, как котят. Пока я глазел на разгром, Спурий на четвереньках удивительно проворно исследовал пол. Но вдруг он остановился и сел,

чихая.

— Невероятно, — промолвил он, прочихавшись, — я потерял след.

— А разве вы можете читать запахи?

Он бросил на меня косой взгляд из-под мокрой челки, я и подавился своими словами.

— Я его подкараулю, — мрачно пообещал Спурий и стукнул кулаком по полу. — Обязательно. Следующей же ночью!

Следующая ночь была ночью полнолуния...

Весь вечер я не находил себе места. О сломанных доспехах наутро узнала вся школа. Как стало мне известно, доспехи могли оживать сами и без «помощи» духа Рыцаря — на них было наложено заклятие, повелевающее атаковать любого незваного гостя. Стало понятно, что ночью в школу проник посторонний. И это было тем более странно, потому что тотальная проверка учащихся, обслуживающего персонала и даже живущих в подвалах нежити и духов показала, что лишних нет. Ради того, чтобы вычислить, кто этот незнакомец, мессир Леонард принес свои извинения привидениям, и они весь вечер прочесывали замок сверху донизу, однако даже их методы поиска не дали результатов.

Мы уже расходились из учительской, раздумывая над тем, что в школе находится неуловимый некто, когда Спурий Волчий Хвост хлопнул меня по плечу.

— Пожелайте мне удачи, — шепнул он.

— Вы хотите его поймать? — догадался я. — Но ведь его искали весь день!

— У меня свой метод. — Он оскалился.

Да, именно так! Несколько секунд я как зачарованный и смотрел на белые кривые клыки, вдруг выросшие у него из-под верхней губы. Цвет глаз преподавателя магии превращений тоже изменился с карего на золотисто-оранжевый, и я мысленно обругал себя ослом Изучать мифических существ — и не признать оборотня!

Пригнувшись, Спурий исчез за углом, а я поднялся к себе и заперся на замок. Сидеть с открытой дверью, когда по замку бродит оборотень...

Не помню, сколько я просидел в тишине. Потом глаза мои сами собой закрылись и...

Мне приснились голоса. Мужской и женский.

— Он здесь. — Это произнесла женщина.

— Где? — ответил ей мужской голос.

— Здесь! Я чувствую его! Он близко! Он совсем рядом! Прислушайся, разве ты не чувствуешь?

— Да, кажется, теперь и я... — медленно произнес мужчина.

— О Семеро Великих! О древние боги! Наконец-то! Хотя бы миг! Хотя бы час!

— Это невозможно.

Несмотря на тревогу, звучащую в голосах, я почему-то не испугался. Более того, обрадовался им, хотя был уверен, что раньше никогда их не слышал.

— Мы должны дать ему знак, — снова женщина. — Как?

— Не знаю! — в ее голосе прорвалось раздражение. — Ты же умный, придумай что-нибудь! Иначе я сама...

— Тише! Он...

Я проснулся. Голоса продолжали звучать.

— Видишь, что ты наделала?

— Я не могла иначе. Это очень важно!

— И опасно.

— Плевать!

Голоса звучали из тамбура. Я тихонько встал и, крадучись, направился туда. В моей комнате горел ночник, но в тамбуре царила такая крошечная тьма, что я сразу вспомнил неизвестного адресанта, советовавшего мне не ходить в темноте. И все-таки я чуть-чуть приоткрыл дверь, впуская в тамбур немного света.

И увидел, что из зеркала на туалетном столике — все, что осталось от моей предшественницы, — льется голубоватое сияние. Зеркало стояло боком, я не видел, кто в

нем отражается, но только сделал шаг...

Грохот. Далекий раскат грома. Зеркало вспыхнуло. Я отшатнулся, закрывая лицо руками, а когда решился взглянуть, свет померк. Подбежав к зеркалу, я увидел только темноту и свое бледное перекошенное лицо.

А потом послышался вой. Он долетел издалека, и было в нем столько ярости и боли, что я мигом забыл о голосах.

Пока я возился с замком, потерял целую минуту, поэтому, когда наконец выскочил в коридор, все было кончено.

Несколько газовых рожков горели синеватым светом. Под потолком парил Нетопырь Малюта Скуратов. Глаза его мигали, как светофор, то желтым, то зеленым.

— Это было жутко! Ужасно! Непостижимо! Коварно! Кошмарно! — восклицал он. — Я даже развоплотился от греха подальше! Жить, знаешь ли, хочется! А они... о-о! А-а! Ну-у... Просто ужас!

Со стороны левой лестницы послышался какой-то шорох. Я обернулся.

На площадке стоял крупный поджарый волк. Уши его были прижаты, янтарные глаза шурились, а верхняя губа дрожала, открывая клыки. Зверь медленно сделал шаг, нашел меня глазами — и только тут я узнал Спурия. Вернее, догадался, что это может быть он. Какой еще волк-оборотень будет разгуливать по школе в полнолуние?

— Спурий, — позвал я.

Зверь зарычал. Я быстро схватился за амулет, вскинул вверх другую руку и попытался представить себя волком. Таким же точно волком, который меньше всего на свете хочет причинить кому бы то ни было боль.

Оборотень зарычал и прыгнул.

Это мог быть последний миг в моей жизни, если бы не Нетопырь. Сложив крылья, привидение атаковало оборотня. Зверь промчался сквозь призрачную преграду, но затормозил, мотая головой, и это дало мне время, чтобы спастись.

Я успел ворваться в тамбур и захлопнуть дверь, которая тут же вздрогнула от ударившегося о нее грузного тела. Оборотень завыл, царапая дверь когтями.

— Спурий! Это же я! — закричал я. Ответом мне было злобное рычание.

Оборотень дежурил у моей двери до двух часов ночи. Только когда пропели первые петухи, он ушел.

Наутро ноги сами понесли меня к его комнате. Мне было страшно — идти в нору оборотня! — но с другой стороны, я же был специалистом по звериной магии и успел достаточно подготовиться. Тирлич-трава, клочок звериной шкуры и пояс с магическими наузами должны были предохранить меня от нового нападения или, по крайней мере, дать время воспользоваться заклинанием.

Спурий жил в угловой комнатке коридора, в который выходили спальни мальчиков первого курса. Ребята уже встали. Одни еще спешили к умывальникам, а другие шли в столовую.

Дверь в комнату Спурия была не заперта. Толкнув ее, я застыл на пороге.

Все в ней носило следы ужасного погрома. Кто-то целенаправленно пытался порвать и разбить все, что можно. Стены и мебель сохранили следы зубов и когтей. Сам Спурий, в чем мать родила, лежал лицом вниз на раскученной постели, закрыв лицо руками.

— Не подходите, — глухо проронил он.

Я замер.

— Уходите, — по-прежнему не поднимая головы, произнес он. — Я не хочу вас видеть. Я никого не хочу видеть!

— Но я только хотел... уже утро и... С вами все в порядке?

— Меня уволят.

— Глупости, — возразил я с уверенностью, которой сам от себя не ожидал. — В середине учебного года? Такого преподавателя, как вы?

— Я же зверь! — Спурий с усилием сел, потер ладонями лицо. — Мессир Леонард это

знает, но дама Морана... Сегодня ночью я хотел убить человека. Убить вас!

Я вспомнил злобного монстра, кинувшегося на меня в коридоре. Если бы не Нетопырь...

— Я ведь нашел его, — тем временем заговорил Спурий, — того человека, который хотел зарезать Арысь-поле. Он не очень-то тайлся. Словно хотел, чтобы я его нашел... Да, это был человек. Но... я не узнал его. Он завладел моим сознанием так быстро и умело, что я даже не стал сопротивляться. А потом получил приказ. И если бы не это привидение...

— Нетопырь Малюта Скуратов, — сказал я. — Он спас мне жизнь.

— Да, если бы не он... Будьте со мной поосторожнее, Максимилиан! Три ночи в месяц я самопроизвольно превращаюсь в волка. В другие ночи мне приходится пользоваться... м-м... подручными средствами. Я же преподаю магию превращений и должен всегда быть готов показать детям, как это делается! В такое время я не контролирую себя. Тем более что я получил приказ и пока еще его не выполнил. А отменить его можно только смертью «хозяина»!

— Но вы узнали этого человека?

— Нет. Он не дал мне это сделать. Одно могу сказать — в магии чувств он слаб. Иначе я не смог бы преодолеть его приказ и встретил бы вас сейчас в образе волка. Однако что мешает ему подготовиться получше? Так что будьте осторожнее, Максимилиан. И... пояс на вас... Он с ошибкой. Надо девятнадцать узлов, а у вас получилось только семнадцать.

Я сначала удивился, как он догадался о поясе — я ведь надел его под одежду! — но потом вспомнил, с кем имею дело, и, коротко попрощавшись, ушел.

О Белом Мигуне вот уже почти месяц не было никаких сообщений, начальство решило, что детям можно немного расслабиться, и за две недели до праздника Йоль устроило небольшой спортивный праздник. Каждый класс всех семи курсов должен был выставить одного человека для участия в заездах на кабанах, метании копья, стрельбе из лука, ледяной горке, борьбе и игре в мяч «кнаттлейк». Все это традиционно мужские виды спорта, так что основными участниками были мальчики. Девочки же должны были сыграть матч в мамбалет.

Объясняю для тех, кто не знает. Это такой чисто женский вид спорта, поскольку летают на метлах исключительно женщины. Зрителями же чаще бывают мужчины, ибо участницы надевают короткие пышные юбки и зрители, сидящие внизу, отлично видят под юбками ножки участниц. Играют двумя или тремя командами по десять игроков. У каждой команды есть талисман — гроздь из десяти шаров, которая висит в воздухе и может свободно перемещаться по полю. Задача игроков — не упустить свою гроздь, защитить ее от соперниц всеми способами и при этом ухитриться уничтожить все шары противника. За каждый лопнувший шар начисляется одно очко. Выигрывает та команда, которая первой проколет все шары противника. В этой игре (единственной) разрешено использование магии — запрещается только превращать противниц в неодушевленные предметы, а также метать в шары противника молнии с расстояния больше одной сажени.

В этой игре есть еще одно «но» — некоторые шары начинены не совсем приятным содержимым, как-то: птичьи перья, мед, конфетти, жидкая грязь. Внешне же все шары одинаковы, но, идя на таран, игроки часто рискуют перепачкаться с ног до головы. Мамбалет считается захватывающей игрой. Правда, иногда девушки забывают, что они волшебницы, и начинают просто таскать друг друга за волосы. В школах играют в облегченный вариант мамбалета — здесь действуют дополнительные правила и ограничения на полеты, так что здешний мамбалет превращается в подобие синхронного плавания.

В Школе МИФ участвуют в этом соревновании только ученицы старших классов, и в нынешнем году ставили команду шестого курса против седьмого. Большинство девушек умеет играть в мамбалет, занимаясь этим на каникулах дома. Но в нашей школе такое мероприятие проводилось всего второй или третий раз.

К олимпиаде подключили всех. В моем ведении находились ездовые кабаны. Надо было осмотреть всех кабанов в подсобном хозяйстве, поставить будущих скакунов на усиленное питание и приучить новичков к уздечке.

Несомненным фаворитом шести предыдущих скачек был кабан по имени Гульфакси 2118. Его постоянные соперники носили странные для свиней имена Слейпнир и Рататоск. Подрастала и молодая смена, из которой я отобрал молодых кабанов Грейпа, Гарма, Гэри и Фреки. Смотритель свиарника был элле (у скандинавов дух, похожий на эльфа. — Прим. авт.), и у него был заскок в сторону скандинавской мифологии. Но самое главное — все кабаны вели себя так, словно знали, что означают их имена.

Дав смотрителю, мрачному, неразговорчивому типу, задание кормить эту семерку получше и почаще гонять для тренировки, я направился к себе. Мне нужно было пройти через спортплощадку, и я невольно приостановился, ибо как раз в это время шла тренировка.

У большинства участников занятия заканчивались в половине четвертого, когда на улице уже начинало темнеть, поэтому ради подготовки к соревнованиям отменили все факультативы по субботам, так что для тренировок оставались два дня в неделю и все уроки магии жеста. Сегодня была пятница, когда занятий после обеда почти ни у кого нет, и ребята получили внеплановую тренировку.

На спортплощадке юноши метали копья и схватывались в поединках, в небе над ними парили на ученических метлах девушки, отрабатывая синхронный спуск и подъем. Семикурсницы держались в воздухе лучше, а сборная команда шестого курса никак не могла достичь нужной слаженности. На земле, нога на ногу, сидела на краю своей ступы Берегиня, курила и мрачно смотрела в небо. Поверх всегдашней полувоенной униформы она нацепила меховую душегрейку и стала похожей на сказочную Бабу Ягу. Не хватало только лаптей вместо начищенных до блеска сапог, драной юбки вместо холщовых штанов и цветастого платка на седых волосах.

Не вынимая трубку изо рта, Берегиня покосилась в мою сторону.

— Ну, как ты это находишь? — бросила она. Берегиня всегда обращалась ко мне на «ты». Как, впрочем, ко всем в школе.

— Красиво, — сказал я.

— А по-моему, ужасно. — Берегиня сплюнула на снег. — Что за молодежь пошла! Ни одной я бы не доверила оседлать гоночного дракона. Не говоря уж о боевом.

— Да, согласен, — кивнул я. Гоночные драконы, юркие ящерицы метров десяти длиной, не шли ни в какое сравнение с боевыми драконами, которые вырастали до сорока и пятидесяти метров.

— Разбираешься в драконах?

— Да.

— А сам летаешь?

— В Неврской Школе Искусств был предмет «пилотирование различных воздушных средств», — сознался я, — но...

— Так, может, подскажешь чего-нибудь? А то Морана хочет расширить летный парк школы. Все эти метлы повыкидывать — как-никак не каменный век на дворе! Она вроде бы с кем-то даже договорилась насчет поставки новых летающих предметов от пылесоса до мопеда. А тут...

— Извините, но я не могу летать, — вздохнул я. — То есть технику вождения я сдал, но подниматься в воздух... Я боюсь высоты. У меня голова кружится, и я теряю сознание. Я, когда маленький был, упал неудачно. Даже на дракоморане не могу летать — сразу становится плохо.

— Сочувствую, — Берегиня смерила меня взглядом, — но помочь не могу... Эй! Вторая пара! — заорала она на девушек. — Держать дистанцию! Вытянули руки! Коснулись пальцев друг друга! Вот ваша дистанция! Затвердить, как строевой устав!

В один миг она запрыгнула в ступу, щелкнула тумблером и, подхватив метлу, взмыла ввысь с такой скоростью, что меня замутило. Я присел на скамейку и переждал, когда пройдет приступ дурноты. Да, меня тошнило, даже когда рядом кто-то закладывал вираж. Именно по этой причине я не любил заниматься спортом.

И вот наконец настал день соревнований. Ради такого праздника были приглашены

родители участников — словно в назидание тем, кто отказался участвовать. Лично меня не радовало такое разделение детей на хороших и плохих, но мое мнение никого не интересовало.

Вместе с другими я сидел на трибуне в ложе для преподавателей и смотрел за скачками на кабанах — надо было сначала укротить зверя, а потом доскакать на нем до финиша. Далее было метание копья и стрельба из лука, причем мальчики метали копья друг в друга, и надо было не просто увернуться от копья, но поймать его и кинуть в кого-нибудь другого. Выбывал тот, кто этого не сумел. На сей раз обошлось без травм, а то в нашей Школе Искусств был случай, когда копье пронзило игрока насквозь. Мальчик выжил, но соревнования подобного рода там больше не проводились.

По сравнению с этим ледяная горка и бег на лыжах уже не казались такими зрелищными. И я, дождавшись перерыва перед объявлением мамбалета, уже направился потихоньку прочь, но тут меня выловила дама Морана.

— Максимилиан! — раздался над ухом ее высокий требовательный голос. — Вы мне нужны.

«Опять будет спрашивать, когда я принесу на подпись журналы!» — мысленно взвыл я, но завуч положила мне руку на плечо.

— Вот что, Максимилиан, у нас нет судьи на поле в мамбалете.

Я разинул рот:

— Ка-ак, нет судьи? А Береги...

— Берегиня главный судья соревнований, — перебила меня завуч. — Ей нельзя отвлекаться. А вы самый молодой и проворный среди нас и...

— Но я не могу! — воскликнул я. — Я не переносу высоты! У меня голова...

— У всех голова. Все не могут. А вы к тому же не принимали участия в подготовке соревнований. Вот и отрабатывайте!

— А кабаны? — попробовал возразить я.

— Что? Вы хотите, чтобы летали свиньи? — скривилась завуч. — Ну, знаете, молодой человек, я была о вас лучшего мнения. Что ж, в следующий раз...

— Ладно, — обреченно махнул я рукой. — Согласен. Но я вас предупредил!

А что бы вы сделали, если бы ваше начальство посмотрело на вас ТАК! Дама Морана — специалист по рунам. Моя судьба была в ее руках, как в смысле работы в школе, так и в плане просто жизни.

Берегиня с пониманием отнеслась к моей проблеме.

— Я скажу Моране, — пообещала она. — Но сейчас... Придется тебе, ничего не подделаешь. Возьми мою ступу. У нее автопилот — внизу под ободом рычажок. И управление метлой я тебе настроила проще некуда. Хочешь взлететь — метлу вверх. Хочешь опуститься метлу вниз. Зависнуть в воздухе — держи ее неподвижно. А надо повернуть...

— Поверни метлу в ту же сторону, — кивнул я.

— Молодец! И главное — вниз не смотри. Только по сторонам, на девчонок.

Она подмигнула мне и хихикнула. И вот я в воздухе! Ощущение, скажу я вам, двойственное. Наверное, правда, раньше маги были птицами и умение летать у нас в крови. Во всяком случае, я считал себя ущербным именно потому, что не мог оторваться от земли. А теперь я летел — и ужасно этого боялся. Ведь стоило мне чуть-чуть не так двинуть метлой и даже просто отвлечься и...

А отвлекаться было на что. Двадцать девушек от пятнадцати до семнадцати лет кружили возле меня. Команды-соперницы глазам своим не верили. Они раз за разом пролетали так близко от меня, что я мог бы учуять запах их духов и изо всех сил старался держать себя в руках. Некоторые из них были моими ученицами. Я не имел права ударить в грязь лицом перед ними. Вообще-то, именно судья на поле дает знак к началу игры и следит за правилами. Но благодаря мне игра началась почти на четверть часа позже.

И пошло. Две связки разноцветных шаров выплыли над полем, и команды с визгом ринулись к ним.

Это было нечто! Свист ветра в ушах, обрывки заклинаний, выкрикиваемых девушками, все мыслимые и немыслимые фигуры высшего пилотажа и фигурки девушек в обтягивающих трико. Я вертел головой, следя за проносящимися вокруг ведьмочками, и до боли стискивал ручку метлы, которая, как якорь, позволяла мне висеть на одном месте.

Счет открыла метательная звездочка, пущенная одной из шестикурсниц, и дождь конфетти. Потом семикурсницы отыгрались, проткнув сразу два шара в команде соперниц. Правда, при этом одна из летуний-камикадзе оказалась вывалянной в меду и покинула игру. И шестой курс не замедлил этим воспользоваться, сравнив счет.

Я не видел, как девушки это сделали. Мне было не до того. Руки у меня с непривычки затекли, и я последние две минуты тратил на то, чтобы удержать метлу ровно. Где-то внизу был тумблер автопилота, но, чтобы его найти, мне надо было заглянуть внутрь ступы. То есть пошевелиться, а этого я боялся больше всего на свете. И все-таки я рискнул. Уперев метлу в обод ступы, я осторожно разжал пальцы одной руки и наклонился, выискивая взглядом тумблер...

Нарастающий свист и крики отвлекли меня. Я вскинул голову — прямо на меня, кувыркаясь, неслась связка шаров. Четверо девчонок висели на ней, пытаясь оттащить в сторону, а остальные отбивались от атакующей группы противниц.

Семикурсницы были более сыгранными. Они и меньшим числом ухитрялись теснить противниц. Одна из них ловко выхватила из прутьев метлы стилет и метнула его. Спасаясь от оружия, шестикурсницы шарахнулись врассыпную, и стилет поразил третий шар.

Он взорвался у меня над головой, и я запаниковал. Ступу развернуло, метла от толчка качнулась, и я закувыркался в воздухе.

По теории вождения у меня было «отлично», но тут я все забыл и замахал метлой, как простой смертный, — ступа кувыркнулась в воздухе... В глазах у меня потемнело. Комок подкатил к горлу, голова закружилась. Последнее, что я увидел, была связка шаров, с которой я и столкнулся.

А потом был оглушительный взрыв и падение в сугроб.

Очнулся я в больничной палате. Медпункт в школе был небольшим — при таком враче, как лихоманка болеть никому неохота. Кроме того, Невея Виевна преподавала целительную магию и с первого курса пичкала учеников заклинаниями и заговорами от многих болезней. Поэтому на ее попечение попадали лишь младшеклассники, еще не освоившие основных целительных приемов, да подобные мне неудачники, получившие травмы. Простуду, депрессию, ссадины, перхоть и кариес уже со второго курса дети могли лечить у себя сами.

Медпункт состоял из четырех помещений — две комнаты для медосмотров, каморка, в ней у Невеи хранились лекарственные препараты, и сама больничная палата, где я и находился. Она была полукруглой, в ней веером были расставлены вдоль стен шесть кроватей, отделенных друг от друга ширмами. В середине комнаты стояла кадка с лавровым деревом.

Невея Виевна материализовалась у изножья моей постели меньше чем через минуту после того, как я пришел в себя.

— Очнулся, — сердито прошелестела она и хрустнула тонкими узловатыми пальцами. Ее темное худое лицо со злыми глазами и скорбно поджатыми губами было недовольным. — И как же это получилось?

— Я не умею летать, — пожаловался я.

— А чего же полез в ступу?

— Завуч приказала.

— «Приказала»? А своя голова есть на плечах?

— Есть, но...

— Без мозгов, — прокомментировала Невея Виевна. — Вообще-то все в порядке. Сотрясения нет, переломов тоже... Парочка ушибов, но это пройдет. Подходить не буду — тебе еще жить да жить!

Захохотав своей шутке, она растаяла в воздухе. А я перевел дух. Мне уже говорили, что

Невея легко определяет, насколько безнадежен больной. Чем ближе она к нему подходит, тем меньше человеку осталось жить. А уж если прикоснулась к руке или погладила по щеке — все.

Но долго наслаждаться одиночеством мне не дали. Дверь распахнулась, и в палату хлынули посетительницы. Команда шестых курсов по мамбалету в полном составе. Девчонки были еще в летних обтягивающих трико, и я почувствовал, что краснею.

На маленькую тумбочку рядом с моей кроватью поставили два горшочка и пирог.

— Это вам. — Кристина Шульц, сестра-близнец Кристиана, записного жениха шестого курса, поставила мне в стакан несколько цветочков из оранжереи. — Поправляйтесь.

— Да я почти здоров. Невея Виевна мне ничего не сказала, так что отлежусь и пойду к себе.

— Ой, вы лежите-лежите, — затараторили девчонки, окружив кровать, и в двадцать рук принялись поправлять на мне одеяло, переставлять ширму поуютнее и разбираться в тумбочке. — Вам сейчас вредно волноваться. А вдруг у вас сотрясение мозга?

— Ничего страшного! — повысил я голос. — Я... девочки, мне жаль, что так получилось... Ну, что вы из-за меня проиграли.

Девчонки присмирели и сгрудились около кровати. Вероника смотрела мне прямо в глаза.

— Вы не волнуйтесь, мастер Мортон, — сказала она. — Мы сами виноваты.

— Нет, это я...

— Да у нас команда была несыгранная. Я, например, так вообще первый раз в этот мамбалет играла, — вступила в разговор Инга, подружка Кристины. — И сама жутко боялась.

— Мы бы и так проиграли. — Капитан шестикурсниц, Марта Стурулсон, поджала губы. — Разве что на полчаса позже и не с таким разгромным счетом. У нас было бы 4:10.

— А сколько сейчас?

— 2:10! Шары взорвались от столкновения с вами.

— Извините, девчонки, — повторил я и закрыл глаза. Мне не хотелось, чтобы они дольше торчали тут, и я решил изобразить приступ головной боли.

— Мы пойдем? — услышал я шепот.

— Идите.

Кто-то погладил меня по запястью. Я быстро открыл глаза. Вероника отдернула руку.

— Поправляйтесь, — прошептала она и выскочила вон.

Почти тут же, словно ждала за дверью, в палату ворвалась дама Морана. Замешкавшаяся остальная команда при ее появлении шарахнулась в разные стороны.

— Вам что, делать больше нечего?! — рыкнула на девушек завуч. — Какое бесстыдство!

Захлопнув за девушками дверь, она повернулась ко мне, и я остро пожалел, что не исчез вместе с ними.

— Ну знаете, Максимилиан! Это уже переходит всякие границы! Так опозориться! Перед всей школой! Благодарите судьбу, что это было внутришкольное соревнование. Если бы мы пригласили гостей и вы так опозорились перед приглашенными!.. О, это у непостижимо!

— Я предупреждал вас, — вякнул я.

— Предупреждал он! — фыркнула завуч. — Да как вы не можете понять, что, если бы с вами что-то случилось мне бы пришлось отвечать! Директору пришлось бы отвечать, а на школе было бы такое пятно, что вовек не отмоешься! Нет, вы думаете только о себе! О других вам подумать лень. Престиж школы вас не волнует! О, если бы не ваши руны, я бы всерьез подумала о том, подписывать ли с вами контракт на следующий год!

— А какие у меня руны? — решил я на вопрос. Но дама Морана только смирила меня уничтожающим взглядом.

— Советую вам хорошенько подумать над своим поведением, мастер Мортон, —

отчеканила она и направилась к двери. — И запомните: заменить вас нечем. На носу конец полугодия, и я настоятельно рекомендую вам поправиться до понедельника. Иначе я всерьез подниму на ближайшем педсовете вопрос о вашей профпригодности! В любом случае я поставлю вам на вид за срыв общешкольного мероприятия.

И хлопнула дверью.

После ее ухода у меня на самом деле разболелась голова, поэтому вереницу остальных посетителей я принимал с неохотой. А в гостях у меня перебивал весь женский персонал школы. Каждая учительница приносила мне либо сувенирчик, либо домашнюю выпечку, так что прикроватная тумбочка совершенно скрылась под горой подарков, и я понял, что об ужине и завтраке можно не беспокоиться.

Берегиня зашла уже вечером, когда Невея включила над моей постелью лампу. Я читал новый номер журнала «Вестник Криптозоологии», когда она вошла строевым шагом. На преподавательнице боевой магии был ее всегдашний комбинезон, в зубах — погасшая трубка.

— Влетело от Мораны? — вместо приветствия спросила она.

— Да, — я отложил журнал, — обещала поставить на вид за срыв мероприятия.

— Расслабься. — Берегиня пососала трубку. — Я уже говорила с нею. Сказала, что ручка метлы треснула после первого удара, так что со сломанной метлой на чужой ступе вырулить не смог бы никто — если он не родился с крыльями. Так что выговор тебе не грозит.

— Спасибо, — сказал я и отвернулся к стене. Я-то знал, что не удержал бы в воздухе ступу в любом случае.

Глава 5

На первое занятие в понедельник я шел с особым чувством. Во-первых, это была последняя учебная неделя в году. В следующий понедельник уже Йоль, школьники еще в субботу и воскресенье разъедутся на каникулы и вернутся только через десять дней. Уедут и многие учителя. Школа опустеет.

Первое мое занятие было у одного из классов третьего курса, три последующих — у шестикурсников. Вероника вошла в аудиторию в числе первых, села на свое место и уставилась на меня так внимательно словно ждала важного правительственного сообщения.

— Итак, — начал я, стараясь не замечать ее чересчур пристального взгляда, — несмотря на то что скоро новогодние праздники, начнем новую тему. Она большая, хватит на два полных месяца. Тема: «Защита от нападения животных — обыкновенных, магических и мифических».

На человека обычные животные сами нападают крайне редко — только защищаясь или же в случае стремления к людоедству. Животные магические могут напасть, следуя приказу, вложенному в их мозг. Поведение мифических животных и причины атаки на людей мы рассмотрим в свое время, ибо у каждого зверя сия причина сугубо индивидуальна.

Основных способов защиты всего два — применить магию и войти со зверем в контакт. Магия — это подавление воли животного, внушение ему определенной модели поведения. Контакт — объяснить зверю, кто ты и чего тебе надо. Это, если можно так сказать, вхождение в доверие к зверю, превращение в одного. Кстати, некоторые простые смертные тоже владеют искусством общения с животными — неосознанно, разумеется, и на самом низшем уровне, что служит лишним доказательством того, что человек вышел из природы.

Сперва мы подробно изучим обычных животных, потом перейдем к животным мифическим. Затем займемся животными-символами... Вероника, — прервал я сам себя, потому что больше не мог выносить ее пристально-мечтательного взгляда, — почему я выделил животных-символов в отдельную группу?

Девушка вскочила, хлопая глазами и заливаясь краской. Она вмиг побагровела так, что

из глаз ее хлынули слезы, словно она стремилась потушить пожар румянца.

— Наверное... они... потому что... извините, — закончила она совсем тихо и опустила голову.

Только слез мне не хватало!

— Сядь, — сказал я. — И постарайся быть внимательнее.

Она буквально рухнула на парту, но тут же подняла на меня глаза. В них стояли слезы, и я почувствовал себя виноватым. Довел девчонку до слез! Совсем недавно я был точно таким же и так же смущался, когда учитель внезапно обращал на меня внимание.

— Животные-символы, — продолжил я, — суть воплощение богов. И прежде чем защищаться от них и просто вступать в контакт, нужно определить, кто перед вами — простой медведь, берсерк, забывший сбросить шкуру, или сам Велес. Во всех трех случаях ваше поведение должно быть различным. Кроме того, тот же медведь может не быть никем, но всего лишь посредником между истинным Велесом и вами. А Велес — он кто?

Кристина Шульц подняла руку.

— Одно из званий Велеса — покровитель стад.

— А также знаний и магии как таковой, — сказал я. — Так что Велес может послать медведя, чтобы проверить вас — как вы относитесь к животным вообще и каковы вы как маг в частности. Ибо мало носить в своей крови частицу магии — надо еще и уметь ею пользоваться... Ну и, наконец, последняя группа животных — это хтонические монстры, такие как Мировой Змей Ермунгард, Мамонт и им подобные. Каждого мы будем проходить отдельно, ибо договориться с ними практически невозможно и все, что вы сможете предпринять при встрече с ними, это успеть убежать...

Я продолжал вести занятие, задавал вопросы, выслушивал ответы, что-то рассказывал и показывал, а сам чувствовал на себе взгляд Вероники. К концу урока девушка успокоилась и даже пару раз ответила на несложные вопросы, но я чувствовал, что мысли ее бродят где-то далеко. По правде сказать, со дня нашего «похода» в Башню Баныши я не раз замечал, что она смотрит на меня как-то странно. Но сегодня... Наконец, прозвенел звонок.

— Вероника, задержись, — позвал я, когда девушки гурьбой направились к дверям. Она спокойно вернулась и села на свое место.

— Скажи мне, что происходит? — начал я. — Что с тобой творится?

Девушка несколько раз глубоко вздохнула, опустив взгляд на свои руки.

— У тебя какие-то проблемы?

Она кивнула.

— Ничего не хочешь мне рассказать?

Она помотала головой и вздохнула.

— Я же вижу — с тобой что-то происходит. Раньше ты не была такой.

— Раньше, — молвила она еле слышно, — раньше все было по-другому.

— А что изменилось теперь?

Вероника вскинула на меня глаза, и я поразился — на миг в них блеснул такой же неистовый огонь, какой был на снимке у моей матери.

— Мастер Мортон, я могу с вами посоветоваться?

— Да, конечно. — Я бросил взгляд на часы. Закончилась третья пара, сейчас перерыв на обед, так что времени немного есть. — Я слушаю.

Девушка несколько раз глубоко вздохнула.

— Понимаете, — начала она, — у нас в школе... есть один человек. Он... не такой, как все. Если вы понимаете, про что я...

— Понимаю. Это, случайно, не Кристиан Шульц?

— Нет! — Она даже подпрыгнула. — С Крисом все кончено! Я сказала Кристине, чтобы этот осел больше близко ко мне не подходил! Предатель! Трус!

— Ладно. Я могу узнать, кто это?

— Нет.

— Извини.

— В общем, я... Я не знаю, как ему сказать, что он... Ну, сказать ему правду. Вы понимаете?

— Понимаю, — кивнул я. Веронике шел шестнадцатый год. Мне было столько же, когда я внезапно понял, что Анастасия Мельник — самая красивая девочка в Школе Искусств.

— Да ничего вы не понимаете! — вскричала вдруг Вероника и, подхватив сумку, бегом вылетела из аудитории.

Праздник Йоль все ждали, к нему все готовились, но наступил он все равно неожиданно. Просто лично я был так замотан, что обнаружил окончание полугодия только в пятницу, когда во второй половине дня мы, педагоги и дети, вместо занятий занялись украшением школы. Многочисленные гирлянды, венки из хвои и воздушные шары цепляли везде, где только можно. Прощенные привидения носились вечером по коридорам, шальные от предпраздничной суеты. Нетопырь стащил несколько воздушных шаров, разорвал их и наделал маленьких шариков, которые наполнил краской и уже пристреливался этими снарядами. Оживающий Доспех ворчал и то и дело срывал с себя гирлянды и венки. Прилежный Ученик бродил по этажам с постной миной, стонал, что целых десять дней нельзя будет ходить на лекции, и приставал к педагогам, умоляя дать ему домашнее задание, а ученикам предлагая помочь подготовиться к контрольной. Неугомонный Строитель ворчал, что после Йоля школа по башни окажется заваленной мусором, и проектировал дополнительный подвал, куда все это надо свалить. А Сумасшедший Проповедник пытался разучить с младшекурсниками старинный псалом: «Розы цветут, красота, красота! Скоро узрим мы младенца Христа!» Когда же ему объяснили, что Йоль не имеет отношения к этому событию, он обиделся и снова стал насыпать на всех проклятия.

Школьный бал устроили в последний день перед отъездом. Хотя в субботу было два рейса Йотунхеймского экспресса, воспользовались им единицы. Большинство осталось на праздник, ибо, кроме Самхейна и Бельтана, это была единственная ночь в учебном году, когда отбоя нет.

По опыту собственных школьных лет я не любил этот праздник. Нет, не потому, что мои приемные родители дурно обращались со мной — наоборот, я всегда получал подарки, а в первый день каникул мы всей семьей отправлялись в горы или на ярмарку. Семейство Граф и сейчас прислало мне поздравительные открытки, целых три штуки, и посылку — большую монографию о животном мире северных гор и перчатки. Но в школе я никогда не пользовался популярностью на балу и чаще всего скучал в уголке в одиночестве. Вот и сейчас, несмотря на то что был уже одет, я медлил, не решаясь выйти из своей комнаты.

А потом в дверь постучали.

— Максимилиан! — послышался резкий голос Берегини. — Ты еще там? Внимание, я вхожу!

В следующий миг дверь распахнулась от резкого удара ноги. Я, стоящий перед зеркалом в тамбуре, даже подпрыгнул.

— Класс! — Берегиня подняла большой палец. — Ты просто супер! Хватит прихорашиваться, там все уже начинается.

Старый боевой маг относилась ко мне с подчеркнутой фамильярностью, как, впрочем, ко всем в школе. Я привык воспринимать ее как заядлую оригиналку, которая слишком стара, чтобы меняться и бояться увольнения. Но сейчас Берегиня выглядела иной.

— Красавец! — Она взяла меня под руку. — Разрешишь стать твоим телохранителем?

Я даже разинул рот: Берегиня красовалась в угольно-черном с золотыми и серебряными нашивками мундире Особого Легиона. Ее грудь украшал целый иконостас орденов. Даже я, бесконечно далекий от военного дела, сразу узнал их. Берегиня была полным кавалером всех престижных наград — Секиры Перуна четырех степеней, Молота Тора, Молний Зевса и даже Копья Лугга. Чуть ниже этих шестнадцати наград, любой из которых мог гордиться боевой маг, красовались медали и ордена значением поменьше — несколько кельтских крестов, индийская свастика, а также просто нашивки за различные

боевые акции.

— Неужели вы участвовали в стольких войнах? — вырвалось у меня.

— Да, милый мой, в свое время меня помотало по свету. — Берегиня довольно ухмыльнулась и достала неизменную трубку. — Я достаточно стара и могу сказать без обиняков, что мало какая кампания обходилась без меня и моего подразделения. Вот, — она ткнула пальцем в нашивку, изображающую египетского бога Гора, — за освобождение Египта от ассирийцев. Это — за войны в Вавилонии. Вот это — за участие в этрусских конфликтах, а это — за секретные операции в Тибете. Ну, а на этой стороне — за Крестовые походы.

Я с удивлением рассматривал несколько довольно невзрачных знаков отличия, какими пользуются простые смертные.

— Да, Макс, — Берегиня потащила меня по коридору, — я принимала участие во многих войнах простых смертных. За одни только походы в составе войск древних славян и русичей я заработала восемь серебряных и шесть золотых гривен! Я ходила с Олегом на Царьград, я сражалась на стороне бодричей против кельтов и на стороне славян против хазар. Меня помнил сам Святослав. А были еще походы викингов и войны короля Артура. Про Владимира Мономаха я вообще молчу. Со дня его смерти еще не прошла тысяча лет, поэтому кое-какие тайны его побед я просто не имею права раскрывать, — старуха подмигнула мне. — Кстати, если бы не я, в русских былинах богатырей было бы намного меньше. Ведь именно я была той самой женой Дуная, которую он якобы зарубил... Дунай был из древнего рода, но я-то была древнее. Я выжила, хотя в былине говорится по-другому. Выжила, — голос ее посуровел, — но детей больше иметь не могла.

— А у вас были дети?

— Я хотела иметь детей. — Берегиня раскурила трубку и обдала меня клубами едкого дыма. Судя по запаху, туда она щедро насыпала Одолень-травы. — Когда твоя жизнь ежедневно висит на волоске, однажды понимаешь, что, если тебя убьют, после не останется ничего. А так — даже умирать легче, если знаешь, что где-то там в надежном месте растет сын. Или дочь. Многие наши девчонки — я ведь стояла у истоков движения амазонок! — сперва рожали, а уж потом кидались воевать. А вот мне не повезло... Зато судьба меня хранила в другом! — продолжала она более веселым тоном. — Кроме меня, такое количество орденов не получил никто! Хотя нет, вру! Есть еще две женщины — Перуница, дочь Перуна, и Афина Паллада.

— А как вы оказались здесь, в школе?

— Тяжелая история! — поморщилась Берегиня. — Хотя именно за это сражение я получила последнюю секиру Перуна и стала полным кавалером этого ордена. Я стояла у истоков движения амазонок — я видела и его закат. Это был 1238 год нашей эры по счету простых смертных. Тогда монголы напали на Русь. В мещерских лесах им противостоял отряд Авдотьи Рязанки. Она была моей ученицей. Какая женщина! В восьмом колене правнучка самого Словья-Разбойника! По сути это был последний на Руси женский полк, там хранились древние секреты боевой магии. Они вышли на бой от отчаяния — им казалось, что Русь погибла и никогда не возродится. Авдотья уже знала, что разгромлен партизанский отряд Евпатия Коловрата, и хотела умереть, как и он... Их было двести — против двух тысяч. Выжили тридцать шесть. Авдотья попала в плен, потом бежала, подняв восстание и уведя с собой большую часть полона. Вскоре она умерла при родах. После ее смерти я обставила дело так, чтобы никто не узнал правду о судьбе Авдотьи Рязанки, и подала в отставку. Несколько веков просто жила в глуши, ждала смерти и злилась на весь свет. А потом поняла, что сдохну от скуки, если не займусь хоть чем-то. И, скажу по правде, мне нравится такая жизнь!

Берегиня подмигнула мне и распахнула дверь в большую залу.

Она была залита огнями, сверкала украшениями, и все посторонние мысли мигом выветрились у меня из головы. Я словно вернулся в реальный мир и с удовольствием озирался по сторонам.

В центре зала высилась украшенная ель — символ Мирового Древа. У ее подножия горел неугасимый огонь и стояли восемь фигур, символизирующих восемь месяцев¹ года. Вокруг были разложены подарки, обозначающие, чего люди ждут от предстоящего года. Фигурки животных символизировали богатство, защиту и силу. Пироги и сладости — сытную жизнь. Украшения — любовь и дружбу. Некоторые ученики подходили и клали рядом свои собственные подношения, загадывая желания. Воздух дрожал и искрился от мысленных заклинаний.

Нечисть тоже была тут. Привидения носились по залу, и даже Сумасшедший Проповедник на время оставил свои заморочки и с шуточками преследовал Студентку-Неудачницу. Уворачиваясь от Нетопыря, тут и там сновали феи и сильфиды. У огня в кружок расселись саламандры, а по углам шушукались домовые и брауни.

Наше появление не осталось незамеченным. Половину торжественной части мы все-таки пропустили, и нас с Берегиней сразу обступили преподаватели.

— Как это все-таки невежливо с вашей стороны — заставлять дам ждать, Максимилиан! — кокетливо улыбнулась мне Лыбедь. — Вы здесь самый привлекательный мужчина и лишаете нас своего общества!

— Ручаюсь, лорд Мортон настоящий джентльмен и сможет уделить внимание каждой из нас, — кивнула леди Ульфрида.

— Если вы не порвете его на части, — грубовато хохотнула Берегиня. Она цепко держала меня за локоть, словно я был ее собственностью.

— Оставьте выбор ему, — грудным голосом промолвила Сирена. — Ведь и владычицы Судеб порой выбор предоставляют нам самим.

— В конце концов, он здесь не единственный мужчина, — снова вступилась за меня Берегиня.

— Фи. — Преподавательница магии иллюзий Маска томно закатила глаза — или, вернее, свою маску, украшенную мишурой так, что ее истинные форму и цвет угадать было трудно. — Новое всегда предпочтительнее старого, ибо таит в себе загадки. Без познания нового нет жизни и движения вперед, ибо...

— Вот пусть юноша сам и разберется, что к чему. — Лыбедь не дала ей договорить и решительно заняла место слева от меня. Справа часовым на посту замерла Берегиня, и я подумал, что с этой стороны ко мне не подберется даже дама Морана.

Впрочем, грозная завуч маячила где-то вдалеке, рядом с дамой Трудой и мессиром Леонардом, которые расселись в креслах и свысока взирали на суету.

Остальные педагоги рассредоточились по залу. Невея Виевна бесшумно скользила вдоль стены по периметру, что-то бормоча себе под нос. Лилита, преподаватель магии начал, охмурила — не подберу другого слова! — Спурия, а тот смотрел на нее исподлобья такими голодными глазами, что мне стало неловко. Кругом же дети! А Черный Вэл подпирал стену в дальнем углу, и от его холодного взгляда мне стало не по себе. Словно примеривается, куда ударить ножом!

Зазвучала музыка, и прежде, чем я успел опомниться, Лыбедь подхватила меня за руку и утащила в круг. Это было что-то! Танцевать с магом танца — ощущение незабываемое. Когда музыка смолкла и Лыбедь меня отпустила, я был выжат, как лимон, и не упал на пол только потому, что ухватился за стену. Берегиня тут же возникла у меня над правым плечом с бокалом шампанского, и я выхлебал его, не чувствуя вкуса.

— Что, парень, тяжело? — усмехнулась боевой маг. — Скажи спасибо, что я, старуха, танцы не люблю!

— Спасибо! — с чувством ответил я и в награду получил второй бокал.

В это время снова послышалась танцевальная мелодия, и не успел я глазом моргнуть,

¹ В магическом календаре восемь месяцев, а не двенадцать, как это принято у простых смертных. (Прим. автора.)

как возле меня возникли Маска, Сирена и леди Ульфрида. Мне очень хотелось оказаться отсюда за тридевять земель, но делать было нечего. Я выпрямился и наугад протянул руку...

Йоль отгремел, праздник закончился, дети разъезжались по домам. Получив в воскресенье утром от семейства Граф сразу четырех сорок с телеграммами — «Ждем, скучаем, приезжай!» — я уже собирал вещи, готовясь успеть на вечерний Йотунхеймский экспресс, когда в мою комнату заглянула дама Морана.

— Куда это вы собираетесь, Максимилиан? — осведомилась она.

Застигнутый врасплох — всю последнюю неделю мне удавалось избегать общения с завучем, — я сказал правду:

— Домой.

— А меня вы предупредили?

— М-м... А надо было?

— Конечно! Кто, по-вашему, будет ухаживать за живым уголком в ваше отсутствие?

— Не знаю.

— Раз вы не побеспокоились об этом сами и заранее, то придется вам оставаться тут на каникулы. А в следующий раз подайте мне за неделю сведения о том, кто вместо вас будет кормить зверей. Вы же не хотите, чтобы они умерли с голоду?

— Но разве в школе никого не остается? — робко поинтересовался я.

— Остается. Привидения. — Дама Морана взглянула мне в глаза. — Дальше что?

— Ничего, — вздохнул я.

Проводив последний дилижанс, который должен был доставить учеников к вечернему экспрессу, я в одиночестве вернулся в школу. Опустевшая, она казалась бесприютной. Оживающий Доспех — на сей раз в кожаном нагруднике ассирийцев — отдал мне салют копьем, а Примерный Ученик, встретив в коридоре, радостно похлопал по руке:

— Это же здорово, что вы остались, учитель! Мы сможем позаниматься дополнительно!

Я представил себе общение с помешанным на учебе призраком и загрустил.

Проходя по четвертому этажу к себе в кабинет, я увидел, что из-под двери учительской пробивается полоска света. Недоумевая, кто еще мог остаться в школе, — даже одинокая Берегиня и та отправилась куда-то на слет ветеранов, — я заглянул внутрь.

В глубоком камине, украшенном статуями химер, жарко пылал огонь, горело несколько свечей, а в кресле у самой решетки сидел Черный Вэл и грел в руках высокий бокал. Рядом стояла бутылка.

— Вы? — скрипучим голосом промолвил он, не удивившись моему появлению. — Остались?

— Вы тоже.

— Мне некуда ехать. Выпьете? — Он кивнул на бутылку.

— Я не пью.

— Бросьте. Сегодня можно. Делать-то все равно нечего!

С этим я мог поспорить — завтра с утра пораньше мне придется кормить зверей в живом уголке, — но вечер обещал быть пустым и скучным, и я прошел в учительскую и взял из рук Вэла бокал...

Наконец каникулы закончились. В тот день, когда должны были вернуться с отдыха мои коллеги, я испытал двойственное чувство. С одной стороны, я радовался тому, что заканчиваются дни беспросветной скуки. А с другой — приходил в тихий ужас от того, что все начнется сначала. За эти дни я успел понять, что больше всего на свете люблю одиночество, тишину и покой.

Целых восемь дней мы провели с Черным Вэлом один на один. Впрочем, это сильно сказано. «Господин отравитель» сутками торчал в своем подвале наедине с колбами, пробирками, сушеными травами, хвостами ящериц, головами летучих мышей, спорами грибов и тому подобными малоприятными вещами. Если он выползал посидеть у камина в учительской и мне удавалось застать его там, такие вечера сильно напоминали траур.

Обычно вынужденное одиночество сближает людей, но за восемь дней мы едва перекинулись парой слов.

За это время нам дважды присылал телеграммы на сорочьих хвостах мессир Леонард, и шесть писем принесли почтовые вороны от дамы Мораны Геррейд. Нетерпеливая завуч заваливала нас рекомендациями, что и как надо сделать, напоминала, что мы должны сочинить по паре отчетов, заполнить журналы и тому подобное. В последнем письме она подробно проинструктировала, как приготовить школу к приезду сперва педагогов, а потом и детей. К счастью, это письмо, седьмое по счету, пришло на адрес общины брауни, которые жили в левом подземном крыле, и те в компании с домовыми весь последний день рьяно наводили чистоту.

Наши коллеги прибыли одним экспрессом, за исключением Спурия, явно примчавшегося на своих двоих. Судя по его довольному виду и новой кожанке, учитель-оборотень устроил себе небольшое сафари, не утруждаясь соблюдением закона. Как специалист я опознал шкуру уральского козлерога, больше известного как Серебряное Копытце, но не стал ничего говорить.

Наши дамы при первом же удобном случае наведались ко мне в комнату, чтобы поделиться впечатлениями от каникул, посетовать, что мне, такому молодому, пришлось свой первый отпуск провести в четырех стенах, и заодно поднести по сувенирчику. Комнатам оказалась завалена безделушками, но порадовали искренне меня только две вещи — теплые носки, которые связала для меня дама Труда, и отсутствие «даров» от дамы Мораны. Наша завуч не только не переступила порога моей комнаты, но даже вроде бы как не заметила моего присутствия, сразу кинувшись обходить школу. Детей мы встречали на следующий день. Йотунский экспресс прибывал в двенадцать часов. К его приходу выслали больше сотни дилижансов, ради зимней погоды поставленных на сани. Вместо коней запрягли северных оленей и козлотуров.

Дама Берегиня опять заняла место справа от меня зато в левый локоть вцепилась Лыбедь и воинственно оглядывалась по сторонам, словно боялась, что кто-нибудь захочет меня отнять. Ее опасения были не лишены основания — Лилита, Сирена и Маска косились в ее сторону явно недружелюбно. Любая из них вступила бы в битву за право занять место справа от меня, но ссориться с Берегиней никому не хотелось. Но потом Лилита отвлеклась на Спурия, и я слегка успокоился. Сани-дилижансы въезжали на широкий двор и лихо тормозили перед крыльцом. Дети вываливались из дверей и поднимались по ступеням. Их багаж тут же хватала цепкие лапки брауни — домовые не любили выходить на улицу.

— О, кого я вижу! — громко воскликнула Берегиня, заметив в первых рядах троих высоких юношей. Они были совсем взрослыми, лишь в чертах лиц еще сквозила детскость. — Явились не запылились, Иваны-царевичи!

— Запылились, запылились, — смущенно отозвались парни. Я успел немного изучить ребят и знал, что они отличники в боевой магии и потому любимцы Берегини. Она отпустила мой локоть, чтобы поближе поздороваться с учениками, — и меня тут же атаковала Сирена. Я оказался буквально зажатым между двумя дамами и почувствовал себя неуютно.

Ученики уже валили толпой. Старосты групп тщетно старались вспомнить собственные обязанности и хотя бы собрать своих ребят вместе. Перед крыльцом возникла заминка, потому что далеко не все сани оказались столь проворными, отъехать вовремя не успели и поневоле загораживали дорогу остальным. Дети выскакивали из них на ходу, возницы ругались, и если бы не командный окрик дамы Мораны, суматоха стала бы всеобщей.

— Слушай мою команду, школа! — рявкнула она. — Первый курс — на ступеньках! Второй и третий — слева, четвертый и пятый — справа. Старшие остаются на месте! Три-четыре! Разобрались!

И вскинула над головой универсальную волшебную палочку всех учителей мира — указку.

Порядок был восстановлен. Дама Морана смерила нас снисходительным взглядом — мол, учитеесь, как надо обращаться с детьми, — и дала сигнал к началу шествия.

Я, затаив дыхание, провожал глазами поднимаются по ступеням учеников. Многих за полгода успел узнать, других просто помнил в лицо. Перво— и второкурсники еще даже не были со мной знакомы — звериная магия в качестве ознакомительного курса начнется у них только на третий год обучения. Не вел я также занятия у пятикурсников, зато большая часть третьих, четвертых, шестых и седьмых курсов были моими знакомыми. В первых рядах я увидел и узнал Даниила Мельхиора. Юный валлиец шагал так уверенно, словно проучился тут уже несколько лет. Вокруг него тенью следовали двое мальчишек, и это меня обрадовало — значит, новенький обзавелся друзьями. Настораживало только одно — как-то слишком внимательно то один, то другой «приятель» заглядывали ему в лицо. Словно ждали приказов.

Я уже задумался над этим вопросом, но тут Даниил прошел мимо, его заслонили ученики четвертого курса, и сомнения вылетели из моей головы.

Банкет по случаю начала второго полугодия я запомнил. В школе была традиция собираться в большом зале, где колонны были украшены лепниной, в каминах жарко пылал настоящий огонь, а статуи горгулий под потолком казались живыми. Расставленные ровными рядами столы ломились от яств — домовые, брауни, сильфиды и феи потрудились на славу. Мы, учителя, заняли место за главным столом, на возвышении, и мессир Леонард взял слово.

— Дорогие мои дети! — воскликнул он, перекрывая гул голосов. — Вот наконец-то мы и встретились в новом году! Не сомневаюсь, что вы хорошо отдохнули и вас переполняют впечатления — иначе как объяснить то, что вы, проведя вместе шесть часов в поезде и почти час в дилижансах, продолжаете болтать даже сейчас! — Он усмехнулся, и болтуны ответили ему понимающим смехом. Дама Морана нахмурилась — у директора сегодня было явно игривое настроение.

— У вас будет еще много времени, чтобы обсудить ваши каникулы, — продолжал мессир Леонард. — Весь сегодняшний день в вашем распоряжении, и я боле чем уверен, что даже после отбоя вы не скоро ляжете спать. Поэтому для многих из вас неприятным известием окажется то, что занятия начинаются завтра ровно в восемь. — Гул голосов ненадолго стал погромче. — Да-да, ровно в восемь. И тот, кто сегодня вечером будет долго болтать, завтра на первой лекции непременно станет клевать носом. Поэтому, — мессир Леонард обернулся к нам, учителям, — я попрошу своих коллег будить только тех, кто начнет слишком громко храпеть.

Школьники засмеялись. Я повернулся к соседке справа — место Беренины сегодня досталось Сирене.

— Мессир Леонард ведет себя немного... м-м... непривычно, — заметил я.

— Обычная тронная речь перед началом полугодия, — ответила мне Лыбедь. — Как правило, он берет слово в пику Моране. Иначе она опять будет полчаса распространяться о проблемах, отметках и дисциплине!

— Извечен спор меж поэзией с прозой, как грубая сила спорит с искусством, — поддержала ее Сирена.

— Сейчас директор подаст знак к началу пиршества, и Моране не удастся вставить ни слова, — хихикнула Лыбедь. — Вам положить салатiku, Максимилиан?

Я чуть было не ответил «спасибо, уже сыт». Меня немного пугала Лыбедь, эта блондинка, слишком озабоченная тем, чтобы произвести на меня впечатление. И чего она ко мне-то привязалась?

Дама Морана уже ерзала на стуле — ей не терпелось сказать хоть слово. Но тут мессир Леонард стукнул копытом по столу и дребезжащим голосом затянул:

Школа, школа, ты мой дом!
Постигаю я с трудом
жизни сложную науку,
но всегда протянут руку

мне твои учителя,
со мной знанием делюсь...

Это была одна из песен, которые распевали иногда даже на концертах, поэтому слова я знал. Ученики повскакали с мест и недружно затянули припев. Сирена отвлеклась от меня и устремилась дирижировать этим сборным хором. Это меня обрадовало — я хоть на пару минут смог вздохнуть свободнее. Но еще больше вдохновило меня недовольное лицо нашего завуча. Дама Морана пела с такой кислой миной, что я готов был при всех расцеловать директора за то, что он так ловко заткнул ей рот.

Наконец последнюю строфу допели, и Сирена плюхнулась на кресло возле меня.

— Кошачий мартовский концерт — без музыки слова, — вздохнула она. — Всего один источник нот — и как бы зазвучал наш хор!

Дама Морана, воспользовавшись заминкой, вскочила с места и разинула рот, но директор ее опередил.

— Я хочу сказать еще пару слов, — словно извиняясь, он тряхнул гривой. — Вот эти слова... Приятного аппетита!

Дама Морана еще несколько секунд стояла, чуть покачиваясь и слушая неумолчное чавканье, стук ложек, ножей и вилок, потом обратила на мессира Леонарда убийственный взгляд, мысленно обозвала его козлом и рухнула на свое место.

Глядя на ее лицо, я просто умирал от злорадного смеха, пребывая в отличном настроении, и когда рядом послышался коварно-лестливый голос Лыбеди:

— Так вам положить салатик? — кивнул с улыбкой:

— Да, пожалуйста!

Однако четверть часа спустя я уже пожалел о том, что улыбнулся преподавателю магии танца. Ибо Лыбедь ухаживала за мной с таким пылом, что я диву давался, как эта обольстительница до сих пор не усадила меня себе на колени и не кормит с ложечки. Скорее всего причина находилась по правую руку от меня. Дама Сирена, опомнившись от кошачьего концерта, рьяно взялась обхаживать меня. Дамы в четыре руки накладывали мне на тарелку деликатесы, подливали вино и щебетали в оба уха разную чушь. После третьего тоста дама Сирена разошлась настолько, что стала читать стихи собственного сочинения. Это было ее любимое занятие, стихи были неплохие, но судить строго не берусь. Ибо, воспользовавшись ситуацией, Лыбедь перешла в наступление, и я с ужасом почувствовал ее ладонь на моем колене.

— Вам, наверное, очень скучно сидеть тут и слушать это бормотание, — шептала Лыбедь мне на ухо, в то время как я предпринимал титанические усилия, чтобы не краснеть. — Вы привыкли к уединению, к покою. Кроме того, вы молоды. Что для вас вынужденное сидение здесь! Как было бы прекрасно оказаться там, где никто не мешает... ой!

Лыбедь так и подпрыгнула, схватившись за сердце. В глазах ее стоял ужас. В следующий миг она взглянула на меня с отвращением и ретировалась прежде, чем я Увидел истинную причину.

Причина — дама Маска — бесцеремонно заняла освободившееся кресло и подмигнула мне из-под маски:

— Она вам надоела. Пусть немного отдохнет от вашего общества. Вы же совсем другой — более утонченный, романтический. Такой откровенный напор только мешает — как окружающим, так и учебному процессу. И, скажу по секрету, Лыбедь уже имела неприятности, но все никак не остановится. В конце концов, ее надо пожалеть — такова ее карма. И надо понимать, что есть время разбрасывать камни, а есть время собирать их. Есть время для любви, а есть время для иных занятий. Налейте-ка мне лучше вина!

Четко отработанным жестом Маска протянула мне бокал, и я внутренне застонал. Ну когда это кончится!

Новое полугодие началось отнюдь не с понедельника, а с более легкой для меня среды.

В этот день у меня было всего три урока — по одному часу в двух классах третьего курса и одна сдвоенная лекция в классе "Б" шестого курса. Если кто еще не понял, именно в этом классе учились близнецы Шульц, Вероника Корбут и ее подруга Инга Штурм. А в одном из третьих классов находился Даниил Мельхиор.

Его класс пришел на второй урок, и мои вчерашние тревоги воскресли с новой силой. Только что я прочел лекцию «Сказочные животные. Происхождение, свойства, сходства и отличия от магических» в другой группе и получил возможность сравнивать.

Первая группа, 3 "А", была обыкновенной. Ребята болтали на перемене, неохотно взялись за перья и втянулись в учебный процесс только под конец урока. Здесь же, в группе "В", все было по-другому.

Мальчики входили спокойно, рассаживались и своим местам молча. Даниил вошел в числе последних — двое ребят так и топали у него по бокам. Я заметил, что один из них нес сумку юного валлийца. Даниил уселся за стол в центре, куда никто не подошел, оказавшись прямо напротив меня. Судя по легкой суете, возникшей среди остальных учеников, я сделал вывод, что так странно они рассаживаются только на мой уроках. Мальчик достал учебник и письменные принадлежности, положил их на стол и уставился на меня так, словно хотел по памяти писать портрет. Под этим пронзительным взглядом я и начал урок.

— На последнем занятии я поручил вам за время каникул достать для себя животное или птицу, которая будет вас сопровождать в течение всего второго полугодия, — сказал я. — Все практические занятия будут проходить с участием этих животных. Итак, кто выполнил мое задание?

Класс засуетился. Кто-то забыл, кто-то перестарался и притащил настоящую собаку или кошку. Один из «телохранителей» Даниила положил перед собой коробку, в которой обнаружилась гадюка, находящаяся в спячке, а посему холодная и похожая надохлую. У большинства тех, кто справился с заданием, были крысы, мыши и волнистые попугайчики, которых им явно купили родители в магазинах у простых смертных. Даниил молча вытащил из сумки и поставил на стол клетку, в которой порхал крупный пепельно-серый с бурыми разводами на крыльях мотылек.

— Что это у тебя? — спросил я.

— Не догадываетесь? — разлепил губы Даниил. — Бабочка.

— Я понимаю, но...

— Это непростая бабочка.

— Я это уже понял. Где ты ее взял?

— Нашел. — Мальчик отвел от меня свой странный пронизывающий взгляд, постучал по прутьям клетки, и успокоившееся было насекомое забилося с новой силой.

— Где? — продолжал я допрос.

— Неважно.

Я несколько раз глубоко вздохнул.

— Хорошо, Даниил. Можешь не отвечать. Но, надеюсь, когда ты ее поймал, ты отдавал себе отчет в том, что сделал? И что ты возложил на себя огромную ответственность. Ты догадываешься, что будет, если бабочка умрет?

Класс не сводил с нас взглядов. Я чувствовал, как накалилась атмосфера. Нежить они впервые проходят только на четвертом курсе, а углубленно занимаются ею лишь на седьмом. Даниил просто не мог знать, ЧЕМ на самом деле является пепельный мотылек. Или мог? Ведь он валлиец и учился магии мертвых. Мне стало страшно. Чем занимался этот мальчишка на каникулах?

— Я все понимаю, милорд, — спокойно произнес Даниил. — Бабочка не умрет.

— Очень на это надеюсь.

— Простите, милорд, а что это за бабочка у Дэна? — подал голос один из мальчишек на задней парте. Он притащил крысу, и та сидела у него на плече и сосредоточенно мылась.

Я взглянул на Даниила. Он встретил мой взгляд и молча кивнул.

— Дело в том, что у Даниила не простой мотылек. Это — душа умершего человека. Но

— чья это душа, — поймал взгляд Даниила, взгляд, в котором была боль, — я не знаю. И сам Даниил тоже. Однако это не снимает с него ответственности за насекомое. Советую тебе держать его отдельно. А заниматься можешь со змеей. В живом уголке есть несколько змей, и любую из них я дам тебе на время. Хорошо?

Мальчик кивнул. На миг мне показалось, что он хочет улыбнуться.

Я дал ему время прийти в себя и заговорил снова:

— А сегодняшняя наша тема не будет связана напрямую с теми животными, которых вы привезли. С этого дня мы будем изучать сказочных животных. Большинство из них в природе не существует, однако их свойства зачастую являются копией свойств мифических зверей. Изучив сказочного зверя, вам будет легче общаться с его мифическим или реальным прототипом. А теперь открывайте тетради и записывайте...

Я нарочно заставил ребят писать, потому что только так мог отвлечь от себя внимание Даниила.

Шестой класс разительно отличался от третьего. Они ввалились всей толпой, устроили маленькую свалку из-за того, кому где сидеть. В конце концов девочки отвоевали себе первые ряды, а парни последние.

Когда прозвенел звонок, я встал у кафедры и обвел взглядом класс. Две с половиной дюжины пар глаз смотрели на меня с самыми разными выражениями — от молчаливого ожидания до обожания.

— Здравствуйте, — сказал я. — Приятно видеть вас, отдохнувших, посвежевших. Тем более что новая тема, которую мы начинаем изучать, довольно сложная. У нас осталось всего четыре темы. Но к трем из них — «Мифические птицы», «Мифические хищники» и «Ездовые животные богов и героев» — мы можем перейти, только когда изучим драконографию...

В этом месте я сделал драматическую паузу. В свое время я взвыл от восторга, услышав эти слова из уст своего учителя, и сейчас ждал по крайней мере вежливого «Ух, ты!». Но вместо этого класс заныл.

— Опять учеба! — протянул Филип Бунс. — Когда это кончится...

— Я вас не понимаю, — удивился я. — Полугодие только началось!

— Мы сейчас два часа рунами занимались! Сравнивали монгольские, тюркские и этрусские! И еще Морана задала нам перевести четыре страницы текста! А с какого языка — не сказала! Догадайтесь, мол, сами! — загомонили ребята и девчонки, перебивая друг друга. — А после у нас еще два часа по магии стихий! Пожалейте нас!

— Лучше расскажите, где вы отдыхали, — тоненьким умильным голоском протянула Инга Штурм и подперла щеку ладошкой. — Неужели вам самому не надоело? Каждый день одно и то же!

— Драконография была моей любимой темой, — сознался я.

— Только не в начале полугодия!

— Правда, расскажите, как вы провели каникулы? Вы куда-нибудь летали? Вы были в зоопарке в Уппсале? А на море ездили? А вы знаете, что в Альпах видели йети? — Ребята засыпали меня вопросами. Некоторые даже придвинулись вместе со столами поближе, чтобы лучше слышать.

— Ну, ладно, — сдался я. — Только и вы мне расскажете, где были. Идет?

— Идет, — загомонили все.

— А рассказывать мне нечего, — тут же огорошил я класс. — Потому что все каникулы я провел в школе.

— Да ну? — Лица большинства разочарованно вытянулись. — Все-все каникулы?

— Все-все.

— Делать вам, что ли, было нечего? — Этот вопрос задал, по своему обыкновению категорично, Кристиан Шульц.

— Делать как раз было чего, — возразил я. — Надо было следить за живым уголком. И у меня было время ознакомиться с библиотекой... Ну, а теперь вы рассказывайте, кто где

был?

За разговором время пролетело незаметно. Мы проговорили даже перемену, и только к концу второго урока мне удалось ненадолго отвлечь ребят и поговорить о драконографии. Тем более что в живом уголке жили два молодых дракона и аспиды, которых тоже можно было назвать драконами.

Наконец прозвенел звонок. Шестиклассники подхватили сумки и поспешили на третью пару, а я остался в кабинете, размышляя над сложностями жизни. На сегодня занятия были окончены, но уже завтра у меня три пары, а в пятницу целых четыре.

Вероника задержалась, преувеличенно-аккуратно собирая учебники и тетради. Дождавшись, пока в аудитории мы останемся одни, девушка повернулась ко мне.

— А вы правда никуда не ездили? — спросила она.

— Правда, — ответил я.

— Бедненький, — вздохнула Вероника.

Глава 6

Итак, второе полугодие началось, но я погрешу против истины, если скажу, что оно началось, как обычно. Не миновало и недели, как случилось первое происшествие.

Было это во вторник. После второй пары у меня в этот день было «окно», и я воспользовался моментом, чтобы зайти в учительскую. Обычно я неохотно посещаю этот кабинет — всегда есть риск нарваться на завуча, да и Лыбедь с Сиреной до сих пор не оставляли попыток влюбить меня в себя, — но сегодня...

Едва я вышел из аудитории, как мимо меня сломя голову промчался Спурий. Оборотень всегда двигался так, словно за ним гнались. Но бегать по коридорам, чуть не сбивая учеников!.. Не успел я опомниться, как на меня почти налетела Берегиня. Боевой маг спешила в противоположном направлении.

— Где? — выдохнула она.

— Не знаю... Т-там. — Я наудачу махнул рукой.

Она умчалась дальше по коридору. Посмотрев ей вслед, я заметил, что она в заговоренной кольчуге, а наперевес держит секиру. Да и двигается так, словно ей вот-вот предстоит вступить в бой.

Сам я из арсенала боевой магии знаю только несколько элементарных приемов самообороны, да и вообще человек мирный, поэтому совать любопытный нос куда не просят не стал, а поспешил в учительскую. Ведь Спурий промчался именно к той лестнице, по которой можно было попасть к ней быстрее всего.

Возле учительской толпились возбужденные ребята. Слышались изумленные, воинственные голоса. Кто-то размахивал сумкой, кто-то начитывал заклинания. Пришлось слегка повысить голос, чтобы во мне признали учителя и пропустили внутрь.

В учительской возле камина, развалившись в кресле, сидела Лилита, заливаясь слезами. Возле нее сгрудились почти все преподаватели. Спурий стоял на коленях и держал в своих ладонях ее руку.

Лилита рыдала взахлеб. Ее пытались утешить, но от этого она только всхлипывала и завывала еще громче. Не помогало ничего. Даже когда потерявшая терпение дама Морана отхлестала ее по щекам, Лилита замолкла лишь на миг.

— Перестаньте! Возьмите себя в руки! — сказала завуч, и Лилита заревела снова. Ее безупречная прическа «а-ля Артемида» растрепалась, по щекам ползли черные разводы от косметики.

От дверей послышались топот и блеяние: сквозь толпу учеников пробился мессир Леонард. Судя по возмущенным возгласам, директору пришлось прокладывать себе дорогу рогами.

— Что тут происходит?! — воскликнул он.

— Лилита. — Спурий обернулся на директора. — Ей плохо.

— У нее истерика, — пояснила дама Морана.

— Вижу. Из-за чего?

Все обернулись к женщине. Та всхлипывала и мотала головой.

— Он... он на меня... Я его... а он... Почему? За что? — только и разобрали мы.

— На нее напали, — предположила Труда. — Наверное, кто-то чужой.

— Это случилось на уроке, — сказала леди Ульфрида. — Уже в самом конце. Я давала домашнее задание, когда послышался толчок и грохот. Наши кабинеты находятся рядом, я сразу почувствовала возмущение эфира. Что-то произошло в ее кабинете.

— Он... он, — опять всхлинула Лилита.

Хлопнула дверь. Черному Вэлу не понадобилось даже призывать детей к порядку — одного взгляда на его бледное перекошенное лицо было достаточно, чтобы они ретировались от дверей учительской. И даже мы отступили в стороны. Зелейник подошел к Лилите и протянул ей кубок.

— Выпейте, — своим скрипучим голосом промолвил он.

— Ч-что это? — Лилита глянула на него затравленно.

— Успокоительное, — скривился Вэл и отвернулся. Взгляд его упал на меня. Лицо зелейника перекошилось, словно это я был во всем виноват, и он отошел.

— Ну, и что там было? — прокурорским тоном потребовала ответа дама Морана, когда Лилита допила снадобье. Черный Вэл знал свое дело — с последним глотком Лилита успокоилась настолько, что могла говорить.

— Я... объясняла детям принцип взаимодействия внешнего и внутреннего круга Силы, а также давала понятие Силы и Мощи, — заговорила она, глядя в глаза завучу. — Как вдруг он... он встал и стал мне возражать. Таким оскорбительным тоном! Мол, я ничего не смыслю в Кругах Силы, что их гораздо больше, чем два, что мы просто не доросли до того, чтобы правильно ими пользоваться, и что великие маги древности, ученики Семи Великих, знали гораздо больше, но скрыли это от нас. Дескать, мы все равно не поймем! Я не удержалась, вступила с ним в диспут, и тогда он, кажется... кажется, он разозлился.

— Кто — он?

— У него было такое лицо, — продолжала Лилита, не слыша вопроса дамы Мораны. — Такое... отчужденное. Он говорил, что прошел девять Кругов Силы и мог бы вступить в десятый, то есть стать равным богам. Тогда я сказала, что это невозможно — в его-то возрасте и с его образованием. И тогда он... он сделал ЭТО!

— Да кто — он?! — выкрикнула завуч, теряя терпение.

Лилита подняла на нее глаза.

— Этот мальчик — Даниил Мельхиор.

— Это невозможно! — всплеснула руками дама Труда.

— Но он сделал это!

— Что — это? — Дама Морана вся тряслась от необходимости вытягивать правду по слогам.

— Это было ужасно. — Лилиту всю передернуло. Спурий крепче стиснул в своих руках ее ладонь, но она этого даже не заметила. — Берегиня и Маска там. Разбираются.

Обе они появились только через несколько минут, когда уже прозвенел звонок на урок. Маска забилась в угол, утомленная проделанной работой, а Берегиня прошла к огню и сунула в пламя свою секиру.

— Какой класс был у тебя? — окликнула она Лилиту.

— Третий курс, группа "В".

— Даниил Мельхиор, — кивнула Берегиня. — Кто бы мог подумать!

— Что же он сделал? — с обманчивой кротостью осведомилась дама Морана.

— Ничего особенного. Просто начертил знак Силы.

— И все?

— И еще он кинул в меня портфелем! — воскликнула Лилита.

— Это не простой знак Силы, — покачала головой Берегиня. — Это знак мертвых из магии вуду.

— Я была так поражена, так удивлена, так обижена, — затараторила Лилита, — что не сразу сообразила, что надо делать. Я защитилась интуитивно, не думая, даст ли эта защита плоды. Я уже потом поняла, ЧТО он начертил, и теперь... теперь боюсь, что моя защита не сработала, и я... — Она снова залилась слезами. — Он хотел меня убить!

— Сомневаюсь, — покачала головой Берегиня, достала из кошелька на поясе фляжку и сделала глоток. — Мы с Маской обеззаразили аудиторию. Так что уже через час в ней можно будет заниматься. Кроме того, Этот знак выглядел как-то странно. Если не сказать больше!

— Лично мне и так все ясно. — Дама Морана обвела нас строгим взглядом. — Совершен отвратительный поступок. Виновник ясен и должен понести наказание. В Школе МИФ запрещена магия вуду и все, что с нею связано... за исключением вашего предмета, мессир директор. Это дело нельзя так оставлять. В нем надо разобраться!

— Конечно-конечно, — закивал мессир Леонард. — Но не стоит забывать о том, что Даниил Мельхиор — сирота, недавно потерявший родителей. Кроме того, он учился в школе вуду, где ему преподавали темные науки. Хотя он и не очень-то успевал, кое-что могло отложиться в его голове.

— Но это не дает ему морального права нападать на учителей, — возразила завуч. — Берегиня, немедленно доставьте означенного Даниила Мельхиора в Комнату Без Углов.

Боевой маг кивнула, нахмурившись, и направилась прочь. Уже у порога она обернулась и поманила кого-то пальцем. Памятуя ее особое отношение ко мне, я подошел и очень удивился, когда меня в два шага обогнал Черный Вэл.

— Этот знак вуду, — сказала старуха. — Будет лучше, если ты взглянешь на него.

— Он еще там? — быстрым шепотом спросил Вэл.

— Да, висит как раз перед кафедрой. Буду рада, если ты заметишь то же, что заметила я.

На их быстрый диалог никто не обратил внимания, остальные учителя говорили каждый о своем. Пользуясь тем, что на меня тоже не обращают внимания, я на цыпочках последовал за заговорщиками.

Аудитория для занятий магией стихий находилась на другом крыле четвертого этажа, причем из моего крыла в него можно было попасть, только спустившись сперва на третий. От учительской путь был еще дальше — через шестой этаж и пустой сейчас праздничный зал. Берегиня и Черный Вэл шли так быстро, что я почти бежал, но это мне было даже на руку — заговорщикам было некогда оборачиваться и следить за тем, что делается у них за спиной.

Уже подходя к аудитории, Вэл на ходу вытащил два тонких стилета. Возле нее тоже толпились ребята — второкурсники, у которых сейчас должны были начаться занятия по магии стихий. Тонкая алая линия перегораживала им путь внутрь. Удивленные, они расступились перед Вэлом и Берегиней. Я еле успел юркнуть следом — любопытные второкурсники сразу сомкнули ряды за моей спиной.

Широкие плечи Вэла и дверной косяк помешали мне рассмотреть знак, но, в отличие от ребят, зная, о чем идет речь, я сразу понял смысл негромких фраз, которыми обменивались мои коллеги.

— Обрати внимание на цвет.

— Слишком яркий.

— Да. И вот эта линия внизу. И справа...

— Слева! Она должна быть слева.

— Ты тоже заметил? Видишь, куда он обращен?

— Да, мальчишка не так прост.

— Хотела бы я знать, что заставило его расположить знак именно так...

— А я хотел бы знать, почему он не расположил его иначе. Ведь он мог!

— Мог, но не хотел! И если бы Лилита не была столь впечатлительна, она бы тоже это

увидела.

Не удержавшись, я заглянул в щель. Спина ко мне стоял Черный Вэл, глядя на что-то яркое через расположенные крест-накрест стилеты. Берегиня стояла сбоку. Потом она взмахнула рукой — и свет погас.

— Вот и все, — сказала она. — Займи чем-нибудь детей, чтоб не болтались без толку. А я пойду искать Даниила.

— Вам нужна помощь?

— Сиди, — беззлобно усмехнулась Берегиня. — Какой из тебя помощник против магии вуду!

Они подошли к дверям, и Черный Вэл толкнул дверь, распахивая ее настежь:

— Заходите. Все! Живо!

Я остался стоять, оглушенный и полуослепший — когда зелейник распахнул дверь, я не успел увернуться и получил створкой по носу. Так меня и обнаружила Берегиня. Критически осмотрев мой нос и льющуюся кровь, она потрепала меня по плечу:

— Сможешь сам остановить?.. Тогда иди к себе и помалкивай о том, что слышал.

Даниила сыскали удивительно быстро. Мальчик нашелся в своей комнате. Он сидел на полу возле клетки с мотыльком. По словам Берегини, сопротивления маленький колдун не оказал, но выглядел разозленным и встревоженным. Его отвели в Комнату Без Углов в дальней башне и поставили охрану.

А на другой день в Школу МИФ срочно прибыл вызванный сорочьей телеграммой его дядя, Клад Мельхиор. Переживая за Даниила, я, едва у меня закончились занятия — среда была для меня легким днем, — сразу отправился в учительскую, но когда я переступил порог, Клад Мельхиор был уже там и все знал. Мессира Леонарда не было — у него сегодня четыре пары уроков в старших классах, — и в курс дела дядюшку ввела дама Морана. Я всегда диву давался, как ухитрялась она и предмет свой вести и всюду успевать.

— Ушам своим не верю! — восклицал Клад Мельхиор, меряя шагами учительскую. — Даниил всегда был таким тихим, таким послушным. У меня три дочери, но своих девчонок я бы с радостью променял на одного такого сына. Я диву давался, насколько он всегда был спокоен...

— В тихом омуте черти водятся, — вкрадчиво молвила завуч.

— Да-да, но все-таки не могу поверить! На каникулах он был таким... таким обыкновенным! Рассказывал, как ему понравилось в МИФ... Упоминал новых друзей...

Я кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Извините, что вмешиваюсь, — сказал я, — но на каникулах ваш племянник не ловил... м-м... бабочек?

— Вы имеете в виду того воловьего глаза? — повернулся ко мне Клад. — Он говорит, что нашел его на чердаке. В паутине. А что?

Для настоящего мага значение имеет каждая мелочь, ибо через них иной раз тонкий мир и сами боги подают нам знаки. Но я покачал головой.

— Ничего. Просто я давал задание привезти какое-либо животное, и Даниил привез бабочку. Мне показалось, что...

— Да-да, насекомое очень необычное. Но в школе Полых Холмов их учили специально приручать некоторых животных.

— Понятно, — кивнул я и отошел.

После уроков все собрались в учительской. Из Комнаты Без Углов привели Даниила. Увидев мальчика, я даже вздрогнул — он выглядел настолько беззащитным, что у меня сжалось сердце. Глаза его покраснели, и веки вспухли — видимо, он долго плакал. Его поставили в центр пентаграммы, начерченной специально для этого случая. Он стоял там, опустив голову, только время от времени всхлипывал.

— На днях произошел возмутительный случай, — сама себе предоставила слово дама Морана. — Ученик Мельхиор совершил нападение на преподавателя! В нашей Школе запрещены темные искусства. По крайней мере, их не проходят специально. Для этого есть

особые учебные заведения для трудновоспитуемых магов. После того как Британские острова были переведены на особый режим, мы рискнули принять нового ученика. И вот результат. В течение долгих лет Школа МИФ была идеальной в плане дисциплины. Единственное исключение — некая Женестьева фон Ньерд, отъявленная хулиганка, преступившая закон. Большинство педагогов помнит, чем она кончила, — ее казнили! Во время Восстания Белого Мигуна!

Я вздрогнул, как от пощечины — завуч говорила о моей матери. Не знаю, знала ли она, что я — сын этой хулиганки и преступницы, но в тот миг я возненавидел даму Морану всеми фибрами души. И пусть я не помнил ту, что дала мне жизнь, но она меня родила. И ее не казнили — она сама ушла из жизни, не в силах смириться с поражением.

Я почувствовал на себе взгляд, повернул голову — и встретился глазами с Черным Вэлом. Зелейник сидел в дальнем углу, у двери, полускрытый выступающей стенкой камина, но я видел, как он тискает в ладони рукоять одного из своих стилетов. И я бы не удивился, если бы он вдруг метнул его.

Дама Морана тем временем метала громы и молнии.

— Кто-то скажет — подумаешь, один-единственный знак! — распиналась она. — Но этот знак может привести мальчика на дорогу преступлений, а затем и на эшафот. Ты подумал, Мельхиор, куда ты катишься? Ты подумал о своих родителях? Мы знаем, что они были сектантами во времена Белого Мигуна. Их приговорили к стиранию магии. Ты должен был всю свою жизнь положить на то, чтобы доказать личным примером, что они раскаялись. Ты должен был своим поведением вернуть родителям доверие общества. На тебе лежала огромная ответственность. А ты? Подумал, что родители мертвы и можно катиться по той же дорожке, по которой однажды прошли они? Ты хочешь, чтобы потом о тебе говорили: «Вот Даниил Мельхиор, сын сектантов-преступников. Он такой же, как его родители. Значит, и другие дети сектантов тоже преступники!» Ты хочешь, чтобы пострадали сотни и тысячи невинных детей? Хочешь, чтобы их сажали в тюрьму и стерилизовали, отнимая магию? Ты этого хочешь? А может быть, ты заглядываешь куда-нибудь подальше? Может быть, ты сам метишь в новые Белые Мигуны?

— Достаточно, дама Геррейд, — пристукнул копытом мессир Леонард. — Вы слишком строги к мальчику.

— Возможно, — сухо кивнула завуч. — Я беспокоюсь о репутации школы... Но, может быть, я впрямь чересчур пристрастна. Может быть, у кого-нибудь из моих коллег есть другое мнение?

Вопрос прозвучал таким грозным тоном, что я не удивился, когда слово взяла Лилита.

— Он хотел меня убить! — воскликнула она, патетически воздевая руки. — Да, я понимаю, что в его прежней школе магию стихий проходят на последнем курсе, и Мельхиору было трудно сразу разобраться в предмете. Я понимаю, что могла оказаться плоха как педагог и не нашла путь к его сердцу, но убивать-то зачем?

— Ай-яй-яй, Даниил, — поддержала ее дама Труда, посверкивая стеклышками очков. — Ваш дядюшка был в свое время таким старательным учеником, а вы... Что из вас вырастет?

— Внешность лишь маска, за коей скрывается суть! — изрекла Маска. — Коль маску ты надел, знать, есть тебе что скрывать! Какие бездны таятся в тебе, мой мальчик? Какие чудовища живут на дне твоего разума? Сколь глубок его сон? И не пора ли проснуться?

— Быть может, через очищение ты обретешь души спасенье! — поддержала ее Сирена.

— Страдания должны возвысить душу, поднять ее из бездны к свету дня! — закончила эта парочка чуть ли не хором.

— М-да, — на миг вынув изо рта трубку, изрекла Берегиня. — А наш юный Даниил еще и грязнуля!

Мессир Леонард сидел в своем кресле и переводил взгляд с одного оратора на другого. Клад Мельхиор сокрушенно качал головой. Даниил стоял, совсем понурившись, и только плечи его вздрагивали.

— Что ж нам с тобой делать? — подытожила завуч. — Молчишь? Ну молчи, раз ты такой упрямец! Тебе же хуже!

— Прекратите!

Сраженная неожиданным отпором, дама Морана несколько раз открыла и закрыла рот. Ну еще бы! Кричал-то я!.. Я? В самом деле — я?

Ну да. Я вскочил со своего места, сжимая кулаки.

— Вы? — прошипела дама Морана, наконец обретя дар речи. — Вы что — защищаете его?

— Я просто обязан это сделать. Посмотрите на мальчика — он плачет.

— Се слезы очищенья и раскаяния, — вякнула было Маска.

— Мы не имеем права осуждать его за то, что его родители были сектантами, — сказал я. — И я буду последним, кто осудит его за это, потому что я — Мортон. Вы знаете, кто такой лорд Мортон, или вам напомнить?

Сказать по правде, я ужасно боялся, что дама Морана скажет: «Да, напомните, пожалуйста!» — и я сяду в лужу, потому что не знал до сих пор, кто такие Мортон и чем я знаменит, кроме того, что мои родители были в секте Белого Мигуна. Но завуч только судорожно сглотнула и помотала головой, словно лошадь, отгоняющая мух.

— Кроме того, — продолжал я, окрыленный ее молчанием, — я кое-что слышал... Лорд Черный Вэл! Вы, кажется, видели тот знак, который начертил Даниил. Он вам показался несколько странным, ведь так?

У Берегини, сидевшей напротив меня по другую сторону пентаграммы, изо рта выпада трубка, когда из-за камина выступил Черный Вэл. Сделав шаг вперед, он покосился в мою сторону, и я понял, что удар стилетом предназначался в любом случае не мне.

— Да, — услышал я его негромкий недовольный голос. — Знак вуду был нарисован неправильно. Заведомо неправильно. И если бы он сработал, то никак не в сторону уважаемой дамы Лилиты.

— То есть? — напрягся Спурий. Он сидел возле пострадавшей.

— То есть, — в голосе Вэла послышалось презрение, — знак был перевернут зеркально. Если бы мальчик попытался активизировать его, то сам попал бы под его действие. Даме Лилите ничего не грозило. Я считаю, что он хотел просто попугать нашу коллегу... А насчет сектантов, — голос его внезапно похолодел, — то не подскажет ли уважаемая дама Морана Геррейд, сколько лет было ее сыну, когда произошло Восстание Белого Мигуна?

Грозная завуч, уже вскочившая с места, чтобы поставить зелейника на место, вдруг побледнела, как полотно, и рухнула обратно в кресло. Черный же Вэл, не дожидаясь ответа, раскланялся и удалился в свой угол.

Я тоже сел, чувствуя, как дрожат колени.

Собрание закончилось сумбурно. Дама Морана больше не произнесла ни слова, и вести его пришлось мессире Леонарду. Он ограничился тем, что заставил Даниила просить прощения у дамы Лилиты и взял с него клятву больше не хулиганить, иначе его все-таки переведут в особый интернат для трудновоспитуемых магов. Только Клад Мельхиор не выдержал и прочитал племяннику лекцию о том, какая он неблагодарная свинья, после чего все разошлись.

И вот уже несколько дней в школе царила подозрительная тишина. Малышня по-прежнему бегала на переменах, вечно где-то застревала, иногда случались драки и девчачьи разборки, но в остальном школа затаила дыхание. О головомойке, устроенной преподами Даниилу, стало известно всем и каждому.

В четверг, на другой день после собрания, первый урок у меня был как раз в одном из третьих классов. Я вел свой предмет в каждом классе третьего курса, встречаясь с ними по одному разу в неделю. Ребята — пятнадцать мальчишек — смотрели на меня во все глаза. Я сразу догадался, что их мысли бродят далеко от новой темы, и не удивился, когда вверх взметнулась рука.

— Мастер Мортон, а что будет с Дэном? — дрожащим от смелости голосом промолвил пухлый мальчик со светлыми волосами.

— Его выгонят из школы, да? — поддержал его другой.

— Нет. Не выгонят.

— А что с ним будет?

— Не знаю. Пока будут следить за его поведением. И если все повторится, вот тогда... Магия вуду — это серьезно.

— А почему?

— Хм... — Я задумался. — Дело в том, что в Европе наши предки не практиковали такой вид магии. Он был распространен в Африке, в самой ее глубине, гораздо южнее Египта. Эта магия вся основана на смерти — смерти чувств, желаний, воли, сознания, тела, наконец. Колдун-вуду может излечить болезнь, но, в отличие от наших магов, он не изгоняет ее, а убивает. То есть все равно сеет смерть. Мир наш состоит из трех основных частей — верхнего, где живут боги и куда могут попасть лишь избранные из нас, где Сила и Мощь — одно. Среднего, где обитаем мы и простые смертные, лишенные магии люди. Здесь Сила и Мощь равны. И нижнего мира, где царствует смерть и где власть Мощи. Мы, маги, пользуемся Силой. А магам-вуду по душе Мощь. Им помогают свои боги. У нас, в Европе, другие боги, и боги вуду не могут понять и помочь нам. Нам просто невозможно правильно пользоваться магией вуду. Мы на это неспособны. И тот, кто, несмотря на это, практикует сию магию, как правило, губит и себя, и все вокруг. А вообще-то я не специалист в этой области, и лучше, если этот вопрос вы зададите леди Ульфриде. Или самой даме Лилите.

— Да ну ее! — заныли мальчишки. — Она нас уже достала! «Магия начал — самая главная магия в мире!» В общем, Дэн правильно в нее знаком кинул. Пусть не выделяется!

— Это что еще такое? — не выдержал я. — Кто дал вам право обсуждать учителей?

— А чего? — набычился класс. — Сама виновата!

Но они уже поняли, что хватили лишку. Я хоть и был для многих ребят слишком молод для авторитета, но все-таки являлся учителем, а школьники побаиваются учителей. Это я помнил по своим школьным годам, когда дрожал от страха, слыша звонок. Пожалуй, когда он прозвенел для меня в последний раз, я не испытывал ничего, кроме облегчения.

И вот прошло несколько дней. Школа успела немного отойти от инцидента, но я до сих пор чувствовал себя не в своей тарелке, входя в учительскую. Еще бы! Я осмелился защищать ученика, напавшего на учителя! И не раскаялся в этом! Лыбедь и Маска все эти дни подчеркнуто игнорировали меня, Лилита — так вообще отворачивалась, стоило мне показаться на пороге, а Спурий как-то подошел и спросил, ношу ли я все еще пояс-оберег от нападения оборотней. Дама Морана не упускала случая, чтобы не подпустить шпильку в мой адрес, и уже трижды вызывала меня на ковер для беседы. Чувствуя, что этот разговор не принесет мне ничего хорошего, я старательно избегал ее, находя тысячу поводов, чтобы не появляться в районе учительской и кабинета завучей.

Так и получилось, что я оказался в одиночестве и мало-помалу привык коротать вечера в живом уголке или среди фолиантов библиотеки. В хранилище нашлось много старых изданий, потрепанных, кое-где с мятыми страницами, но от этого не потерявших своей ценности, и я часами просиживал где-нибудь в уголке, склонившись над толстым томом.

В субботу библиотека закрывалась в четыре часа дня, поэтому я возвращался к себе не спеша. Впереди был долгий вечер, который как-то надо было убить. Самое время сесть и начать готовиться к занятиям на новой неделе, но с некоторых пор учебники у меня вызывали раздражение.

Во второй половине субботы дети уже не учатся и даже на факультативы никто не ходит. Поэтому четвертый и пятый этажи к тому времени опустели. Только в учительской и кабинете директора кипела жизнь, но я нарочно стороной обходил это место.

Подходя к своему кабинету, я заметил у стены невысокую фигурку. Мальчик стоял в тени, и мне пришлось подойти ближе, чтобы узнать Даниила Мельхиора. Он был один, без своих приятелей-телохранителей.

— Ты что тут делаешь? — спросил я.

— Вас жду, — шепотом ответил он.

— Давно?

— Уже часа три.

— Проходи. — Я отпер дверь и впустил мальчика в тамбур. Зажег лампу, скинул и повесил на вешалку мантию, в которой ходил по школе. Из тамбура открывались три двери — одна вела в живой уголок, другая — в мою комнату, а третья через зал для практических занятий выводила в лекционную аудиторию. Чтобы школьники не толпились практически у меня в прихожей, в лекционную аудиторию был и второй вход, а зал для практических занятий вообще устроили проходным. Я провел Даниила в зал практических занятий.

Там вдоль стен стояли двадцать конторок и еще несколько откидных столов, заставленных реактивами. Возле каждой было по вращающемуся табурету, сверху нависала лампа. У окна находилась кафедра учителя, и часть стены была освобождена для того, чтобы возле нее ставить крупных животных. Несколько полок с клетками и четыре шкафа по углам довершали обстановку.

Мы сели на два табурета возле дальней конторки, неосознанно забиваясь подальше в уголок. Я чувствовал себя заговорщиком. Из клеток на нас косились зверьки — крысы, ласки, кошки. В клетке, подвешенной под потолок, забились мелкие птицы.

Мы долго сидели молча. Даниил понурился, вертя в руках коробочку, я ждал его слов. Птицы и зверье в конце концов успокоились, а мы все молчали. Я исподтишка наблюдал за мальчиком. С того педсовета я видел его лишь однажды, на занятии. Он был необычайно тих и задумчив.

— Как жизнь у тебя? — первым нарушил я молчание.

— Нормально, — отозвался Даниил.

— Как одноклассники?

— Нормально.

— А с учителями как?

Вместо ответа он дернул плечом.

— Придираются? — догадался я.

Он кивнул. Меня начала раздражать эта игра в угадку.

— Вот что, Даниил. — Я встал. — Не хочешь ничего говорить — я не настаиваю. Но, если ты не против, я займусь делом. Мне еще всю эту живность кормить надо. Так что ты тут посиди, если нет желания уйти, а я пойду.

— А можно, — он вскинул голову, — можно мне с вами?

— Пойдем.

Кроме живого уголка, на моей шее теперь висели шесть кошек, восемь ласок, горностаи, девять крыс, три ящерицы и без счета мышей, лягушек и попугаев, которых натащили после каникул третьекурсники по моей просьбе. Мне это только прибавило работы, потому что дети не приходили проводить своих бывших любимцев. А я теперь тратил дополнительный час в день, чтобы накормить кошкам и ласкам мясо, попотчевать крыс и мышей хлебом и сыром и обеспечить лягушек мокрицами и червями — не считая уборки клеток.

Даниил некоторое время таскался за мной по живому уголку, глядя, как я выгребаю грязную подстилку из клеток и засыпаю новые сухие опилки, как меняю воду в поилках и раздаю корм. Проще всего было с Жаравь-птицами, волками, единорогами и грифами — им достаточно было дать простое мясо, зерно и сено. Для остальных приходилось готовить специальные кормовые смеси. Исключение составляли драконы и аспиды — для них уже давно выпускают комбикорма, которые надо только размочить в горячей воде.

— А можно, — услышал я голос Даниила, о котором успел позабыть за делами, — можно я вам помогу?

— Отлично, — обрадовался я. — Тогда, будь добр, на столе лежит колбаса. Покроши ее и дай кошкам и ласкам. Много не давай — она кровяная.

Даниил поставил свою коробочку на стол и застучал ножом по доске.

— А почему вы не пользуетесь магией? — спросил он через некоторое время. — Гораздо проще взмахнуть рукой и прочесть заклинание...

— Во-первых, магия — это еще не все. Она не панацея от всех проблем, — ответил я. — Во-вторых, таких заклинаний не существует, и у меня нет времени сидеть и выдумывать их. Ну и в-третьих — надо же что-то и самому делать! Зачем тогда человеку руки и ноги? Чтобы ими размахивать в такт сказанным словам?

— Но ведь иной раз слова действительно помогают!

— Да, когда другие способы неприемлемы. Помнишь, как лорд Вэл заставил замолчать даму Морану на педсовете? Он нашел те единственные слова, которых она боялась.

— Помню, — помрачнел Даниил и отвернулся, отложив нож.

— Извини. — Я запоздало вспомнил, что коснулся больной темы. — Но ты на собственном примере почувствовал, что слова могут причинять боль. И даже если бы я сейчас прочел над тобой какое-нибудь забористое заклинание, тебе не было бы больнее.

— А вы знаете такие заклинания? — мгновенно оживился Даниил.

— В нашей Школе Колдовских Искусств преподавали Искусство Словесной Битвы, но у меня была другая специализация — магические животные. Поэтому этой темы я почти не касался. Помню только кое-что из теории. Но, надеюсь, ты пришел сюда не для этого?

— Нет. — Даниил сложил в кучку нарезанную колбасу, вытер руки об себя и осторожно взял коробочку. — Вот. Посмотрите, пожалуйста.

Я торопливо сунул ведро с комбикормом в вольер драконам — пусть сами разбираются, кому первым есть, — и подошел к мальчику. В коробочке лежал его серый с бурыми разводами мотылек. Он не шевелился, но когда Даниил поднес к нему палец, медленно забрался на него.

— Последние два дня он какой-то вялый. Не ест ничего.

Я посмотрел на мотылька, который лениво ползал по руке мальчика. Не надо было быть специалистом, чтобы понять — насекомое впадает в спячку. Другое дело, что для ТАКИХ мотыльков спячка означает смерть.

— А чем ты его кормил?

— Сиропом. Я таскал из буфета сахар, разводил в воде и давал ему. А позавчера он поел совсем мало. Вчера не ел совсем и даже не летал, когда я его выпустил. И сегодня...

Мотылек заполз ему на большой палец и там уселся, сложив крылья.

— Сколько дней он уже у тебя?

— Я нашел его на каникулах.

— То есть уже недели две? Надеюсь, ты знаешь, что это за насекомое?

— Да. — Даниил твердо взглянул мне в глаза. — Это душа моего отца.

— Ты в этом уверен?

Даниил погладил мотылька по пушистой спине. Тот задвигал усиками.

— Я это знаю, — сказал мальчик, — потому что уже однажды видел его.

— Когда?

— В ночь после смерти отца.

Для тринадцатилетнего мальчишки он слишком спокойно говорил о таких вещах, и я заподозрил неладное.

— Ты знаешь, что случилось с твоим отцом?

— Да. Он... однажды он приехал в школу, где я учился, и забрал меня. Прошло всего четыре месяца со дня смерти мамы, и я обрадовался, что отец хочет побыть со мной. Я даже не спросил, куда мы едем, а сам он не говорил об этом. Мы приехали в Индию, остановились в гостинице на границе с Непалом, и отец сказал мне, что если я буду хорошо себя вести и не выйду из номера до завтрашнего утра, то утром он придет за мной и мы поедем кататься на слонах и посетим Храм Вишну. А нам как раз задали доклад о богине Кали и еще кое-что из индийской мифологии, и я обрадовался. Я люблю писать доклады. — Даниил мечтательно улыбнулся, но тут же опять погрустнел, вспомнив тот день. — Ну, в общем, я сидел в номере

один. Я не знал, когда придет отец, и решил не спать всю ночь. Но около полуночи я как провалился в сон. А когда проснулся, было уже утро. И в окно бился этот мотылек. Он вел себя как-то странно. Я вспомнил формулу, которой нас учили на втором курсе — как отличить живое от неживого, — и сразу понял, что мой отец умер в ту ночь, а это... это...

Голос его дрогнул, и я обнял мальчика за плечи. Он не плакал и выпрямился, быстро справившись с собой.

— А дальше? — рискнул спросить я.

— Дальше ничего. — Даниил опять погладил насекомое. — Я спустился вниз и от портъе позвонил дяде в Хельсинки. Сказал, где нахожусь и что папа умер. Он сразу вылетел за мной. А мотылек... Я хотел его забрать, но он куда-то делся. И обнаружился только на чердаке дядино дома. Я сам сказал дяде, что больше не хочу учиться в Полых Холмах. Пусть он найдет школу поближе к его дому. Вот меня и перевели сюда...

В моей голове словно зазвенел звонок. В рассказе Даниила было что-то знакомое. Что-то очень важное.

— Где это было? — спросил я.

— В Индии, на границе с Тибетом. Городок...

Я отмахнулся. Дикие Горы, те самые, запечатанные Александром Македонским!

— А когда это случилось? Ну, когда умер твой отец?

— На двенадцатый день после Осеннего Равноденствия.

Я со свистом втянул в себя воздух. Двенадцатый день Осеннего Равноденствия — как раз в этот день из заключения сбежал Белый Мигун! В прессе говорили, что ничего не знают о его возможных сообщниках. В прессе сказали неправду. Один сообщник у бывшего лидера сектантов все же был — Йозеф Мельхиор, отец Даниила. Знает ли мальчик, что его отец погиб, возвращая свободу преступнику?

Я покосился на Даниила. Мальчик сидел и гладил мотылька.

— Что с ним теперь будет? — спросил он. — Он будет жить?

— Вряд ли, — сознался я. — Ты не хуже меня знаешь, что души умерших не могут и не должны вечно находиться среди живых. Твой отец остался на земле потому, что очень любил тебя и не хотел расставаться так скоро. Ведь после смерти матери ты был бы совсем один. Поэтому он задержался здесь в образе мотылька. Но сорок дней уже прошли, ему давно пора в иные миры. Он еще держится, еще живет, но рано или поздно вам придется расстаться навсегда. Пойми это. Таков закон природы.

— Ему можно помочь?

— Я попробую что-нибудь сделать. — Я подошел к шкафам и стал перебирать их содержимое. Иногда нам приходилось содержать дома бабочек, сильфид и прочих воздушных созданий. Однажды я как-то смастерил самостоятельно вольеру для тараканов. Но мотылек — совсем другое насекомое.

Вдвоем мы водрузили мотылька в прозрачный цилиндр, в котором был устроен насест и стояла плошка сиропом и водой. Вместо сахара я взял концентрат нектара бессмертника и некоторых других растений — его часто продают в зоомагазинах для тех, кто содержит дома сильфид. Возле цилиндра мы поставили лампу, а один уголок затемнили, чтобы мотыльку было где спрятаться от яркого света. Он слегка оживился, подполз к кормушке и попил нектара.

Даниил заулыбался, глядя на это.

— Теперь он будет жить? — В голосе мальчика слышалась надежда.

— Да. Теперь он будет жить. Но запомни — это душа твоего умершего отца. И однажды ей все-таки придется уйти в иной мир. Так что будь к этому готов.

Клянусь, я много бы отдал за то, чтобы не говорить такие слова, но мои родители покончили с собой в камере, оставив меня на произвол судьбы. У Даниила был хотя бы дядя, а у меня нет ни одного родственника. Ибо, если бы были, меня бы не отдали совершенно чужим людям. Даниилу тринадцать, он почти самостоятельный, а меня родители бросили двухлетним крохой. Скажу правду — я был обижен на это и не видел причины, почему

должен щадить других сирот.

И еще — отец Даниила отдал жизнь за Белого Мигуна, который сыграл в судьбе моих родителей роковую роль.

Большая часть воскресенья прошла мирно. Вечером я отправился в живой уголок, чтобы разобраться с драконами.

Их у нас два. Оба еще молодые, не перелинявшие, без гребней и наростов, которые обычно украшают головы взрослых животных. Да и ростом невелики — длиной от силы метров пятнадцать. Драконы живут очень долго, в неволе по нескольку столетий, и я понимал, что до взросления — то есть до того момента, когда они будут опасны для детей, — должно пройти еще лет пятнадцать, если не больше. Именно тогда и будет ясно, кто из них кто — ведь у молодых драконов практически невозможно отличить самца от самки. А характеры у них разные. Самки, как ни странно, более агрессивны, чем самцы.

Назавтра я решил впервые познакомить шестикурсников с драконами, а значит, должен был решить сложную задачу — как определить пол у молодых драконов. Будет просто трагедией, если окажется, что оба зверя — самки. Но каким образом узнать, кто есть кто, не прибегая к банальному вскрытию? Занятый этой невеселой мыслью, я стоял перед вольтерой, а оба зверя пялились на меня сквозь решетку. Когда я зашел сюда в первый раз, она просто дрожала от наслоений защитных и отпугивающих заклинаний. Теперь это были обычные прутья, которые дракон может легко сломать одним ударом мощной туши. Наши дракончики этого не делали по двум причинам: во-первых, они были слишком малы для противоправных действий, а во-вторых, в комбикорм специально добавляли успокоительные средства.

Молодые драконы отличаются крайней любознательностью — именно с ними чаще всего и сталкивались рыцари в прошлом. Одолеть животное в два раза крупнее лошади не так уж трудно, плевать на огонь большинство несовершеннолетних драконов не умеет, так что неудивительно, что из-за неумеренной охоты крылатые звери вскоре оказались на грани уничтожения. Наши дракончики тоже страдали любопытством — две морды покачивались на уровне моего лица, а большие глаза навывкате следили за каждым моим жестом. Иногда звери негромко переговаривались друг с другом, утробно ворча или вздыхая. Кстати, драконы, отличие от сказочных змеев, говорить не умеют — не то строение гортани. А вот овладеть основами телепатии способны. И сейчас я чувствовал, что они мысленно обсуждают меня.

Я протянул сквозь прутья руки, и два шершавых носа ткнулись мне в ладони. Драконы очень любят, когда им чешут губы и веки — самые чувствительные места на их теле. И мои дракончики расчувствовались, когда я начал их чесать. Они даже прижались лбами к сетке и зажмурились от удовольствия.

— Ну и кто из вас кто? — вслух подумал я.

Звери приоткрыли глаза, реагируя на звук моего голоса, но даже не пошевелились. По опыту я знал, что стоять так и млеть они могут часами, а стоит тебе убрать руки, как начинают реветь, бить хвостами и перепугают половину зверей. Поэтому мне пришлось терпеть и ждать, пока что-нибудь не отвлечет их. У меня уже затекли руки, но драконы все еще требовали ласки.

Они первыми услышали подозрительные звуки в тамбуре и резко вскинули головы, раздувая ноздри и приплюсываясь. Я с чувством облегчения опустил руки. Драконы вытянули шеи, глядя на дверь, а потом заревели, то ли приветствуя, то ли отпугивая чужаков.

Волна зловонного дыхания обдала меня — казалось, что у одного из драконов гниют зубы.

— Кто из вас испортил воздух? — грозно спросил я. Оба зверя отвлеклись и уставились на меня одинаково невинными взглядами.

— Кто? — повторил я. — Сознавайтесь!

Но звери только сопели. Я же не собирался на ню сердиться, ибо зловонное дыхание — неотъемлемый признак самца. Выходит, у меня в зоопарке живет пара драконов! Для школы это удача. Ведь добиться размножения этих зверей в неволе — моя заветная мечта. И пусть

полной зрелости звери достигнут только лет через пятнадцать — что ж, ради этого можно и подождать.

— Я все равно узнаю, кто из вас кто, — погрозил пальцем зверям, но в это время и сам услышал в тамбуре шаги. Там определенно кто-то был! Драконы заревели снова, и опять меня обдало вонючими газами. Та-ак! Судя по всему, самцом обещал стать правый дракон, тот, у которого чуть темнее чешуя на носу.

Зажимая рукой нос — из пасти взрослого дракона воняет так, что без противогаза даже лошади падают в обморок, но ароматы молодых драконов ненамного слабее, — я выскочил в тамбур и столкнулся с тремя девушками.

— Ой! — хором воскликнули они, потому что в это время драконы взревели в третий раз — уже от обиды, что я их бросил.

Я прикрыл дверь в живой уголок.

— Вы ко мне?

Девушки смущенно толкали друг друга локтями. Это были Вероника и ее две подруги — Кристина и Инга.

— Здравсьте, — поздоровались они.

— Пришли в живой уголок? — Я все еще лелеял надежду, что однажды у меня будут помощники, потому что одному убирать за этим зоопарком времени не хватало.

— Нет. — Девушки отчаянно толкали друг друга локтями, подбадривая. — Мы к вам.

— Чем могу быть полезен?

Тут Кристина и Инга, сговорившись, вытолкнули вперед Веронику. Девушка покраснела и что-то проямлила.

— Чего-чего?

— Вы это... нам... ну... вы нам не можете? — дрожащим от волнения шепотом выдавила она.

— В чем?

— Вот. — Девушка протянула свернутый в трубочку пергамент.

Я ожидал, что там будет изложена просьба, которую шестикурсницы не могут высказать вслух, но на листе обнаружились коряво выведенные строчки — обрывки каких-то стихотворений.

— Нам дама Сирена задала составить стихотворное заклинание — ну, вису там какую-нибудь, а у нас не получается, — промолвила Вероника. — Вот мы и подумали, что вы...

— Что я вам подскажу?

Девочки дружно закивали. Сказать по правде, мне не хотелось выполнять за кого бы то ни было работу но с другой стороны, разве я сам не сдавал экзамены по конспектам старшего брата? Разве не писал шпаргалки на ладонях и не дарил шоколадки девчонкам, чтобы они позволили мне подсмотреть, что нацарапано у них на коленках под юбками? Наши девушки где только не писали шпаргалки, и за каждую существовала определенная такса. Да и сам я на последнем курсе неплохо приторговывал собственными старыми контрольными работами. Поэтому, вздохнув, я распахнул дверь в комнату для практических занятий:

— Заходите.

Мы расселись за ближайшим откидным столом под лампой, и девушки, хихикая и толкая друг друга локтями для смелости, разложили передо мной пергаменты.

— По какой теме у вас задание? — спросил я.

— Дама Сирена велела нам составить стихотворное заклинание, настроенное на звуковой и ассоциативный ряды, — объяснила Вероника, в то время как ее подруги только смущенно прыскали и строили глазки.

— А тематика? На что будет нацелено ваше заклинание?

— Не знаем, — сознались девушки, — Она сказала — хорошо, если оно вообще окажется рабочим.

— Ну, тогда... — Я взгляделся в несколько строчек. — Может быть, вам подойдет это...

Крики чаек
за плечами,
плащ качается
печально,
освещая
путь к причалу —
ты печален,
я печальна.

Это я сочинил, когда мы проходили эльфов в Школе Искусств.
— Ой, как здорово! — Вероника схватилась за перо. — Я запишу?
— Валяй.
— А нам чего-нибудь начитайте, — заныли Кристина с Ингой.
— Хорошо. Только писать буду я. Когда я прочел это заклинание вслух у себя в школе, оно сработало.
И я записал:

Свето-тень,
свето-звук —
через день
порван круг,
через миг,
через сон
кончен крик
— замер звон.
Свет звезды,
света луч
— искрой взмыл
из-за туч.

— Красиво, — вздохнули девчонки. — У вас это здорово получается! Мы так никогда не сможем! А на что оно было рассчитано?

— Я вызвал этим заклинанием единорога. У нас в школе разрешали читать свои творения вслух. Несмотря на то что они срабатывали довольно часто. И результат не всегда был тем, которого ждали... Кстати, большинство заклинаний индивидуальны. То есть с одними все получается даже у бездари, а с другими могут работать только те, кто их создал.

— А у вас в школе все заклинания были в стихах?

— Нет. Просто стихи легче запомнить, и там звуковой ряд ярче.

Мы болтали еще больше часа и к концу беседы уже стали друзьями. Так что, провожая девчонок, я подумал, что с ними мне гораздо легче общаться, чем со своими коллегами-учителями.

Глава 7

Следующая неделя прошла спокойно. Жизнь в школе мало-помалу вернулась в нормальное русло, и даже дама Лилита снова вела себя, как обычно. Разве что Спурий теперь ходил за нею хвостом, да Лыбедь относилась ко мне подчеркнуто-холодно, словно я ее предал и теперь должен на коленях вымаливать прощение. Думаю, она не забыла, как я поступил на педсовете, ведь дама Лилита была ее близкой подругой.

В понедельник ко мне неожиданно подошла Вероника. В тот день ее класс у меня не занимался — на уроках мы встречались в среду и пятницу, — и я этому удивился. Девушка была одна. Она воровато оглянулась на выходявших из аудитории семикурсников и

заговорщически мне подмигнула:

— Спасибо вам!

— За что?

— Ваши заклинания... Дама Сирена сказала, что мы лучше всех справились с заданием. Она даже рекомендовала нам специализироваться на магии слова!

— Ну и вы согласились?

— Нет еще.

— Будьте осторожны. Я не буду вечно писать за вас сочинения.

— А мне и не надо. Я... я пришла, чтобы...

Она вдруг засмушалась, теребя оборки школьной формы, и зачем-то оглянулась на дверь. Помня о том, что девушка редко где появлялась без своих подружек, я догадался, что Кристина и Инга стоят снаружи и наверняка подслушивают. Мне стало жаль Веронику.

— Ты пришла не только затем, чтобы меня поблагодарить? — подсказал я.

— Ага. Я еще хотела... ну, в общем... хотела... — Она глубоко вздохнула и выпалила:

— Приходите на день рождения!

— Что?

Вид у меня, наверное, был очень глупый, потому что Вероника улыбнулась и сразу обрела уверенность.

— Ну, на день рождения. Понимаете?

— Понимаю. А чей?

— Мой.

Я в самом деле почувствовал себя глупо. Когда я учился в школе, девушки не часто баловали меня подобными приглашениями. Да и сейчас тоже ситуация не из приятных. Я все-таки учитель.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать. — Вероника произнесла эти слова так, как другая на ее месте сказала бы: «Восемьдесят четыре».

— Поздравляю. И когда у тебя день рождения? Завтра. Мы собираемся в нашей рекреации, ну, куда вы меня тогда проводили, в семь часов, после ужина. Вы придете? — Она вскинула на меня умоляющий взгляд, и я сдался.

— Только у меня не будет времени найти подарок, — предпринял я последнюю попытку к сопротивлению.

— А вы приходите так. Без подарка. Придете? — Она улыбнулась снова, и мне не осталось ничего другого, кроме как капитулировать.

В назначенное время я осторожно подошел к витой декоративной решетке рекреации старшекурсниц на третьем этаже. Совсем рядом находились апартаменты Лыбеди, и я с содроганием ждал, что будет, если она заметит меня здесь.

Но все обошлось. Дежурные семикурсницы у дверей, видимо, были предупреждены, потому что без лишних слов пригласили меня пройти.

Ни во время учебы в Школе Колдовских Искусств, ни после, в педколледже, я не бывал в рекреациях девчонок, поэтому озирался по сторонам с любопытством. У мальчишек все было по-спартански просто и скромно — камин, два стола, заваленные журналами и шахматными досками пополам с комиксами, несколько кресел и обязательно в углу забытая кем-то спортивная сумка. Часть личных вещей всегда валялась в общей гостиной, и ими мог пользоваться любой желающий, если хозяин вовремя не вспоминал, где оставил потерю.

У девушек все по-другому. Во-первых, возле камина стояло трюмо с косметикой. Здесь же полукругом были расставлены кресла и пуфики. Вместо двух письменных столов — три журнальных. По углам — кадки с китайскими розами. Сейчас рекреация была еще и украшена ленточками, красиво расставленными сувенирчиками и шторками. В пламени камина калачиком свернулась саламандра. На столиках ждали ужина тарелочки с бутербродами и печеньем, стояло несколько пакетов с соками и красовался большой торт, видимо, присланный имениннице родителями. На отдельном пуфике под кадкой с розами

были сложены подарки. Девочки еще суежились, что-то переставляя, что-то поправляя и убирая, хотя, по моему мнению, все было и так красиво.

— Ой! — Вероника выскочила было в рекреацию в халатике нараспашку и тут же юркнула обратно. Я быстро отвернулся. — Извините, мастер Мортон. Я сейчас!

Она появилась через минуту, в светло-голубом платье с таким глубоким разрезом сбоку, что пришла моя очередь смущаться. А девушка еще и крутнулась на месте, показывая стройные ножки:

— Ну как?

— Здорово, — признал я.

— Вам нравится?

— Да, но, Вероника, ты уверена, что...

— А что? Это мне бабушка прислала. В нашем роду голубой цвет приносил счастье. У меня и амулет голубой, — она продемонстрировала голубой берилл на серебряной цепочке. Он висел на ее груди, укладываясь как раз в вырез платья.

Еще несколько минут спустя стали прибывать остальные гости. В числе приглашенных оказался Кристиан Шульц, брат Кристины и бывший ухажер Вероники и двое секикурсников — оба из числа любимцев Берегини, «Иваны-царевичи», как говорила она. Заметив меня, стоявшего в уголке, парни скривились:

— Ну, теперь никакой тусовки, раз преподы здесь!

— Его пригласила я. — Вероника встала передо мной, уперев руки в бока. — Это мой праздник, и только я решаю, кто на него придет.

Вместо ответа парни выразительно указали на свои школьные накидки. Их складки подозрительно топорщились, и я догадался, что секикурсники каким-то образом достали и пронесли в школу пиво. Я уже открыл рот, чтобы сделать замечание, но Вероника тоже заметила это и подхватила меня под руку.

— Пойдемте, я налью вам чаю, — умильно улыбнулась она, и я позволил увлечь себя подальше от камина, где парни уже потихоньку раздавали пиво всем желающим.

Сказать по правде, праздник не очень удался, и в этом была целиком моя вина. Я подозревал, что ребятам захочется и потанцевать, и пообниматься с девушками. Они наверняка рассчитывали что, когда все будет съедено и выпито, можно будет разбиться на парочки и приглушить свет, а тут в кресле сидел я. Ни обнять девчонку, ни выйти вместе с нею на минуточку! Да еще и пиво приходится пить тайком!

Я ловил на себе недружелюбные взгляды и уже несколько раз порывался уйти, но Вероника вертелась рядом. Она как-то успевала следить, чтобы гости не забывали про угощение, и наблюдать за мной. А потом вдруг потащила меня танцевать.

— Перестань, Вероника! Неудобно, — пробовал упираться я, но несносная девчонка просто улыбнулась, положила руки мне на плечи и я подчинился. В конце концов, в свои шестнадцать лет я слишком редко танцевал с девушками, а тем более медленный танец, когда можно не следить за каждым движением и жестом, а просто двигаться вместе в такт музыке. Кто-то не выдержал и погасил свет. Глаза Вероники засветились в темноте, словно у кошки.

— В моем роду были ведьмы, — прошептала она голосом, от которого мне стало слегка не по себе.

— Не сомневаюсь, — выдавил я.

— И очень известные ведьмы. Вероника Вайда — слышали о такой?

— Да. Прорицательница, жившая в прошлом веке.

— Это моя бабушка. Та самая, которая прислала мне это платье. Меня называли в ее честь. Правда, моя фамилия не Вайда. Я по отцу Корбут. Моя мама первая ведьма в нашем роду, которая вышла замуж. Она была шестой внучкой, а я седьмая. Бабушка написала мне, что если я выйду замуж в этом платье, то ее правнук, ну, мой сын, будет величайшим магом двадцать первого века.

— Не рано ли думать о замужестве? — попытался я увести разговор от опасной

темы. — Тебе еще учиться и учиться... И если ты будешь отлынивать от учебы, добром это не кончится.

— Я все знаю. — Вероника перестала улыбаться. Я понял, что обидел ее, и остановился, хотя музыка еще звучала.

— По-моему, мне пора. Извини, если что не так. Думаю, вам дальше нужно веселиться без меня!

— Наверное. — Вероника смотрела в другую сторону. Она выглядела настолько обиженной, что я рассердился и ушел, не простившись с остальными.

В конце концов, что эта девчонка о себе воображает! Чего добивалась, приглашая меня? Надо было отказаться сразу, несмотря ни на какие улыбочки и подмигивания! Хорошо еще, если никто из ребят не проболтается, что я бегая на дни рождения к старшекурсникам. Это же такой скандал!

Чеканя шаг, я шел по полутемной школе, возвращаясь к себе, и не сразу понял, что уже довольно поздно. Примерно часов одиннадцать ночи, если не полночь. Факелы горели через один, в других рекреациях давно погасли огни, комнаты были заперты, и только где-то на этаже бродил, звеня ключами, завхоз.

...Нет! Я затормозил, когда внезапно понял, что это может быть чем угодно, только не звоном ключей. Это звенели... цепи! И звон этот приближался со стороны Башни Баньши!

В этой башне в свое время располагалась усыпальница. Там были похоронены некоторые из первых учеников Семерых Великих Магов, а также кое-кто из исторических личностей, чья жизнь была тесно связана со Школой МИФ. Ведь эти стены помнили темные века гонения на магию, когда было закрыто или вовсе уничтожено большинство волшебных заведений. МИФ оставалась одной из немногих школ, обучавших детей и подростков магии, даже в наиболее страшные времена, когда само слово «маг» было ругательством и проклятием. В те годы подобных школ осталось всего четыре — МИФ в северных горах, Аркона на острове Буян, еще один колледж в Британии и закрытый монастырь в Тибете. Тогда в усыпальницах было похоронено несколько загадочных и зловещих личностей. В «Истории МИФ» они были названы поименно, и сейчас я с замиранием сердца слышал, как один из этих призраков идет по коридору, звеня цепями.

Потусторонние миры — не моя стихия. Сознаюсь, я частенько сбегал с уроков, когда там начинали преподавать защиту от призраков. Мне казалось, что уж я-то никогда не столкнусь ни с чем подобным.

Звон цепей и шарканье ног приближались. Я прижался к стене, сжимая в кулаке амулет и мысленно обращаясь к своей силе. Чем ближе к полуночи, тем сильнее призраки. Но что заставило ЭТОГО покинуть гроб? Если я узнаю причину, узнаю и то, стоит ли мне опасаться ожившего мертвеца.

В противоположном конце коридора показалась фигура в белом. То есть саван должен быть белым, но этот наверняка был грязно-серым от гнили и пыли. Фигура была с головой закутана в него, и я не мог понять, кого вижу. Из последних сил я сосредоточился, «закрывая» себя от взоров призрака.

По внутренней магии — как стать невидимым, например, или заставить другого человека поступать так, как хочешь ты, — у меня всегда были отличные отметки. Ведь мне приходилось общаться с магическими животными, а те не понимают языка физической мощи. Мне удалось стать незаметным, и призрак прошел мимо. А я крадучись двинулся за ним. Мне вдруг пришло в голову, что он разгуливает не просто так, а движется по школе с определенной целью. И явно враждебной.

Быть невидимым — сложное искусство. Маг не растворяется в воздухе, он становится просто незаметен для людей. И нужно постоянно держать свое сознание в напряжении, чтобы не дать себя увидеть. Всякие шапки-невидимки лишь помогают сосредоточиться и облегчают этот довольно болезненный процесс. Мне это удалось. Я крался за призраком, стараясь не скрипнуть половицей и не вздохнуть слишком громко, ибо контролировать случайные звуки был не в состоянии.

Призрак поднялся на четвертый этаж, и я перевел дух. Там никто не жил, кроме меня... Кроме меня?

Я зажал себе рот ладонью. Ну да, на четвертом этаже была моя комната. На пятом — покой мессира Леонарда, а выше, в одной из башен, медпункт Невеи Виевны. Призрак бесшумно скользил по ступеням, одолевая подъем. Вот он вышел в коридор, вот направился через холл к запертым дверям...

Я заметался. Куда бежать? Наверх? Но призрак и шел сверху, от усыпальниц. Вниз? Там дети. Рано или поздно он догадается, что меня там нет и пойдет по следам искать. И придет в рекреацию, где Вероника празднует день рождения. Конечно, я и оттуда успел уйти, но прежде, чем он выяснит это, призрак перепугает детей.

Я должен был его остановить.

Впоследствии, вспоминая эту сцену, я сам себе удивлялся — откуда взялась решимость. Я не специалист, меня не учили сражаться с призраками, да еще поднятыми из могилы посредством запрещенных заклинаний. Но в тот миг я не думал ни о чем — мне было важно, чтобы призрак не добрался до детей.

Я позволил своему сознанию расслабиться, став «видимым» и, чеканя шаг, стал подниматься по лестнице на пятый этаж. Гулкие коридоры огласил стук моих башмаков.

— Интересно, — сказал я вслух, — правду предсказывали, что этой ночью будет миграция Цмоков? Они же не летают так поздно зимой!

У призраков очень чуткий слух. Они ловят любой шорох. И я нарочно заговорил — пусть восставший мертвец быстрее сообразит, что это я иду там, наверху, и не тратит время на поиски.

Все получилось, как я задумал. Не успел я одолеть половину подъема, как позади послышалось шуршание цепи по камням — оживший мертвец спешил на звуки. Я сорвался с места и побежал.

Сам не помню, как добрался до кабинета директора и забарабанил в дверь.

— Мессир Леонард! Проснитесь!

В дальнем конце коридора показалась фигура в белом. Я сильнее заколотил в дверь, но никто не отзывался. Директор либо спал, либо...

Додумывал эту мысль я уже на бегу. Если мессир Леонард не может мне помочь, придется рисковать. Как останавливают оживших мертвецов? Что-то делают с их гробом?

Из этого крыла пятого этажа попасть в Башню Баныши было невозможно, но не зря существовал лабиринт лестниц. Я помчался к ближайшей, ведущей вниз — через центральный холл четвертого этажа я мог попасть на второй, откуда открывается ход в башню. К тому времени, как ступил на винтовую узкую лестницу, я уже еле дышал, а сердце было готово выскочить из груди. Прыгая через три ступеньки, я спешил к усыпальницам, стараясь не думать о боли в боку, о том, что ноют ноги и пот заливает глаза. Зацепившись за что-то в темноте, я порвал мантию. Потом нога запнулась о камень, и я рухнул на колени, больно ударившись о ступеньку.

Призрак настигал — я чувствовал это по волнам холода и ужаса, накатывающим на меня. Они приказывали остановиться и отдаться на милость судьбе. Но меня питал страх — сильное чувство, которое оказывать сильнее безнадежности. Поворот, еще один, еще...

Вот! Узкая бойница освещала распахнутую настежь дверь одного из склепов. Даже не задержавшись, чтобы прочесть на медной табличке, кто здесь похоронен, я ворвался внутрь.

Огромный саркофаг стоял в центре округлой комнаты, озаренный светом двух свечек. Крышка его была двинута. Он был пуст.

И тут меня осенило. Не знаю, то ли у меня были хорошие педагоги, то ли снизошло озарение, но я понял, что надо делать. И метнулся ко гробу, залезая в него.

Гроб, могила, саркофаг, усыпальница — суть место перехода из мира мертвых в мир живых и наоборот. И в то же время это — дом для мертвеца. Занимая его «дом» и лишая его возможности вернуться обратно, я лишал его сил. Конечно, это опасно — можно самому попасть туда, откуда не возвращаются. Но если все сделать правильно...

Мягкие тяжелые шаги ожившего мертвеца уже были слышны на лестнице. Я заторопился, потянув на себя тяжелую каменную крышку — и она выскользнула у меня из рук!

Грохот ее падения был слышен, наверное, во всей школе. Крышка раскололась на две половины.

Из оцепенения меня вывел вой хозяина склепа. Он чувствовал, что происходит что-то неладное, и прибавил ходу. У меня оставались считанные секунды.

И я совершил то, на что в другое время не решился бы ни за что. Молнией выскочив из гроба, я бросился к бойнице и распахнул ее.

В лицо мне ударил ледяной ветер, в уши ворвался вой урагана. Пригоршня колючего снега залепила глаза, рот и нос. Снаружи бушевала настоящая снежная буря. Свист, вой, рев почти перекрыли вопль ожившего мертвеца, который наконец добрался до своего гроба и обнаружил, что «двери» в иной мир взломаны и даже «сорваны с петель».

Затаив дыхание, зажмурившись, я прижался к заледеневшим камням, стоя на узком карнизе. Холод пробирал до костей. Страх, что я сейчас замерзну, и страх, что мертвец обнаружит меня, боролись во мне. Там и тут была смерть. И, может быть, замерзнуть насмерть было менее мучительно.

Если бы был белый день, а в башне не бушевал взбешенный мертвец, я бы несомненно сорвался вниз — высоты я боюсь ужасно. Но царила полная тьма, которую нарушали только несколько тусклых огоньков на соседних башнях. Я не мог видеть землю, сколько бы ни смотрел вниз, а долетавшие из бойницы звуки волей-неволей заставляли забыть обо всем на свете.

Я не узнал, когда пропели первые петухи, но оживший мертвец почувствовал, что время сместилось. Последний раз издав жуткий рев, в котором ярость смешалась с ужасом и болью, он рухнул на пол усыпальницы. Некоторое время все еще было слышно, как он бьется, скребя по полу полуистлевшими костяшками пальцев, а потом все стихло. Остался только вой и свист ветра. И стук моих зубов.

К этому времени я замерз окончательно. Где-то в глубине сознания теплилась мысль, что надо пересилить себя и попытаться вернуться в башню, но холод уже сковал мое тело и добирался до сердца. Мне было лень пошевелиться. Я уже начал чувствовать тепло — то самое, последнее тепло, и, возможно, меня бы нашли лишь некоторое время спустя превратившимся в ледяную глыбу, если бы не Нетопырь.

Кожан Малюта Скуратов уже некоторое время порхал перед моим лицом, борясь с порывами ветра, но я, оцепеневший, сквозь заледеневшие ресницы не мог ничего видеть. Я вообще ни на что не реагировал и просто удивляюсь, как это привидение смогло до меня достучаться. Наконец с большим трудом я сообразил, что происходит.

— Ты! Придурок! К нам захотел? — донесся до меня его возмущенный крик. — У нас и так перенаселение! От этих покойников житья нету! А тут еще и ты! Давай отсюда! Живо!

Мои губы еле шевелились.

— Т-т... т-там п-п...

— Да не туда! А сюда! — завыл он, метнувшись вбок. — Давай! Шевели конечностями!

Мне ужасно не хотелось никуда двигаться. Стоять прижавшись к стене, было так удобно! Если я сделаю шаг, нога сорвется с обледеневшего карниза и...

Первый шаг дался с трудом, но я не упал. Второй был также тяжел, третий, четвертый... Только после седьмого или восьмого я пришел в себя настолько, что смог ужасаться — я иду над пропастью, над высотой! — и понимать, куда толкает меня Нетопырь. Дальше по стене была еще одна бойница, открывавшаяся в другую комнату. Маленькое привидение было право — возвращаться в башню через оскверненную усыпальницу слишком опасно. Ворота в мир мертвых распахнуты настежь. Я запросто могу сделать неверный шаг.

Окно находилось в неглубокой нише — как раз такой, чтобы в ней уместился человек

моего сложения. Она была забрана стеклянным витражом. Нетопырь рыбкой нырнул внутрь, пройдя сквозь стекло. Я собрался с силами и ударил.

Послышался звон стекла. Витраж треснул, и я мешком свалился на каменный пол в грудку осколков.

От холода я ничего не чувствовал и некоторое время беспомощно возился на полу, а Нетопырь скакал вокруг меня, вереща во всю глотку. Он выглядел настолько довольным собой, что я поднялся больше назло ему.

Мне повезло. Это не было еще одной усыпальницей. Судя по убранству комнаты, когда-то она была приготовлена под склеп. Видимо, забронировавший для себя местечко покойник еще где-то бегал — или нашел последнее пристанище в более уютном месте. Даже дверь была просто прикрыта.

Держась за стену, все еще стуча зубами от холода и пережитого страха, я медленно спускался из башни. И лишь на своем родном четвертом этаже почувствовал боль в руках — обе мои кисти и запястья были изрезаны в кровь осколками витража.

Ураган бушевал всю ночь, а наутро выяснилось, что он не прошел для школы без последствий. Во-первых, весь двор и статуи Семерых Великих Магов были завалены снегом. Огромные сугробы выросли на спортплощадке и у ворот, перекрыли подходы к теплице и подсобным помещениям, засыпали запасные входы-выходы и более того — даже парадную дверь, поэтому добровольцы, чтобы расчистить крыльцо, прыгали в сугробы из окон. Также ветром сорвало часть кровли с некоторых башен, выбило витражи и погнуло флюгеры. А во-вторых, серьезно пострадала окружающая местность — от школьного парка, где поломало часть деревьев, до крепостной стены. Я уж молчу про дорогу — по ней вообще несколько дней нельзя было проехать, пока из Уппсалы не добрались снежные бригады йотунов.

Естественно, о занятиях не могло быть и речи. Все старшекурсники, начиная с пятого курса, были сняты с уроков, чтобы расчищать завалы. Особенно досталось тем, чьей специализацией была стихия, а поелику животные сами суть стихия — стихия дикой природы, — то я полнее кого бы то ни было ощутил на себе последствия урагана.

У меня отменились сразу две пары, и неожиданно-негаданно я получил четыре часа свободного времени. Царский подарок, учитывая, что руки мои здорово пострадали минувшей ночью. Я кое-как промыл царапины и смазал их мазью, остановив кровь. Идти с такими травмами к Невее Виевне не хотелось, и я, потоптавшись в учительской, потихоньку направился к себе, пока дама Морана не заметила, что я болтаюсь без дела.

Из тех окон, которые не были запорошены снегом открывался прекрасный вид — заснеженная даль, сугробы, серое пятно пруда и река, текущая в ближайший фьорд, а также покрытые снегом скалы. Совсем рядом был мир простых смертных — я знал, что недалеко находится один из горнолыжных курортов. Я даже видел гору, на которой он стоит. Наверняка у них там накануне тоже прошел ураган. Интересно, где непогода разыгралась сильнее?

На картах простых смертных на том месте, где стоит Школа МИФ, обозначено озеро. На наших картах от него остался пруд. И простые смертные сколько угодно могут ловить на берегах впадающей в озеро реки форель, не подозревая, что совсем рядом функционирует школа магии и чародейства. Будь я преподавателем магии иллюзий, я бы на пальцах объяснил вам, как такое может происходить. Но чего нет — того нет.

Я еще стоял у окна, глядя вдаль и слушая ноющую боль в царапинах. Особенно глубокая пересекала ребро правой ладони, и я был уверен, что в ней застряли осколки стекла, когда рядом послышались шаги. Мимо меня не спеша шел Черный Вэл, как всегда, в своей неизменной длинной мантии, под которой при ходьбе открывались высокие лаковые сапоги. Он был весь черен вплоть до черных волос, черных глаз и черных бровей — и бескровные губы на бледном лице. Несмотря на то что почти десять дней мы провели с ним наедине, он до сих пор не здоровался со мной первым. Сказать по правде, мне он тоже был не слишком приятен, но тут я почему-то кивнул головой и промолвил:

— Доброе утро.

Он резко остановился, вскинув одну бровь.

— Вот как? — услышал я негромкий голос.

Я обиделся и отвернулся.

— Доброе утро, — заговорил Черный Вэл, — Максимилиан. Что вы здесь делаете?

Я промолчал, все еще обиженный. Тогда Черный Вэл подошел и выглянул в окно.

— Понятно. У вас тоже нет занятий?

— Почему это «тоже»? — не выдержал я.

— Вон мой класс, — кивнул он вниз. Я посмотрел и увидел десятка полтора мальчишек, возившихся в сугробе. Пользуясь тем, что Берегиня и леди Ульфрида отвлеклись, они играли в войну и ныряли в сугробы.

— А моих отсюда не видно, — поискав глазами, сообщил я. — Наверное, они возле другого крыла.

— Что у вас с рукой? — вдруг резко спросил Вэл. Взял мои руки за запястья, повертел, осматривая царапины.

— Я вчера поранился, — неохотно ответил я. — О стекло. Шел к Невее, чтобы она...

— Идемте.

Он сжал мою руку и, как ребенка, повел за собой. Я уже говорил, что в Школе МИФ невозможно добраться куда бы то ни было прямым путем, но Черный Вэл знал короткую дорогу. Пройдя коридором, мы спустились всего по одной лестнице и оказались перед дверями полуподвального помещения, где проходили занятия по зельеварению.

На свет появился знакомый мне стилет. Вэл по рукоять вогнал его в неприметную щель, дважды повернул, налегая всем телом. Потом вынул, проделал ту же операцию в другом месте и в заключение надавил большим пальцем на морду льва, которая служила вместо ручки.

Я ожидал, что мы окажемся в аудитории, но Черный провел меня сразу в лабораторию.

Подвал тускло освещался единственным окном. Длинный стол посреди комнаты был заставлен таким количеством колб, пробирок, реторт, банок, пузырьков и коробок, что я не берусь описать их все. Полки вдоль стен тоже ломились от препаратов. Я уж не говорю про кованные сундуки и пучки трав, подвешенные по углам и под потолком на лесках. Тут и там стояли перегонные кубы, чучела различных животных, какие-то ящики и приборы. Я замер на пороге, боясь ненароком зацепиться за что-либо, а Черный, оставив меня, с ловкостью змея пробрался в дальний угол, где зажег лампу и занялся своими травами.

— Идите сюда, — позвал он приказным тоном. Пока я пробирался между ящиками, мешками и коробками, под моими ногами дважды что-то хрустнуло, а однажды раздался предсмертный писк, но Вэл и ухом не повел. Сильными движениями он протер мои руки, смывая с них мазь, потом прижег царапины — я вскрикнул от боли, — пинцетом извлек из одной крошечный стеклянный осколок, залил это место самым обыкновенным йодом и наконец, обработав раны, плотно перебинтовал ладони, оставив на виду только пальцы.

— Вот так, — сказал он, все еще держа мои руки в своих и словно любуясь результатами труда. — До свадьбы заживет. Завтра и в субботу повязку надо поменять, а потом все. С моей мазью любая рана заживает в трехдневный срок. Любая обычная рана. Разве что убираться в ваших клетках эти дни будет трудно. Но да у вас же есть заклинания...

— Я в живом уголке не пользуюсь лишними заклятиями, — сказал я. — Как только приехал, сразу снял почти все.

— Почему?

— Ну, животным без них лучше.

— А-а-а... — Он все еще держал меня за руки, и мне это было неловко.

— Спасибо, — сказал я. — Я не думал, что вы... такой.

— Какой?

Его скрипучий голос стал совсем противным, но я все-таки ответил:

— Я думал, вы более... э-э... суровый. Более... жестокий и... вообще.

— Все так думают, — отрезал он, выпустил мои руки, отвернулся и стал разбираться на

столе.

— Простите, — сказал я ему в спину.

— Я привык. — Он уже чем-то булькал, переливая из пузырька в пузырек. — Где вы поранились?

Запинаясь — неудобно как-то говорить со спиной собеседника, — я поведал о вчерашнем ночном происшествии и о том, что прятался от ожившего мертвеца на карнизе за окном. Вэл никак не реагировал на мой рассказ — даже отошел от стола и стал копать в сухих травах. Но к тому времени, как я замолчал, он повернулся ко мне с бокалом в руке. В нем что-то дымилось. Пряно пахло травами и вином.

— Пейте! Заметив мой недоуменный взгляд, предвосхитил вопрос: — От простуды.

Обжигаясь, я выпил горячее, обильно сдобренное пряностями вино, и мне показалось, что внутри меня начал таять огромный ледяной ком. Возвращая бокал Вэлу, я заметил, что он смотрит на меня как-то странно.

— Спасибо, — сказал я снова, чтобы как-то разрядить обстановку. — Вы просто совершили чудо!

— Нет, — он отвернулся, пошел вдоль стола, перебирая стоявшие на нем приборы, — этого я не могу.

Я поставил бокал и огляделся по сторонам. Черный Вэл больше не обращал на меня внимания, и я, не зная стоит ли уходить, не прощаясь, исподтишка рассматривал окружающее.

Фотография пятилетней девочки привлекла мое внимание именно потому, что выглядела в лаборатории весьма необычно. Малышка была чудо как хороша. В чертах ее лица было что-то эльфийское. Она держала на руках белого пушистого зверька с большими ушами и улыбалась.

— Кто это?

Вэл мигом оказался рядом и перевернул снимок тыльной стороной, словно я мог осквернить его своим взглядом.

— Моя дочь, — скривился он, как от зубной боли.

— Она умерла?

— Я умер. — Он опять отвернулся.

— Простите, — сказал я ему в спину.

— Пустое. — Он опять чем-то булькал. — Выпьете?

Я не хотел обижать коллегу, но все-таки не удержался от замечания:

— Вам не кажется, что вы слишком много пьете? В конце концов, что подумают дети? Ведь мы же...

Тут я заметил, что он смотрит на перевернутую фотографию, и заткнулся. У Черного было такое лицо...

— Вам со мной не страшно? — вдруг спросил он. Я помотал головой, и он опять поморщился. — А вот ей было... Я детдомовский. Кто мои родители — неизвестно. В корзинке, где я лежал, обнаружили письмо. В нем сообщалось, что родившая меня женщина опозорила себя и недостойна называться моей матерью. Я воспитывался среди простых смертных. Знаете, что это такое — детдом простых смертных для мага? Ведь мои способности проснулись слишком рано — в неполные шесть лет. В восемь лет я убежал. Вокзалы, бомжатник, пустые бутылки, попрошайничество... Магия помогала выжить и уцелеть. А потом меня нашел один маг. Почувствовал мою Силу. Пристроил в интернат. Но мне и там было плохо. Я попал туда в тринадцать лет, после пяти лет жизни на улице. Попал на первый курс, к малышам. У них были свои законы. Я не смог в них вписаться, хотя очень хотел учиться. И в пятнадцать лет ушел. К нему.

Он произнес это слово так, что я сразу понял — этот человек много для него значил. И похолодел, когда услышал имя:

— К Белому Мигуну... Что? — Черный Вэл заметил мое смятение и подмигнул. — Не знал?.. Да, я был сектантом. А куда еще податься мальчишке с моим прошлым? Я только-

только начал постигать науки, но превзошел своих сверстников-магов в одной — науке выживать и бороться за жизнь. У Мигуна я был востребован, я был ему нужен. И он любил таких, как я. Он любил нас всех, и мы шли к нему с открытыми сердцами — все те, кого не понимали родители, друзья, одноклассники, те, кого не принимал этот мир и кто не принимал законы этого мира. Мы свято верили ему. Мы его любили. Для нас Белый Мигун был восьмым в Великой Семерке.

— Вы знали мою мать? — не удержался я от вопроса.

— Знал ли Женни? — Вэл залпом допил свой бокал и налил себе снова. — Да она и притащила меня в секту!.. Мы встретились на улице. Ей даже не пришлось особо меня уговаривать — я бы пошел за нею на край света... Да, Максимилиан, я хорошо знал твою мать. Я любил ее. Она и Белый Мигун — все, кого я любил. Я был старше ее на год, но слушался беспрекословно. Ее слушались все. Иногда мне казалось, что даже сам Мигун и тот... Я ведь мог быть твоим отцом — если бы не Иероним Мортон. Когда я впервые увидел его рядом с... с нею, я все понял. Он был лучше меня. Сам молодой лорд Мортон! А когда Женни и ее мужа арестовали, я сам пришел к инквизиторам и сдался. Мне тогда казалось, что жизнь кончена и бороться больше не за что. Я был одним из немногих, кто сдался, и поэтому со мной поступили мягче, чем с большинством арестованных боевиков.

— Вас посадили в...

— У меня отняли магию! — скривился Вэл. — Да! Я, маг, преподающий в школе магии, не могу составить простейшее заклинание! То есть я могу что-то там начитать, но сказанное мной не будет иметь никакой силы. Я пуст! А ведь мой потенциал был одним из самых высоких... Палачи инквизиторов, которые приводили приговор в исполнение, так мне и сказали — у тебя был потенциал полубога. Живи сейчас Семеро Великих, любой из них взял бы тебя в ученики не задумываясь. А теперь ты ничем не отличаешься от простых смертных!.. Это больно, Макс. Очень больно.

Он зажмурился, и я понял, почему у него всегда такое недовольное выражение лица.

— Извините, — сказал я.

— Ты ни в чем не виноват! — Черный Вэл тяжело оперся на мое плечо. — Большинство тех, кто, как я прошел процедуру стерилизации, покончили с собой. Приговоры некоторых были еще страшнее, но о них общественности ничего не сказали. Знали только родители тех детей.

— А мои родители? Вам известно, что с ними произошло?

— Говорят, они покончили с собой. Я не очень-то в это верю, разве что их приговор был настолько страшен, что самоубийство стало наилучшим выходом. Но Женни слишком любила жизнь. И она была беременна. Ребенок уже толкался вовсю. Все это очень странно, Макс. И я не советую тебе заглядывать в эту бездну. Ты и так ходишь по лезвию ножа, особенно теперь, когда Белый Мигун снова на свободе.

— Не понимаю, чем это может грозить мне?

— Как же! Ты — сын сектантов! Сын самой Женевьевы фон Ньерд! И ты — Мортон.

Я открыл было рот, чтобы спросить, что это за преступление — быть Мртоном, но Черный Вэл покачал головой, и я перевел разговор на другое:

— А что было с вами дальше?

— Дальше? Вот это! — Он обвел рукой подвал. — Мне надо было как-то жить, и я стал зелейником. Это — единственная область, где можно не быть магом. Я использую силу растений, минералов и животных. Я могу приготовить практически любое зелье. Останется только произнести над ним определенные слова — но это уж пусть мои ученики и клиенты делают сами. Здесь все — от антибиотиков до ядов. Именно как целитель я и познакомился со своей женой.

— Она жива? — Я бросил боязливый взгляд на перевернутую фотографию. Вэл проследил за моим взором, взял снимок и долго смотрел на него.

— Еще как жива! — хмыкнул он. — Она живет в Горнем Мире. Знаешь, что это такое?

Я судорожно сглотнул. В Горнем Мире живут потомки учеников Семерки Великих и

дети самих богов. Они могут посещать мир магов, как мы посещаем мир простых смертных. Некоторым из магов тоже дозволено побывать ТАМ. Короче, в Горнем Мире живет наше магическое, правительство.

— Она дочь одного... впрочем, теперь это неважно. Я был почти счастлив, когда встретил ее. Даже заноза по имени «Женевьева» — и та вылетела из моего сердца. Я верил, что наверху мне смогут помочь вернуть магию. А когда родилась дочь, я был самым счастливым отцом в мире. Я надеялся, что у меня наконец-то появилась семья...

А потом жена узнала, что я был сектантом. Что тут началось! «Лучше бы ты умер!» — самое мягкое, что я слышал от нее. Она восстановила против меня дочь. На суде шестилетняя кроха не моргнув глазом врала, что я пытаюсь совратить ее и ставлю над нею эксперименты. Суд постановил, что до достижения двенадцати лет я не имею права приближаться к дочери на расстояние, меньше трех верст. А потом видеться смогу только три дня в году, причем условия каждого свидания должны быть оговорены заранее с родственниками ее матери. За пять дней до Йоля девочке исполнилось двенадцать. Я написал ее матери, просил о встрече с дочерью, но она ответила отказом. Поэтому я никуда не поехал на каникулы.

Он медленно положил фотографию девочки на стол. Я поставил свой бокал, к которому едва притронулся.

— Мне пора. Скоро звонок.

— Я провожу.

Держа меня за локоть, Черный Вэл довел меня до двери и придержал.

— Будь осторожен, Максимилиан, — проскрипел он. — В тебе очень мало от Женни. Если что-то случится, ты не сможешь себя защитить.

Внезапно он крепко взял меня за локти и придвинулся так близко, что я почувствовал себя, как в ловушке. Его черные глаза сверкнули. Я попытался отстраниться. Мне стало страшно, как вчера ночью, в коридорах, и, чтобы развеять наваждение, я выпалил неожиданно для себя:

— А вы знали, что случилось с сыном дамы Мораны?

Черный Вэл выпрямился, опуская руки. Лицо у него было такое, что я еле сдержался, чтобы не убежать.

— Ничего. Агнар Геррейд тоже был в секте. Мы были друзьями. Его тоже приговорили к стерилизации. Незадолго до смерти он написал мне, что жить стало невозможно. Мать не давала ему прохода — постоянно напоминала, в чем он виноват, и требовала, чтобы парень положил жизнь на то, чтобы искупить свою вину и обелить их семью. Дама Морана Геррейд довела своего сына до самоубийства. Ее младший сын узнал правду из предсмертного письма Агнара и прекратил отношения с матерью. Насколько я знаю, полностью он ее до сих пор не простил, хотя и разрешает видеться с внуком — тоже Агнаром... Нас до сих пор не простили, Максимилиан! Мы до сих пор изгои! И я сам не знаю, почему до сих пор жив.

Он отвернулся. Его широкие плечи ссутулились. Я впервые видел этого человека в таком отчаянии и уже повернулся, чтобы потихоньку уйти, но задержался. На ум мне кое-что пришло.

— Лорд Черный Вэл, — робко окликнул я, — мне кажется, вы должны кое-что знать. Отец Даниила Мельхиора отдал свою жизнь, чтобы выпустить Белого Мигуна на свободу.

Он стремительно развернулся ко мне — так, словно я пообещал ему вернуть магию.

— Вот как? — хриплым голосом воскликнул он. — Это правда?

— Мне сказал Даниил. Мальчик доверяет мне. Его тоже отовсюду гонят — он сын сектантов и...

— Вам лучше уйти, Максимилиан, — перебил меня Черный Вэл. — Скоро звонок!

И он вытолкнул меня за дверь. Удивленный таким оборотом дела, я пошел к себе, на ходу размышляя над странностями своего коллеги. В одном могу поклясться — он обрадовался. И испугался этой радости.

Снадобье Черного Вэла мне помогло, но частично Я не заболел, хотя в пятницу

чувствовал себя разбитым. Мне казалось, что у меня отняли все силы. Трудно было заставить себя что-то сделать. Навалилась такая жуткая апатия, что, когда началась последняя, пятая пара, я вдруг остановился, оборвал сам себя и сел на стул у кафедры. Группа семикурсников внимательно следила за мной.

— Прошу меня простить. Думаю, тему вы уяснили, — помедлив, заговорил я. — Водяная и болотная нежить — способы общения и защиты. Займитесь ею самостоятельно и к понедельнику приготовьте доклады А сейчас — можете быть свободны.

Юноши — группа была мальчишеская, — стали собирать книги в сумки. Я сидел у стола, закрыв глаза.

— Вам плохо? — раздался над ухом голос.

Я открыл глаза. Возле меня стоял один из «Иванов-царевичей», тот, который был на дне рождения Вероники. Его звали Адамом Лексом.

— Простыл, — сказал я, — перед ураганом. Но ничего страшного. Думаю, Невея Виевна в два счета поставит меня на ноги.

Юноша пожал плечами и ушел. Аудитория опустела. Я посидел еще немного, потом с усилием поднялся и пошел вдоль стены, гася лампы. Зал погрузился в полутьму — остались только фонари-факелы у двери и над демонстрационной доской. Две албасты, разбуженные среди зимнего сна, вялые и потому неагрессивные, опустились на дно аквариума. Последним усилием я накрыл его крышкой, чтобы нежити не пришлось в голову пойти погулять, и проковылял к себе. Здесь силы оставили меня, и я растянулся на своей кровати, закрыв глаза.

Мне снилось, что я падаю в бездну, и я кричал от ужаса и пытался взлететь. Но метла и ступа Берегини кружились надо мной, дразня и всякий раз уворачиваясь, едва я пытался дотянуться до них. Падение прервалось внезапно — я со всего размаха рухнул в зловонную жижу. Погрузился с головой, но тут же всплыл, отплевываясь от попавшей в рот гадости, и отчаянно забил руками и ногами, пытаясь удержаться на плаву. Правду сказать, плаваю я немногим лучше, чем летаю, по выражению брата, «До подхода спасателей продержишься!» — но тут кругом царил тьма и пустота. Спасать меня было некому. Не было видно даже берегов, и я бултыхался на месте, теряя силы.

Зловонная жижа оказалась плотнее воды. Она налипала на мои руки и ноги, висла на одежде, сковывая движения. От едкой вони у меня кружилась голова. Я тонул и боролся из последних сил...

Пока кто-то не потряс меня за плечо.

Я вскрикнул и проснулся, цепко хватаясь за чужие руки. Мне, еще в полусне, казалось, что это пришло мое спасение.

— Мортон! Мортон! — звал меня знакомый голос. От звуков этого голоса сон мигом слетел с меня.

Я сел, хлопая глазами, а потом вскочил, торопливо поправляя сбившуюся мантию, которую не снял перед тем, как лечь на неразобранную постель. Надо мной стояла дама Морана Геррейд. Взгляд грозного завуча метал молнии.

— Что это значит, Максимилиан Мортон? — прорычала она. — Почему ваши ученики болтаются по школе во время уроков? У вас сейчас должны быть занятия с седьмым курсом!

Я перевел взгляд на часы. Стрелки показывали без одной минуты пять.

— Через шестнадцать минут все равно уроки закончатся, — возразил я.

— Не дерзите, Мортон! По какому праву вы отпустили семикурсников с урока?

— Я плохо себя чувствую.

Дама Морана вгляделась в мое лицо. Я чувствовал, как горят щеки. Жара не было, но слабость была неимоверная. Видимо, завуч поняла, что со мной что-то творится, но престиж второго лица в школе не позволял ей признать свою неправоту.

— Даже если это и так, то вы должны были заранее поставить меня в известность, и я бы подумала о замене. А срывать таким образом урок... Седьмой курс в этом году сдает выпускные экзамены. Им важен каждый час занятий!.. Вы хотя бы дали им задание?

— Велел написать доклад по пропущенной теме.

Это удовлетворило даму Морану, и она кивнула, направляясь к двери.

— Немедленно посетите медпункт, — сказала она на прощание. — И если окажется, что ваша болезнь заразна, там и оставайтесь. Мне не нужны эпидемии.

Когда за нею захлопнулась дверь, я почувствовал себя лучше. В присутствии завуча я просто физически был не в состоянии не болеть. Вот уж кто мог бы стать во главе секты! И секты самой страшной в истории человечества!

Скинув верхнюю одежду — с забинтованными руками это сделать было непросто, — я растянулся на постели, намереваясь проболеть и дальше, но побыть одному мне не дали. Не прошло и десяти минут, как в дверь постучали:

— К вам можно?

— Вероника? — удивился я.

Девушка бочком протиснулась в дверь.

— Мне Адам сказал, что вы болеете, и я сразу поспешила к вам. А потом увидела, что от вас выходит дама Морана, и решила переждать, пока она отойдет подальше... Что она вам сказала? Опять ругалась? Вот вредина! — тараторя, Вероника прошлась по комнате, зажгла лампы, осветив беспорядок. — Я тут у вас приберусь немного?

— Не надо! — воскликнул я, натягивая одеяло до подбородка. — Ты с ума сошла! Зачем ты пришла?

Девушка уже взялась за край мантии, которую я сбросил прямо на пол:

— Мне уйти?

— Да!

Она медленно положила мантию на место, посмотрела на меня долгим взглядом и вышла. А я отвернулся к стене и почти сразу заснул.

Глава 8

На другой день, в субботу, я проснулся около полудня, вялый, но несомненно здоровый. Это я понял сразу, потому что мне очень захотелось есть.

Перед тем как спуститься в столовую, я размотал повязки на руках. Черный Вэл сказал правду — царапины уже подживали, я мог вполне уверенно двигать кистями и, направляясь в столовую, намеревался поблагодарить зелейника за чудесное лекарство.

Но в столовой Вэла не оказалось, и я после обеда стал прохаживаться по холлу, держась поближе к входу в его подвал. Я знал из расписания, что после обеда у него два факультатива по ядам и эликсирам а, значит, он должен появиться у дверей. Вэла я не дождался, зато увидел даму Морану. Завуч шла не спеша беседуя с дамой Лилитой, и я поспешил юркнуть в библиотеку, пока меня не заметили.

В субботу библиотека закрывалась безбожно рано — в четыре часа. А в воскресенье, когда большая часть учеников корпела над докладами и домашними заданиями, и вовсе не открывалась. Заведовала книгами женщина неопределенных лет, настолько незаметная, что о ней я даже сейчас ничего сказать не могу. Эдакая серая мышь в скромном свитере и больших очках впол-лица. Она либо пряталась за конторкой, либо сновала между стеллажами. Но зато ухитрялась поддерживать в библиотеке идеальный порядок. Кстати, ее так все и звали — «Серая Мышь». И она отзывалась на это имя-прозвище.

Однако хотя был только час дня, меня ждал неприятный сюрприз.

— Библиотека закрыта! — прозвучал категоричным голос, едва я переступил порог. — Приходите завтра!

— Завтра воскресенье.

— Тогда в понедельник. Или лучше во вторник. Или в среду... В общем, на днях! А сейчас все на выход! На выход, я сказала!

Я стоял на пороге, в узком проходе между стеллажами со старыми журналами и экспонатами школьной выставки. В школе имелся свой музей, посвященный истории и

памятным датам, но часть экспозиции просто не умещалась в специально отведенной для этого комнате, и все малоценное перетащили сюда. Кое-что ученики успели стащить или привести в негодность — судя по пустым местам на полках, — но, насколько я знал, на подобные пакости смотрели сквозь пальцы.

Я прошел по коридору к конторке, делившей библиотеку на две неравные части. В той, где стоял я, находился читальный зал. А дальше — абонемент. Где помещалось хранилище, для меня долгое время оставалось тайной, пока я не открыл подземелья. Три четверти книжного фонда находилось под землей.

Серой Мыши за конторкой не было, но ее голос прозвучал откуда-то сверху:

— Санитарный день!

Я задрал голову — она с ловкостью обезьянки оседлала стремянку и покачивалась под потолком, протирая книги на самом верхнем ряду.

— Там написано, что санитарный — последний день месяца! — возразил я.

— Тогда день инвентаризации! — огрызнулась она. — Когда хочу, тогда и устраиваю! Уходите! Не мешайте работать!

Обычно она никогда не отказывалась помочь, и я очень удивился внезапной перемене в ее поведении.

— Что-нибудь произошло? — вежливо поинтересовался я.

— Ничего! — отрезала Серая Мышь, яростно орудуя тряпкой.

— Можно заклинанием, — не сдавался я. — Так быстрее и проще!

— Хватит с меня заклинаний! — чуть не завизжала она. — И ты тоже пошел отсюда!

Пяти дней в неделю мало?

Я обернулся, недоумевая, кто еще мог вызвать ее гнев, и заметил Прилежного Ученика. Нагруженный книгами, он крался в дальний угол читального зала.

— Я должен дописать введение для моей дипломной работы, — ответил Ученик. — Я написал только двести шестнадцать страниц. Нужно еще, как минимум, семьдесят!

— У тебя в запасе вечность! — отрезала библиотекарьша. — Катись отсюда! — и вцепилась в свой амулет.

Привидений редко откуда гоняют. Обычно они сами понимают, что засиделись, и стараются раствориться в воздухе. Прилежный Ученик вообще вел себя тише воды, ниже травы. Я подошел к нему, когда он выложил учебники на стол. Четыре из пятнадцати были на иностранных языках.

— Считаю до трех! — закричала Серая Мышь.

— За что она на тебя? — шепнул я Ученику.

Привидение пожало плечами.

— Он тут был! Он все видел и не желает признаваться! — закричала Серая Мышь со своего наместа.

— В чем? — Я сделал попытку потрясти привидение за плечо.

— Тут кто-то был, — ответил Ученик, как ни в чем не бывало садясь за стол. — И что-то делал.

— В библиотеке всегда кто-то бывает и что-то делает, — сказал я. — А конкретнее?

— Я не видел. — Он уже погрузился в чтение.

— Все он видел! — Серая Мышь скатилась со стремянки и подбежала к нам. После чего обыскала меня с проворством таможенника, встретившего наркокурьера, ничего не нашла и заметно помрачнела. — Видел и не хочет говорить!

— Ничего я не видел! — откликнулся Ученик из-за книги.

— Видел! Сознаться, паршивец, а не то развею! — Она опять взялась за амулет.

— Да скажите хоть вы ей! — воскликнул Ученик, обращаясь ко мне. — Я занят серьезной работой, мне надо представить еще доклад и два реферата, не считая недописанного введения в дипломную! У меня нет времени на всякие глупости! Я ничего не видел и ничего не знаю!

— А что случилось?

Спорщики посмотрели на меня с таким изумлением, как будто я только что возник.

— Позавчера кто-то проник в библиотеку, — набрав полную грудь воздуха, начала Серая Мышь.

— Не позавчера, а в среду. Позавчера это стало известно, — спокойно поправил ее Ученик.

— Вот! — взвилась она. — Опять!

— Дальше, — потребовал я.

— Значит, в среду, — библиотекарьша пронзила привидение тяжелым взглядом, — кто-то проник в библиотеку и выкрал книги по вызыванию духов. Из закрытого фонда! Я оттуда выдаю книги под расписку и по личному распоряжению самого директора! Собственно говоря, я только ему их и выдаю... Ну, еще была парочка случаев, но это в прошлом учебном году.

— Так, может, с прошлого года, — начал было я, но Серая Мышь рассмеялась мне в лицо.

— Я каждый месяц провожу инвентаризацию! — воскликнула она. — У меня каждая книга стоит на своем месте. Откуда взял — туда и положи. Я веду тщательный учет, каких книг у меня сколько. Я помню, что у вас, Мортон, шесть книг и три журнала по криптозоологии. Срок сдачи двух книг истек вчера в половине пятого. Почему вы их не принесли? Вам назвать, какие у вас книги? Их инвентарные номера и все пометки? Например, у «Происхождения водных животных» на 156-й странице в левом углу...

— Достаточно! — взмолился я. — Я обязательно принесу их в тот день и час, когда вы мне назначите. Хоть сию секунду. Только скажите еще раз — вы уверены, что пропали книги по вызыванию духов и пропали они в среду?

— На самом деле пропал еще «Некрономикон» и том второй сочинений Аполлония Тионского о потустороннем мире, а также брошюры из серии «Их надо опасаться. Самоучитель по отваживанию оживших мертвецов». Всего четырнадцать экземпляров. Учитывая, сколько весят «Некрономикон» и труды Аполлония Тионского, незаметно вынести их практически невозможно. У меня на двери магическая сигнализация, чтобы ученики не тащили лишние книги.

Она могла трещать, сколько угодно. Я задумался и не слышал ее болтовни. Книги по магии потустороннего мира и мира мертвых пропали в среду. И именно в среду, в ночь на четверг, на меня напал оживший мертвец.

— Извините, но я ничем не могу вам помочь, — сказал я. — Остается надеяться, что рано или поздно книги обнаружатся.

— Учтите, я доложу обо всем директору! — пригрозила библиотекарьша, но я уже направился к выходу. Ноги сами понесли меня в Башню Баныши.

Прилежный Ученик догнал меня на лестнице, ведущей к усыпальницам. Он выступил из стены и пошел рядом, прижимая к груди стопку исписанных листов.

— Понимаете, — заговорил он через некоторое время, — хотя я часто сижу в библиотеке и даже в закрытом фонде, но в ту ночь действительно ничего не видел. И я даже не уверен, что пропажа совершилась именно ночью...

— Книги украли днем, — кивнул я. — Это точно, потому что в одиннадцать часов ночи оживший мертвец уже ходил по школе.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. — Прилежный Ученик остановился и глянул вниз через перила. — Мы, привидения, должны были почувствовать, что на нашей территории бродят посторонние, но дело в том... Да, — продолжил он боязливым шепотом, — мы действительно кое-что почувствовали. Но я не советую вам даже спрашивать нас об этом. Это... это нечто сильнее нас. Нетопырь мне рассказал, что упырь охотился за вами, поэтому вам я и говорю. Но прочим живым не скажу ничего даже под страхом развешения! И вы будьте осторожнее, а то у нас станет одним призраком больше!

Большинство привидений с особой ностальгией вспоминает свою земную жизнь. Редко встретишь призрака, довольного посмертным существованием. И уж во всяком случае, лишь

единицы их хотят пополнить свои ряды за счет живых. «К посмертию каждый должен прийти своим путем!» — так говорят привидения. Поэтому я всерьез воспринял предупреждение Ученика, но не остановился, а продолжил восхождение к усыпальницам.

Когда я подкрадывался к усыпальницам, ноги мои дрожали, а сердце колотилось так, что я боялся, что оно вот-вот лопнет. Таблички на усыпальницах были все одинаковы — различались только имена. Но меня интересовали не имена древних магов. Я сразу увидел две двери, расположенные в противоположных краях круглой комнаты. Обе были приотворены.

На ближайшей ко мне усыпальнице красовалась надпись «Леонард, Магистр Черной и Потусторонней Магии, директор Школы МИФ с 7 века новой эры ...» Мессир Леонард был еще жив, поэтому на табличке не стояли даты его жизни и правления. Зато на противоположной было высечено: «Фьордир Фрейриссон, конунг Севера, ван из асов и основатель Школы МИФ, первый век новой эры». Я с опаской заглянул внутрь.

Да, он был там. Крышка гроба, разбитая, валялась на полу в пыли, а возле нее, скорчившись, лицом вниз, лежал полуистлевший труп — скелет, обтянутый кожей. На тонких запястьях еще сохранились золотые браслеты, а на голове — венец.

Мне стало жалко великого конунга древности. Тела подобных ему сжигают, чтобы они не тревожили мир живых. Должно быть, духу его несладко в садах Надверхнего Мира. Я шепотом извинился перед сыном полубога, лежащим здесь, и, пятясь, вышел вон.

Выходные прошли спокойно, если не считать того, что меня опять вызвала дама Морана и сурово отчитала за то, что я расхаживаю по усыпальницам. При этом она смотрела на меня такими злыми глазами, что я уверился окончательно — если кто в Школе МИФ и является моим врагом, то именно она. Еще бы! Я был не просто сыном сектантов, которых она ненавидела, — мои родители занимали в секте важное положение. И они не предстали перед судом, а значит, их вина все еще висела на мне, их потомке. И совсем недавно я выступил против нее, защищая на педсовете Даниила Мельхиора!

Поэтому неудивительно, что понедельник был для меня тяжелым днем.

Выходя из своей комнаты на завтрак, я наступил на белый пергаментный конверт, лежащий на полу. Почтальона-ворона поблизости не было, как и следов птичьего помета, значит, письмо попало сюда необычным путем. Может быть, его кто-то принес.

На конверте стояла знакомая мне литера "М", и я вскрыл послание, заранее готовый ко всему.

«Максимилиан! — писал незнакомец. — Недавно я с прискорбием узнал, что ты имел дело с неким Черным Вэлом, именуемым лордом. От всей души советую тебе — если хочешь жить, держись от него подальше. Он смертельно опасен и не тот, за кого себя выдает. Будь осторожен — он может отравить тебя так, что ты этого не заметишь. Возможно, этот человек причастен к смерти твоих родителей».

Это письмо я прочел с большим вниманием, и оно пробудило в моей душе новые подозрения. В школе есть кто-то, кто шпионит за мной. Но кто мог знать, что накануне я был в подвалах у лорда Вэла? Кристиан Шульц, которого я подозревал, в это время убирал снег возле оранжерей... Может быть, кто-то видел, как я вылетал из его лаборатории, словно пробка из бутылки? Но тогда этот шпион, наверное, подслушивал под дверью...

Вопросы, вопросы... От них у меня кружилась голова. Кажется, с тех пор, как я приехал работать в школу, у меня не было ни одного спокойного дня. Пожалуй, незнакомец был прав, когда советовал мне не покидать родной город.

Все еще держа в руке листок пергамента, я спустился в столовую. Черный Вэл обычно редко устаивал нас своим посещением, но в этот раз он сидел за учительским столом в дальнем углу и молча, сосредоточенно ел чечевицу с курицей. Я уже совсем было решил подойти и прямо спросить, что он задумал, но не смог. Лицо мага-зелейника было таким... таким отрешенным, таким отчаянно-злым, что я побоялся попадаться ему на глаза. А вдруг? Вдруг он в самом деле задумал какую-то каверзу, и я невольно спровоцирую его?

В обед того же дня, когда я только-только вернулся из столовой и не спеша готовился к

уроку с семикурсниками, в дверь постучали. Я оторвался от конспекта:

— Да-да!

— Мастер Мортон! — В дверях показалась голова незнакомого мальчишки, кажется, со второго курса, у которых я не преподавал. — Вас зовет к себе мессир директор!

— Прямо сейчас?

— Да. Поскорее! — и пацаненок исчез прежде, чем я спросил, зачем понадобился директору.

Идти не хотелось. Новая тема была довольно трудной — болотные духи и блуждающие огни. На пальцах этого не объяснишь, а зимой устраивать экскурсию на болота проблематично. Надежда была только на воображение и добросовестность ребят. Но если я не успею подготовиться...

Занятый подобными мыслями, я незаметно добрался до учительской и вошел. У камина сидел на корточках Спурий, ссутулившийся и нахохленный, как старый седой ворон. Я вспомнил, что на днях миновало полнолуние. В эти дни оборотень всегда чувствовал себя разбитым. У стола копалась в старых конспектах Маска. Коллеги обернулись и уставились на меня. Я нечасто в последнее время посещал учительскую, так что мой визит был событием.

— Директор у себя? — спросил я.

— Нет. — Спурий грел на огне ладони, такие мозолистые, словно он полгода провел на галере, прикованным к веслу.

— А где?

— У себя наверху. У него сейчас уроки.

— Но он меня вызывал!

— Может, вам к даме Моране? — Маска оторвалась от своих конспектов. — Не так уж часто вы, мастер, радуете нас своим посещением, так что власть имущие вполне могли заинтересоваться вами. Независимость от власти, знаете ли, чревата. Ибо власть сильна только, когда способна заставить подчиняться...

В этом была вся Маска. Она не могла ответить ни на один вопрос, не углубившись в философские дебри. Просто изумительно, как ее ученики ухитрялись вычленивать из этого словесного бреда крупички знаний. Я не дослушал ее монолог, извинился, поклонился, компенсируя свой уход преувеличенно-хорошими манерами и отправился наверх.

Аудитории для занятий магией потустороннего мира располагались на шестом этаже, вместе с праздничным залом и еще несколькими лабораториями. В одной из них находились различные тренажеры, в другой велись наблюдения за звездами, еще две были оставлены про запас.

Размышляя, почему директор хочет видеть меня именно там, я поднимался по лестницам, переходил из крыла в крыло. Аудитория для занятий потусторонним миром и общением с духами... Я никогда там не бывал, но знал, как устроены аналогичные классы в других школах. Там всегда почти все готово для вызова духов и... А что, если мессир Леонард решил вызвать моих родителей? Конечно, белый день — не слишком подходящее время, но для настоящего мастера своего дела нет непреодолимых преград.

Почти убедив себя в этом, я робко постучал в черную дверь, на которой были вырезаны символы древних богов потустороннего мира — Хель и Велеса.

Едва последний стук замер, двери дрогнули. Оба знака вспыхнули зеленоватым светом. Очертания их шевельнулись, и глухой голос произнес:

— Кто идет?

— М-Максимилиан Мортон, — выдавил я, не ожидая такого приема. Неужели ученики тоже проходят через процедуру опознания? И добавил:

— Преподаватель звериной магии и нежитеведения.

— Жди, — прогудел тот же голос.

Ждать пришлось долго. Наконец зацокали копыта, и дверь распахнулась от мощного толчка рогами. Я еле успел отскочить — тяжелая створка едва не ударила меня по лицу.

Мессир Леонард возник на пороге. Несколько секунд он стоял на задних ногах, ужасный на фоне багрового полумрака, льющегося из глубины лаборатории, а потом тяжело опустился на все четыре ноги и вышел в коридор.

— А, лорд Максимилиан, — качнул он рогами. — Здравствуйте. Чем обязан?

— Но разве вы меня не вызывали? — удивился я.

— Конечно, нет. А каковы у вас основания так думать?

— Ко мне пришел какой-то мальчик и сказал, что вы...

— Мой дорогой Максимилиан, — черный козел встряхнулся, — хотя до Первого Апреля далеко, должен признать, что вас разыграли, как первокурсник «Какой-то мальчик!» Если я хочу кого-то видеть, я пользуюсь внутренним голосом школы. Все-таки я маг. Да, скорее всего, над вами подшутили. И я советую вам впредь быть поосторожнее, потому что я на вас не сержусь, но следующая такая шутка может иметь далеко не безобидные последствия... Однако почему они не идут? — Мессир Леонард вытянул шею, глядя из-за моего бока на лестницу. — Звонок был уже шесть минут назад!

— Шесть минут! — ахнул я. При такой важной и сложной теме, как болотные духи, потеря шести минут — это потеря целого часа. Но не успел я попрощаться, как на лестнице послышались торопливые шаги, и какая-то девочка крикнула, задыхаясь от быстрого бега:

— Мессир Леонард!.. Ой, мастер Мортон! Скорее! Там!.. Там...

— Вот видите? — покачал рогами директор. — Вторая шутка за день!

— Это не шутка! — воскликнула девочка. — Там кто-то выпустил из живого уголка всех зверей!

Мы с директором так и подпрыгнули. И не только потому, что новость была сногшибательной — откуда-то снизу послышался рев дракона. Звук, который, раз услышав, спутать с другим уже невозможно!

На пятом этаже мне навстречу попался див. Тварь высотой в четыре с малым локтя, прыгая через три ступеньки, спешила вверх. Заметив меня, она расправила крылья, заклекотала, разевая клюв, и стала расти. Еще минута — и див перешел бы в нападение, но скакавший позади меня мессир Леонард с разбега ударил его рогами. На миг и черный козел, и див озарились вспышкой зеленоватого света, а потом птицетварь кубарем покатила вниз по ступенькам. Я бросился за ней, на ходу нашарил на груди амулет и выкрикнул нейтрализующее заклинание. Див пронзительно закричал, забился, хлопая крыльями, стал меняться. Эти уродливые птицы довольно часто меняют свой облик, представляясь то птичеловеком, то птицезверем, то птицезмеей, и сейчас он отчаянно спешил добавить себе человечности.

— Держи! Держи его!

Снизу выбежала Берегиня, раскручивая на левой руке аркан. Она ловко метнула его, спутывая диву крылья, и прежде, чем он отрастил себе звериную пасть, чтобы перекусить прочную веревку, набросила ему на голову кольчужный мешок, после чего в два счета спеленала потерявшего ориентацию дива.

— Вовремя вы! — Старуха пнула ногой мешок. — Второго мы еле завалили. А этот ушел.

С четвертого этажа раздался пронзительный крик. Так вопят только грифы. Ему откликнулся короткий человеческий взглас. Берегиня изменилась в лице и поспешила туда.

Тяжелая птица как раз подмяла под себя одного ученика и намеревалась вцепиться ему в спину. Если бы не мантия, в которой запутались ее лапы, с жертвой уже было бы покончено. Справа и слева ее быстро, хотя и не совсем метко, обстреливали метательными звездочками двое семикурсников. Это отвлекало грифа, не давая сосредоточиться, и я, сорвав с себя мантию, набросил ее на голову птицы, после чего мы легко спеленали ее, отделившись только несколькими оплеухами, которые она щедро раздавала.

Дива и грифа мы оттащили в живой уголок, и я успел краем глаза оценить масштаб диверсии. Кроме водяных тварей, которые находились в спячке и просто отказались покинуть аквариумы, все прочие существа отсутствовали. Не было единорогов, козлерога,

драконов, волков, Скарапей и почти всех кошек, крыс и ласок, привезенных третьекурсниками для опытов. Одну крысу мы, правда, обнаружили мертвой — ее терзала под столом одна из пропавших кошек. Также разбежались шуликуны и грифоны.

Впрочем, более-менее четко местонахождение беглецов можно было установить по производимому ими шуму. Уроки, конечно, были сорваны. Да о каких уроках может идти речь, когда в класс врывается орда шуликунов и начинает играть в прятки и кидаться друг в друга книжками и чернильницами? Какие уроки, когда в аудиторию забился напуганный и разозленный дракон и наотрез отказывается оттуда выйти, приняв класс за пещерку? Какие уроки, когда по коридору скачет пара единорогов и крошит копытами все, что попадется на пути, а под лестницей притаился грифон и уже готовится к прыжку? Какие уроки, когда под партами шастают аспиды во главе со Скарапеей, а в учительскую ломятся волки, преследуя орущего благим матом козлерога? Какие, в конце концов, уроки, когда от волнения у мечущихся под потолком Жаравь-птиц случился понос?

Школа вмиг была поднята на уши. Всем детям, во избежание травматизма, надлежало немедленно укрыться в своих рекреациях или, на худой конец, в аудиториях, если туда не успел проникнуть какой-нибудь зверь. Старшекурсников, которые специализировались на магии жеста, слова и боевой магии, мобилизовали на поимку зверей. Охотой руководили мы с Берегиней и примкнувший к нам Спурий. Дама Морана занималась спасением детей. Мессир Леонард успевал, кажется, везде.

Проще всего было с волками. Спурий просто перекинулся в одного из них и не только вернул зверей в вольер, но попутно доставил на место и козлерога. Того пришлось тащить волоком — у перепуганного зверя произошел нервный срыв, и он просто упал в обморок.

Жаравь-птиц подманили стандартным способом — оставив на этаже, где они сбились в стаю, корыто, в котором смешанное с водкой пшено. Успокоившись, птицы слетелись попить, захмелели, и через полчаса мы собрали их голыми руками и сложили в мешок. Кстати, на будущее — пьяная Жаравь-птица не жжется.

Так же легко одолели единорогов — достаточно было двум девушкам поманить зверей. После чего оба единорога, смирные, словно овечки, самостоятельно вернулись в свой вольер.

Оставалось самое трудное. Под лестницей, ведущей в Башню Баньши, засел грифон. Сложив крылья на спине, он припал к полу, готовясь к прыжку. Берегиня и двое из трех ее «Иванов-царевичей» уже полчаса топтались вокруг него, предпринимая одну попытку за другой, чтобы добраться до его загривка. Зверь следил своими орлиными глазами за всеми тремя противниками, и ничто не могло его отвлечь.

К тому времени, как я подбежал, трое грифоноловов отошли в сторонку и совещались.

— Хорошо, что вы пришли, мастер Мортон, — обрадовались мне юноши. — Отвлеките его, а мы попробуем зайти с другой стороны.

— Как? — удивился я.

— Вас грифон знает, — уверили меня юноши. — И сразу не бросится. А нам и надо только одну минуту.

— На шестьдесят первой секунде я отступаю, — вяло огрызнулся я.

— Мы успеем!

Сжав в кулаке амулет и приведя свое сознание в порядок, я, крадучись, направился к грифону. Он припал к полу, ударив по бокам хвостом. Его глаза сузились, он выпустил когти — но помедлил. Действительно узнал?

— Это же я! Я! — сказал я, бочком приближаясь. — Все хорошо. Ты проголодался, а сейчас я отведу тебя в клетку, и там ты хорошо пообедаешь. Знаю, что тебе надоел комбикорм, хочешь настоящего мяса с ливером. Обещаю, что достану его как можно скорее. Но если ты не пойдешь в клетку, то мяса не получишь. А если попытаешься добыть его сам, это будет последний обед в твоей жизни...

Продолжая нести какую-то чушь, я подходил все ближе и ближе. Берегиня и один из «Царевичей» остались на месте, а второй — Адам Лекс — куда-то делся. Я знал, что боевые маги готовы к нападению и ждут только...

Я уже подошел так близко, что протянул руку, и грифон, расслабившись, вытянул шею, чтобы ее обнюхать, но в этот миг откуда-то сверху на него камнем упал Адам.

Упал, схватился за гриву зверя. Тот встряхнулся плавным кошачьим движением, махнул лапой — и Адам с криком покатился по полу, преследуемый грифоном по пятам.

— Стой! Назад! — Я бросился вперед и совершил, надо думать, самый глупый поступок с того дня, как человечество познакомилось с грифонами, — схватил зверя за хвост. Грифон заклекотал, дернулся, освобождая хвост, я споткнулся и упал, впечатавшись носом в пол, и, уже падая, услышал короткий крик Адама.

А потом эхом донеслись два боевых крика и два удара, слившиеся в один.

Поднявшись на локтях, я увидел, что Адам с трудом отползает в сторону, помогая себе одной рукой, а Берегиня и второй «Царевич» осыпают грифона градом ударов, перемежая боевую магию с боксом. Особенно разошелся «Царевич» — он словно забыл, что является без пяти минут боевым магом, и просто пинал зверя ногами, метя попасть в брюхо.

— Сеть! — заорала Берегиня, подпрыгивая и в воздухе начиная раскручивать свой боевой посох с железным навершием.

Сеть, уже сложенная для броска, лежала в углу. Я подхватил ее и заметил, что с другой стороны за нее взялся Адам. Он стоял на ногах, но правая рука его висела плетью. Рукав был окровавлен, кровь падала каплями на пол. Почуявший кровь грифон рычал и клекотал. Даже тяжелый удар железного навершия по темени не успокоил зверя.

Утяжеленная свинцовыми шариками, сеть упала на него. Я плохой метатель сетей, а у Адама действовала только левая рука, так что упала сеть лишь на голову и передние лапы грифона, оставив свободными крылья. Но прежде чем зверь разорвал ее, второй «Царевич» достал его в прыжке и впечатал каблук точно в основание клюва птицельва. Грифон зашатался и рухнул, суча лапами. Берегиня тут же принялась их связывать.

— Это тебе за Адама. — Юноша подошел и плюнул на связанного грифона.

— Сам дойдешь до Невеи? — Берегиня с усилием встала с колен, подхватила посох. — Нам еще второго грифона надо завалить. И с драконами разобраться. А еще аспиды...

— Драконов я могу взять на себя, — вяло подал голос я. От вида крови — кожа и мышцы на руке Адама превратились в кровавое месиво, он терял кровь и бледнел на глазах — меня слегка мутило.

— Аспидами займись. — Берегиня смачно сплюнула, открутила с пояса фляжку, сделала порядочный глоток и дала хлебнуть юношам. — Воевать — наша забота.

— Но я специалист, — попробовал возразить я и осекся. От меня разбежались звери. Кто я после этого?

Издали послышался рев дракона, почти заглушивший быстрые шаги. К нам подбежали еще трое семикурсников — третий «Царевич» и двое будущих магов слова. Чуть поотстав, явились девушки. Они слегка позензелели, увидев кровь Адама.

— Отведите его в медпункт, — распорядилась Берегиня. — И если хоть одна из вас рухнет по дороге в обморок — пусть ее бросят на месте. Авось второй грифон ее отыщет.

— Он побежал на первый этаж, — запищали девушки, облепляя Адама. — Туда, где библиотека.

— За мной! — взревела командным голосом Берегиня и первая, прыгая через три ступеньки, ринулась вниз.

Я спешил вместе с ними, полный решимости личным участием компенсировать побег зверей. Навстречу нам несясь пронзительный женский крик, и мы уже представили, что грифон рвет несчастную жертву. Но к тому времени, как мы подбежали, все было кончено. Однако наша помощь все-таки понадобилась.

Хрупкая Серая Мышь, иступленно визжа, колотила несчастное животное толстой пыльной папкой, а грифон забился под стеллажи и закрывал голову лапами. Страницы летали вокруг, как птицы, столбом стояла пыль, и сквозь нее рвался отчаянный визг библиотекарей:

— Пошел вон! Дрянь! Дрянь! Дрянь!

Понадобились соединенные усилия Берегини и двоих семикурсников, чтобы оттащить Серую Мышь от избиваемого грифона. Тот скорчился, сжавшись в комок, и едва не полез мне на руки, когда я бросился к нему.

— Он забрался ко мне на конторку! Он повалил полку с новыми поступлениями! Он порвал страницу в журнале за 1876 год! — визжала библиотекарша, вырываясь из державших ее рук. — Он нагадил в углу! В библиотеке! Его задушить мало! Оторвите ему голову!

Пока Серую Мышь держали, я из двух ремней соорудил грифону намордник и ошейник, и зверь выскочил из библиотеки, волоча меня на поводке. Он был так напуган, что без отдыха летел до самой своей клетки и сразу забился там в дальний угол. Это происшествие так повлияло на его душу, что впоследствии он еще долго падал в обморок, услышав женские голоса.

Оставались аспиды, шуликуны, кошки, крысы и два дракона. За принесенных детьми зверей я не волновался, шуликуны больше напоминали мне хулиганов, и отловить их — или же раздобыть новых — было просто. Где находятся аспиды, неизвестно, а вот дракон слишком большой, чтобы спрятаться.

Их нашли уже давно, но не решались подступиться. Один забился в аудиторию, где обычно проходили занятия по магии слова, а второй, с разгону выломав окно в холле второго этажа, выскочил на улицу и ломанулся было в горы, но вскоре замерз и вернулся. Его легко можно было увидеть — зверь дополз до свинарника и сидел там на крыше, дрожа от холода. Будь на улице потеплее, он бы не преминул докопаться сквозь крышу до свиней, но на морозе не мог позволить себе такие усилия. Собственно, его можно было оставить там на пару дней — дожждаться, пока заоченеет, а потом отколупать от крыши и переправить в вольер, где зверь оттаит.

Проблема была во втором драконе. Он забился в аудиторию и наотрез отказался выходить. Почти весь седьмой курс — шестикурсники в полном составе рыскали по замку, ища аспидов, кошек, крыс, ласок и шуликунов, — столпился перед дверями. Среди них было несколько преподавателей, и дама Морана — как же без нее! — прошипела, когда я приблизился:

— Ну, Мортон, это вам даром не пройдет!

У дверей своего кабинета дежурила Сирена. Она была на удивление спокойна.

— Войти в обитель крылатого зверя возможно лишь отважным, — сказала она, без досады или злобы смерив взглядом наш небольшой отряд: меня, Берегиню и четверку юношей.

— Но дыхание вместилища костяных ножей его зловонно есть,

— У него что, из пасти воняет? — перевела иносказание Сирены Берегиня.

— Да и стоять подле него невозможно даже самым отважным...

— Все ясно, — я отстранил Сирену. — Это самец. Он только недавно определился с полом. Самцы смирнее самок. Думаю, мы легко с ним справимся — если никто не будет лезть и нападать внезапно.

— Будьте осторожны, Мортон. — окликнула меня в спину дама Морана. — Не забывайте! И помните — вам еще предстоит отвечать за вашу бесхозяйственность!

— Не зуди под руку, — огрызнулась вместо меня Берегиня. — Все храбры из-за угла ворчать, а в клетку войти — и нет никого... «Царевичи» — по флангам, остальные — в резерв! — скомандовала она, занимая позицию за моей спиной.

Я протиснулся в аудиторию. М-да, запашок-с стоял еще тот... Похоже, у дракона начались проблемы не только с зубами, но и с кишечником. Ну, так и есть! Возле кафедры навалена та-акая куча!

— Ты чем их кормишь? — зашипела Берегиня.

Я пропустил ее подколку мимо ушей, приводя свое сознание в порядок. За моей спиной молодые боевые маги готовились к боевому крещению. Что ж, по крайней мере, один уже его прошел — когда пинал грифона.

Дракон распластался на полу, растопыбив крылья и сверкая глазами. Я старался изгнать из разума все посторонние мысли — драконы прекрасные телепаты. Он может догадаться, что я его боюсь, и тогда... Вместо этого я впустил в свои мысли восхищение огромным зверем, гордость за почти взрослого самца и уважение к его силе и ловкости. А заодно попытался внушить ему, что я настроен вполне миролюбиво.

Да-да, именно так! Большинство драконов реагирует крайне агрессивно на людскую злобу. И в то же время известно много случаев, когда эти звери сохраняли жизнь похищенным девушкам — именно потому, что те не желали мысленно оторвать своим похитителям головы. Наши драконы были еще очень молоды и, кроме того, выросли среди людей. Не так давно я даже выводил самца на цепи из вольеры, чтобы продемонстрировать на практическом занятии. Но одно дело — зверь на цепи, а совсем другое — забившийся в угол уютной, как он думал, пещерки.

Я осторожно изменил свое сознание так, чтобы дракон понял мои намерения — я пришел как друг, пришел помочь и спасти, меня не надо бояться, мне можно доверять, и в то же время меня бесполезно пугать. Не спеша, слегка раскачиваясь на ходу, я подбирался к огромному зверю.

— Левее возьми, — послышался сзади сдавленный шепот Берегини. Я не понял, кому она это сказала, но на всякий случай переместился влево, подальше от окон.

Дракон не сводил с меня выпученных глаз. Он сохранял полную неподвижность, только изредка высовывался из пасти язык. Он у них не раздвоенный, словно у змеи, но такой же гибкий и подвижный. Дракон облизал им ноздри и с шумом втянул воздух, пробуя запахи.

— Это же я! Не узнаешь? — подал я голос.

Зверь вздохнул — меня обдало тошнотворным зловонием его пасти. Хорошо еще, он не совсем взрослый — иначе я бы тут же грохнулся в обморок!

В какой-то миг мне показалось, что зверь узнал меня. Еще бы — у драконов отменная память. А потом я словно почувствовал его состояние — зверь был взволнован. Его что-то напугало в своей вольере, и он сбежал, прячась от того неведомого.

— Все будет хорошо, — пообещал я, подходя ближе. — Никто тебя больше не потревожит. Я буду рядом. И твоя подруга тоже.

Новое ощущение, коснувшееся меня, оказалось тоской. Молодому самцу было одиноко без своей спутницы. Несмотря на сложившееся мнение, драконы вовсе не одиночки по природе. И пусть они не образуют пары, но часто летают небольшими стаями. Одинокий дракон — это либо отбившийся от стайки отрок, либо старик, переживший сородичей, либо самка, охраняющая кладку яиц.

— Она тут недалеко, — соврал я, хотя еще не знал, как мы будем снимать закоченевшую красотку с крыши свинарника. — Она скоро будет с тобой! Пойдем домой!

Отрицание. Дракону больше нравилось тут, потому что из вольеры их выгнал страх.

— Я смогу защитить тебя от того страха, — пообещал я.

Новое отрицание. Дракон мне не верил. Он нашел для себя уютное место и будет драться с каждым, кто попытается лишить его этого дома.

— Здесь еще опаснее, — увещевал я. — Здесь опасно и для меня тоже. А там уже не опасно. Пойдем со мной и сам убедишься. Если заподозришь неладное, сможешь вернуться сюда.

Сомнение, нерешительность, упрямство. Я ощущал их, словно волны теплого воздуха или накатывающие запахи.

— Ты же большой и сильный. Никто не сможет помешать тебе вернуться сюда. Никто не сможет тебя остановить, даже я...

Говоря, я продолжал осторожное движение вперед, и в этот миг коснулся вытянутой рукой носа настороженно слушающего меня дракона.

Сзади охнула Берегиня. Момент был опасный. Одно резкое движение — и я без руки, как бог Тюр. Но боевой маг была слишком опытна, чтобы мешать мне. За спиной больше не

возникло ни одного движения или звука — Берегиня и семикурсники молча ждали, чем кончится мое противостояние с драконом.

Я осторожно почесал самцу ноздрю. Он вздохнул, обдавая меня зловонием. Я чуть не закашлялся, но задержал дыхание и снова поманил дракона за собой.

Отказ. Чешуйчатый хвост раздраженно шлепнул по полу. Нет, молодой самец решил остаться здесь.

— Ничего не выйдет, — зашипела Берегиня. — Он будет драться. Посторонись!

Еще не понимая, что она хочет сделать, я шагнул в сторону и увидел, что боевой маг, раскинув руки в стороны, как крылья, враскачку боком приближается к дракону. Ее ученики, повторяя эти движения, обходили зверя справа и слева. Остальные семикурсники замерли в статичных позах.

Меня пробрала дрожь. Как, впрочем, и дракона, который раздраженно шлепнул хвостом по полу и коротко взревел. Я чувствовал волны Силы, излучаемой тремя боевыми магами. Самый мощный поток шел от Берегини. На излете он зацепил и меня, и я зашатался, предпринимая отчаянные усилия, чтобы не опуститься на колени. Дракон замотал головой и заревел, закатывая глаза.

Берегиня замерла на миг, а потом резко переменила позу, и меня буквально отбросило в сторону. Я вскрикнул — мне показалось, что порыв горячего ветра ударил меня в грудь. Каким-то чудом я очутился у стены, в углу...

И понял, что это был за ветер.

Один из оставшихся «Царевичей», Орест, метнулся к зверю наперерез, в миг движения обратившись в ураган. Дракон не заметил вовремя его прыжка — внимание зверя было отвлечено Берегиней. Он опомнился, только когда мощный удар обрушился на его нос.

Миг — и Берегиня оказалась рядом, страхуя своего ученика, в то время как последний «Царевич» попытался атаковать со спины. Ему повезло меньше — дракон раздраженно дернул хвостом и сбил парня с ног. Тот сгруппировался, переходя в состояние зверя, и с рычанием, напоминающим рев взбешенного медведя, бросился в новую атаку.

На несколько долгих мгновений я потерял нить боя. Только мелькали размытые фигуры людей, да дракон мотал мордой и ревел. Потом полыхнула вспышка — и зверь упал, как подкошенный. Крылья и лапы его были опутаны тонкой прочной сетью — судя по серебристому цвету ячеек и искрам, пробегавшим по ней, она была изготовлена цвергами по особому заказу.

Оба «Царевича», сделав пару прыжков, вернулись в нормальное состояние. Берегиня небрежно оправила рубашку, подтянув пояс, и сделала пасс, закрепляя узлы на сети.

— Откуда у вас эта штука? — кивнул я.

— Сетка? Хранилась в подсобке еще с тех пор, как эту парочку привезли... Дыхательное упражнение! — прикрикнула она на одного из семикурсников, который несколько поспешил выходить из транса и теперь его била нервная дрожь. — Дыши через раз. И вернись ненадолго в силовой поток — ты слишком резко вышел, у тебя упадок сил.

— Спасибо вам, — сказал я.

— Пустяки. — Берегиня потрепала меня по плечу. — Осталось самое трудное — перетащить этого малыша обратно в вольер.

Дракон, видимо, догадался, что речь идет о нем, — задергался и заревел снова. Мне стало жалко слушать его вопли, и я направился к выходу.

Ученики и учителя все еще толпились у дверей. Судя по лицам некоторых, они подсматривали в щелки и были разочарованы — наверняка ожидали кровавого гладиаторского боя. Но выражение лица дамы Мораны с лихвой компенсировало все недовольство детей.

— Великолечно, мастер Мортон, — с кислой миной произнесла она. — Надеюсь, когда наведете порядок, вы посетите кабинет директора и расскажете, с чего это вам пришлось в голову устраивать учебную тревогу посреди занятий.

Глава 9

Порядок восстановился скоро, хотя драконов возвращали на место на следующий день. Прибывшая из Уппсальского зоопарка бригада сняла застывшую самку со свинарника, с трудом приволокла закоченевшую в причудливой позе дракониху в вольер, после чего туда же доставили самца. Я к тому времени успел прибраться в их вольере и надежно заговорил его от посторонних явлений.

С остальными беглецами дело решилось просто. Кошек, крыс, ласок и жаб отловили сами дети. Шуликуны два дня гонялись по всей школе, и поначалу им очень нравилась такая свобода. Двое даже прижились в школьной столовой и ловко научились кланяться еде, но остальные мало-помалу вернулись самостоятельно, соскучившись по беззаботному житью.

Так же получилось с аспидами. Одну из этих тварей я отыскал среди клеток — ленивая бестия просто забилась в дальний угол. Еще одну поймали в котельной, а двух принес Черный Вэл. Обе змеи случайно попали в его подвал, и в качестве наказания зелейник выдоил у них весь яд. После произведенной экзекуции аспиды выглядели не лучшим образом, и Вэл приволок их, держа за шеи, как два толстых резиновых шланга с разинутыми пастями. Это были последние беглецы, и я вздохнул бы свободно, если бы не настойчивое приглашение дамы Мораны «на ковер».

В среду, накануне Имболка, или, по календарю простых смертных, 1 февраля, я, с трудом передвигая ноги, подошел к двери в кабинет директора. На приличном расстоянии от меня двигались три девушки — Вероника со своими подругами. Они проводили меня до самых дверей, и порог кабинета я переступил, провожаемый их сочувственными взглядами.

Кабинет мессира Леонарда, находившийся на пятом этаже, сообщался с учительской на четвертом, так что можно было войти внутрь на одном этаже, а выйти на другом. Большинство моих коллег — уже можно считать, что бывших коллег, — были на уроках, и только леди Ульфрида проводила меня спокойным взглядом. Я же старался запомнить надолго эти темные каменные стены, эти колонны, украшенные резьбой, этот мозаичный пол и выпцветшие витражи на стрельчатых окнах. Совсем скоро настанет последний час моего пребывания в Школе МИФ. Уже завтра утром я буду стоять в одиночестве на занесенной снегом платформе, а потом Йотунхеймский экспресс повезет меня в Уппсалу, откуда дорога мне только одна — домой. Я уже представил, как возвращаюсь к Графам побитой собакой, и гадал, как встретят они меня. Нет, конечно, не прогонят, но и не поздравят.

Не успел я постучать в высокие массивные двери директорского кабинета, как изнутри раздалось:

— Войдите.

Узкая, словно вырубленная в скале, лесенка вела в полукруглый кабинет, освещенный одной лампой-факелом и двумя небольшими высоко расположенными окнами. Между ними на возвышении — потолки были метров шесть или семь — было устроено ложе под балдахином. На полпути к нему на полу красовалась заготовка пентаграммы. По обе стороны от нее стояли два кресла и журнальный столик, заваленный журналами и пергаментами. Темные шкафы, похожие на медицинские, теснились вдоль стен. Справа стоял еще один стол на котором гудел голубым экраном настоящий компьютер.

Это изобретение простых смертных с недавних пор стало входить и в жизнь магов. Но мы используем их как тренажеры для боевых магов и при составлении гадательных справочников, а также для хранения информации. Наша Паутина тоже отличается от Интернета простых смертных — компьютер мага ВСЕГДА подключен к ней и вне Сети просто не работает. Однако письма мы через него не посылаем — для близких расстояний есть телепатия, а на дальних отлично действует птичья почта: сороки, вороны и галки живут по всему земному шару, и простые смертные их совершенно не замечают.

Мессир Леонард сидел по-собачьи в глубоком кресле и осторожно стучал по клавиатуре зажатой в переднем копыте палочкой. А меня встречала дама Морана.

— Долго же вас пришлось ждать, — ледяным тоном произнесла она. — Чем вы были заняты?

— У меня были уроки, — сказал я.

— Это не дает вам права... — сердито начала она, но оборвала сама себя. — В школе случилось ЧП. Пострадали дети — восемь человек подверглись стрессу, что губительно для мага. Еще двух девушек потоптали единороги, мальчика с пятого курса чуть не заклевал гриф. Я уж не говорю про Адама Лекса. Вы знаете, что он несколько недель не сможет двинуть правой рукой? А ведь он будущий боевой маг и подавал определенные надежды! Вы, педагог, лишили одаренного юношу будущего. Это скандал сам по себе. Если родители пострадавших детей решат дать делу ход, школа окажется опозоренной. Более того — ее могут вообще закрыть...

Мессир Леонард кашлянул, не отрывая глаз от голубого экрана.

— Вы повели себя крайне безответственно, — выдержав паузу, продолжала дама Морана. — Выпустить зверей...

— Я их не выпускал, — вставил я слово. — Меня в это время не было в кабинете. Я пошел к...

— Так вы хотите сказать, что не выпускали зверей из клеток?

— Нет. Наверное, кто-то вошел в мое отсутствие.

— А заклинания? Охраняющие и запирающие заклинания, мешающие зверям сбежать?

— Я их снял, — промолвил я еле слышно.

— Что-что? — подалась вперед завуч.

Я повторил.

— Что-о? — она сжала кулаки. — Вы СНЯЛИ запирающие заклинания? Со ВСЕХ вольер и клеток?

— Да. Мне показалось, что без них животные почувствуют себя лучше и...

— Когда кажется, надо креститься, — отрезала дама Морана. — Докатились! Уж не хотите ли вы сказать, что любой мог прийти и открыть клетки?

— Наверное. Я никогда не запирал живой уголок.

— Крайне безответственно, — повторила завуч. — Бросить живой уголок, полный опасных тварей, открытым настежь!

Мессир Леонард снова кашлянул. Завуч быстро оглянулась на него.

— Значит, вы разрешаете приходить к вам всем подряд? И кто же к вам ходит?

Не нужно большого ума, чтобы сообразить — если клетки так легко открыть, то это мог сделать и кто-то из детей. Значит, можно свалить вину на конкретного ребенка.

— Подайте мне список ваших кружковцев.

— У меня его нет... пока.

— Пока? Середина учебного года! Уж не хотите ли вы сказать, что к вам не ходят дети?

Мне оставалось только покачать головой. Что я еще мог сказать? Ткнуть пальцем в какого-нибудь лоботряса и отвести от себя подозрение? В школе была парочка отпетых хулиганов, но я помнил, что в свое время такой же хулиганкой была моя мать, и решил, что не имею права подставлять детей.

— Та-ак, — прошипела дама Морана, — ну это уж ни в какие ворота не лезет. Мало того, что вы устроили в школе погром, так вы еще и плохой педагог! Вы не сумели увлечь детей своим предметом! Кому вы нужны, если на то пошло? На уроках у вас никакой дисциплины, программы не составляете, детей увлечь не сумели. Да еще и зверей выпустили! Если кто-то из родителей пострадавших детей вздумает подать в суд, отвечать будете вы! А родители Адама Лекса очень уважаемые люди. Для нас большая честь, что Лекс учится в Школе МИФ! И по вашей вине репутация школы будет подорвана раз и навсегда. Я уж молчу о нанесенном ей ущербе, о сломанных партах и выбитых окнах, о порванных учебниках и загаженных коридорах. Расходы на восстановление школьного инвентаря вы должны возместить из своей зарплаты! А сейчас я выношу вам выговор с занесением в личное дело. И обязательно поставлю вопрос на педсовете о вашем

соответствии занимаемой должности!

Третий раз директор прервал завуча. Но на сей раз дама Морана лишь на миг сбилась с курса.

— У вас никакого сознания, никакой ответственности, никакого понятия о дисциплине! Немедленно отправляйтесь и напишите объяснительную, почему вы допустили такую халатность. Преступную халатность, учитывая то, что пострадали дети!.. И еще, — добавила она прежде, чем я пошевелился, — подготовьте животных, подлежащих ликвидации.

— Ликви... что? — не поверил я своим ушам.

— Живой уголок должен быть расформирован. Часть зверей мы передадим на опытническую станцию в Уппсалу, а остальных усыпят. Особенно драконов, грифонов, грифа и аспидов. Ну и, возможно, единорогов.

Не веря своим ушам, я покачал головой.

— Их усыпят? Но почему?

— Звери почуяли кровь. Теперь они будут нападать на людей. От них надо избавиться. А вдруг выяснится, что они бешеные?

— Они не бешеные! — рискнул возмутиться я.

— Пререкаетесь? — спросила дама Морана таким тоном, что я похолодел. Сжав кулаки, она шагнула ко мне.

— Я долго терпела ваши выходки, Мортон, — прошипела она. — Вашу лень, вашу недисциплинированность, ваше вызывающее поведение. Вы подрываете сами основы нашей профессии. Вы не уважаете авторитеты. Вы недостойны быть педагогом. Вам опасно доверять детей. Более того — вам опасно вообще находиться среди них. Чего стоит, например, ваше посещение рекреации девушек на прошлой неделе...

Мне захотелось провалиться сквозь землю. Горло перехватило, стены кабинета качнулись перед глазами, расплываясь в тумане. Доказывать, что они меня сами пригласили, не имело смысла — завуч слушала только себя.

— В общем, все, — подвела итог дама Морана. — Мое терпение лопнуло.

Скрипнуло кресло. Гудение компьютера, давившее мне на уши, смолкло. Я покачулся, настолько глубокой стала тишина. Она упала, как нож гильотины.

— Дама Морана, — послышалось бление мессира Леонарда. — Теперь позвольте мне поговорить с молодым человеком.

Он громко хмыкнул, прыжком соскочив на пол, и завуч, пробормотав что-то нелестное для меня, вроде: «Разговор еще не окончен», — вышла, хлопнув дверью.

Громко цокая копытами, директор подошел ко мне.

— Присядьте, — сказал он.

Кресло оказалось спасительно близко — ноги уже не держали меня, и я просто упал в него. Голова кружилась, перед глазами все плыло. Сев на пол, мессир Леонард переждал, пока я приду в себя, а потом положил мне правое копыто на запястье.

— Я уволен, — прошептал я и не узнал своего голоса.

— Пока нет.

— Уволен, — покачал я головой. — Простите, но я...

— Глупости и пустяки. Не накручивайте себя раньше времени, Максимилиан. С чего вы взяли, что уволены?

— Но ведь дама Морана сама сказала, что...

— Выбросьте из головы, что сказала завуч Геррейд. Она имела право так говорить: школа действительно понесла убытки в связи с ремонтом столовой и двух кабинетов, не считая выбитых окон. Да и попавшие в больницу дети... тоже малоприятно. Но увольнять вас? Не вижу смысла.

— В середине учебного года? — вяло поинтересовался я.

— Не только. — Директор оскалился, что должно было означать улыбку, и похлопал копытом меня по руке. — Я просто не имею права вас уволить. И дама Морана кипит именно поэтому. Если станет известно, что я уволил самого Мортон — о, такого скандала

школа точно не переживет. Увольнять вас гораздо опаснее, чем оставлять на работе.

— Почему? — спросил я. — Я уже несколько раз замечал, что люди как-то странно реагируют на мою фамилию. Да и не только люди. Даже гномы, служащие банка, и те спросили, не тот ли я самый Мортон. Я ничего не понимаю. Я не знаю, что такого в том, что я — Мортон. Только то, что мои родители были в секте? Но ведь родители Даниила Мельхиора тоже были сектантами. И в школе есть другие дети, и кое-кто из педагогов... Но почему никто не спрашивает: «Тот самый Мельхиор?» Или: «Тот самый Черный Вэл?» Почему именно я? Почему, в конце концов, я до совершеннолетия носил другое имя? Почему в таком случае я — Мортон, а не кто-то иной? Мортон — это что, звание? Титул? Магический термин?

Гневный сумбурный монолог немного вернул мне способность мыслить и действовать. Мессир Леонард встал, потряхнув гривой.

— Вы и в самом деле ничего не знаете?

— Нет, — ответил я и рассказал директору все, начиная с того самого дня, как получил письмо, открывающее тайну моего происхождения. Когда я замолчал, мессир Леонард снова уселся напротив меня.

— Вы ничего не слышали о клане Мортонов? — произнес он.

— Это имя — если это имя! — я иногда слышал. Но в нашей семье — хочу сказать, у Графов, где я рос, никогда не упоминали о нем, так что я сейчас не могу вспомнить. Но определенно где-то слышал...

— А именно в школе, — подсказал директор. — На уроках по истории магии в курсе Магии Начал.

Я нахмурился. Магию Начал я проходил так давно...

— Кажется, во времена Мерлина и короля Артура был такой маг? — припомнил я.

— Почти. Мортон Первый, основатель вашего рода, был незаконным сыном Мерлина и его ученицы Морганы ла Фей, сестры короля Артура. Рождение его было предсказано, и было пророчество, что узнает он страшную Тайну, и, куда будет ее хранить, будут существовать в мире маги, колдуны, чародеи и волхвы. Пророчество сбылось. Мортон, правда, оказался слаб в магии, не то что его родители. Но Тайну он все-таки обрел. Легенда рассказывает, что, совершив сие открытие, он ужаснулся и обрадовался одновременно. Ужаснулся тому, что понял, какую силу получил. А обрадовался тому, что не дано было ему таланта, чтобы воспользоваться запретным знанием.

Многие маги, современники Мерлина и Мортон, прослышав о Тайне, пытались ее заполучить. Но Мортон свято хранил сокровенное знание и открыл его только своему сыну, Робину, Мортону Второму. Тот — своему, Мортону Третьему... И так далее.

Вот уже тридцать шесть поколений в роду Мортонов передается эта Тайна от отца к сыну. В каждом поколении может быть только один Хранитель, чаще всего первенец. Но иногда Хранителем может стать и второй сын, и даже кузен — все зависит от обстоятельств. Не ведая, кто Хранитель, на Мортонов несколько раз совершали покушения. Во времена гонений на магию ходил слух, что последний Мортон сожжен на костре, как еретик — это случилось вскоре после казни Джордано Бруно. Тогда многие поверили, но ребенка спрятали, скрыв под чужим именем — так же, как много веков спустя поступили с тобой. Три поколения Мортонов прожили инкогнито. Когда пришло время, новый хранитель объявился, и маги получили надежду.

— Надежду на что? — поинтересовался я.

— Надежду на то, что магия по-прежнему существует! Ибо если Тайна лорда Мортон попадет в руки тирана или просто того, кто ненавидит магию как таковую, — нам всем конец.

— Но я не знаю никакой Тайны! — воскликнул я и прислушался к себе. В самом деле, я не помнил НИЧЕГО, что могло бы являться Тайной. — Клянусь вам мессир!

— Разумеется, вы ее не знаете, Максимилиан! — ухмыльнулся директор и почесался по-собачьи задним копытом. — Тайна надежно скрыта в вашей душе — или в душе

Хранителя. Никакие пытки неспособны заставить Мортон открывать Тайну. Лишь один раз в жизни она может быть явлена миру — когда передается из уст в уста, от прежнего Хранителя к новому. Хранителем Тайны может стать и грудной младенец, не умеющий говорить, и взрослый мужчина. Она сразу ложится в его душу и ждет там своего часа. И только в этот миг ее могут подслушать посторонние. В остальное время бесполезно даже пытаться открыть ее.

— Значит, я сам не знаю, что храню? — убито произнес я.

— Почему же! Все маги знают, какую Тайну хранит лорд Мортон. Это Тайна, — он встал на задние ноги, упираясь копытами мне в колени, и прошипел, сверкая глазами, прямо мне в лицо, — это знание того, как лишиться магов магической силы. Сделать их простыми смертными! Уничтожить ВСЕ!

Я откинулся на спинку кресла. Мне, выросшему в мире магов, было жутко даже представить, что этот мир исчезнет. Простые смертные, знакомые с магией через книги, фильмы, экстрасенсов и немногих настоящих чародеев, навещающих к ним, даже не в состоянии понять, НАСКОЛЬКО магия пронизывает весь мир. Все то, что они обозначают словами «мистика», «совпадение», «что-то странное», «сверхъестественное» и так далее, — все это магия и ее проявления. Даже мироточащие иконы и случаи чудесного исцеления верующих — все это элементы магии. Я уж не говорю про сны и искусство...

И подумать только — я знаю, как все это уничтожить одним махом! Знаю, но не могу воспользоваться, потому что я — Мортон и мой удел быть лишь Хранителем страшной Тайны.

— Значит, мой отец, — заговорил я, когда ко мне вернулась способность рассуждать, — был Хранителем?

— Да. Поэтому Белый Мигун так заинтересовался, когда он появился в секте. И поэтому свел его с Женеви́евой фон Ньерд. Он рассчитывал, что, когда родишься ты, твой отец Иероним должен будет исполнить Ритуал Передачи Тайны. И гуру просто обязан будет присутствовать при этом. И услышит то, что не предназначено для чужих ушей. Твой отец должен был произнести все необходимые слова вслух! И потом Мигун начал бы шантажировать магический мир, чтобы маги под страхом лишиться Силы признали его власть. Но твой отец медлил с этим Ритуалом, а обстановка в мире изменилась. Мигун зашепел, поднял восстание — и оно было подавлено. Если бы твой отец был более предан секте... О, даже неохота думать, как бы мы жили сейчас.

— Сейчас Белый Мигун на свободе. — Я вспомнил Йозефа Мельхиора, отдавшего жизнь за своего гуру.

— Да. И он может отыскать тебя, нового Хранителя.

— Хранителя? — напрягся я. — Но ведь вы только что сказали, что Ритуала не было! Но даже если бы и был — как он извлечет Тайну из моего мозга? Вы сказали, что я вспомню ее, лишь когда придет пора передать ее моему преемнику. Но я не женат, у меня нет детей. Я не знаю, есть ли другие Мортон. На что рассчитывает Белый Мигун?

— Это никому не известно, — покачал рогами мессир Леонард. — Да и где гарантия, что Мигун проведал о вашем местонахождении? Мы должны замять скандал с побегом животных как можно скорее, пока наружу не просочились слухи. Тогда мир точно узнает, где вы находитесь.

— Слухи просочатся, — помрачнел я. — Вы забыли о родителях пострадавших детей. То, что знает один, — знают все. И потом — дама Геррейд... Она может...

— Да. — Мессир Леонард вскочил в другое кресло и долго возился в нем, пытаясь устроиться поудобнее. Наконец он угнездился в странной позе — почти человеческой, свесив задние ноги и положив передние копыта на подлокотники.

— Морана давно подсидживает меня, — покивал он головой. — Моя странная внешность — вещь довольно двусмысленная. Но я не бес, как кое-кто пытается представить. Я — ирландец по происхождению, Пука. Знаете, кто это такие?

— Знаю, — обрадовался я. — Через две недели у меня должна была начаться тема

«Лесные оборотни Британских островов».

— Вот-вот. Можешь пригласить меня в качестве наглядного пособия. Только превращаться в осла я не буду — это несолидно. Да и опасно для меня, — он оглядел свое тело. — Я был слегка не таким, как все мои родичи. И в один прекрасный момент мне так понравился этот облик, что я решил остаться в нем подольше. И теперь не помню, как это у меня получилось... Вот ведь незадача, — усмехнулся он, — человеку стать козлом проще простого, а вот из козла обратно превратиться в человека практически невозможно. Поэтому мне приходится доказывать свою человечность другими способами... Но знаешь, что самое трудное для меня в этом облике? — Директор хитро подмигнул. — Вегетарианская диета!

Мы поболтали еще несколько минут. Я бы посидел у директора подольше, но вот-вот должны были начаться уроки, и нам обоим следовало к ним подготовиться.

— Идите через боковую дверь, — предложил мне мессир Леонард, когда я стал прощаться. — Думаю, вам не очень хочется снова встретить даму Морану?

— Ну уж нет, — я ступил на ступени узкой крутой лесенки, — я Мортон и должен встречать все опасности лицом к лицу!

Мне повезло — учительская, в которую я вышел, была пуста. Ну еще бы — только что начался очередной урок. Я поспешил к себе, но прошел всего несколько шагов и заметил у окна троих девушек. Это были, конечно, Вероника, Кристина и Инга.

— Вы что тут делаете? — окликнул я их. — Урок уже начался.

— Мы... это... мы, — замялись девушки. — Мы вас... ну, ждали. Вот.

— Меня? А зачем?

Вероника сделала шаг. Она покраснела так, что казалось, вот-вот вспыхнет.

— Мы... я переживала за вас, — прошептала она, отводя взгляд, — а вдруг вас... вдруг вы уже...

— Нет, — я догадался, что ее мучает, — меня не уволили.

— Спасибо, — прошептала Вероника. Слезы брызнули у нее из глаз, и девушка со всех ног помчалась прочь.

После побега животных и вкаченного мне выговора школа больше недели жила спокойно. Я, правда, пережил педсовет, на котором завуч прошла по мне вдоль и поперек, но меня опять защитил директор. Несомненно, сказал он, это было подстроено — ведь меня якобы вызвали к нему. Директор не каждый день вызывает к себе учителей, и Максимилиан — то есть я — не мог подозревать, к чему это приведет. Кроме того, с минуты на минуту должен был начаться урок. Запирать живой уголок перед самыми занятиями — немыслимо. Он еще много чего говорил, и к концу его речи дама Морана практически сникла.

А потом была неделя тишины и покоя. Уроки, домашние задания, лекции и опросы по пройденным темам, учет посещаемости и тому подобная рутина. И так бы продолжалось и дальше, если бы не...

Не знаю, когда это началось. Возможно, это длилось уже довольно долго, просто я заметил слишком поздно. Но как-то раз, проходя по коридору, я увидел стоящих у окна троих ребят. Я бы прошел мимо этой кучки, но одним из них был Адам Лекс — его рука еще висела на перемычке, — а двое других были приятели и «телохранители» Даниила Мельхиора. Эти мальчишки вечно ходили по трое, как Вероника со своими подругами, и я впервые видел их порознь.

Но удивило меня не это, а то, что втолковывали оба третьекурсника семикурснику.

— Но это же здорово! — наперебой вещали они. — Просто отпад! Супер! Узнаешь — закачаешься!

— Знаем мы ваше «закачаешься», — отмахивался Адам. — Детские игрушки.

— Ничего не игрушки! Это круче, чем ты думаешь. Это — настоящая жизнь, а не то, что нам впаривают на уроках!..

Ого, где-то я слышал нечто подобное! Не напрямую, но все-таки... И приостановился, делая вид, что просматриваю классный журнал.

— Вранье, — снова отмахнулся Адам. — Делать вам нечего, вот и выдумываете всякую

чушь.

— Это не чушь! Не чушь! — заспорили мальчишки. — Приходи — и сам все увидишь!.. Да, тебе стоит только прийти — ты сам себя не узнаешь.

— Больно надо.

— Слабо?

— Ах ты, малявка! — Адам сделал выпад здоровой рукой, но парнишка, которого он атаковал, ловко ушел от удара.

— Тебе слабо! Слабо! Ты преподав боишься! Ты просто трус! — закричал он, но его напарник в это время заметил меня. Мальчишки сразу смолкли и сделали вид, что их тут не было. Меня удивило, что и Адам тоже быстро отвел глаза в сторону.

Адам Лекс не специализировался на изучении магии предметов и зверей. Вернее, зверей он проходил, постольку поскольку это было ему нужно как будущему боевому магу. Его группа на моих занятиях почти не присутствовала, поэтому я не мог проследить за поведением парнишки, зато стал внимательнее наблюдать за Даниилом Мельхиором — а вернее, за его приятелями. Одного, кстати, звали Эмилем, и я всегда внутренне содрогался, когда слышал или произносил это имя. Все-таки я сам довольно долго откликался на него.

Мальчишки — чаще вдвоем, Эмил и его приятель Антон, — с утра до ночи сновали по школе с какими-то невнятными делами. Пару раз я останавливал их под предлогом необходимости сделать внушение за беготню, но ребята всякий раз отговаривались тем, что спешили по важному поручению. То их попросили принести из аудитории Предметной Магии образцы минералов, то требовалось передать важное сообщение кому-то из преподавателей. Даниил с ними не бегал, но на моих уроках о чем-то яростно шептался с приятелями. Раза три я замечал их с ребятами и девочками из других групп и даже с других курсов. А в столовой к их столику то и дело кто-то подходил.

Собственно, даже это могло пройти мимо меня, если бы и остальные педагоги не начали кое-что замечать.

Я теперь не боялся заходить в учительскую. С меня было снято необъявленное табу, и дама Лыбедь снова начала оказывать мне знаки внимания. В свободное время я опять сидел недалеко от камина, копаясь в домашних заданиях, и краем уха слушал болтовню моих коллег.

В тот день занятия почти закончились, и большая часть дам собралась в учительской. Приближалась середина зимы, и все думали, стоит ли отмечать это событие праздником. Сходились на том, что сокращенных на пять минут уроков и праздничного ужина вполне достаточно.

Прозвенел звонок, и в учительскую ворвалась Маска. Выражение ее лица рассмотреть было нельзя, но уже одно то, как швырнула она на стол свою украшенную бисером сумку, говорило о многом.

— Я, наверное, чего-то не понимаю! — воскликнула она во весь голос. — Может быть, это приближается старость, а может быть, наука шагнула далеко вперед, а я отстаю от ее семимильной поступи. Все может быть. Но человек не может перемениться так внезапно! Человек создан, чтобы быть стабильным! Это основа Традиции Магии! Это аксиома! Магия — наука незыблемая, она зиждется на вечном, на законах природы, которые веками неизменны. Если она будет подвержена всем сезонным колебаниям, то о Традиции можно забыть. Так и маги. Они, как хранители Традиции, просто обязаны не подвергаться никаким переменам!.. Ведь так, Максимилиан? — внезапно обратилась она ко мне. — Подумайте, что было бы с миром, если бы ваш род не хранил Тайну? Что было бы, если бы ваши предки проявили чуть меньше твердости и стойкости?

Смущенный внезапным вниманием, я только пожал плечами.

— Мир бы рухнул! — ответила за меня Маска. — И об этом стоит помнить всем и каждому. Ибо что есть наша жизнь — иллюзия!

Остальные учителя, привычные к многословию Маски, спокойно поджидали, пока она выдохнется.

— Что случилось? — поинтересовалась леди Ульфрида, едва в страстном монологе преподавательницы магии иллюзий наметилась пауза.

— Нечто невообразимое! Это подрывает основы мироздания! Основы магии! Основы всего нашего мира! Это... революция!

— Сокрушение старого новым — есть вечный тинг мечей в подлунном мире, — изрекла, на миг подняв голову от конспектов, Сирена.

— Но это... это немыслимо! Это ужасно! Это невероятно! Он осмелился мне возразить!

— Кто?

— Этот мальчик, Эмиль Голда.

Я вздрогнул. Это был один из двух приятелей Даниила Мельхиора.

— То, что ученик возражает учителю, означает, что ученик перерастает его, — назидательно заявила леди Ульфрида. — Вы должны гордиться, Маска!

— Я? Гордиться? Чем, простите? Если бы Эмиль вел обычную дискуссию, я бы только радовалась. Люблю диспуты — они дают возможность посмотреть на вопрос с разных сторон. В споре чаще рождается истина, а у каждой медали есть две стороны, и глупо их не замечать. Я сама люблю, когда мои ученики высказывают свои точки зрения, ибо иллюзия не может быть иллюзией, если существует только одна точка зрения. Мир многопланов, и лишать его таинственности было бы преступлением...

Ее опять понесло, но леди Ульфрида не дала коллеге уйти в мир слов.

— А Эмиль? Что он сказал?

— О... — Маска даже растерялась. — Он... он просто начал дерзить. Что, мол, мир этот не таков, как нам говорят. Что он сложнее и вообще.

— Это, кажется, ваши слова?

— Ну, не совсем мои. Если бы мальчик стал приводить аргументы, я бы поняла, но он просто стоял на своем.

— Обычное упрямство, — улыбнулась из-под очков Труда. Она тихо вязала у окна, и я даже не сразу смог отыскать старушку взглядом. — Ему ведь тринадцать. В этом возрасте все деточки любят спорить.

— Да, я знаю, — яростно закивала Маска. — Переходный возраст, начало созревания и все прочее. Но чтобы вся группа!..

— А что группа?

— Они внезапно приняли его сторону. — Маска патетически воздела руки. — Мол, то, что мы говорим, — вранье. А они знают правду, но нам ее не откроют, потому что мы старые. И все! Больше ни одного аргумента! Только упрямое «НЕТ!».

— Обычный подростковый максимализм, покачала головой леди Ульфрида. — Когда мой старший внук Мальфрид был в их возрасте, он вел себя точно так же. Мой сын места себе не находил. Годам к семнадцати Мальфрид перебесился и уgomонился. А когда настал черед взрослеть Малфою, его младшему брату, мы уже были к этому готовы. Максимилиан, — я опять вздрогнул, — вы, кажется, чаще нас общаетесь с детьми в неформальной обстановке. Скажите, что вы думаете о третьем курсе?

— Я их вижу раз в неделю, — сказал я. — И ничего сказать не могу. Знаю только, что среди них есть очень сложные ребята.

— Например? — напряглась Маска.

— Даниил Мельхиор. Ну и еще двое-трое...

— Исчерпывающий ответ! — фыркнула Маска. — Про Даниила мы все давно знаем. Можете сообщить нам что-нибудь новенькое?

— Нет, — сказал я. — Я ведь не психолог.

— Да успокойтесь вы все! — рыкнула Берегиня. — Можно подумать, мы все первый год работаем в школе! Каждый год что-нибудь происходит. Помните, два года назад что было, когда Артем Беляш оказался оборотнем? Парень терроризировал школу полгода. Первокурсники боялись спать по ночам! А за год до того попытка самоубийства Яны Магалиф? Девочку мучили такие галлюцинации, что пришлось вызывать специалистов из

столицы. А Женни фон Ньерд, в конце концов? Оставьте пацана в покое. Возможно, он просто не пойдет на отделение иллюзий, когда придет пора специализации.

— Или, наоборот, лет через десять скажет новое слово в Магии Иллюзий! — кивнула леди Ульфрида. — Из таких спорщиков и вырастают гении, вы сами любите это повторять.

— Да, гениальность и послушание несовместимы, ибо гений — это тот, кто ищет шестой этаж у пятиэтажного дома, — согласилась Маска. — Но я ЧУВСТВУЮ — это неправда. Это... иллюзия, если хотите. А под нею лежит нечто странное, пугающее!

Я уже хотел было сказать, что кое-что заметил в поведении детей, но не успел поделиться своим знанием как в дверь постучали.

Заглянул один из семикурсников — Орест Шорох, «Иван-Царевич» нашей Берегини. Он сделал старухе какой-то знак, и та молча вышла.

Вернулась она пару минут спустя, прошла к своему месту у камина и присела там на корточки, доставая трубку. Берегиня обычно дымила у себя в комнате или в укромных уголках. В других местах она доставала трубку, если случалось нечто необычное. И мы все невольно насторожились.

— Похоже, ты права, Маска, — выпустив облако дыма и мысленным усилием придав ему форму черепа, произнесла Берегиня. — Сейчас ко мне подходили мои «Царевичи» — умоляют о дополнительных занятиях по самообороне. Трех факультативов и четырех уроков в неделю им мало. Даже Адам пришел, а ведь ему еще дней десять нельзя давать нагрузку на руку.

— А при чем тут третий курс? — осторожно поинтересовалась Маска.

— А то, что «Царевичи», кажется, хотят от кого-то защищаться.

Я обомлел. То, что я еще пару минут назад хотел преподнести как сенсацию, внезапно обрело иной смысл. Будущие боевые маги хотят защищаться! От кого? Уж не от тех ли третькурсников, которые предлагали Адаму Лексу прийти к ним и самому все увидеть? Что — увидеть? Или — кого?

Ответ на этот вопрос мы получили через несколько дней. И эти дни были наполнены для меня тревожным ожиданием. Нет, ничего не изменилось, но перемены носились в воздухе. Маска уверяла, что чувствует их.

За день до этого на уроке дама Морана давала одной из групп шестого курса задание раскинуть руны самостоятельно и задать любой вопрос. И, хотя пользовались мальчишки — группа была мальчишковая, — разными рунами, да и вопросы должны были задать разные, у доброй половины результат вышел один.

Все руны легли обратными значениями — «кризис», «отчуждение», «омрачение», «препятствие», «потеря энергии». Даже руна Наутиз, руна принуждения, легла своей второй стороной — «внутреннее зло». А такие благоприятные, как Йер — «положительный исход», Соул — «могущество и целостность» и Дагаз — «день», вообще отсутствовали в мешочках для гаданий. Зато руна Манназ — "собственное "я" — появлялась почти в каждом раскладе.

Это уже было нечто из ряда вон выходящее. Нас, учителей, срочно собрали в учительской и познакомили с этими странными раскладами.

— Трудно понять, что происходит, — сказала в заключение дама Морана. — Руны легли хаотично, да я и не ожидала стройного ряда. Но это сильно затрудняет их прочтение. Конечно, детям об этом знать пока рано. Я просто отругала мальчишек за плохо выполненную работу и дала дополнительные задания. Они не должны знать, ЧТО выпало.

— А что выпало? — Лилита и леди Ульфрида придвинулись к Моране. Магия Начал и Магия Стихий были ближе всего к рунам.

— Я не могу проанализировать точно — для этого я должна была проследить, как доставались ВСЕ руны. Ведь мальчишки доставали их не одновременно. Кто-то справился с заданием быстрее, кто-то медленнее. Одно точно — наступают не самые сладкие времена.

И грозная завуч посмотрела на меня так, что я поспешил спрятаться за спины своих коллег. Похоже, она была уверена, что я всему причина.

— А вы сами не пробовали раскинуть руны? — проскрипел у меня над ухом Черный

Вэл. На моей памяти с того дня, как мы встретились после урагана, он впервые посетил учительскую. — Сразу бы и нашли все ответы.

— Яйца курицу не учат! — парировала дама Морана. Но выкрикнула она эти слова чересчур быстро и пылко.

— Скажите это своим ученикам, — холодно оборвал ее зелейник. — Да или нет?

— А по какому праву этот допрос?

— Я сам недавно раскидывал руны и хочу знать, насколько мои выводы совпадают с вашими.

— Вы не имеете права! — почти закричала дама Морана. — Вы лишены магии.

Вэл вздрогнул, словно его ударили по лицу. Я заметил, что его рука потянулась к стилету, и отодвинулся в сторону, но зелейник уже овладел собой и усмехнулся:

— Очень интересно. Выходит, лишенный магии дилетант оказался храбрее специалиста?

— Не храбрее, а глупее! — воскликнула дама Морана. — Ибо вы по незнанию можете выпустить в мир силы, с которыми не совладать. А мы отвечаем за детей. И мы должны сделать все, чтобы оградить их от надвигающейся катастрофы.

— Черный прав. — Берегиня опять полезла за трубкой. — Мы должны знать, от чего защищать детей.

Дама Морана окинула нас взглядом. Выражение ее лица изменилось.

— От смерти, — промолвила она дрогнувшим голосом.

В ту ночь мне приснилось что-то хорошее, доброе, и, хотя сон испарился без следа под утро, проснулся я с радостным предчувствием, что новый день принесет праздник. Я напевал, стоя под душем, забежал в живой уголок, поздравить зверей с добрым утром и сбежал по ступеням к столовой, как мальчишка, чуть ли не прыгая на одной ножке.

Но еще не доходя до столовой, услышал тревожный гул голосов, и мое радужное настроение стало улетучиваться. А когда я спустился в холл, вовсе померкло.

Ибо в воздухе, брызгая искрами и переливаясь, горел разноцветными огнями ЗНАК.

Знаков в мире много, кресты, свастики и шестиконечные звезды — самые распространенные и примитивные из них. У каждого мага есть индивидуальный знак — он гравирован на амулете, который маги носят при себе для облегчения высвобождения Силы. Был такой и у меня, но этот...

Я застыл, глядя на него. Застыл, как и все дети и кое-кто из преподавателей, разинув рот и онемев от недорогого предчувствия. Ибо ЗНАК был слишком прекрасен, чтобы нести только добро и свет.

Представьте себе сжатую в кулак руку, из пальцев которой вырывается пламя. В его колеблющихся языках, извивающихся, подобно змеям, бьется человеческое сердце. Но это только поверхностное представление об этом ЗНАКЕ, ибо стоило присмотреться, как он начинал меняться, и вы понимали, что на самом деле рука сжимает сердце, выдавливая из него кровь и жизнь, а их обоих пожирает яростное пламя. Этот ЗНАК был полон Силы, но Силы темной и неукротимой, как разбушевавшаяся стихия. Не каждый маг сможет укротить тайфун или остановить падающий метеорит — вот так и мы замерли, понимая, что ничего не сможем сделать с ЭТИМ.

На завтрак собирается вместе вся школа. Учителя и ученики знают это и стараются не опаздывать. Поэтому не прошло и пары минут, показавшихся мне вечностью, а в холле столпились почти все. Те, кому места не хватало, теснились на ступенях лестниц. Кто-то перешептывался, но большинство молчало.

— Что... что это такое? — послышался сдавленный голос завуча. Дама Морана пробилась сквозь толпу, толкая локтями застывших детей, подняла глаза на ЗНАК...

Лицо ее мгновенно исказилось от ужаса. Глаза едва не вывалились из орбит.

— Нет! — яростно прошептала она. — Нет! Не позволю! Запретить! Развеять! Немедленно!

Но никто не двинулся с места, и она сама нашарила на груди амулет и, вскинув

свободную руку, стала скороговоркой начитывать оберегающую вису:

Силой света
огнем желаний
иди туда,
где тебе место,
иди туда,
откуда не вернуться,
до дня Рагнарека —
до смерти мира.

ЗНАК заискрился, затрещал, рассыпая искры. В воздухе запахло чем-то прогорклым. Дама Морана покачнулась, хватая ртом воздух. Вскинутая вверх рука упала, как плоть, но она удержалась на ногах, и только глаза ее заблестели огнем ярости и досады.

А потом сбоку возникло какое-то движение. Я с усилием отвел взгляд от стреляющего искрами ЗНАКА и увидел Черного Вэла. Он пробирался сквозь толпу, не сводя глаз со ЗНАКА, и в его черных глазах было что-то жуткое. Он словно прицеливался, холодно и безжалостно, как наемный убийца. В обеих руках его сверкали стилеты. Их кончики светились. Мне даже показалось, что они пропитаны ядом. Не говоря ни слова, Черный Вэл встал под ЗНАКОМ и вскинул руки, крест-накрест соединяя стилеты.

Я знал этот жест — теоретически, ибо это был один из приемов боевой магии, а в ней я слабак. Между кончиками стилетов должна пробежать искра, и молния, вырвавшись из перекрестья, ударит в противника. Но ничего не произошло, и Вэл уронил руки.

А потом ЗНАК исчез сам. Как-то внезапно и вместе с тем не спеша он стал меняться. Сперва исчезла пугающая двойственность, потом он потерял плотность и объем, превратился в простой рисунок мелом на полукруглом своде и наконец сам мел крошками посыпался вниз.

Но наваждение не исчезло. Мы все стояли, словно окаменевшие, до тех пор, пока не раздался голос мессира Леонарда:

— Все дети идут в столовую и завтракают. Все педагоги — немедленно со мной на совещание... После завтрака дети должны отправиться в свои рекреации и находиться там вплоть до особого распоряжения. За нарушение этого приказа последует наказание. Дети — в столовую. Педагоги — за мной!

Он притопнул копытом, высекая искры. Это немного оживило толпу. Присмирившие ученики потянулись к столовой, а мы, учителя, стали подниматься по ступеням вверх. Даму Морану вели под руки леди Ульфрида и Маска. Рядом вертелась Невея Виевна — глаза лихomanки горели зловещим огнем.

Черный Вэл так и остался стоять, опустив руки и подняв глаза. Я помедлил, пропуская мимо себя Лыбедь и Лилиту, и подошел к нему. Меня пугал этот человек, только что попытавшийся сразиться с неведомым и потерпевший поражение. А выражение его лица меня настолько поразило, что я не сразу решился задать вопрос.

— Что это было? — молвил я.

Черный Вэл с усилием повернул ко мне голову. Лицо его уже успокоилось, словно ничего не случилось.

— Белый Мигун, — проскрипел он.

Глава 10

Дети сидели, запертые в рекреациях, а мы собрались в учительской. Даму Морану отпоили успокоительным. Она молча выпила то, что предложила ей Невея Виевна, но на помощь Черного Вэла ответила решительным отказом.

— Что же это вы, дорогая, — ласково укорил ее директор, — сломя голову на него кинулись?

— Ах, я просто голову потеряла, когда увидела ЭТО. — Завуча передернуло. — Не думала, сто ОНО появится снова. Сколько лет прошло и вдруг... Тем более здесь! И сейчас!

— Никто не мог этого предвидеть! — согласился ректор.

— Мог, — подал голос Черный Вэл. — Ваши дети. Они накануне бросали руны и...

Дама Морана взвилась, словно под нею взорвался стул.

— А вы вообще молчите! — закричала она в лицо Вэлу. — Думаете, я не знаю, что это — ваша работа?

Я поспешил отодвинуться в сторонку и даже прижался к стене, чтобы меня вовсе не смело взрывной волной ее гнева. Все учителя уже расселись кто где, и мне осталось местечко только за камином — там, где обычно сидел Черный Вэл. Сейчас он стоял в центре комнаты, сверху вниз глядя на взбешенную даму Морану. Со своего наблюдательного поста мне не было видно выражение его лица — только затылок и собранные в хвост длинные черные волосы, но голос просто поразил своей холодностью и равнодушием.

— Нет, — сказал он. — Это не моя работа.

— Но вы же единственный! Единственный, кто знает, как ОН выглядел! Вы же были там! Вы были одним из НИХ! Вы просто должны...

— Должны стремиться к реваншу? — усмехнулся Вэл. — Через столько лет?

— Да! Через столько лет! Сейчас ОН на свободе, и кто знает, какие указания вы получили от своего хозяина! Может быть, ОН дал вам задание захватить власть в школе? Вы хотите превратить детей в зомби, в послушных боевиков? В монстров, каким сам был когда-то? Молчать! Я всегда вас подозревала! С самого первого дня! Я знала, кто вы на самом деле! Всегда знала!

— Вот как? — скрипнул Черный Вэл. — Так вы знаете и кто на самом деле мои родители?

Дама Морана завизжала. Я был просто в шоке — никогда не думал, что завуч способна настолько выйти из себя. А мне-то казалось, что злее, чем со мной, она уже не будет! Перед Вэлом стояла настоящая валькирия. Ей нужна была кровь, и она мечтала ее пролить.

— Молчать! — закричала она, когда смогла говорить. — Молчать! Вы чудовище!.. Мессир, — это уже относилось к директору, — изолируйте его! Немедленно! Как монстра! Как исчадие Хеля!.. В пентаграмму его! В огненную пентаграмму!

Вэл отступил на шаг перед ее гневом и в самом деле оказался в нарисованной на мозаичном полу пентаграмме. Она была не активизирована — просто рисунок на полу, — но сейчас это не имело значения. Теперь мне был виден его профиль, но понять, что он чувствует, было невозможно — настолько спокойно было его лицо.

— Не понимаю, чего дама Геррейд так взъелась? — шепнул я Берегине, которая сидела на скамеечке у камина ближе всех ко мне.

— Ну ты телок! — Старуха пыхнула трубкой. — ЗНАКА не видел?

— Видел, но...

— Это был знак Белого Мигуна! Огненное Сердце! — зверским шепотом объявила старуха. — Никогда не слышал?

— Нет. В нашем доме никогда не говорили о секте. Наверное, считали, что мне нельзя ничего знать о моих настоящих родителях. Я даже...

Берегиня сделала мне знак замолчать, потому что дама Морана снова пошла в наступление.

— Вы совершили преступление, Черный Вэл, — заявила она. — Это недопустимо! Тем более в школе! Вы не имеете права называться педагогом. Более того — вас нельзя на пушечный выстрел допускать к детям. Я сегодня же поставлю вопрос о вашем увольнении. Слышите? В трехдневный срок!

Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, я сам, недавно испытывший на себе гнев завуча, жалел Вэла, а с другой, помня его прошлое, не мог не

сердиться на него. «Так тебе и надо, — мелькало у меня в голове. — Ну, может быть, не совсем так, но надо!»

— Что же вы молчите? — выдохшись, дама Морана решила сменить тактику. — Объяснитесь! Мы вас слушаем. Чем вы руководствовались, рисуя этот проклятый ЗНАК?

Черный Вэл медленно покачал головой:

— У простых смертных есть такое выражение — «презумпция невиновности». Докажите, что это сделал я.

— А тут и доказывать ничего не надо. Вы единственный среди нас, кто был в секте Белого Мигуна, и единственный, кто знает, как этот ЗНАК выглядел. Кроме того, ваши апартаменты находятся на первом этаже. Вам удобнее всего потихоньку ночью сделать свое черное дело, Черный Вэл! И я помню вашу странную реакцию на этот ЗНАК. Кажется, это называется боевой магией?

Завуч повернулась к Берегине. Я юркнул за выступ камина, а старуха поднялась, деловито попыхивая трубочкой.

— Да, крест — это мощный прием боевой магии, — признала она. — Однако чтобы его применить, одного желания недостаточно. В большинстве случаев крест так и остается сотрясением воздуха. Нужно очень много Силы, чтобы заставить его работать.

— Видите? — завуч так и лучилась торжеством. — есть что добавить к этим аргументам?

— У простых смертных иногда в книгах и фильмах встречается такое выражение. — Голос Черного Вэла был до того скупен, что я был готов ударить зелейника. Он едва не зевал от скуки, а ведь тут решалась его судьба! — «Все, что вы скажете, может быть использовано против вас». А вы явно собираетесь это сделать. Поэтому я лучше промолчу.

— Не умничайте, Вэл! Объясняйтесь!

— Этого я делать не буду.

— Но вы же единственный, кто был в секте Белого Мигуна! Только вы видели этот ЗНАК и знаете...

— Это не аргумент. Ваш сын, мадам, тоже был в секте. Вы тоже видели ЗНАК.

Дама Морана отшатнулась, бледнея. В глазах ее промелькнул самый настоящий испуг.

— Вы забываетесь, Вэл, — прошипела она, сжимая кулаки. Я бы не удивился, если бы волосы на ее голове зашевелились, превращаясь в змей.

Директор вскочил, решив, что пора вмешаться.

— В самом деле, Вэл, — проблеял он, подбегая, — вы перегибаете палку...

— ЛОРД Вэл, с вашего позволения, — ледяным тоном поправил его зелейник.

— А мне все равно! — от испуга дама Морана внезапно перешла к злости. — Все! Мое терпение лопнуло! Советую вам написать заявление об уходе! Немедленно!

— Я этого не сделаю.

Несмотря на безотчетный страх, который внушал мне зелейник своим поведением, я не мог не восхищаться им. Так держаться перед лицом полного краха своего будущего!

— Я вас заставляю!

— И совершите ошибку. Потом придется извиняться...

Онемев от такой наглости, дама Морана только могла хлопать глазами и хватать ртом воздух, как вытасченная на берег рыба. Все молчали, пораженные. Мессир Леонард сокрушенно покачивал головой. Окруженный стеной молчания Вэл повернулся и спокойно направился к двери.

Но далеко уйти ему не дали. Сквозь запертую дверь просочились, держась за руки, Прилежный Ученик и Студентка-Неудачница. Оба привидения были возбуждены и казались поэтому прозрачнее, чем есть на самом деле. У Студентки к тому же волосы на голове полностью изменили форму, превратившись в шевелящуюся массу.

— Мы видели! — затараторили они хором. — Мы все видели! Мы все знаем! Спросите нас! Мы знаем!

— Я выучила этот предмет! — воскликнула Студентка. — Честно-честно!

— Что вы знаете?

— Мы видели, как на арке появился этот ЗНАК! — воскликнул Прилежный Ученик. — Ну, тот, который внизу.

— Знаете? — Дама Морана с торжеством посмотрела на Черного Вэла, остановившегося в дверях. — Расскажите все, что видели.

Привидения посмотрели друг на друга.

— Ну, собственно, мы не совсем... то есть я хотела сказать, что я... ну, в общем, я почти, — засмутилась Студентка. — То есть мне вот только что казалось, что все знаю, а потом вдруг... В общем-то, это не я! Меня там не было! Честно-честно! Я же учила-а... Она залилась горячими слезами.

— Не морочьте нам голову. Вы не на экзамене! — прикрикнула завуч. — Так кто-нибудь хоть что-нибудь видел?

— Позвольте мне. — Ученик поправил несуществующие очки. — Дело в том, что мы доподлинно знаем, что у ночного происшествия есть один свидетель. И мы готовы его вам предоставить.

— Кто это?

— Оживающий Доспех.

Мы переглянулись. Большая часть доспехов стояла в холле, где появился ЗНАК. Дух Рыцаря чаще всего оживлял именно их. Редко когда его встречали в школьном музее на третьем этаже. И если он действительно ночью находился там, то просто обязан был все увидеть — привидения воспринимают мир не так, как мы. От них невозможно укрыться.

Привидения пошептались, и Студентка растворилась в воздухе, помчавшись искать Доспех.

Они явились несколько минут спустя, и, когда я увидел Оживающий Доспех, мне стало слегка не по себе. Ибо на сей раз неутомимый дух Рыцаря переселился в доспех гладиатора. Одно дело, когда на вас движется доспех конного рыцаря тринадцатого века с опущенным забралом, и совсем другое, когда перед вами возникают наручи, поножи, короткая кожаная юбочка и несколько причудливо перекрещивающихся ремней, увенчанных шлемом-шляпой. Кое-кто из дам даже отвернулся. А Доспех ударил себя в ремни наручем и рывкнул невидимой глоткой:

— Аве Кесарь! Моритури ди салютант! — и застыл по стойке «смирно».

— Ага, — кивнул мессир Леонард, подходя. — Значит, это ты все видел?

— Мой император, — напыщенно произнес Доспех, — я готов исполнить любой ваш приказ. Хотите — я сражусь за вас на арене с диким зверем. Хотите — пускайте против меня сколько угодно бойцов. Я готов умереть ради вас... и достойного вознаграждения в случае победы. И пусть благословит меня Марс, а вас не оставит своей милостью Юпитер!

Я уже, кажется, говорил, что дух Рыцаря всегда перевоплощался в ту эпоху, чей доспех надевал? Мессир Леонард помотал гривой.

— Мне не нужна твоя смерть, доблестный воин, — подыграл он гладиатору, — мне нужно знать, что ты видел сегодня ночью.

— Сны, — без запинки ответил Доспех. — Сны о родной Фракии. Сны о матери и отце. А потом мне снилось, что я был захвачен в плен и снова стал рабом... Но это все прошло. Морфей разомкнул свои объятия, и ваш верный Спартак снова с вами!

— Ночью в холле замка, — рванулась в бой дама Морана, — что ты видел ночью в холле замка? Там кто-то нарисовал ЗНАК...

— Я не был ночью в холле ни замка, ни виллы, — в голосе привидения послышалась обида. — Я честный гладиатор и ночами сплю в своем доме, в объятиях жены и никуда не хожу. Тем более в замки.

— Значит, ты ничего не видел?

— Я спал и видел сны, мой император. Если вы сомневаетесь во мне, то лучше бы мне покончить с собой, чем вызвать ваш гнев!

— Тут кто-то морочит нам головы, — догадалась дама Морана и почему-то снова

обратилась к Черному Вэлу. Тот стоял, подпирая плечами дверной косяк, и давился от смеха. Но прежде чем завуч и зелейник снова схлестнулись, на помощь им пришел мессир Леонард.

— Боюсь, я знаю, в чем дело, — цокая копытами, он обошел доспехи гладиатора кругом. — Ты ни в чем не виноват, мой верный Спартак, — сказал он привидению. — Империя не сомневается в твоей верности, и вовсе не ты вызвал наш гнев. Отправляйся к себе и живи спокойно, ожидая наших приказаний.

Доспех отсалютовал и растворился в воздухе, оставив после себя легкий аромат конюшни, а директор уселся по-собачьи в центр освободившейся пентаграммы.

— Дело вот в чем, — сказал он. — Наш дух Рыцаря, перевоплощаясь в тот или иной доспех, всякий раз оставляет свою память в прошлом. Будучи гладиатором, он не помнит, где был и что делал в доспехе русского ратника. А став русским ратником, забывает, что был когда-то тевтонским рыцарем. И так далее. Девушка, — кивнул он Студентке, которая понуро стояла в уголке, размазывая по щекам слезы пополам с косметикой, — ты помнишь, в каком доспехе был дух Рыцаря ночью?

— Ка-а... а-а... кажется, в кольчуге Викинга, — всхлипнула она.

— Вот и отлично. Значит, надо всего-навсего подождать, пока снова не оживет Викинг!

— Но этого можно ждать сколько угодно! Хоть до скончания века!

— Нет. Мы можем приблизить это время, если просто-напросто разберем все доспехи в холле и поменяем местами их детали, — вмешалась Берегиня. — Например, к русской кольчуге приделаем греческий шлем, а к пластинчатой броне монгольских ратников добавим наручи тевтонских рыцарей. Дух Рыцаря не будет вселяться в неправильно собранные доспехи, и ему останется один выход — кольчуга Викинга. Которую мы нарочно оставим нетронутой!

— Великолепно! — просияла дама Морана. — Это выход... И горе тому, — добавила она свирепым шепотом, взглянув на Черного Вэла, — кто помешает духу вселиться в доспех Викинга или оставит неповрежденным какой-нибудь другой доспех!

Школа была в трансе. Уроки в тот день сократили, дети ходили притихшие. Гнетущая тишина стояла даже на переменах, ибо дама Морана не выдержала и прочла перед всеми лекцию о том, что не потерпит никакого нарушения дисциплины. Сгущая краски, она просто-напросто напугала детей. Да и мы, учителя, ходили на цыпочках.

Я мало знал о секте Белого Мигуна — только то, что рассказал мне мессир Леонард, вручив фотографию матери, да по обрывкам беседы с Черным Вэлом. Но интуитивно догадывался, что возрождение Братства может обернуться для всего магического мира катастрофой. Белый Мигун на свободе. Неизвестно, где он находится, но что он собирает силы для реванша — не вызвало сомнений. В новостях периодически передавали информацию о том, что Белого Мигуна якобы видели тут и там. Сперва он мотался во всем Британском островах, но потом его встретили в Дании. А спустя какое-то время некто похожий на Мигуна крутился в Парижском Диснейленде, и кое-кто даже видел, как он садился в поезд до Силезии. Старую Европу продолжало лихорадить, но до сих пор нигде столь активно не проявляли себя сторонники Мигуна. Представляете, какой разразился бы шум, если бы узнали о ЗНАКЕ в Школе МИФ? Это, как минимум, означало бы, что Белый Мигун уже добрался до Скандинавии!

После занятий я сбегал в библиотеку и попросил Серую Мышь дать мне подшивки газет и журналов двадцатилетней Давности, но библиотекарьша меня огорошила — оказывается, после того как Мигун был арестован, пришел приказ из Министерства, повелевающий уничтожить всю информацию о секте! Оставили только кое-что в архивах и учебниках истории. И она, как честная волшебница, выполнила приказ.

Отчаявшись что-либо отыскать — ибо в свои школьные годы уже читал учебник по истории магии и не нашел там ничего о секте, — я возвращался к себе и не поверил своим глазам, когда увидел, что возле дверей в мою комнату топчется Даниил Мельхиор.

На мальчике не было лица. Веки опухли от слез, он кусал губы и подозрительно сопел носом. К груди мальчик крепко прижимал объемистый сверток, показавшийся мне

знакомым.

— Что случилось? — Я потрепал Даниила по плечу.

— Вот... вот, — всхлипнул он.

Сверток оказался инсектарием, который несколько недель назад я сам сделал для его мотылька. Несчастное насекомое лежало на дне без признаков жизни.

— Пошли. — Я распахнул дверь, пропуская мальчика внутрь.

На Даниила было жалко смотреть. Усевшись к столу, он поставил инсектарий, вытащил тельце мотылька и склонился над ним. Я осторожно вынул насекомое у него из рук и внимательно осмотрел.

Мотылек выглядел ужасно. Пушок на тельце весь вылез, оно сморщилось и местами начало чернеть. Глаза тоже обмякли. Крылышки облетели и обтрепались, а бурый узор на них выцвел. Только усики-антенны еще сохраняли прежний вид и слегка подрагивали.

— Он... он умер? — Даниил с опаской заглядывал мне в руки.

— Пока еще нет.

— Значит, ему можно помочь? — Мальчик вцепился мне в локоть.

— Боюсь, что нет. Извини. — Я осторожно положил мотылька под свет лампы. — Твой отец — ведь это дух твоего отца! — не мог быть вечно с тобой. Он остался на этом свете, чтобы защищать тебя от опасностей, но сегодняшние события... Ты знаешь, что сегодня произошло?

— Да, — кивнул мальчик, — кто-то нарисовал на арке в холле Знак секты Белого Мигуна.

— Вот как? — Я удивился. Мы же ничего не объясняли детям! — Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, и все, — буркнул Даниил, но потом все-таки ответил: — У нас дома он был нарисован на стене. Мама и папа всегда завешивали его картиной, когда к нам приходил инспектор от Инквизиции.

— К вам приходили инквизиторы?

— Да. Раз в месяц. Папа говорил — проверить, как мы живем, потому что они думали, что мои родители... ну, до сих пор не забыли... ну, вы понимаете?

Я кивнул. То, что инквизиторы не оставляют своим вниманием бывших сектантов, для меня было новостью. Но почему ничего подобного не сообщил Вэл? Почему, в конце концов, к нам домой не ходили инспекторы? Ведь на воспитании Графов находился я — сын духовной дочери самого гуру! Или все-таки приходили, но я был слишком мал и не запомнил?

Мотылек слегка пошевелил усами. Он попытался приподняться, но слабые лапки его не слушались. Даниил жадно следил за ним.

— Мы можем что-нибудь для него сделать? — прошептал он. — Может быть, заклинание...

— Вряд ли. Прости, Даниил, но Знак Мигуна... Мигун был очень сильным магом. Сильным и опасным. Думаю, твой отец пытался защитить тебя от него. Но раз здесь появился его Знак, то...

— Мой отец сражался с ним и проиграл?

— Да.

— Мне страшно, — прошептал Даниил.

Я обхватил его за плечи, и мальчик прижался ко мне, вздрагивая, словно за дверями уже стоял кто-то пришедший по его душу.

Мотылек все еще шевелился. Я присмотрелся к его движениям. Насекомое явно пыталось дать нам какой-то знак? Или это просто агония?

— Он умирает, — всхлипнул мальчик.

— Да.

— И мы ничем не можем ему помочь?

— Думаю, можем, — сказал я. — Мы должны позволить ему умереть.

Даниил с испугом воззрился на меня. Какой-то миг мне казалось, что он вот-вот

схватит мотылька и убежит.

— Понимаешь, — торопливо заговорил я, — твой отец уже все равно мертв. Его душа вернулась в этот мир, чтобы защищать тебя, и он был при тебе так долго, как мог. Но мотыльки недолговечны. Обычное насекомое давно бы уже умерло — его поддерживает воля твоего отца. Вселись он в какое-нибудь другое существо, с более долгой жизнью, он бы и прожил в этом облике дольше. Но мотыльку — настоящему мотыльку — пора умирать. Ради любви к твоему отцу мы не имеем права заставлять его дольше мучиться. Поверь, он будет тебе только благодарен за то, что ты позволишь ему обрести покой.

— Нет! — вскрикнул Даниил. — Вы говорите это нарочно! Я знаю! Это не покой! ТАМ нет покоя! ТАМ нет вообще ничего! Тот свет — сказка, обман! Я не хочу, чтобы он умирал! Нельзя, чтобы умирали! Смерть — это же так страшно! Я видел, как умирала мама! Я не хочу! Не хочу!

— Замолчи! Мне, между прочим, пришлось хуже. Мои родители тоже умерли! Но твой отец хотя бы некоторое время оставался подле тебя, а мои бросили меня. Они не приходили даже во сне, и тем более в мотыльках! Они оставили меня на произвол судьбы. Но если бы это зависело от меня, я бы подарил им посмертный покой. И ты должен это сделать. Это твой долг.

Мальчик некоторое время стоял и смотрел в пол. Потом шмыгнул носом, вытер рукавом глаза и пробурчал:

— Что надо делать?

— Не знаю. Просто раздавить насекомое нельзя. Надо сперва освободить из него душу твоего отца... Наверное, есть какие-то пентаграммы со знаками смерти. Мы можем спросить у мессира Леонарда. Директор...

— Не надо, — вдруг прервал меня Даниил, — посторонние не должны при этом присутствовать. Я сам.

Я удивился такому ответу, но удивление мое стало еще больше, когда мальчик достал из кармана кусок мела и, опустившись на колени, стал чертить на полу классной комнаты пентаграмму. Движения его были поначалу медленные и осторожные, но после нескольких первых линий он обрел уверенность.

— Что ты делаешь? — поинтересовался я, отходя в сторону. — Откуда ты это знаешь?

— Я... — Даниил захлопал ресницами. Он стоял на коленях в середине недорисованной пентаграммы. — Я проходил это в школе. В Полых Холмах.

— Я, конечно, не специалист, но, по-моему, это черная магия.

— Ага. Мы же там изучали черную магию. Эта пентаграмма наиболее подходящая, как мне кажется.

— «Как тебе кажется!» — передразнил я. — Откуда ты ее взял-то?

— Из учебника, — последовал короткий ответ.

Мне оставалось только удивляться. Получив конкретное задание, Даниил перестал распускать нюни и работал спокойно и сосредоточенно. К тому времени, как приготовления были закончены — пришлось пожертвовать несколько свечей и устроить маленькое кровопускание самцу-единорогу, — мотылек уже почти перестал подавать признаки жизни. Он лежал у меня на ладони, как меховая тряпочка, и только по клочкам ауры можно было догадаться, что жизнь еще не покинула крошечное тельце.

Даниил критически осмотрел свое творение, потом взял у меня мотылька, погладил его и, тяжело вздохнув, положил в центре пентаграммы.

— Что дальше? — шепотом поинтересовался я.

— Не знаю. — Даниил пожал плечами. — Я думал, вы мне поможете!

Я уже собрался было возмутиться, но тут заметил, что мотылек шевельнулся. Тельце его окутала странная дымка. Зажженные по углам пентаграммы свечи дрогнули, выбрасывая клубы дыма.

— Тс-с, — сжал я локоть Даниила. — Кажется, началось...

Мальчик ахнул. От тела насекомого отделялась серая дымка. Оно как бы таяло,

плавилось, превращая в дым, который, поднимаясь вверх, постепенно обретал очертания человеческой фигуры.

— Папа, — прошептал Даниил. — Папа!

Силуэт вздрогнул. Человек в пентаграмме повел головой по сторонам.

— Кто здесь?

— Папа, это я! Я здесь! — Даниил подпрыгнул, взмахнул руками, и я еле удержал мальчишку от того, чтобы он не прыгнул в пентаграмму. Страшно даже представить, что ждало бы его в этом случае. Но дух Йозефа заметил мальчика.

— Дэниэль, — выдохнул он. — Сынок... Это ты! Живой?

— Живой, папа. А почему...

— Цена слишком велика. Я готов был на все, но я не хотел отдавать тебя. Прости. Я должен был сделать выбор, и я его сделал.

— О чем это он? — Даниил повернулся ко мне.

— Спроси его сам, — шепнул я. — Меня он просто не услышит.

— Что ты говоришь? Какой выбор? Куда ты должен был меня отдать и почему ты умер?

— Белый Мигун, — последовал ответ. — Я верно служил ему. Я помнил его и не оставлял надежды, что он вернется. Но добыть ему свободу было слишком тяжело. Твоя мама отдала свою жизнь, чтобы узнать, как это можно сделать. Своей смертью она заплатила за знание. А я должен был воплотить это знание в жизнь. Свобода для гуру — в обмен на самое дорогое, что у меня есть. Я не смог отдать тебя, Дэниэль. Я ушел за ним сам. Прости меня.

Даниил попятился, отступая от пентаграммы, и наткнулся на меня. Я обхватил мальчика за плечи, но мне самому требовалось утешение. Двадцать лет прошло, а последователи Белого Мигуна до сих пор живут на свете и, несмотря ни на какие ухищрения инквизиции, ждут возвращения своего гуру.

— Прости меня, Дэниэль, — повторил призрак.

Я потормошил мальчика:

— Спроси у него, где сейчас Белый Мигун. Он знает?

— Нет, — прошелестел призрак, услышав вопрос из уст своего сына. — Прости. Ты не должен... не должен был... не дол...

Голос его истончился, по телу пробежала рябь, и призрак растаял. На полу в центре пентаграммы осталось лежать тело мотылька — или, вернее, полурассыпавшийся трупик. Даниил, опустив голову, стоял столбом. Когда я тронул его за плечо, он вдруг вскрикнул, оттолкнул мою руку и бросился прочь.

Дня два после этого я ходил как в воду опущенный. Мне не давало покоя то, что я услышал от призрака Йозефа Мельхиора. Получалось, что Даниил мог умереть ради того, чтобы Мигун выбрался на свободу. Его отец должен был отдать самое дорогое... Но его любовь была слишком сильна, и даже преданность гуру оказалась бессильной перед отцовским чувством? Хм, мои родители явно любили меня гораздо меньше, если предпочли самоубийство. И не права ли дама Морана в отношении Черного Вэла? Ведь он был одним из боевиков секты. А что, если и он, по примеру четы Мельхиор, тоже приближал возвращение Мигуна?

Терзаемый этими мыслями, я по полночи ворочался в постели и иногда до рассвета лежал, не сомкнув глаз. Мне все казалось, что, стоит мне задремать, как зелейник придет по мою душу. К концу второй бессонной ночи я уже желал, чтобы его поскорее уволили.

К сожалению, пока что вину Черного Вэла доказать было невозможно. Берегиня и ее ученики трудились не покладая рук, разбирая доспехи в холле и школьном музее и перебирая их заново, и в конце концов все они обрели фантастический вид, но дух Рыцаря вместо того, чтобы попасть в подготовленную ловушку, испарился совершенно. Обычно призраки исчезали на три дня, а то и на пару недель. В прежнее время отсутствия Оживающего Доспеха никто бы не заметил, но сейчас это выводило всех из терпения.

На третью ночь бессонница все-таки дала о себе знать, и я заснул около полуночи. А когда проснулся, выяснил, что проспал завтрак.

Готовый ко всему, я с тяжелой головой выполз из своей комнаты и сразу понял, что оправдались мои самые дурные предчувствия. Ибо от волнения и удивления гудел уже наш четвертый этаж, а именно его центральная часть, где находилась учительская.

Ожидая увидеть там все, что угодно, я помчался сломя голову и, еще подбегая, увидел столпившихся детей и взрослых, разглядывавших написанную на стене аршинными буквами надпись:

«ОТДАЙТЕ ЛОРДА МОРТОНА!»

Кто-то обернулся, заметил меня, потормошил соседа. Все зашевелились, расступаясь и освобождая мне дорогу. Гул голосов понемногу стих, и к стене я подошел в гробовом молчании.

Огромные буквы были написаны на высоте человеческого роста, и написаны они были кровью.

Рядом что-то задвигалось, и меня ухватили за локоть. От неожиданности я вскрикнул и схватился за амулет, но это оказался Спурий. Учитель-оборотень тяжело дышал после быстрого бега, от него пахло морозом и зверем.

— Я из свинарника, — прохрипел он, хватая полным ртом воздух. — Зарезан кабан Скринфакси.

Спурий воровато обернулся и, приблизив губы к моему уху, прошептал:

— У него разорвано горло! Я полужверь, я знаю, что говорю.

— Так может быть...

— Ты что, совсем того? — зашипел он. — Полнолуние только через неделю!

Учителя постепенно выходили из ступора. Детей — большинство из них уже пришло из столовой на уроки — кое-как загнали в классы, а двери, ведущие на этаж, перекрыли, чтобы новость не распространялась дальше по школе.

Придя в класс, я молча сел за стол. Девушки шестого курса, одиннадцать пар глаз, молча смотрели на меня. Я чувствовал разлитое в воздухе напряжение. Кровавые надписи кого угодно способны вывести из себя.

— Все в порядке — Я с усилием встал. — Начнем урок. Сегодняшняя тема...

— Значит, это правда? — послышался дрожащий от волнения голос.

— Что правда? — поискав глазами говорившую, я наткнулся на Ингу. Под моим взглядом девушка покраснела.

— Ну, это правда, что вы — это вы?

— Что вы — тот самый Мортон? — подала голос Вероника. — Или вы его однофамилец? Понимаете, мы давно спорили, вы это или не вы, а спросить не решались.

Я набрал полную грудь воздуха.

— Да. Я — это я.

Класс оживился. Девушки шушукались, переглядывались, толкали друг друга локтями. На меня уставились обожающие, восторженные, любопытные взгляды.

— Расскажите, — попросила Кристина.

— Что рассказать?

— Ну, все. Как вы... ну, жили? И вообще?

— Да я ничего не знаю. Понимаете, то, что я Максимилиан Мортон, я узнал всего год назад. До этого меня звали Эмилем Графом, и я воспитывался в другой семье. У меня было обычное детство — родители, брат и сестра. Я жил так же, как все мальчишки. И ни разу со мной не произошло чего-то из ряда вон выходящего. У меня даже нет никакого шрама или там, например, родинки. Правда-правда!

Девушки захихикали. Видимо, мои слова насчет родинки и шрамов показались им забавными.

— Но вы же должны были знать! — не сдавалась Кристина.

— Что? Про Мортонгов? Да, мы проходили о них по Истории Магии, но это было так давно. Я даже не думал, что легенда о сыне Мерлина имеет ко мне какое-то отношение. Я же тогда был Эмилем Графом!

— И вас не насторожило, что три поколения Мортонгов во время разгула мракобесия прожили под чужими именами?

— Но мне-то никто не говорил в детстве, что я не Эмиль Граф. Я вообще, если хотите знать, пару раз прогулял этот предмет. Мы тогда с ребятами отправились в Милоград в зоопарк. А вы, по-моему, сами все знаете лучше меня. Так, может быть, это не я, а вы должны мне рассказать правду о роде Мортонгов?

— Но это же все написано в учебнике! — не сдавались девчонки.

— Да, но я так давно последний раз держал учебник в руках!

— Ой, да это мы сейчас!

Пошептавшись, девушки отправили двоих разведчиц в библиотеку, и вскоре в мои руки лег учебник по Истории Магии. На шестом курсе историю уже не проходят, она относится к числу общеобразовательных предметов. Это был учебник за пятый курс, и я сразу открыл его на последних главах.

— «Восстание Белого Мигуна», — прочел я вслух.

— Почитайте, — заныли девушки.

Я помотал головой — с первых же строчек рассказ о секте полностью захватил мое внимание. В свое время я довольно бегло ознакомился с этим параграфом, да и на экзамене мне попался билет по другой теме, и поэтому сейчас я, как будто впервые, читал о жизни моих родителей.

"...Секта, — писалось в учебнике, — провозглашала близкий конец света. Ее гуру утверждал, что спасти мир могут только новые маги, выведенные с помощью его методик. А зачать новых магов должны его последователи. Прочие умрут страшной смертью в день и час, когда укажет он, Белый Мигун. Власти хотели запретить секту, и тогда Белый Мигун решил, что Час Возмездия настал.

Белые Боевики вышли из подполья. Они убивали, взрывали, подстраивали несчастные случаи. Буквально в течение нескольких дней Старая Европа была залита кровью, и пожар Восстания грозил перекинуться на другие части света.

Это был темный год. Маги боялись всего. Но еще больше их страшило то, что простые смертные, живущие под боком, могут почувствовать неладное и догадаться о подоплеке случившегося, а этого нельзя было допустить.

За помощью пришлось обратиться к Инквизиции. Когда-то давно инквизиторы были самыми яркими противниками магов и магии. Впоследствии они ослабили свое влияние, одно время эта служба вовсе не существовала, потом ее реанимировали и превратили в полицию, но, когда вспыхнуло Восстание, Инквизиции вернули прежние полномочия. И Восстание было подавлено. Немалую роль в этом сыграл Иероним лорд Мортон..."

Дочитав до этого места, я осекся и поднял глаза на притихший класс. Девушки жадно следили за мной. Иероним лорд Мортон! Но ведь так звали моего отца! Что же выходит? Мой отец нарочно внедрился в секту, чтобы ее развалить? А как же быть с его самоубийством?

— Я ничего не понимаю, — сказал я, — у вас нет другого учебника?

— Нет. А разве вы сами не знаете правду?

— Я ничего не знаю! Только то, что мне говорят.

— Так не бывает! Если вы Хранитель, вы просто обязаны что-то чувствовать! Так сказано в учебнике за первый курс!

— Где он, этот учебник?

Вероника первая подхватила, вскочила с места и рванулась к дверям, но они неожиданно распахнулись сами перед ее носом, и девушка попятилась, потому что в аудиторию строевым шагом вошла Берегиня в полном доспехе, держа наперевес секиру.

Лезвие магического оружия переливалось и искрило. За нею выступал сам мессир Леонард в накидке мага Первой Гильдии и наша завуч, дама Морана Геррейд, с необычно серьезным видом. Вероника покраснела, что-то пролепетала и юркнула на свое место, но трое преподавателей даже не заметили девушки. Они сразу направились ко мне.

— Максимилиан Иероним лорд Мортон, — проблеял директор, — прошу вас следовать за нами. Немедленно!

— С вещами, — добавила завуч.

— А в чем дело? У меня урок...

— Урока не будет, — оборвала завуч. — Это приказ.

Я сошел с кафедры. Атмосфера в аудитории накалилась так, что девочки втянули головы в плечи. Вероника не сводила с меня глаз. Мне хотелось как-то подбодрить детей, но я только кивнул им на прощание и прошел в свою комнату. Там под присмотром Берегини — директор и завуч остались с классом — я дрожащими руками собрал свое белье и сменные рубашки.

— Книги можно взять?

— Нет.

Сердце у меня упало. Что они задумали? Забирать меня на глазах детей, посреди урока? А может быть, за мной приехали из столицы? Но тогда почему тайно? Почему я все узнаю последним?

Теряясь в догадках, я последовал за Берегиней. Незаметно к нам присоединились директор и завуч.

До учительской идти близко, но, несмотря на то что урок еще не окончился, нам на глаза попало несколько мальчишек, сбежавших с занятий. Они спешили исчезнуть при виде грозного начальства, но их любопытные глаза зорко следили за нами из-за угла, и я не сомневался, что уже на перемене о моем «аресте» будет знать вся школа.

Учительская была пуста, но мы не задержались в ней, а прошли в смежную с нею маленькую комнатку с единственным окошком. Судя по старым обоям, когда-то она была предназначена для отдыха, но сейчас здесь не было практически ничего, кроме двух старых кресел и древнего шкафа, в котором стопками высились какие-то тетради и журналы. По углам клочьями висела паутина. Берегиня немедленно обошла каморку по периметру, проверяя секирой каждый угол, и удовлетворенно кивнула:

— Чисто.

Вслед за нами вошел Спурий. Учитель-оборотень был слегка взвинчен — до полнолуния оставалось всего несколько дней. Переступив порог, он сразу протянул мне кожаный пояс, состоящий из множества переплетенных шнурков.

— На, возьми, — сказал он. — Настоящий оберег против оборотней. Действует даже на меня — тут есть и моя шерсть. Носи не снимая, пока не минует опасность.

— Спасибо, — ответил я. — Но зачем все это?

— Затем, Максимилиан, что вы в большой опасности, — торжественным тоном произнесла дама Морана. — Как Хранитель важной Тайны. На вас идет охота, и страшно даже вообразить, что будет, если Белый Мигун доберется до вас.

— Все равно не понимаю!

— Да это же элементарно, Мортон! — воскликнула завуч. — В нашей школе действует сообщник Мигуна. Преступникам нужны вы, Мортон, Хранитель Тайны. Обнаружив, что вы — это вы, сообщник даст знать своему повелителю, тот явится сюда и...

— И что? Насколько мне известно, нельзя извлечь тайну из разума Мортоника никакими пытками. Есть только один способ для постороннего узнать правду — это присутствовать при Ритуале передачи. А передавать ее можно только от отца к сыну. У меня же нет детей. Я это точно знаю, потому что я девственник. Я никогда и ни с кем... ни разу в жизни! Так что Мигуну и его сообщникам сперва придется познакомить меня с девушкой, с которой я бы захотел иметь детей, потом ждать целых девять месяцев, пока родится ребенок. Родиться может и девочка, а значит, попытку придется повторять... По-моему, это слишком долго. Да

и я еще могу заартачиться. Не получилось же у Мигуна присутствовать при Ритуале, когда его проводил со мной мой отец...

Здесь я осекся, потому что внезапно понял, что остальные смотрят на меня с какими-то странными лицами и даже не пытаются спорить. Более того — обмениваются сочувствующими и понимающими взглядами, а Берегиня даже делает успокаивающие знаки.

— Что это значит? — воскликнул я. — Вы что-то скрываете от меня? Что?

Мессир Леонард кашлянул. пышная грива его колыхнулась.

— Максимилиан, сядьте, — попросил он. — Для вас так лучше... Вот так, хорошо, — кивнул он, когда я отыскал наименее продавленное кресло. — Вы должны знать... Да, Белому Мигуну не удалось присутствовать при Ритуале передачи Тайны от вашего отца вам, потому что Ритуала не было.

— То есть как?

— Вы не Хранитель Тайны, Максимилиан. Ее у вас нет. Но вы МОЖЕТЕ стать ее Хранителем, если Ритуал будет произведен. Вас можно использовать. Стоит Мигуну захватить вас...

Я взмахнул руками, прерывая директора:

— Простите, что перебил. Но позвольте мне самом разобраться. Итак, Тайны у меня нет. Так?

— Так. Ваш отец не стал проводить Ритуала передачи. Почему — нам неизвестно.

— Стоп. Откуда вы это знаете?

К моему удивлению, директор замялся и даже вполне по-человечески стал кусать губы.

— Ну, скажем так — я имею доступ к секретной информации, — проямлил он.

— Вы знали это всегда?

— Нет. Запрос я делал раньше, но ответ пришел только что. Канцелярские проволочки, знаете ли...

— Хорошо. — Я перевел дух. — Значит, Хранителем был мой отец?

— Да. И он умер, будучи таковым.

— Отлично! — воскликнул я. — Хранитель мертв, Тайна умерла вместе с ним!.. Насколько я знаю, в роду Мортонсов может быть только один Хранитель в каждом поколении? Так? Что же мы сидим? Ни Мигуну, ни кому бы то ни было до Тайны не добраться...

— Ах, молодой человек, молодой человек, — директор укоризненно покачал головой. — А еще урожденный маг, с высшим образованием! А потусторонний мир на что? А магия мертвых? А спиритизм, в конце концов? Дух вашего отца при жизни был связан слишком страшной тайной, чтобы он мог спокойно отправиться в Горние Выссы. Да и его смерть никак не назовешь естественной. Так что вызвать его дух проще простого. А Белый Мигун к тому же специализировался на нетрадиционной черной магии. Поверьте мне — он знает способ, как вызвать дух вашего отца и заставить его провести Ритуал. И на этом Ритуале Белый Мигун просто обязан будет присутствовать, ибо без него Ритуала не будет вообще.

Я почувствовал, что вспотел. Мне уже мерещились черные свечи, пентаграммы, заунывное пение и кровь жертвенных животных вместе с прочими атрибутами запрещенной черной мессы.

— А может быть, можно без этой проклятой Тайны? Ведь жили же как-то маги без нее много веков до рождения моего предка?

— Боюсь, что нет, — покачала головой завуч. — Руны говорят, что в случае утраты Тайны магический мир может скатиться в пучину анархии. Наступит разброд и шатание в умах. Исчезнет мощный сдерживающий фактор. Кроме того, есть опасность, что впоследствии ее откроют заново. Но где гарантия, что второоткрыватель не решит ею воспользоваться? Да потом — существует Традиция. Магия держится на Традиции. Исчезновение Тайны — подрыв основ. Ведь у нее есть и обратная сторона — пока существуют Хранители Тайны, существует и магия. Вспомните Темные века — три

поколения Мортоноров прожили в неизвестности под чужими именами. И в это время, когда маги только ВЕРИЛИ, что Тайна утрачена, кризис переживала и магия. А что будет, если вместо ВЕРЫ придет УВЕРЕННОСТЬ? Мы должны знать, что Тайна есть. Пока она существует, мы — маги. Понимаете?

Я смог только кивнуть. И не потому, что впервые осознал ответственность моего рода перед магическим миром, но и потому, что дама Морана впервые разговаривала со мной по-человечески, а не приказным тоном.

— Поэтому, Максимилиан, — закончила она, — мы просто обязаны принять превентивные меры. Вы останетесь здесь до тех пор, пока мы не отыщем для вас более надежное убежище или пока Белый Мигун и его сообщник не будут арестованы.

Я оглядел выцветшие обои, пол, который последний раз красили при жизни моей матери, маленькое окошко, забранное решеткой, паутину по углам. Моя тюрьма...

Директор догадался о моих чувствах.

— Это временно, Максимилиан, — сказал он. — Всего на одну-две ночи. Я подыщу для вас подходящее местечко, даже если придется переправить вас из школы. Мы готовы к любым убыткам и даже к скандалу, потому что нам придется открыть правду. Но ради Тайны Мортоноров мы просто обязаны это сделать.

— Я не хочу, — возразил я.

— Не упрямитесь. Это для вашего же блага! — вступила в разговор завуч.

— Макс, мы хотим тебе добра, — добавила Берегиня.

— Добра? Изолировать меня, как преступника? Вы подумали, как мое исчезновение будет расценено детьми?

— Да, тут вы правы, Максимилиан, — закивала дама Морана. — Срывать вас посреди учебного года... Скорее всего, мы уже не сможем найти нового педагога на звериную магию и нежитеведение. Так что возникнут сложности с выпускными экзаменами... Но ничего не поделаешь. Школа готова на такую жертву.

— Да, но я не готов! — Я сам поразился силе своего голоса и звучавшей в нем уверенности. — Я не хочу уезжать! Слышите? И прятаться от Мигуна я не буду! Я его не боюсь!

— Телок. — Берегиня сплюнула на пол и добавила парочку выражений, которые я бы ни за что не согласился повторить. — Настоящий телок! Этот Мигун монстр! Он сотрет тебя в порошок!

— Не сотрет — я нужен ему живым.

— Да, пока он не подслушает Тайну. Потом он просто уничтожит тебя.

— И себя! Ведь если он откроет Тайну, он лишит Магии не только всех магов, но и себя в том числе!

— Ты придурок или притворяешься? — Берегиня потеряла терпение. — Да ему достаточно будет лишь пригрозить Парламенту на Горе, что он ее откроет, — и все его условия будут выполнены. Он начнет шантажировать Парламент и добьется верховной власти, потому что с такими вещами не шутят! И ты думаешь, его кто-нибудь остановит?

Сраженный ее напором, я только мотал головой, а завуч бросилась успокаивать боевого мага, которая уже спешила встать в стойку.

— Все равно, — прошептал я, — я не намерен бегать. Я хочу остаться.

Тут в комнату ворвался ураганом Спурий. Судя по скорости, с какой он влетел, оборотень подслушивал под дверью. Подскочив ко мне, он яростно стал трясти мою руку.

— Великолечно! — восклицал он. — Знай наших! Горжусь и хвалю! Кратчайший способ покончить с собой! Самый простой и удобный! Гениально! Молодец!

За его спиной завуч переглянулась с директором. Берегиня сделала пасс над моей макушкой, щелкнула пальцами и опять выругалась:

— Бесполезно! Мальчишка упертый, как баран! Скорее Перун начнет выращивать редиску и играть на балалайке, чем в эти мозги придет другое решение!

Я обиделся.

— Что такого? Это моя проблема, значит, она мне по силам. И потом — ведь Мигун охотится за мной. Глупо подставлять под удар остальных. А ведь он может пойти другим путем — например, снова начать вербовать детей. И потом, — внезапно мне в голову пришла дерзкая мысль, — вы же догадывались, к чему может привести прием на работу МЕНЯ? Почему вы все-таки это сделали? Вы же должны были предвидеть...

К моему удивлению, мессир Леонард замаялся и стал ковырять копытом в полу.

— Ну, предсказание действительно было, — промямлил он. — Когда я услышал вашу фамилию, то попросил даму Геррейд раскинуть руны, и она... В общем, по результатам гадания вышло, что мы можем принять вас на работу и даже более того — обязаны это сделать.

— Обязаны! — ухватился я за это слово. — Значит, руны сказали, что я нужен школе. Какие это были руны, дама Морана?

Завуч вопросительно взглянула на директора, получила разрешающий кивок и вздохнула:

— Пройдемте.

Ее кабинет примыкал к учительской с другой стороны и был бы уютным, если бы в нем стояло поменьше шкафов с папками, журналами и мешочками с наборами рун. Над столом висел портрет Одина. О том, что завуч — женщина, напоминали лишь кружевные занавесочки на окнах и несколько дамских безделушек на столе. Но все они были небрежно сметены ладонью в угол, когда дама Морана усадила меня в свое кресло и разложила передо мной расчерченный пергамент.

— Я применила к вам классический прием гадания, — начала объяснять она. — Трижды по три руны: прошлое, настоящее и будущее. Потом просмотрела, какие руны из каких групп выпали, в каком положении и сколько раз. Вот ваша схема.

Рисунок был мне непонятен — двадцать четыре классические руны были сгруппированы в восемь групп по три руны. Все тройки образовывали круг, подобный годовому (в магическом календаре восемь месяцев вместо двенадцати у простых смертных. — Напоминание автора). И некоторые руны из разных троек были соединены линиями.

— В каждой тройке первая руна означает направление заклинания, задаваемое гадающим, — продолжала объяснения завуч. — Вторая — базу, необходимую для действия заклинания, и третья — новое, итоговое, направление. Вот что получилось у вас при простейшей расшифровке. Прошлое: обратное значение руны Кано — «омрачение», обратная же руна Вуньо — «кризис» и обратное же значение руны Перт — «смерть прошлого». И в самом деле — у вас умерло привычное вам прошлое, вы дважды меняли имя и семью, и оба раза это было связано со смертью — сперва родителей, потом вас как Эмиля Графа. Оба раза это сопровождалось омрачением.

Ваше настоящее — это то настоящее, которое было в начале учебного года и частично продолжается сейчас. Это опять-таки руна Кано в обратном значении «омрачение» — вы продолжаете чувствовать тревогу и боль. Но две другие руны — это Фе — «приобретение» и Уруз — «получение новой формы». Я растолковала это как ваше становление в роли учителя и приобретение жизненного опыта — именно через омрачение, ибо руна Кано легла в этой тройке второй, то есть была базой для действия заклинания.

— Согласен, — кивнул я. — Решение приехать в Школу МИФ я принял отчасти вопреки совету не покидать город.

— Это подтверждает мои выводы, — продолжала дама Морана. — Ну и будущее... кстати, оно еще не настало, как и ваше настоящее еще не закончилось... В будущем еще три руны...

Внезапно она осеклась и пристальнее взгляделась в пересекающиеся линии. Потом провела пальцем по ним, что-то шепча, повернула карту вверх тормашками, долго рассматривала под этим углом и наконец вернула в первоначальное положение.

— Хм, — помолчав, сказала завуч, — я точно помню, что выпадали другие руны. Было

Фе-обратное — «отчуждение», Перт-прямое — «поиск» и Райд-прямое — «путь». Поиск своего пути через отчуждение всего прежнего. А теперь Ансуз-прямое — «получение чего-либо», Райд-прямое — «путь» и Кано-прямое — «обновленная ясность». Путь к получению обновленной ясности. Хм... Ваше будущее изменилось само.

— И что это значит? — спросил я.

— То, что вы можете остаться, — помрачнев, ответила дама Морана. — Более того — вы просто обязаны так поступить.

Глава 11

Еще никогда за полгода у меня не было такого светлого чувства, когда я возвращался к себе в комнату через стенку от живого уголка. Я вдруг понял, что мне нравится здесь жить. Это место стало моим домом. И пусть в комнате было тесно, а в каминной трубе иногда противно выл ветер, и пусть иногда за стеной до полуночи шумели драконы и грифоны, мешая уснуть, а запах просачивался, несмотря ни на какие меры предосторожности. Зато я знал, что здесь я на своем месте.

Урок, с которого меня сорвали, уже закончился, и шестикурсницы разлетелись. Но у дверей маячила одинокая фигурка.

В последнее время всякий раз появление одинокой фигуры у моих дверей я воспринимал как начало очередной проблемы, но на сей раз это был не Даниил Мельхиор. Меня ждала Вероника.

— А ты почему не на уроках? — поприветствовал я ее.

— А, — девушка махнула рукой. — Предметную магию один раз можно прогулять — дама Труда никогда за это не ругает, если ты выполнила домашнее задание. А после предметной у нас магия слова, но до нее еще полчаса. Я успею.

Она выглядела беззаботной, но что-то в ее поведении меня насторожило.

— Вы уезжаете? — кивнула она на чемодан в моей руке.

— Нет. Я остаюсь.

— Это хорошо. А то без вас будет так скучно... А вы не боитесь?

— Кого?

— Белого Мигуна.

— Нет.

Девочка взглянула на меня расширившимися от изумления глазами. Видимо, мой престиж поднялся для нее на недостижимую высоту. Что ж, учитель и должен быть примером для ученика — пусть даже и в таком странном и непривычном вопросе.

— Ух ты, — только и выдохнула Вероника.

— Так что в пятницу я спрошу у вас домашнее задание.

— Ой! — Ее восхищение мигом растаяло. — Какое?

— Водяные змеи. Места обитания, основные представители отряда, образ жизни и отличительные признаки. Передай своим подружкам. У тебя все?

— Нет, — вздохнула она. — Мастер Мортон, с вами можно посоветоваться?

— Говори. — Я поставил чемодан на пол.

— Не здесь!

Я пожал плечами и распахнул дверь в тамбур. Вероника бочком проскользнула мимо меня в мою комнату. Мне было ужасно неудобно — во-первых, я все-таки учитель и пускать в свое жилище ученицу не должен, а во-вторых, у меня после сборов остался жуткий беспорядок. Но девушка сама поняла, что зашла слишком далеко в буквальном смысле слова, и остановилась на пороге, теребя ремень сумки, висевшей через плечо и взволнованно озираясь по сторонам. Она явно собиралась с силами, чтобы заговорить, и я дал ей время, занявшись уборкой.

— Я слушаю, — напомнил я, кое-как придав комнате приличный вид. — Что ты хотела

мне сказать?

— Мастер Мортон, вы знаете, что в школе есть... ну, один человек, который мне нравится, — запинаясь, начала Вероника. — Он очень сильно мне нравится. Ну я даже не знаю, как сказать! Я даже гадала, вот!

— Понятно. А я тут при чем?

— Но вы же и... То есть я хочу сказать, что я хочу с вами посоветоваться. Понимаете, он не обращает на меня внимания. А я не знаю, как...

— Как сказать, что он тебе нравится?

Она кивнула с убитым видом.

— Я вот тут письмо написала. — Девушка полезла в боковой карман сумки и достала сложенный вчетверо листок. — И хотела вам отдать, чтобы вы прочли.

— А я-то тут при чем?.. А, понимаю. Девчонки разболтают, а мальчишки тем более догадаются. Так?

— Так. — Вероника вертела листок в руке, — И вы скажите потом... или нет; ничего не говорите, потому что так будет только хуже.

— Ладно, — я протянул руку, — давай письмо. Я сейчас прочту...

— Нет, — девушка отпрянула, — не сейчас! Потом!

— Когда ты уйдешь?

Она быстро кивнула, бросила письмо на тумбочку и выскочила вон.

Я развернул тетрадный лист и с первых же строк почувствовал, что пол опять уходит у меня из-под ног.

«Максимилиан Мортон! — выведено было вверху аккуратным девичьим почерком. — Я очень давно хочу вам сказать, что вы мне нравитесь. С самого первого урока, когда я увидела вас, и даже раньше, в самый первый день. Вы такой замечательный, такой умный, такой красивый и так здорово умеете рассказывать. Вы спите мне каждую ночь, только не догадываетесь об этом. А когда я уезжала на каникулы, я каждый день ждала, что опять начнем учиться и я опять увижу вас. Вы мне очень нравитесь. Вероника».

Первым моим побуждением было броситься вдогонку и вернуть дерзкой девчонке письмо, а заодно прочитать ей лекцию о том, что так поступать нельзя. Но что-то остановило мой порыв. Может быть, то, что за последние дни я устал и просто не хотел никуда идти. А может быть, потому, что мне до сих пор ни разу не писали девушки?..

Как бы то ни было, но я решил подождать до пятницы, то есть до следующего занятия, чтобы хорошенько все обдумать и дать девушке достойный ответ.

Но в пятницу на рассвете меня разбудил звонок от директора — в четыре утра наконец-то ожила кольчуга Викинга.

С некоторых пор она стояла в кабинете мессира Леонарда, заключенная в пентаграмму с сигнализацией, чтобы директор не прозевал момент перевоплощения, ибо предсказать, сколько времени дух Рыцаря пробудет в том или ином доспехе, практически невозможно. Пентаграмма должна была предупредить мессира Леонарда, что доспех ожил, и заодно мешала духу покинуть кольчугу раньше срока.

Признаться, я совсем забыл об этом и, пока не вбежал в кабинет и не увидел светящуюся пентаграмму и оживший доспех, даже и не думал, зачем меня зовут.

Викинг был в ярости. Он размахивал топором, топал ногами и изрыгал проклятия сразу на двух языках — древнешведском и современном исландском. Пентаграмма искрила, ее контуры колебались, а пламя свечей моталось и едва не отрывалось от фитилей. Сильно пахло гниющими морскими водорослями, китовым жиром и свиньями.

— Сейчас же отпустите меня, трусливые щенки Фенрира! — орал Викинг. — Оглодыши турса! Плешивые дети Локи! Сухопутные крысы! Куда вы все подевались? Идите сюда, моя секира отведала ваших тупых голов! Я вам покажу, как пленять доблестного воина из дружины самого Рагнара. Кожаные Штаны! Вы у меня подавитесь своими кишками, вонючие свиньи!

Мессир Леонард ходил кругами вокруг пентаграммы и спокойно ждал, когда отбушует

Викинг. Попасть в такую ловушку позорно для любого призрака, поэтому все остальные учителя входили в кабинет тихо и вставали в стороне. Директор как специалист по потустороннему миру должен был вести этот диалог.

Наконец Викинг выдохся. Он перестал метаться и прыгать, тяжело оперся на рукоять секиры и огляделся по сторонам. Нижняя часть его шлема, как у всех викингов, отсутствовала, поэтому шлем как бы висел в воздухе и только поворачивался из стороны в сторону.

— Выходите! — хрипло выдохнул он. — Я не вижу вас. Нет чести, коли кто решит напасть со спины!

— Здесь никто не собирается на тебя нападать, — примирительно произнес мессир Леонард.

Викинг мгновенно встал в боевую стойку.

— Сына морей не испугают голоса! — воскликнул он. — Выходи! Я буду драться!

— Я отпущу тебя с миром, если ты всего-навсего ответишь на несколько моих вопросов.

— Отпусти — и я расскажу все, что знаю!

Лично с моей точки зрения, надо было сперва взять с призрака какую-нибудь клятву, но мессир Леонард не стал этого делать, а просто наступил копытом на край пентаграммы, разрушая четкие линии. Свечи мигом погасли, рисунок перестал искриться, и Викинг расслабился настолько, что сдвинул шлем на затылок, еще больше обнажив пустоту на месте головы.

— А, кого я вижу! — воскликнул он. — Ты, родич козлов Тора? Какими судьбами ты очутился в этом преддверии Хеля?

— Это мой дом, — с достоинством поклонился директор.

— А как здесь оказался я?

— Это я перенес тебя.

— Ты?

— Мне надо у тебя кое-что узнать. Дело не терпит отлагательств, и, надеюсь, ты сможешь нам помочь.

— Клянусь молотом Тора — расскажу все, что знаю!

— Хорошо. — Директор уселся на пол перед Викингом. — В таком случае нам надо знать только одно — что ты видел ночью в холле школы?

Когда это было — спрашивать бесполезно. Дух Рыцаря, перелетая из доспеха в доспех и из эпохи в эпоху, всякий раз возвращался в тот самый час, когда покинул доспех. Поэтому для Викинга последним воспоминанием был именно тот почти недельной давности случай в холле, как для Гладиатора — его беседа с «императором».

— Зловещий знак, — помолчав, изрек Викинг. — В нем таилось такое зло, что даже Локи было бы не под силу его создать. Скажу больше — даже сама Хель была бы перед ним бессильна. Я испугался, увидев его. Мне показалось, что настал Час Рагнарека. Я испугался... для Викинга это позор. Мне нет прощения — и я решил никогда больше не вспоминать об этом. Но ты попросил — и я вспомнил. Что мне теперь делать? Как жить? Мне нет пути в Вальхаллу, ибо в тот час, когда увидел ЗНАК, я задумался о самоубийстве.

— В этом нет твоей вины, храбрейший из храбрых, — сказал директор. — Даже я испытал нечто подобное. Но поведай нам — видел ли ты, как появился этот ЗНАК? Не мог же он возникнуть сам по себе? Его кто-то нарисовал?

— Нарисовал? Не думаю... Как можно нарисовать смерть? Или страх? Или злобу? Нет, он появился сам... Но появился не сразу. Сперва засветилась стена. Потом ее очертания стали меняться. Камень как бы потек. Свет становился все ярче, у меня заболели глаза, я отвернулся, закрыл лицо руками, а когда решился открыть глаза, ЗНАК уже сиял на стене.

— Но кто его нанес? И вообще — происходило ли что-то перед тем, как начала светиться стена? Может быть, ты заметил какое-то движение? Или услышал какой-то звук?

Викинг поскреб себя рукавицей по шлему.

— Звук? Движение? — проворчал он. — Помню-помню. Я ведь стоял на страже. Рагнар Кожаные Штаны поставил меня в дозор, и я должен был следить, чтобы никто не подобрался близко — ведь нам пришлось заночевать на берегу. Рагнар доверял мне... Да, я слышал шаги. Кто-то тихо спускался вниз по боковой лестнице. Он шел так осторожно и шаги были такие легкие, что даже я не сразу понял, что означает этот шорох. Потом встал в засаду — а вдруг, подумал я, этот злодей замышляет напасть на спящих? Я стоял, я ждал, но... никого не увидел.

— Как так? Ты же должен был видеть!

От привидений скрыться нельзя. Они видят людей не глазами, а ощущают исходящее от них тепло. Поэтому, если тебя преследует призрак, спрятаться практически невозможно. Но, с другой стороны, убежать от него можно, затерявшись в толпе — ведь для призраков большинство людей одинаковы. Но чтобы призрак не увидел человека?

— Этот некто явно был могущественным ворлоком, ибо его окружал такой плотный магический кокон, сквозь который не в состоянии пробиться взгляд. Он прятал свою истинную личину под другой. Я даже удивился, увидев этот облик. Такого просто не может быть.

— Он принял облик другого человека?

— Да!

Мы переглянулись. Дело принимало неожиданный оборот. Спурий, единственный настоящий оборотень среди нас, занервничал.

— Это что же выходит? — воскликнул он. — Среди нас еще один оборотень? Или... или это был я?

Лилита, с которой он последнее время приятельствовал, схватила его за руку.

— Последнее, Викинг, — произнес мессир Леонард, — ты мог бы опознать этого мага? Было в нем что-то, что ты запомнил?

— Личина другого, — был ответ. — Это все, что я запомнил. Теперь я свободен?

— Да. Но возвращайся, если вдруг что-то вспомнишь.

Доспех Викинга кивнул шлемом и вдруг упал на пол, рассыпавшись на детали, ибо дух Рыцаря покинул его и помчался прочь. Мы озирались по сторонам.

— Ну, — нарушил молчание Черный Вэл, — что вы теперь придумаете, чтобы обвинить меня, дама Геррейд? Этот незнакомец — маг. А я лишен магии.

Завуч уже открыла рот, чтобы начать возражать, но директор покачал рогатой головой.

— На сей раз он прав, дама Морана. Тот, кто надел на себя чужую личину... Хм, от привидения может укрыться только настоящий маг. Я думаю, это не он.

— Или у него есть сообщник! — все-таки выкрикнула она.

— Как же вы меня ненавидите, дама Геррейд, — выдохнул Вэл. — Теперь я понимаю, почему Агнар покончил с собой. Но клянусь, если бы вы были моей матерью, я бы не стал умирать сам — я бы постарался сперва отправить на тот свет вас!

Завуч побелела от ярости. Она уже развернулась к зелейнику и вскинула руки к амулету, готовясь к поединку. Я, волей судьбы оказавшийся в опасной близости от обоих спорщиков, поспешил отодвинуться, чтобы меня не задела. Конечно, дама Морана не бог весть какой боевой маг, но против ее заклинаний у Вэла вообще нет никакой защиты. Он даже не взял с собой на совещание свои стилеты.

— Немедленно прекратите! — Мессир Леонард еле успел встать между ними. — Взрослые же люди! Какой пример вы подаете детям? Какой пример для молодых педагогов? Какой позор! Обоим! Вкачу выговор за отвратительное поведение! Поняли? — Глаза директора горели зловещим огнем. Если бы я встретил его в глухом лесу, когда он в таком состоянии, наверняка бы подумал, что передо мной не безобидный пука, а исчадие Преисподней. — Немедленно извинитесь, Черный Вэл!

— Дама Морана первая оскорбила меня, — ледяным тоном процедил тот. — Я имею право на сатисфакцию.

— Кто из вас прав, а кто виноват, есть способ выяснить, — притопнул копытом

директор. — И для этого вовсе не обязательно устраивать тут судебные поединки. Помогите мне! Вы оба!

Развернувшись, он прыжками умчался в глубь кабинета. Дама Морана и Вэл прожгли друг друга ненавидящими взглядами, но молча двинулись следом.

Берегиня с шумом выдохнула воздух и вытерла ладонью лоб.

— А я уж думала — кого из них мне придется нейтрализовать, — проворчала она.

— Вэл становится совершенно невыносимым, — капризным тоном пожаловалась Лыбедь и как бы между прочим взяла меня под руку. — Вы не находите, Максимилиан? Он просто чудовище!

— Внешность мессира Леонарда тоже довольно двусмысленна, однако же никто не считает его бесом, — парировал я.

— Ах, разве я имею в виду лицо и фигуру? А что вы скажете о душе? Она же у него черная и насквозь пропитана ядом! Он сам — яд в чистом виде. Всегда нелюдимый, грубый, холодный... Бр-р! — и учительница магии танца придвинулась ко мне вплотную. Откровенно говоря, я не обрадовался такому вниманию. Оно показалось мне по меньшей мере неуместным в подобной ситуации.

Тем временем мессир Леонард дал своим невольным помощникам четкие указания, и, вернувшись к нам, они выставили в центр круглый стол, вокруг которого расположили тринадцать стульев. На черное сукно аккуратно были разложены атрибуты для вызова духов, зажжены ароматические свечи. Директор одним прыжком запрыгнул на свое место и встал, упираясь передними копытами в стол.

— Прошу садиться по кругу.

— Мы будем вызывать духов? — поинтересовалась леди Ульфрида.

— Не духов, а всего одного духа. И наш доблестный Викинг, только что побывавший тут, подсказал мне, кого именно.

— Неужели Рагнара Кожаные Штаны? — всплеснула руками Маска. — О, это была исключительная личность. Полная таинственности и романтики. Его смерть была просто ужасна. Но, право слово, жаль, что с течением веков такой изумительной личности не приписали никаких божественных свойств...

— Потому, дорогая, что у викингов и без того было много богов, а вот среди героев всегда много вакансий. Ибо только герои должны встать в свиту Одина, когда начнется Рагнарек. Поэтому героев требовалось много. На целых две армии, — со знанием дела объяснил директор. — Нет, я решил вызвать дух Локи.

— Только не это, — засуетилась Труда. — Только не его! Этот пересмешник не скажет вам ничего путного, и хорошо еще, если просто посмеется над вашими вопросами. Мой вам совет — хотите ответа, так призовите самого Отца Побед.

Дама Морана выразила свое горячее согласие, но мессир Леонард покачал головой.

— По ряду причин я склонен более доверять именно Локи, — категорично заявил он.

Сказать по правде, я никогда не присутствовал на настоящих спиритических сеансах — не тех, о которых пишут в книгах и снимают кино простые смертные, поэтому здорово волновался. Нам ничего не приходилось делать — вся подготовка легла на плечи и спину нашего медиума, мессира Леонарда, а мы лишь должны были удерживать круг. Сосредоточиться мне мешала сидевшая справа от меня Лыбедь. Она так крепко сжимала мою руку и так прижималась под столом коленкой к моему колену, что от волнения я пропустил большую часть увертюры и очнулся, лишь когда слева от меня зашипела сквозь стиснутые зубы дама Труда. Старушка явно недолюбливала бога-пересмешника.

— Начинается, — прошептала она.

Внезапный порыв ветра задул свечи — все, кроме одной, мерцавшей в середине стола. В воздухе пахло сыростью, холодом и гнилью. На сердце навалилась тоска, да такая, что захотелось плакать. Я до боли закусил губу и услышал, как тихо застонала рядом Лыбедь. Неужели все чувствовали то же самое? В полутьме я почти не различал лиц, холод мешал повернуть голову. Я был словно парализован и мог смотреть только чуть выше пламени

свечи, где в воздухе колебались какие-то неясные тени.

— Отец Лжи, Прародитель Чудовищ, Предводитель Мертвецов, Противник Хеймдалля, Похититель Идун, Побратим Одина, казненный асами за свои дела, — прогремел откуда-то издалека изменившийся голос директора, — ответь нам!

Послышалось скрежетание цепи и злое змеиное шипение. Я похолодел в предвкушении того, что мы сейчас услышим, но более не раздалось ни звука.

— Локи-трикстер, Отец Лжи, Прародитель Чудовищ, слышишь ли ты нас? — мессир Леонард чуть повысил голос.

— Слышу-слышу, — вдруг раздалось ворчливое. — Чего вам не терпится? Пожар, что ли?

— Локи, ответь, где ты!

— Здесь... Дома.

Я покосился по сторонам. Похоже, все шло не совсем так, как планировалось. Я уверился в этом, потому что следующий вопрос был:

— Что ты там делаешь?

— Сейчас ем.

Теперь уже онемел даже наш директор. В самом деле, трудно было предугадать такой ответ.

— То есть как — ешь? А разве...

— А что, у меня уже не может быть выходного? Я вырвался на один час, мечтал расслабиться в домашней обстановке, а тут вы... Говорите быстрее, чего надо, у меня время не резиновое!

— В Школе МИФ появился некто, кто мечтает возродить секту Белого Мигуна. Он неуловим, у нас нет ни одной улики, нет ничего, чтобы отыскать и остановить его. Его деяния так же непредсказуемы, как в свое время были твои. Помоги нам — подскажи, кто это, или хотя бы укажи, как нам искать.

— Ну, нашли чего спросить! — в пустоте послышался тихий смех. — Небось, дети по ночам колобродят, а вы с ума сходите. Ответ у вас под носом, только вы видеть его не хотите. Учитесь смотреть на мир шире. Мне отсюда, снизу, все так отлично видно — вот и вы попробуйте изменить точку зрения... Понятно?

— Понятно.

— А раз так — всем большой привет. И папаше Одину — персонально. До встречи на Рагнареке!

Новый порыв ветра задул последнюю свечу. Комната погрузилась во тьму. Впрочем, она была не совсем непроницаема — проморгавшись, я разглядел серое пятно завешанного шторами окна и силуэты сидевших вокруг меня людей. Потом леди Ульфрида протянула руку, и, повинувшись ее жесту, в камине запылал огонь. А вслед за ним загорелись и свечи — все, кроме той, что стояла в середине стола. Она каким-то образом ухитрилась сгореть до конца.

Мы осторожно зашевелились. Оказалось, что мышцы просто одеревенели. Я так вообще почувствовал, что заоченел, и подобрался ближе к камину. Хорошо, что пламя в нем было настоящим!

— Кто-нибудь что-нибудь понял? — обвиняющим тоном осведомилась дама Морана. — По-моему нам так ничего и не ответили!

— Напротив, нам сказали, и очень многое, — чопорно кивнула леди Ульфрида, — но, боюсь, прямого ответа мы не получили.

— В этом весь Локи, — вздохнула Труда. — Никогда ничего не скажет и в то же время наговорит с три короба. За это его и не любили — за неумение выражать свои мысли.

— А мне кажется, что он нам все-таки дал дельный совет. И более того — довольно ясно, хотя и своеобразно высказал свои мысли, — внезапно подала голос Маска. — Первое — мол, дети по школе колобродят. А второе — ответ прямо перед нами, но мы просто не хотим его видеть. Не кажется ли вам, что если совместить эти два высказывания и

посмотреть на получившуюся сентенцию шире, как он советовал, то мы получим ответ: дети! Всеми виной дети! Просто мы не можем себе представить, что они на такое способны! А тем не менее именно их незакошенелые, свободные от стереотипов мозги способны выдавать порой нестандартные решения. А если мы вспомним, что сам Белый Мигун делал ставку именно на детей, то получим...

— Получим адепта Белого Мигуна в нашей школе! — воскликнула дама Морана. — Это неслыханно. Это чудовищно! Это скандал! Ребенок? Адепт Мигуна?

— Ну почему сразу сгущать краски? Может быть Белого Мигуна в школе и нет, а есть просто мальчишка или девчонка, которые решили...

— Эмиль Голда! — подняла палец Маска. — Он всегда спорит со мной на уроках — так, словно знает все намного лучше меня. Это он! Больше никому!

Моих коллег как прорвало. Оказывается, каждая могла вспомнить хоть одного ученика, который вел себя странно, вызывая или просто недопустимо. Когда в школе учился почти тысяча детей, среди них всегда может отыскаться несколько возмутителей спокойствия. Свою лепту внес даже Черный Вэл, выдав целый список неблагонадежных, по его мнению, учеников. Я же промолчал — просто потому, что ни один из моих знакомых детей не тянул на мирового злодея.

— Я поступлю по-другому, — объявила дама Морана, когда поток слов иссяк. — Просмотрю личные дела каждого. Под подозрение будут взяты все дети сектантов. Ибо только в своих семьях они могли почерпнуть необходимые сведения о секте и ее гуру.

А я подумал, что в таком случае у меня тоже есть свой подозреваемый — маленький Даниил Мельхиор, чьи родители отдали жизнь за свободу Белого Мигуна.

Но пока решили детям ничего не говорить, горячку не пороть, а взять возмутителя спокойствия с поличным. А поскольку большинство мелких пакостей в школе совершалось по ночам, то и задумали учредить ночные дежурства. Каждую ночь педагоги группами по трое должны патрулировать здание школы, особенно жилые этажи, в надежде, что им удастся застать злодея на месте преступления.

Дама Морана, конечно, была против. С ее точки зрения патрулирование — пустая трата времени. Достаточно составить список учеников, чьи родители были сектантами, и изолировать этих детей. А уж потом вызвать Инквизицию и добиться правды, кто из них на самом деле стоит за этими безобразиями. Однако мессир Леонард был против.

— Такими жестокими мерами мы не добьемся ничего путного, — возразил он на горячую речь завуча. — В школе несколько сотен учеников. Даже если детей сектантов среди них не так много, основная масса учащихся заподозрит неладное. Это существенно снизит нам дисциплину и успеваемость. Мы потеряем доверие детей. И, кроме того, сами арестованные получают душевную травму. Мы же поставим их вне закона. Абсолютно невинные мальчики и девочки будут считать себя преступниками, в то время как вся их вина состоит в том, что они появились на свет именно у этих родителей. Зачинщик — я чувствую это — один. Если у него есть сообщники, то их мало — двое или трое. Отыскать надо их и вовсе не обязательно для этого портить жизнь остальным. Ну, и наконец, если это действительно дети, то они рано или поздно попадутся на месте преступления... И самое главное — НИКАКОЙ ИНКВИЗИЦИИ! Вам это понятно, дама Геррейд?

Завуч нахмурилась и что-то пробормотала себе под нос. А я, глядя на выражение ее лица, почему-то подумал, что такие, как дама Морана, способны на многое. В том числе и на то, чтобы самой стать во главе новой секты, а в случае провала умело подставить вместо себя злейшего врага.

После этого началась жеребьевка.

— У нас трое мужчин, — заявил мессир Леонард, развалившись в кресле. — Значит, будет три группы по четыре педагога. Одну возглавлю я, другую отдаю Спурию, а третью прошу взять вас, лорд Вэл.

Названные кивками выразили согласие.

— Простите, а как же я? — удивился ваш покорный слуга. — Я ведь тоже... м-м...

мужчина!

— В самом деле, — горячо поддержала меня Лыбедь, вцепившись в мой локоть. — Максимилиан тоже мог бы возглавить одну группу. Я согласна патрулировать вместе с ним!

— Нет, — покачал рогами директор, — Мортону трогать не будем. Если дело действительно серьезно, он может оказаться в опасности. А вас, Лыбедь, я включу в свою группу. Третьей прошу быть вас, леди Ульфрида.

— Тогда я буду в группе Черного Вэла, — категорично заявила дама Морана и так посмотрела на зелейника, что я от души ему посочувствовал. Двумя другими членами ее группы стали неразлучные подруги Маска и Сирена.

Спурий, заметив, что дележка идет полным ходом, поспешил отхватить себе Берегиню. Старой воительнице было абсолютно все равно, с кем дежурить. Лилита, конечно, не рассталась с оборотнем, а четвертой они взяли даму Труды, предпочтя ее Невее Виевне. Связываться с лихоманкой никому не хотелось, но мессир Леонард был лишен ксенофобных предрассудков и пригласил ее к себе.

С интересом наблюдая за перипетиями дележа, я обнаружил, что остался один.

— Но я тоже хочу вместе с вами, — возмутился я. — Мессир Леонард, я не подведу, честное слово!

— Ваше рвение похвально, но там может быть слишком опасно для вас, Максимилиан. Кроме того, тринадцать поровну не делится.

— Но тогда почему бы не остаться вам? Вы директор и обязаны быть координатором наших действий, а не рядовым исполнителем! — настаивал я. — Ну, а если вы так боитесь за меня, то я согласен быть в вашей группе и обещаю во всем вас слушаться!

Я сам не знал, что заставляет меня настаивать на участии в патрулировании. Возможно, желание доказать, что и я, самый молодой в коллективе, чего-то стою. А может, дело было в том, что именно за мной охотился Белый Мигун или его приспешники, и я рассчитывал, что приманю их, как на живца. Или же чувствовал, что здесь нечисто и надо сперва разобраться в происходящем, а уж потом думать, что делать. А может быть, причина заключалась в том, что мне дали понять мою особенность и уникальность как раз когда я твердо решил быть, как все, и ничем не выделяться. Как бы то ни было, но я был готов даже тайно отправиться уже завтра бродить по школе, однако именно в это время мне пришла помощь.

— Макса могу взять я, если на то пошло, — подняла руку Берегиня. — Мне все равно, в какой группе быть, но если паренек так рвется в бой, то обещаю за ним присматривать.

Она подмигнула мне, и я подумал, что предстоящее мероприятие обещает быть если и не легкой прогулкой, то, во всяком случае, запоминающимся событием.

Этот день был пятницей, то есть у меня было пять пар уроков — три у семикурсников и два у шестых курсов. Одной из групп, посетивших меня, была девчоночья, в которой училась Вероника Корбут-Вайда. Половина девушек не выполнила домашнее задание, наверное, решив, что учителям не до уроков, а вот Вероника отчаянно тянула руку и просилась отвечать. Но я, помня ее письмо, нарочно игнорировал ее молящие глаза и только когда прозвенел звонок, подозвал девушку к себе.

Она подлетела, взволнованная, испуганная и такая сияющая, что не заметить выражение ее глаз мог только слепой.

— Я вам нужна? — выпалила она.

Я дождался, пока большая часть группы покинет аудиторию. Задержались только ее подружки, Кристина и Инга.

Некоторое время я молчал, собираясь с мыслями.

Вероника кусала губы, стоя передо мной.

— Вы прочли мое письмо? — наконец пришла она мне на помощь.

— Прочел. — Я достал из классного журнала листок. — И если ты думаешь, что напишу ответ, то сильно ошибаешься... Пойми, Вероника, ты... хорошая девушка. Умная, добрая... красивая. — Я не смотрел в ее лицо, отчаянно подбирая слова. Накануне у меня было время все обдумать, но сейчас заготовленная речь вылетела из головы и приходилось

импровизировать на ходу. — Ты, наверное, нравишься многим мальчикам... Я... могу тебя понять. У нас в Школе Искусств тоже была молодая учительница. В нее были влюблены все старшекурсники, в том числе и мой брат. Я это точно знаю, потому что два раза носил его записки к ней. Но она... Она не ответила. Никому. И не потому, что не нашла достойного. Просто она была учительницей, а мы были детьми. Пусть и почти взрослыми, но — детьми... Пойми, Вероника, где-нибудь в другом месте я бы, наверное... Но не в школе же! Ты подумала о том, что будет, если кто-нибудь узнает? Ведь это же скандал, а у нас и без того много проблем. Нельзя, понимаешь? Нельзя!

Девушка молчала, не перебивая меня, и я наконец посмотрел на нее. Вероника предпринимала отчаянные усилия, чтобы не разреветься. Однако маленькая слезинка уже бежала по ее щеке, несмотря ни на что.

— Успокойся. — Я протянул ей платок. — Вытри слезы. И попробуй меня понять...

— Вы... вы меня не поняли. — Вероника уже начала всхлипывать.

— Да понял я, понял! Мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, когда я влюбился в первый раз. Но не в учительницу! Мою избранницу звали Настя Мельник, она была из России, из города Дедославля. Самая красивая девушка в школе! Я ходил за нею, как тень, посвящал ей стихи и был готов прыгнуть ради нее в болото и переночевать в курганах Заславля. А она не обращала на меня никакого внимания, потому что рядом были парни выше меня ростом, шире в плечах и великолепные спортсмены. К тому же она хотела выйти замуж только за русского. И я это пережил.

— Зачем вы мне это рассказываете? — насупилась Вероника.

— Затем, чтобы ты поняла — первое чувство, конечно, прекрасно, и я не осуждаю тебя за это. Но первая любовь никогда не бывает счастливой. Пройдет время, ты закончишь школу, поступишь в институт или колледж и встретишь там своего ровесника. А я...

Я хотел сказать «слишком стар для тебя», но оборвал сам себя. Как часто непонимание рождается именно из-за возраста! Я старше — и между нами пропасть. Но то, что непреодолимо в юности, в зрелости не замечаешь. Я был старше Вероники на каких-то шесть с небольшим лет... Вспомнилось, что дама Алиса, моя приемная мать, была младше своего мужа, Эмиля Графа-старшего, на восемь лет. А разница в возрасте моих настоящих родителей была четыре года. И я закончил не так, как хотел:

— Я все-таки твой учитель, Вероника. Такие отношения... это не принято, понимаешь?

— А если бы... — Девушка вскинула на меня глаза. Тушь на ее ресницах все-таки потекла, и она вытирала ее моим платком, оставляя темно-синие разводы. — А если бы я училась в другой школе? Не в МИФ? Тогда все было бы по-другому?

— Не знаю, — подумав, признался я. — В любом случае тебе надо сначала получить образование, а уж потом устраивать свою личную жизнь. Поняла?

Она кивнула.

— Вот и хорошо. Иди. Скоро звонок на урок, а тебе еще надо привести свое лицо в порядок.

Она вытащила зеркальце, ойкнула и поспешила к двери, на ходу поправляя макияж. Но уже на пороге обернулась:

— А вы не сердитесь?

— Нет, — ответил я.

— А можно... можно я все-таки буду к вам заходить? В живой уголок?

— Ну заходи.

Девушка ушла, забыв у меня свое письмо. Сначала я хотел его выбросить, но потом пожалел и решил, что отдам владелице чуть позже.

До конца дня я пребывал в не совсем радужном настроении. В конце концов, Вероника не совершила ничего предосудительного. Конечно, она поступила ребячески, но ведь за влюбленность еще никого не сажали в тюрьму. В глубине души мне было даже приятно, что в меня влюбились, и образ русской красавицы Анастасии немного померк в моем сердце.

Сегодня вечером первая группа «патрульных» должна была выйти в коридоры школы.

Договорились, что наибольшее внимание уделят жилым этажам — ведь злоумышленник живет именно там. Заранее предупредят привидений, чтобы они поднимали тревогу в отсутствие патрульных, а также расставили охранные заклинания.

После ужина я сидел у себя, раздумывая, чем бы занять вечер. Выбор у меня был — живой уголок или только что присланные на мое имя журналы по криптозоологии. Можно было также написать письмо Графам — со дня праздника Йоль я не давал о себе вестей. Дама Алиса будет очень рада...

Примерно в это время послышалось царапанье в дверь.

— Максимилиан, — осторожный шепот заставил меня вздрогнуть, — к вам можно?

Это был голос Лыбеди. Учительница танцев вплыла в мою комнатку легкая и невесомая, как облако, в бело-голубом наряде, отороченном невероятным количеством рюшей и оборок, и принесла с собой аромат жасмина. Судя по ее внешнему виду, она собиралась на бал, а не в ночной патруль.

— Вы еще не спите, Максимилиан? — проворковала она, грациозно обходя кресло, с которого я только что вскочил.

— Нет-нет. Еще рано. До отбоя почти два часа...

— Два часа, — промурлыкала она. — Есть время.

Лыбедь огляделась, и я почувствовал себя неуютно. Хотя и поддерживал порядок, мне вдруг показалось, что в комнате слишком много вещей. Книги и журналы валялись повсюду. Поверх них можно было встретить бытовые мелочи от расчески до бритвы, а постель я заправлял от случая к случаю. Кроме того, здесь еще оставалась часть вещей и мебели прежней владелицы комнатки.

— Вы здесь живете? — Лыбедь потянулась так томно, что я невольно сжал кулаки. — Милое местечко. Мне тут нравится!.. А как вы находите мое платье?

Привлекая к себе внимание, Лыбедь крутнулась на месте и обнаружила ноги такой длины и формы, что у меня от волнения пересохло в горле. А учительница танцев плюхнулась в кресло, взметнув подол, и снизу вверх стрельнула в меня глазами:

— Может быть, предложите даме бокал?

— Я не пью. — Под ее насмешливым взглядом я почувствовал себя ребенком.

— Что, совсем?

— Ну, только если на банкете.

— Жаль... — Лыбедь огляделась, явно подыскивая тему для разговора, и вдруг вскочила.

— Вы невозможный человек, Максимилиан! — воскликнула она. — К вам в гости пришла дама, а вы... Ох, Максимилиан, если бы вы только знали!.. Ну почему вы такой черствый? Что вам стоило сегодня утром немного настоять на своем? Скажите откровенно, неужели вам хочется тащиться в это патрулирование да еще с Берегиней? Старуха помешана на боях. Вот увидите — она нацепит на вас сразу две кольчуги, шлем, прочую амуницию, даст в каждую руку по топору и заставит стоять на часах. Спурий с Лилитой будут озабочены только тем, как бы найти уголок поуютнее, чтобы помилиться лишний раз, ну а даму Трудю можно не принимать в расчет. В мире простых смертных она была бы вахтершей или старой техничкой. Эта компания не для вас! — Лыбедь схватила мою руку и прижала к пышной груди. То, что грудь пышная и мягкая, чувствовалось сквозь кружева, и у меня закружилась голова.

— Знаете что, переходите в нашу группу! — вдруг воскликнула Лыбедь с таким видом, словно эта идея посетила ее только что. — С нами вам не будет скучно, вот увидите. Мессир Леонард и Невея заранее учуют, если кто-то появится поблизости, а мы с вами...

— Есть еще леди Ульфрида, — напомнил я.

— О, она нам не мешает! Когда-то, наверное, тоже была молодой... Скажу откровенно — по мне, так пусть она была бы завучем, а не дама Геррейд. Единственным завучем!.. Так вы придете, Максимилиан?

— Не знаю. — Я попытался высвободить руку, но не тут-то было. — Я подумаю.

— Сбор через два часа в учительской. Я вас буду очень ждать, Максимилиан! Вы не пожалеете, — с придыханием произнесла Лыбедь и придвинулась ко мне. На меня пахло жасмином. Голова закружилась еще сильнее. Еще немного — и я бы поддался соблазнительнице, но тут рядом послышался шорох.

Мы обернулись и окаменели. В дверях стояла Вероника. Девушка была в комбинезончике — видимо, пришла работать в живой уголок. Расширенными глазами она пожирала нас, почти державших друг друга в объятиях.

Первой опомнилась Лыбедь.

— Это что такое? — воскликнула она, отпуская мою руку. — Тебя разве не учили хорошим манерам? Во-первых, когдаходишь, надо стучать и уже потом спрашивать разрешения войти. И смирно ждать снаружи, когда разрешение будет даровано. А во-вторых, к учителям вообще нельзя заходить в их комнаты. Если что-то нужно, отправляйся в учительскую и спроси там. А насчет прочего — дожись уроков. Что ты здесь делаешь?

— Я... Я пришла в живой уголок и...

— Вот и отправляйся в живой уголок! Стой! — встрепелась Лыбедь, когда Вероника попятилась. — А извиняться за тебя кто будет?

Девушка обратила на меня беспомощный взгляд. Она не просила поддержки — ей даже не нужно было доказательств того, что любить меня нельзя. Она просто молча укоряла...

— Вероника, — попытался я прийти ей на помощь, — ты бы в самом деле...

— Я стучала, — прошептала девушка еле слышно.

— Что-что?

— Я стучала! — повторила она громче. — А вот вы...

Стремительно развернувшись, она бегом бросилась прочь.

— Ну и дерзкие сейчас дети, — фыркнула Лыбедь, — с ума можно сойти! Ну, я с нею разберусь!..

— Не надо, — возразил я. — Девушка не виновата в том, что я не запираю двери. Кроме того, я сам разрешил ей приходить в живой уголок в свободное время. Я не думал, что она решит прийти именно сейчас! И мне кажется, что это событие не следует выносить на широкое обсуждение. Ведь тогда встанет вопрос — а что вы делали в моей комнате?

— Я? — трагически вскинула брови Лыбедь. — Я пришла, чтобы попросить вас подежурить с нашей группой.

— А девушка пришла, чтобы поработать в живом уголке, и, поскольку живой уголок заперт, решила зайти ко мне и взять ключ, — парировал я. — В самом деле, мы же взрослые люди и не станем поднимать шум из-за мелочей!

Но Лыбедь еще долго возмущалась, и я с трудом понимал, почему. Неужели она так расстроилась из-за того, что Вероника нас спугнула? Или ее больше возмутило то, что я встал на сторону девушки? Как бы то ни было, но несколько минут спустя она покинула мою комнату, все еще рассерженная.

Разумеется, я не пошел в ту ночь в патрулирование, остался в своей комнате и до полуночи листал журналы.

... Кстати, платок Вероника мне так и не вернула!

В ночь на понедельник наступила наша очередь дежурить по школе. Две предыдущие ночи прошли тихо. Патрульные ходили по лестницам и холлам жилых этажей, поднимались до учительской и башни Невеи и спускались в холл. Вместе с ними летали привидения. Говорили, что Прилежный Ученик по собственной инициативе проверил, все ли ученики спят в своих постелях. Он дважды сосчитал всех мальчишек и преподавателей-мужчин, помножил на число девочек и разделил на обитателей живого уголка, после чего отнял от полученного числа количество нежити. Он бы придумал еще что-нибудь со своими статистическими изысками, если бы мессир Леонард не сделал ему внушения. С тех пор Прилежный Ученик слегка поумерил свой пыл и ограничивался тем, что считал, все ли ученики спят в постели.

Ночь, когда пришла пора дежурить нам, обещала быть такой же спокойной. Перед

началом новой недели всегда спится особенно сладко — организм словно предчувствует, что с утра придется погрузиться в дела, и стремится накопить сил. А вот вечером в пятницу и субботу можно расслабиться — ведь впереди выходные. В прошлом именно в эти дни в школе отлавливали полуночников.

Мы собрались возле учительской через несколько минут после отбоя. Дама Труды пришла первой и испуганно озиралась по сторонам. Оглядывались и Спурий с Лилитой — но явно больше для того, чтобы улучшить минутку и уединиться. Прилежный Ученик возник передо мной с листом пергамента наперевес.

— Согласно моим записям, в данный момент все девятьсот одиннадцать учеников находятся на свои местах в спальнях, — прошептал он. — Прошлой ночью было отмечено триста пятнадцать случаев пробуждения для посещения туалета, двадцать четыре из-за приснившихся кошмаров и семеро зачитались книгами до полуночи. А также одиннадцать человек страдают бессонницей. Их имена...

— Нас не интересуют, — перебила его Берегиня, внезапно выступив из темноты.

Мы все ахнули, а Ученик стал более прозрачным. Боевой маг нарядилась в свободную темную рубаху и штаны, подвязанные внизу ремешками. Торс ее охватывала легкая кольчуга из крошечных колечек, голову украшала широкая налобная пластина, ноги были босы. За поясом болталось несколько ножей разной длины и формы, висели три мешочка, а в руках она держала длинную палку, с обоих концов увенчанную лезвиями. Длинный плащ наполовину скрадывал фигуру, поэтому я не видел, что еще она прячет.

— Это называется глефа. С секирой было бы удобнее, — пояснила Берегиня, заметив мой вопросительный взгляд. — Но глефа быстрее... Ну что, все готовы? Спурий, ты вперед. Нам нужен твой звериный нюх. А ты, — она смерила Прилежного Ученика взглядом, — следи за всеми. И чуть заметишь, что кто-то зашевелился, — сразу докладывай мне.

— Есть, — просиял тот и растаял в воздухе. По моему мнению, задача была невыполнимая — как одно привидение уследит за девятью сотнями мальчишек и девчонок? Но Прилежный Ученик сломя голову устремился на выполнение задания.

Спурий вздохнул, стащил через голову холщовую некрашеную рубаху и отдал ее Лилите. Потом, зачем-то отвернувшись от дамы Труды, разделся весь и утвердил нож в щели пола. Полнолуние миновало еще в прошлый четверг, и оборотню приходилось прикладывать дополнительные усилия для того, чтобы сменить облик. Убедившись, что нож стоит крепко, он разбежался и кувыркнулся через него. Прыжок показался мне растянутым, смазанным. Тело Спурия зависло в воздухе, потом вспыхнуло — и на пол мягко приземлился крупный поджарый волк. Лилита вскрикнула.

— Сколько раз видела, как ты это делаешь — столько раз не могу смотреть спокойно! — произнесла она.

Так мы и двинулись в обход школы. Впереди, пригнув голову к полу, рысцой спешил Спурий. За ним обеими руками прижимая к себе его одежду, шла Лилита. За нею — я вместе с дамой Трудой. И замыкала шествие Берегиня. Она двигалась, пригнувшись и зыря глаза по сторонам, и я радовался, что иду впереди. Один раз я оглянулся, и мне стало жутко — зрачки боевого мага горели огнем, словно у нежити, а скуластое лицо напоминало череп. Так могла выглядеть только богиня Смерти. Мне оставалось лишь искренне пожалеть нарушителей спокойствия, каковые могли нам встретиться.

Глава 12

Нам повезло. До самого утра мы не встретили никого, за исключением привидений, нескольких домовиков в компании брауни и двух кошек, которые жили в библиотеке, охраняя ее от мышей. Прилежный Ученик возникал несколько раз — докладывал, кто вставал в туалет. Берегиня внимательно выслушивала его доклады, потом поинтересовалась, кто вставал в прошлые две ночи, сопоставила что-то в уме, но с нами своими выводами не

поделилась.

С утра нового дня я чувствовал себя невыспавшимся, сонным и безразличным ко всему. Мне редко случалось не спать ночью — новогоднее бдение на Йоль не в счет. Тем более что во время празднования можно при желании уйти пораньше и вздремнуть, но патрулирование закончилось в шесть утра, а в полшестого я обычно вставал, чтобы накормить обитателей живого уголка. Я всегда любил эти рассветные часы — я по природе «жаворонок», — но в это утро был готов возненавидеть свою работу.

На первом уроке у седьмого класса я задал самостоятельную работу по фэйри и просидел на кафедре, клюя носом. На втором уроке я немного пришел в себя, но все равно ученики заметили, что я не в своей тарелке. Это были четверокурсники. Они воспользовались моментом и принялись шептаться, перекидываться записками и списывать друг у друга и из учебников правильные ответы. Пришлось пригрозить, что выгоню народ из класса, а у нас в школе наказание за это строгое и следует немедленно — тот, кого удалили из аудитории, после уроков остается в ней еще на три часа и занимается по предмету дополнительно. Я в таких случаях давал в руки провинившемуся ученику метлу и совок и гнал на уборку клеток. Пару раз вынесут мусор за грифонами — сразу сделаются как шелковые.

Однако наказаниями делу не поможешь. Я едва дождался большой перемены и поспешил в башню, где находился медпункт и классы для занятий целительной магией, чтобы попросить у Невеи Виевны чего-нибудь возбуждающего. Впереди меня ждали еще два занятия, и я не хотел клевать носом еще и на них.

До башни Невеи добираться было сложнее, чем до любой другой. В нее вели сразу три лестницы, но заканчивались они на трех разных уровнях башни, не сообщавшихся между собой. Надо было сперва подняться на третий уровень башни, через боковую лесенку спуститься на пятый этаж, оттуда — на второй уровень башни, с него — на четвертый этаж, но в другое крыло, а уже оттуда напрямик к медпункту. Будучи нежитью, Невея могла почувствовать, если кто-то пришел к ней за помощью, поэтому я знал, что она обязательно встретит меня на месте.

Я поднялся на пятый этаж и приостановился, размышляя. Дело в том, что кроме вышеупомянутого обычного пути существовал еще и путь короткий — по винтовой лестнице. Он был неудобнее, так как приходилось пробираться по узкой лесенке в полной темноте, держась за каменные стены, покрытые мхом и плесенью. Зато экономилось минут десять чистого времени.

«Легких путей мы не ищем», — сказал я себе и направился к винтовой лесенке. Но не дошел до нее двух шагов и замер как вкопанный.

Совсем рядом послышались голоса. И, хотя я успел изучить большую часть лестниц, мне понадобилось почти две минуты, чтобы понять, ОТКУДА исходят эти голоса, а уже потом узнать их.

На каждом этаже открывалось восемь больших и шесть малых лестниц, ведущих на соседние этажи. Было и по две-три тайных — к одной из них я направлялся. Голоса исходили из-под ближайшей большой лестницы, а вернее, из-под тесной подлестничной каморки, где обычно завхоз устраивал свои кладовочки для инвентаря. Наш завхоз, кстати сказать, существо загадочное. Мы все знали, что он есть, даже иногда видели, но вот сказать, кто это, никто не мог. Он надеялся на глаза очень редко и только для того, чтобы вручить кому-либо инструменты или доложить о неполадках. Под этой лестницей, насколько я знал, у него кладовки не было.

Лестница была широкая, каменная, с мощными лепными перилами в виде вставших на дыбы единорогов. В отличие от остальных лестниц пятого этажа, она на нем и НАЧИНАЛАСЬ, как бы выныривая из-за колонны, в которой скрывалась потайная лестница, ведущая напрямик к медпункту. В узкой щели между колонной, стеной и лестницей царила крошечная тьма. Я поставил ногу на нижнюю ступеньку — отсюда голоса звучали явственнее.

— Не надо плакать, — обманчиво-мягко прозвучал хриплый голос, в котором слышалось презрение. — Этим меня не разжалобишь.

— Но я... я правда ничего не знаю, — ответил дрожащий детский голос. — Поверьте мне...

— Есть факты. Факты — вещь упрямая... Такие же, как ты.

— Я ничего не знаю. Пожалуйста...

— Мне ведь и так известно почти все, — в мягком голосе зазвучала угроза. — Мне нужно только подтверждение — «да» или «нет». Да или нет?

— Я не знаю, о чем вы говорите...

— Не вынуждай меня применять силу.

Послышалось шипение и детский вскрик:

— Пожалуйста, отпустите! Мне больно!

— Будет еще больнее! Скажешь или нет? —

Я не знаю!

— Это не ответ! Ты знаешь все!

— Нет! — в детском голосе слышались слезы.

— Да!

Шлепок. Словно от пощечины. Я вздрогнул.

— Это... это вам так не пройдет, — уже рванувшись под лестницу, я был остановлен странными, недетскими интонациями, прозвучавшими в голосе мальчишки.

Вот это другой разговор, — мне показалось, что мучитель ребенка улыбается. — Так да или нет? Я жду!

— Нет!.. Нет! Пожалуйста! Не надо! Я...

Я не выдержал и бросился под лестницу.

Тьмы там не было. Горела крошечная зеленая лучина, и в ее неверном свете я увидел прижавшегося к стене напуганного, бледного до синевы Даниила Мельхиора, а над ним, со стилетами в руках, зелейника Черного Вэла. Волосы у мальчишки были взлохмачены, на щеке темнело пятно. Оба заговорщика чуть не вскрикнули, увидев меня.

— Что тут происходит? — спросил я.

Черный Вэл опустил стилеты. При свете лучины худое горбоносое лицо его было таким зловещим, что мне стало жутко. Казалось, передо мной сама воплощенная злость.

— Мы беседовали, — проскрипел он недовольно. — Вы нам помешали.

— Я слышал детский крик...

— Вам показалось. Идите своей дорогой, Максимилиан. У вас была трудная ночь. Советую вам отдохнуть.

— Я так и сделаю. — Собрав все свое мужество, я попытался улыбнуться в перекошенное лицо Черного Вэла. — Но сперва выясню, о чем вы разговаривали с мальчиком.

— Обычные детские секреты. — Черный Вэл улыбнулся своей жертве слащаво-уверенно. — Мы просто играем.

— Вы мучаете мальчика. — Я сделал шаг вперед, но Вэл выбросил руку и остановил меня. Стиллет сверкнул в опасной близости от моей груди.

— Вот что, Максимилиан, — прошипел он, приблизив свое лицо к моему. Его глубокие черные глаза засверкали, словно у нежити. — Не суйтесь не в свое дело, если хотите жить. Вы и так в опасности, а сейчас рискуете еще больше.

— Чем? Напороться на ваш стилет? Он отравлен, лорд-зелейник?

Я демонстративно сжал в кулаке свой амулет, показывая, что готов применить защитные заклинания. Мне практически ни разу не приходилось ими пользоваться, я даже не был уверен, что вспомню все, что сдавал на курсах самообороны, но у Вэла, очевидно, в этом тоже были сомнения. Он отступил, но от Даниила не отошел.

— Этот стилет не для вас, лорд Мортон, — сказал он.

— А для кого же? Для мальчика?

Даниил не сводил с меня глаз. В них было все — страх, надежда, радость, тоска и что-то еще, недоступное моему пониманию.

— Да, для мальчика — если потребуется, — сказал Вэл.

— Не сходите с ума! Иначе я обо всем доложу даме Моране, и вас выгонят из школы.

— И это будет последним днем в вашей жизни, лорд Мортон. Вы не знаете, что скрывает этот мальчишка, а кидаетесь его защищать. Он опасен для всех — и для вас в том числе.

Даниил молчал и только выразительно мотал головой. И это молчание убеждало меня сильнее всех прочих аргументов.

— Вы сумасшедший, Черный Вэл, — сказал я. — Уходите. Или уйдем мы.

— Даниил, останься! — крикнул тот и совершил ошибку.

Сорвавшись с места, мальчик ужом скользнул между его растопыренных рук и бросился ко мне. В какой-то миг мне показалось, что Вэл готов метнуть ему в спину стилет, я рванул наперерез, закрывая ребенка собой, и понял, что правильно разгадал его порыв, потому что лорд-зелейник тут же опустил оружие.

Даниил прижимался ко мне, пряча лицо. Его худые плечи сотрясала мелкая дрожь. Я обнял парнишку.

— Тебя никто больше не обидит, обещаю! — и повел его прочь.

Вэл стоял под лестницей, как статуя. Когда мы вышли на открытое пространство, он в два шага догнал нас и за подбородок поднял голову Даниила.

— Тебе ведь не нужен такой враг, как я, — прошипел он зло. — А я могу стать врагом. И ты сто раз пожалеешь, что не позвал меня с собой. Пожалеешь, но будет поздно!

Развернулся, взметнув полу мантии, и ушел, печатаая шаги.

Даниил робко посмотрел на меня. Я взял мальчишку за руку, отпустил свой амулет и только сейчас почувствовал, как напряжены мои пальцы. Я ведь всерьез собирался драться. И против кого! Против Черного Вэла, бывшего боевика! Будучи старше меня на семнадцать лет, он имел такой опыт боев, какой мне и не снился. И его стилеты — они вполне способны заменить ему боевые заклятия. Но теплая рука Даниила сжимала мои пальцы, и я почувствовал себя увереннее. Вдвоем мы стали подниматься по лестнице к Невее Виевне — мальчик пошел за мной без разговоров.

Нежить-целительница была уже на месте. Одного взгляда на мое встревоженно-помятое лицо ей было достаточно. Она взглядом вскипятила воду, добавила в нее какую-то траву — только по запаху я узнал мяту, остальные растения мне были неизвестны, — пошептала над нею и протянула стакан.

— Я кое-что добавила в раствор, — сказала она. — Поможет не спать, но в то же время успокоит. Вы что-то перевозбуждены и взволнованны.

— По дороге сюда была неприятная встреча, — признал я.

— Надеюсь, все живы? — Невея хохотнула своей шутке и склонилась над столом, уставленным мешочками, склянками и кульками. — Терпеть не могу мертвецов. Иные так не хотят умирать, что готовы убить всех остальных — будто это им поможет. А ведь процесс разложения необратим. И кое-кому это пора усвоить.

С этими словами лихоманка так посмотрела на нас, что Даниил чего-то испугался и потянул меня прочь.

До конца перемены оставалось всего несколько минут. Я успевал только добежать до своей аудитории. Но Даниил все цеплялся за мою руку, так что пришлось сбавить темп. Проходя мимо лестницы, под которой его допрашивал Черный Вэл, мальчик вздрогнул.

— Что он хотел у тебя выпытать? — спросил я.

— Н-ничего. — Даниил отвел взгляд.

— Пойми, мне это безразлично, — сказал я, — но все-таки я должен знать, в чем дело, чтобы в случае чего смочь тебя защитить.

— Он, — мальчик прятал глаза, — он хотел узнать о моем отце. Как он умер и все такое... И не хотел верить, что я ничего не знаю.

— Непонятно, зачем ему это?

— Я не знаю, — вздохнул Даниил. — Но я его боюсь.

— Я тоже, — сказал я и твердо решил, что доверять Черному Вэлу больше не буду.

Даниил был явно напуган происшествием, и я забрал его с собой, усадив в кабинете для практических занятий, чтобы мальчишка пришел в себя и отдохнул.

Одно в этой истории меня настораживало — только я и Даниил знали правду о смерти его отца. Откуда это стало известно Вэлу?

В ту ночь мне приснилось что-то хорошее и доброе, но разбужен я был гнусавым звонком, который назывался Голос Школы и принадлежал директору. Мессир Леонард пользовался им в крайних случаях — когда хотел немедленно вызвать к себе педагогов. Прозвучал он ровно за пять минут до того, как сработал мой будильник.

В ту ночь дежурила группа самого директора, и я не сомневался, что он зовет нас, чтобы поделиться результатами ночного похода. Но когда я вбежал в учительскую, сердце у меня упало. Ибо в пентаграмме для нарушителей стояла Вероника Корбут-Вайда.

Девушка была в ночной сорочке и накинутом поверх нее халате, с распущенными волосами, босиком. Она прятала глаза и кусала губы, чтобы не разреветься. Я поскорее юркнул в угол, догадываясь, что ей не доставит удовольствия видеть меня сейчас. И не потому, что я ей нравился, а именно вопреки этому чувству.

Мессир Леонард маршировал перед пентаграммой, вскидывая копыта. Завуч дама Морана вошла в числе последних.

— Ага, — с порога воскликнула она, — наконец-то! Поймали?

И тут она узнала Веронику.

— Не может быть! Ученица Корбут? Это вы?

— Да, как видите. — Мессир Леонард прекратил расхаживать. — Мы обнаружили ее недалеко от учительской, в два часа ночи. Шла по коридору со свечой.

— Ну, — дама Морана встала перед Вероникой, — куда вы направлялись, позвольте спросить?

Вероника молчала. Она даже не смотрела на завуча. а чувствовал себя по-дурацки. Девушка была моей ученицей, но в то же время у меня не было сил, чтобы встать на ее защиту. Если всему виной Вероника... если это она хулиганила ночами и писала на стенах кровавые надписи, если она как-то связана с сектой...

— Признаться, я не ожидала этого, да еще от вас, ученица Корбут! — сказала завуч. — Вы из приличной семьи, за все шесть лет ни одного серьезного нарушения дисциплины, одна из отличниц, активистка и спортсменка — и вдруг! Ночные походы по школе! Особенно сейчас, когда в МИФ происходит вы-сами-знаете-что! Это наводит на определенные мысли, ученица Корбут! На очень неприятные для вас мысли! Вы понимаете, что по закону мы должны сегодня же поставить в известность Инквизиторский Совет? И тогда вас в лучшем случае исключат из школы! Что вы делали ночью на четвертом этаже?

Вероника молчала. Что она могла сказать? Я был уверен, что девушка не признается. Но тем не менее она что-то пробормотала.

— Что-что? — наклонилась к ней дама Морана.

Вероника помотала головой, отказываясь повторять.

— Молчите? Что ж, это ваше право. Но молчание не Делает вам чести! Если бы вы смогли внятно объяснить цель вашего ночного вояжа, мы бы смогли проявить снисхождение, но раз вы упорствуете... Знаете, что делали с такими, как вы, в прежние времена?

Я оглянулся по сторонам. Учителя молчали. большинство только что встали с постелей, лишь те, кто вместе с директором ходил в дозор, были полностью одеты. И все притихли, ожидая слов нарушительницы. Если бы знать хоть чуть-чуть больше, чем известно мне! Я бы мог решить, что сказать. Да даже если бы Веронику поймали до всех этих кровавых надписей, я б уже бросился на ее защиту.

— Простите, дама Геррейд, — вдруг послышался скрипучий голос Черного Вэла, — но ученица Корбут выполняла мое задание.

Девушка и завуч встrepенулись. Я вжался в стену. Совсем недавно Вэл на моих глазах допрашивал Даниила Мельхиора, чей отец был связан с Белым Мигуном, а теперь...

— Ваше задание? — прошипела завуч. — В два часа ночи?

— Рецептyра изготовления некоторых зелий предполагает, чтобы их готовили исключительно в ночное время. Также некоторые компоненты можно добыть только ночью... — В голосе Черного звучала откровенная скука. — Девушка виновата в том, что отправилась выполнять поручение не в ту ночь, когда патрулировала моя группа. Иначе я бы проследил за ее перемещениями по школе.

— Ученица Корбут выполняла ваше поручение? — Брови завуча поползли вверх. — Но она не в вашей подгруппе. Она не специализируется на предметной магии. Ее специализация — стихийная магия. Вы...

— Да, я это знаю, — скривился Черный. — Вот поэтому и возникло недоразумение.

— Ученица Корбут действительно выполняла ваше поручение? — Мессир Леонард подбежал к зелейнику. — Это многое объясняет. Но вы понимаете, что это нельзя так оставлять?

— Я ее накажу, — сказал Черный Вэл таким тоном, что у меня мурашки побежали по коже. Я сразу представил почему-то кнут, которым он выпорет Веронику, и открыл рот, чтобы вмешаться, но услышал голос зелейника:

— Засажу перебирать старые травы и толочь гранулы.

Не прибавив более ни слова, он подошел, взял девушку за локоть и уволок за собой. Я еле успел спрятаться за чью-то спину, когда ее проводили мимо.

После ухода зелейника и Вероники все вздохнули свободнее.

— Значит, можно больше не заниматься этими глупыми ночными побегушками? — томно потянулась Лыбедь. — А то как подумаю, что придется опять тащиться ночью по пустым коридорам — так дрожь пробирает!

Но при этом она обожгла меня взглядом, намекающим, что совсем не против прогуляться — но со мной наедине и вовсе не с целью патрулирования.

— Вынужден вас огорчить, любезная дама, — потряс бородой мессир Леонард. — Патрулирование продолжается!

— Почему? Неужели? Но ведь уже известно, кто нарушитель? — раздались со всех сторон женские голоса.

— Я сильно сомневаюсь, что ученица Корбут была зачинщицей. Скорее это досадное совпадение, или же она рядовой исполнитель...

— Подтверждаю, — важно кивнула леди Ульфрида. — Струны ее души колеблются, но не как у виновной. Стихия совсем иных чувств владеет ею.

— Вот именно, — поддакнул директор. — А значит, настоящий виновник происшествий до сих пор не найден... что не снимает с ученицы Корбут ответственности за ее собственную вину.

Как нарушительница дисциплины, Вероника сидела в Комнате Без Углов. В каждой школе, колледже и даже университете имеется такая Комната. Она устроена таким образом, что угнетающе действует на мага. Тот, кто обладает волшебной силой, просто не может хорошо себя чувствовать в ее стенах. Рассказывали что Неугомонный Строитель сошел с ума и увлекся переделками именно после того, как переночевал в Комнате Без Углов, чтобы проверить, насколько эффективно она действует.

Девушка сидела там в одиночестве, не посещая даже уроков. Ее выпускали всего на шесть часов в день — пообедать и поработать в подвале Черного Вэла. Всякий раз ее конвоировали сам зелейник и Берегиня, все эти дни разгуливающая по школе в камуфляже и с оружием наперевес. Отпустить девушку должны были через три дня.

В тот день я вел урок у группы шестикурсниц, где училась Вероника. Ее место за второй партой у окна было пустым, и Кристина Шульц, ее подруга, старательно отодвигалась на свою половину, словно ожидая, что Вероника вот-вот появится. Девушка сидела как в воду опущенная и то и дело косилась на пустую половину парты.

Я рассказывал о хищных тварях, но чувствовал, что группа меня не слушает. Кое-кто поскрипывал перьями, но большинство сидели притихшие, как мыши.

— Ученица Шульц, — не выдержал я, — повторите, что я только что рассказывал о мантикорах?

Девушка вскочила, захлопав ресницами, и что-то пробормотала.

— Вы отсутствуете на уроке, ученица Шульц, — сказал я. — Эта тема будет включена в экзамены. Делаю вам замечание. Еще раз замечу, что вы меня не слушаете, — оставлю после уроков... Кстати, это относится ко всем!

Группа неохотно подняла на меня глаза. Инга, вторая подружка Вероники, демонстративно оторвала перо от бумаги.

Я рассердился. Девчонки вели себя так, словно это я посадил Веронику под замок! После урока я окликнул Кристину:

— Ученица Шульц, задержитесь!

Девушка встала передо мной, насупившись. К моему удивлению, остальные шестикурсницы тоже остановились, поджидая ее.

— Это никуда не годится, Кристина, — сказал я. — Я понимаю, что вам жалко Веронику, но это еще не повод игнорировать занятия. В субботу она вернется, так что глупо переживать.

Кристина опять пробурчала что-то невразумительное.

— Что-что?

— Она вам записку оставила, — с явной неохотой проговорила девушка, — только не знаю, отдавать ее вам или нет.

— Давай. — Я протянул руку.

Меня смерили вызывающе-недоверчивым взглядом — за такой взгляд на экзамене запросто снижают балл, — но протянули сложенный в несколько раз бумажный листок.

— Можете быть свободны, ученица Шульц, — сказал я. — И советую вам хорошенько подготовиться к пятнице.

Оставшись один, я развернул бумажку, в глубине души ожидая увидеть еще одно любовное письмо. Но там стояло:

«Если за мной придут инквизиторы, я им про вас ничего не скажу».

Среда для меня легкий день — всего три занятия, одна пара у шестикурсниц и еще два часовых урока у четвертых классов, где я веду нежителеведение. У младших курсов специализации еще нет, и они изучают все предметы понемногу, чтобы к шестому курсу определиться, что им больше нравится. Занятия у них длятся всего один час, и группы тут большие — по тридцать-тридцать пять человек. Я веду, если помните, у третьих курсов звериную магию и у четвертых нежителеведение и, пытаюсь вдолбить ребятам что-то в головы, знаю, что с большинством слушателей на шестом курсе не встречу.

Обычно после занятий в среду я просматриваю прессу в библиотеке или придумываю, как по-другому убить время, но сегодня не находил себе места. Сидеть сложа руки было скучно, и я занялся было уборкой, вычищая за единорогами и козлерогом, но скоро оставил это занятие. Мною владело странное чувство — как будто я что-то забыл и силюсь вспомнить. Пытаясь вспомнить это что-то, я вышел из кабинета и долго бродил по притихшей школе. Уроки еще продолжались, только где-то на втором этаже шумели первокурсники. У них обычно уроки длятся только до обеда, и вторую половину дня дети посвящают играм. Их крики и беготня мешали заниматься остальным, но спускаться и делать детям замечание не хотелось. Наоборот, я поспешил убраться туда, где голосов не было слышно.

Ноги сами принесли меня к обитой железом небольшой двери. Комната Без Углов! Там сейчас находится Вероника! Ее выпускали только по вечерам, после занятий, чтобы в подвале Черного Вэла она даже случайно не могла столкнуться с другими учениками. Сейчас она наверняка сидела одна.

Я осторожно подошел. В двери было маленькое окошечко — через него подавали обед.

Ключ был у завхоза, который сам исполнял обязанности тюремщика, но я, пользуясь тем, что на этаже кроме меня никого нет, набрался смелости и постучал.

— Вероника?

Из-за железной двери не было слышно ни звука. Девушка тоже не могла меня слышать. Я постучал сильнее, и неожиданно в ответ раздался стук!

Я постучал еще — девушка ответила, отбивая какой-то ритм. Я не понял, что она хотела сказать, поэтому постоял еще немного и потихоньку ушел. Мне было грустно.

Но потом наступила суббота, и Веронику выпустили из Комнаты Без Углов.

Накануне я не находил себе места. Утром вскочил на час раньше и будто невзначай после завтрака поднялся на шестой этаж, где была Комната. За Вероникой пришли директор, оба завуча и завхоз. Железную дверь отперли, и побледневшая, похудевшая девушка вышла, не глядя ни на кого.

Я стоял за колонной, прижавшись к стене, и слышал, как дама Морана сделала Веронике последнее внушение, как девушка срывающимся голосом попросила прощения и как завхоз, войдя после нее в Комнату, доложил, что оставлена она в надлежащем порядке, только после этого узница обрела полную свободу.

Я так и стоял в уголке, не в силах сдвинуться с места. Странное чувство вины и облегчения владело мной. Я вдруг понял, что мне жалко девушку, я хочу и в то же время мучительно стесняюсь подойти к ней. Такого со мной еще не бывало... или было — но очень давно. Я уже почти переборол себя, но тут навстречу Веронике вылетели ее подружки — вся девчоночья половина того курса — окружили и умчали вниз по лестнице, а я так и остался стоять на месте.

В ту ночь была наша очередь патрулировать школу. Это был мой третий поход, я приготовился к нему основательно, напившись загодя крепкого кофе с возбуждающими добавками, и был полон решимости отыскать настоящего хулигана. Кто бы он ни был, из-за него подозрения пали на Веронику. И я, отнюдь не воинственный человек, ощущал желание отомстить.

Спурий опять перекинулся в волка. Шли дни новолуния, ему было трудно это делать, он разбегался и прыгал дважды, прежде чем что-то получилось. И все равно зверь вышел преотвратный — нечто собакоголовое, но с почти человеческими конечностями и голым хвостом.

Опять перед нами возник Прилежный Ученик. То и дело заглядывая в свою шпаргалку, он доложил, что все спят и только на втором этаже в трех комнатах до полуночи наблюдалось шевеление, а двое пятикурсников только что вернулись из грабительского налета на школьный буфет, и в их рекреации еще продолжается пирушка захваченными продуктами. Сообщил он и о привидениях — Безумный Проповедник молится на крыше, Неугомонный Строитель пытается переделать Комнату Без Углов, пристроив к ней запасной вход, Студентка-Неудачница опять уснула над конспектами и экзаменов не сдаст, Нетопырь дразнит Баныши, Оживающий Доспех марширует по холлу первого этажа в стеганом ассирийском панцире.

Выслушав доклады, Берегине предложила разделиться.

— Одна группа идет левым крылом второго этажа и переходит в правое крыло третьего, а вторая наоборот. Встречаемся у центральной лестницы, — прошептала она.

— Мы идем левым крылом! — тут же воскликнула Лилита и погладила выпуклый лоб оборотня.

— Тогда наше крыло правое. — Берегиня ловко перекинула глефу с руки на руку и, крадучись, поспешила к дальней лестнице, в то время как Лилита и Спурий отправились к ближней. Я побежал за Берегиней — боевой маг уже давно дала мне понять, чтобы я держался возле нее и не вздумал отдаляться. За мной поспешила дама Труда.

Школа была погружена в молчание. Берегиня кралась впереди, то и дело замирая, как спецназовец, и делая нам с Трудой непонятные знаки. Если мы путались в ее сигналах, она возвращалась и сердитым шепотом объясняла, что мы должны делать. После шестого такого

объяснения дама Труда взбунтовалась.

— Я не буду падать на пол и ползти, как вы того требуете, коллега! — воскликнула она. — Примите во внимание мой возраст и положение!

— Дорогуша, еще неизвестно, кто кого старше, — хохотнула Берегиня, хлопнула низенькую даму Труды по плечу и добавила строго: — Если хотите принести обществу пользу, выполняйте мои инструкции, рядовой!

— Я родилась в Асгарде! — рассердилась дама Труда. — Вы не имеете права так со мной разговаривать!

— А я сражалась против ваших Асов на стороне Ванов, — парировала Берегиня. — Это было первое сражение, в котором я участвовала не как ученица. Так что у меня опыта побольше, чем у вас. Ведь вы, кажется, тогда еще не родились?

Дама Труда что-то прошептала. Я с удивлением слушал их короткую перепалку. Учítывая, КОГДА была война Асов с Ванами, оставалось лишь удивляться возрасту Берегини.

Мир был восстановлен, и мы пошли дальше.

Второй этаж школы был погружен в почти полную темноту. Лишь на поворотах тускло горели факелы, освещая каменные стены и цветочный орнамент. Из стрельчатых окон лился слабый свет — ни луны, ни звезд не было. В темноте замок преобразился, и порой казалось, что мы попали в незнакомое место.

Берегиня темной тенью скользила между колоннами, и мы не могли за нею угнаться. Я редко бывал на этажах детей, почти не ориентировался и сам не заметил, как отстал. Я шел, прислушиваясь к семенящим впереди шажкам дамы Труды, и думал...

Ночь мне нравилась. Не ночь вообще, а вот эта. Была в ней какая-то романтика. Если бы еще и манящий свет луны сквозь листву... Но пока еще шла зима, и зелень можно было увидеть только в оранжерее. А как было бы прекрасно пройти вдвоем по роще, дойти до озера, постоять на берегу, слушая сонный плеск волн. Только я и она, рука в руке — и больше...

Замечтавшись, я врезался лбом в декоративную решетку. Странно, что это со мной? Я — и мечтаю о любви? Последний раз это было накануне выпускного вечера в Неврской Школе Искусств, когда я отчаянно репетировал, как подойду к Насте Мельник и скажу ей, что люблю ее. Я все-таки набрался смелости и подошел, но возле нее уже стоял другой парень, и заготовленная речь так и не прозвучала. И вот опять... Почему? Откуда?

Я стоял у декоративной решетки, отделяющей рекреацию от этажа, и недоумевал, как мог оказаться на третьем этаже вместо второго. То, что этаж был третьим, явствовало из орнамента на стенах — специально, чтобы не путались новички, на каждом этаже он был разным. На втором это были различные орнаменты скандинавского происхождения, а на третьем в основном славянские узоры. Узнав этаж, я узнал и рекреацию, и сердце мое забилося. Здесь жили шестикурсницы — и среди них Вероника...

При мысли о девушке волна нежных чувств захлестнула меня. Я вспомнил ее записку: «Если придут инквизиторы, я им про вас ничего не скажу». Смысл этих слов дошел до меня только сейчас — девушка была готова вытерпеть очень многое, но не выдать свои чувства ко мне. Такая преданность заслуживала самое меньшее благодарности.

Я прижался лбом к решетке. Заглянуть в рекреацию девушек было трудно — мало того, что она изгибалась буквой "Г", так что часть ее просто скрывалась за углом, но и сама решетка была обильно увешана горшками с цветами и большой картиной с изображением Мирового Древа.

Неожиданно часть решетки подалась, и прежде, чем сообразил, что не заметил двери, я влетел в рекреацию шестого курса.

Это было прямое нарушение закона — ночью двери должны быть закрыты, — и я уже совсем было решил потихоньку проинформировать об этом Берегиню, но становился. Во-первых, здесь жила Вероника — и все подозрения сразу падут на нее. А во-вторых, первое, что увидел я, выпрямившись, было большое зеркало в кованой раме. В каждой рекреации

девушек были зеркала и туалетные столики — ученицы должны постигать не только науки, но и искусство быть привлекательной. Но мне показалось, что это зеркало стоит не на месте, что его нарочно сюда переставили и более того — кто-то только что принес его и установил тут. И не закрыл дверь в рекреацию потому, что его спугнул я!

От волнения я взмок. Нашарив дрожащей рукой амулет, я сосредоточился и понял, что близок к разгадке. Рядом действительно кто-то был. Кто-то только что тут находился. И этот кто-то... Это был он!

Надо было бежать, поднять тревогу, но вместо этого я сделал шаг к зеркалу. Мне показалось, что в его матовой поверхности отразилось лицо нарушителя. Он спрятался в рекреации, и если я немного подвинусь, то увижу его лицо!

От разгадки тайны меня отделяло совсем немного, когда новая мысль заставила похолодеть. Зеркало наверняка носило на себе следы заклятия, значит, относилось к предметной магии. Я был знаком с нею постольку-поскольку и мог запросто попасть в ловушку. Если бы рядом была дама Труда, она бы сумела нейтрализовать любое заклинание и обезвредить зеркало. Но без нее...

Я решил рискнуть. И сделал еще шаг, последний.

Сначала я увидел себя. Худое бледное лицо, острый нос, большие глаза, светлые волосы... Я всегда относился к своей внешности критически и сейчас вгляделся внимательнее — что нашла во мне Вероника? На свете так много людей красивее меня! Не говоря уж том, что я не могу похвастаться ни широкими плечами, ни фигурой атлета, ни ловкостью и грацией боевого мага... Да и выгляжу моложе — вспомнить хотя бы моего сводного брата Эраста Графа. Он был чуть старше меня, а выглядел так, словно между нами три года разницы.

Наверное, я чересчур загляделся в зеркало, и оно вправду было волшебное, поскольку внезапно понял, что отражаюсь в нем не один.

Когда до меня дошло, что за спиной у меня стоят еще трое, у меня едва не подкосились ноги. Этих троих я видел впервые в жизни! В темноте было очень трудно рассмотреть их лица, я лишь чудом догадался, что это двое мужчин и девушка. Она цеплялась за руку одного мужчины, а другой держался чуть в стороне. И он стоял возле журнального столика, на котором...

Да, этот человек был единственным, кто отражался в зеркале ВМЕСТЕ с интерьером. Журнальный столик БЫЛ за моей спиной, и незнакомец стоял как раз между ним и креслом. Наши глаза встретились...

Я мог бы успеть обернуться и увидеть его воочию, но в этот миг голова у меня закружилась, и я покачнулся. В глазах потемнело. Чувствуя, что теряю сознание, я протянул руки, ища опору — и зеркальная поверхность подалась под пальцами!

Мужчина и девушка ожили. Все еще держась за руки, они шагнули ко мне, готовые подхватить. Глаза девушки расширились, она рванулась вперед — и я неожиданно узнал в ней свою мать.

Наверное, я все-таки закричал — скорее от удивления, чем от страха, потому что внезапно раздался ответный крик.

И я упал.

Падая, я задел виском кованую раму зеркала, и боль немного отрезвила меня. Однако желание встретиться с родителями было настолько сильным, что я тут же вскочил и снова бросился к зеркалу, протягивая руки. Родители были там — я успел увидеть их лица, мутные в темноте. Они рвались ко мне, и надо было сделать один-единственный, последний шаг — и мы будем вместе.

И в этот миг кто-то грубо схватил меня поперек туловища и отбросил прочь. Я рухнул в кресло, больно ударившись ребрами о подлокотник, а надо мной выросла Берегиня. Лицо ее было так ужасно, что я оцепенел. Сама Смерть смотрела на меня. Старуха схватила меня за плечо и ударила по щеке.

— Дурак! Телок! Идиот! — с каждым новым словом она снова и снова била меня по

лицу. — Дрянь! Ты что не знаешь, как опасно заглядывать в заговоренные зеркала?

Щеки мои горели, в носу было горячо и мокро. Я потрогал его и увидел на пальцах кровь. Вид ее вернул мне способность рассуждать.

— Что это было? — спросил я.

— Оно зачаровано. — Дама Труда была тут же и копошилась перед зеркалом, доставая из сумки на боку какие-то колдовские мелочи. — Девочки, помогите мне! Нужны свечи и чистая вода!

В рекреации вспыхнул свет. Я зажмурился. Рядом послышались шаги и голоса — дама Труда давала выскочившим на шум старшекурсницам указания, как и что делать. Она готовилась нейтрализовать заклятие, наложенное на зеркало.

— Возьмите! — раздался над ухом голос Вероники. — У вас кровь!

Мокрая тряпица коснулась моего носа, но руку тот час отвели.

— Ему полезно, — огрызнулась Берегиня. Она так стояла надо мной, держа меня за плечи. — Кровь снимает любые чары. Достаточно самой маленькой царапины — и заклятие спадет.

Я открыл глаза. Вероника, в одной ночной сорочке, стояла надо мной. В руках у нее был мой собственный платок, на котором темнели пятна свежей крови. Я улыбнулся девушке:

— Ты как?

— Нормально. Я слышала ваш крик. Я не спала.

— Почему?

— После той Комнаты, — ее передернуло, — просто не смогла уснуть.

— Если бы ты рассказала, что делала ночью на четвертом этаже, тебя, наверное, не посадили в Комнату Без Углов, — сказал я.

— Этого я не сказала бы даже Инквизиторскому Совету, — отчеканила девушка, и я понял, что это был ответ.

Берегиня переводила взгляд с Вероники на меня и обратно и наконец решила вмешаться.

— Твоя бессонница, девочка, спасла ему рассудок, — грубовато заявила она. — Благодарите ее! — Это уже относилось ко мне.

Я взял Веронику за руку. Мне вдруг показалось, что это будет правильно. Девушка покраснела и ответила мне таким влюбленным взглядом, что я почти растаял. Почти — потому что в этот миг вспомнил еще кое-что. И это меня встревожило.

— Берегиня, — пожав пальцы Вероники, я повернулся к боевому магу, — здесь был кое-кто. Тот, кто принес зеркало в рекреацию. Я видел его отражение. Он стоял тут, за этим же самым креслом, а потом...

— Так! — Боевой маг мгновенно подобралась, и от ее командирского голоса все вздрогнули, а дама Труда сбилась с заклипания. — Слушать сюда! Если кто-то хоть пикнет об этом происшествии — сразу отправится в Комнату Без Углов. На неделю!.. Кстати, — сухой палец ткнулся мне в грудь, — к тебе это тоже относится!

— А почему? — подала голос Алиса Дагарель, еще одна девушка с шестого курса.

— За болтовню. И вы пойдете туда первая. Собирайте вещи.

Алиса побледнела. Вероника вцепилась мне в запястье.

— Та, кто просто откроет рот и скажет еще хоть слово, станет второй! — предупредила Берегиня и отправилась в комнату Алисы за ее вещами. — Всем спать!

Расколдованное зеркало перевернули к стене и очертили двойным кругом. Вероника, дрожа как осиновый лист, убежала к себе. Алису Дагарель увели, свет в рекреации погасили. Ночь продолжалась.

Берегиня и дама Труда все утро инструктировали меня, как и что говорить о ночном происшествии. Все-таки скрыть появление зеркала в рекреации старшекурсниц не сумели, да и запертая в Комнате Без Углов ученица — тоже событие неординарное. Хорошо еще, было воскресенье. Все учителя до вечера сидели в учительской, обсуждая странное событие. Меня

допрашивала сама Невея Виевна, с помощью настойки мухомора введя в транс, чтобы я вспомнил лицо злодея. Сложность заключалась в том, что в зеркале я видел ОТРАЖЕНИЕ, а на самом деле незнакомец мог выглядеть как угодно. Если бы я успел обернуться, то узнал его истинное обличье.

Колдовали и над самим зеркалом. Мессир Леонард проторчал перед ним весь день, пытаясь сместить время и вызвать напугавшее меня изображение, но потерпел неудачу. Я знал, почему — ведь зрелище было предназначено для меня, а меня-то к зеркалу и близко не подпускали. Хотя заклятие с него было снято, неизвестно, как я себя поведу.

Я ходил как в воду опущенный. И не только из-за потенциальной опасности, которой подвергался, ведь там, в зеркале, были мои родители, мои настоящие родители. Я их видел, и они видели меня. И кое-кто очень хотел, чтобы я с ними встретился. Но зачем?

Ответ напрашивался сам собой — Тайна семьи Мортон. Мой отец умер, будучи ее Хранителем. Я Тайны не знал, но если бы мы встретились...

Вот тут-то и начинались загадки. КАК мы могли встретиться, если он мертвый, а я живой? КАК отец передал бы мне Тайну? И КТО собирался устроить нашу встречу?

Обедали и завтракали учителя вместе с учениками, и лишь на ужин, который растягивался часа на два с половиной, приходили кто как. Все еще во власти сомнений, я спустился на первый этаж, занял свой столик в столовой, где брауни и домовики как раз заканчивали сервировку.

Мой блуждающий по залу взгляд наткнулся на группу старшекурсниц. Вероника была там — как обычно, она болтала с подружками, чему-то хихикала, и меня вдруг обожгло теплом. Все-таки она чудесная девушка. Удивительная! И как это я раньше не замечал? Я улыбнулся, вспомнив ее смущение и слова Берегини: «Своей бессонницей ты спасла ему рассудок». Вероника меня спасла. От этой мысли мне стало еще теплее и даже тревоги отступили.

Я уже набрался смелости, чтобы встать и подойти к девушкам, но тут возле меня возник наш завхоз. Эта загадочная личность, как говорили, когда-то был учеником школы, потом остался работать лаборантом, но после одного происшествия был вынужден уволиться. Однако при школе так и остался. Года два он просто болтался по этажам, самовольно назначив себя старшим над брауни, а потом мессир Леонард решил сделать его завхозом. Мне он больше напоминал лапландского шамана — что обликом, что одеждой. А как его зовут, я не знаю до сих пор.

— Вам письмо, — сказал завхоз и протянул мне конверт синей бумаги.

Мне давно никто не писал — даже семейство Граф словно забыло о моем существовании, и руки у меня дрожали, когда я вскрывал его. Внутри оказался знакомый лист пергамента — на сей раз с тисненой золотой печатью, — писали на официальной бумаге, предназначенной для приказов по Министерству. Видимо автор работал в Министерстве и слишком спешил, если схватил бумагу, которая могла его выдать.

«Максимилиан, — почерк был тот самый, моего знакомого незнакомца, — только что я узнал о ночном происшествии и крайне этим обеспокоен. Ты рискуешь жизнью, относясь к себе столь безответственно. Если хочешь жить, запомни раз и навсегда: ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ЗЕРКАЛ, особенно ночью».

Подписи, как обычно, не было.

Глава 13

Теперь к патрулированию я относился с максимальной серьезностью. Обрадованная этим Берегиня тут же нацепила на меня кольчугу, которая отражала стрелы, арбалетные болты, копья, метательные ножи и бумеранги, а также заставила выучить шесть боевых заклинаний. Перед началом очередного похода она проверила, как я их запомнил, и в результате этой «проверки» я сейчас волочился в хвосте нашей маленькой колонны, еле

передвигая ноги от усталости. Да еще кольчуга сама по себе была тяжелой.

В этот раз нас было пятеро — неожиданно-негаданно свои услуги предложил... кто бы вы думали? Безумный Проповедник! Дело в том, что прошлой ночью кое-кого все-таки заметили. По школе в самом деле бегал некто незнакомый. Черный Вэл — патрулировала его группа — погнался за ним, но упустил. И мы были убеждены, что нападём на след.

Привидения знали обо всем. Прилежный Ученик рвал на себе волосы и причитал, что должен был разнюхать и опознать незнакомца или хотя бы успеть предупредить учителей. В результате он самоустранился от дальнейших поисков, и его место занял Проповедник. Ради такого случая он даже сменил гнев на милость относительно магии и сейчас плыл возле Берегини и вещал, перебирая четки:

— Нет сомнения, что здесь мы имеем дело с кознями Сатаны... прости, Господи, — перекрестился он. — Ибо только Враг Рода Человеческого способен так изменить свою личину, что даже обитатели потустороннего мира не могут его узнать! И только Он может принять какое угодно обличье, ибо Он многолик, хитер, коварен и поджидает на каждом углу. Только пост, молитва, покаяние и самоуничтожение способны очистить нас от его поползновений. И если мы все покаемся в грехе чародейства...

— Заткнись, — прошипела Берегиня. — Я из-за тебя не могу прислушаться!

— О женщина, вместилище пороков! Ввергнувшая человека в грех и лишившая нас благодати Рая! — возопил Проповедник. — Покайся в помыслах своих нечистых и делах твоих грязных! Ибо ежели бы не ты...

— То не было бы и человечества! — оборвала его Берегиня. — Жили бы только Адам и Ева!.. Лучше поблагодарил бы женщин за то, что существуешь!

— Разве это — существование? — взвыл Проповедник, но Берегиня сделала перед его носом пасс, и он заткнулся, беззвучно хлопая ртом, как рыба.

— Там кто-то есть! — прошипела боевой маг. — Слетай, погляди!

Я замер, прислушиваясь. Мы стояли в двух шагах от лестницы, ведущей наверх. Наш маршрут пролегал мимо нее, к переходу на нижние этажи. Стояла мертвая тишина, и я был просто удивлен, как это Берегиня смогла что-то учуять. Дама Труда пискнула и спряталась за колонну. Спурий, снова в обличье волка, вздыбил на загривке шерсть. Лилита быстро вскинула руки.

Проповедник продолжал беззвучно махать руками и корчить рожи, но не трогался с места. На его пухлом лице было написано: «Пытайте, как хотите — все равно мы победим!» Правильно истолковав его пантомиму, Берегиня отмахнулась от привидения, сделала знак Спурию, чтобы выдвигался вперед, и оборотень шагнул вперед.

Но не успел он поставить лапу на первую ступеньку лестницы, как сверху раздался грохот. Сверкнула вспышка...

Берегиня умела двигаться бесшумно. Она просто размазалась в воздухе, устремляясь к невидимой цели. Спурий ненамного отстал, одним прыжком покрывая сразу половину пролета. Мы с Лилитой рванули следом, бросив даму Труды и Проповедника. И, клянусь чем угодно, но я слышал топот убежавших ног!

Боевой маг умела двигаться не только бесшумно, но и быстро, однако ее опередили. Спурий, вылетев на этаж, прыжками умчался в темноту, а я, поднявшись, обнаружил Берегину стоящей на коленях над распростертым телом. В воздухе сильно пахло паленым и магией.

Лилита крутнулась на месте:

— Здесь был бой.

— Знаю, — рыкнула Берегиня. — Лучше помоги!.. Ох, Иван-царевич, что же ты наделал!

Я сделал шаг и рухнул на колени. Кольчуга вдруг показалась мне невероятно тяжелой — может быть, оттого, что воздух тут был просто пропитан враждебной магией, а может быть, от зрелища, открывшегося моим глазам.

Это был не настоящий этаж, а пространство МЕЖДУ этажами, так сказать, запасной

этаж. Вдаль уходил узкий ряд колонн, а возле лестницы в стене находились две низкие двери. Одна из них была распахнута настежь, и на пороге лежал Адам Лекс.

Юноша потерял сознание, запрокинувшееся лицо его было бледным и пустым. Берегиня дрожащими руками расстегивала на нем куртку. Пальцы ее были перепачканы в чем-то темном.

— Иван-царевич, Иван-царевич, бормотала она. — Ох, мальчик мой! Ну зачем тебе...

Я заметил, что Адам был в доспехе и защитном снаряжении — ученическом комплекте. Рядом валялось его оружие. Когда Берегиня добралась наконец до его груди, он застонал.

Лилита наконец присоединилась к Берегине, и они вдвоем захлопотали над юношей. Я, оставшись не у дел, обратил внимание на дверь, возле которой он лежал.

Крошечная каморка была погружена во тьму. Из нее пахло нежилым помещением, сыростью и плесенью. Осторожно, на четвереньках, я подобрался к проему и заглянул внутрь.

— Куда? — прошипела мне в спину Берегиня. — Назад! Там опасно!

— Что это за комнатка? — спросил я.

— Неважно. — Боевой маг отстегнула лишние детали доспеха и, подсунув руки под плечи и колени Адама, с усилием встала, неся юношу на руках. — Пошли.

Адам опять застонал.

— Спурий! — позвала Лилита.

— Не...когда ждать, — с натугой выдохнула Берегиня и, чуть пошатываясь под тяжестью ноши, заковыляла к лестнице.

Навстречу ей выплыл Безумный Проповедник. Он все еще не мог говорить, но глаза его полезли на лоб при виде Адама.

— Охраняй, — приказала ему Берегиня.

Лилита осталась возле каморки, ожидая Спурия, а я пошел вместе с Берегинею. Адам не шевелился и не стонал. Руки и ноги его болтались, словно у мертвого, голова беспомощно запрокинулась. Боевой маг шла медленно, ступая очень осторожно, а я только семенил рядом, понимая, что ничем не смогу помочь. Я видел, с каким трудом даются ей шаги, особенно последний подъем к медпункту. Дважды Берегиня споткнулась, но устояла на ногах. Лицо ее словно окаменело, и мне казалось, что она с трудом сдерживает слезы. Адам Лекс был ее любимцем, и если он умрет, она будет переживать больше нас всех, вместе взятых.

На наше счастье, Невея Виевна сразу почувствовала наше присутствие. Берегиня со своей ношей еще не успела переступить порог больницы, как лихоманка уже выплыла навстречу. Глубокие провалы на месте ее глаз сузились, когда она увидела ожоги и раны на груди юноши.

— Клади, — распорядилась Невея, указывая на ряд пустых коек. Болеть в ЭТОЙ больнице никому не хотелось.

Берегиня со стоном уронила тяжелого Адама на постель и начала раздевать. Упал на пол стеганый доспех, за ним последовали сапоги, поддоспешник и рубашка, потом штаны. Все это время Невея вертелась подле, то и дело заглядывая через плечо боевого мага, а однажды приблизилась к постели с другой стороны, и я затаил дыхание. Наша целительница сразу может определить, будет жить больной или нет. Если она хоть раз подойдет к изголовью — все, можно заказывать гроб. Человек промучается еще несколько часов или дней, но умрет, несмотря ни на что. Невея остановилась у груди Адама, покачала маленькой сухой головой и отошла.

Вскоре она вернулась, протянула Берегине горшочек:

— Натри ему грудь. — И встала, делая пассы руками. Я отступил подальше, чтобы меня не задело потоком ее целительных сил.

Мазь была жуткой на вид. При свете двух свечей она напоминала болотную тину и воняла так же отвратительно. Закончив дело, Берегиня уселась в изножье Лексовой кровати. Юноша лежал бледный, не подавая признаков жизни. Только хриплое дыхание,

вырывавшееся из его груди, говорило, что он еще жив.

— Чего сидишь? — Невея опять закружила вокруг постели, как стервятник возле падали. — Иди к себе.

— Он будет жить? — каким-то странным, надломленным голосом спросила Берегиня.

— Утром узнаешь. Уведи ее, — кивнула лихоманка мне.

Я робко тронул боевого мага за плечо. Старуха нехотя поднялась, и мы попятились к дверям. Последнее, Что я увидел, была нежить, склонившаяся над самым лицом Лекса.

Враз постарев, Берегиня цеплялась за мой локоть. Я видел, как блестят ее глаза. Лекс был ее любимцем. Боевой маг не имела детей и ко всем своим ученикам относилась, как к родным внукам. Вряд ли она сможет работать в школе, если Адам умрет.

— Я провожу вас? — осторожно предложил я.

Старуха кивнула.

Весть о ночной трагедии разнеслась по школе, как вихрь. Уже за завтраком все знали о ней, и история обрастала подробностями с каждым пересказом. Сюжет был таков: на боковом этаже была обнаружена тайная комната, где прятался тот, кто пакостил в школе. Адам Лекс выследил злодея и сразился с ним, но тот оказался сильнее и ранил юношу. Теперь Лекс умирает в медпункте, и ничто не в силах ему помочь.

Насчет умирания Адама Лекса дети, конечно, преувеличили, но остальное оказалось чистой правдой. В каморке при свете дня нашли пропавшие из библиотеки книги по черной магии, кое-какие колдовские вещи и баночку с кровью. Владельца этих вещей отыскать не удалось — Спурий, кинувшийся в погоню, за первым же поворотом потерял след и, как ни гонялся по школе до утра, выследить преступника не сумел. Правда, его можно было вычислить — среди книг нашли несколько старых, двадцатилетней давности, брошюр и листовок, которые печатала секта Белого Мигуна. На обложках брошюр отыскался ЗНАК Мигуна...

— Мы должны немедленно поставить в известность Инквизиторский Совет, — бушевала дама Морана. — Совершено нападение на ученика! В школе действует секта! Необходимо изолировать всех детей, чьи родители были в секте!

— Но это же дети! Поймите, они...

Но завуч не слышала директора.

— Они вышли на тропу войны! Сегодня пострадал Лекс, кто следующий?

— Ученик Лекс пострадал по собственной вине! Никто не просил его самостоятельно заниматься поисками преступника.

— За это он понесет наказание, когда поправится, — кивнула дама Морана. — Но мы обязаны принять меры. Это наш долг!

— А я бы повременил с таким решением, — стоял на своем директор. — В конце концов, у нас есть шанс...

— Какой? Что преступник раскается и сам придет с повинной?

— Да! Не забывайте — это ребенок! Ни в одном ребенке зло не может сидеть НАСТОЛЬКО глубоко, чтобы он не осознавал, что натворил!

— Дети более жестоки, чем взрослые. Они действуют по велению души, в то время как...

— В то время как души их еще не отравлены ядом взрослой жизни. Каждый ребенок добр — просто не у всех получается проявлять свою доброту. Я работаю педагогом уже несколько веков, я знаю, что говорю. Злых детей нет!

— Скажите это Адаму Лексу!.. Нет, я завтра же поставлю в известность Инквизиторский Совет!..

Я не стал дослушивать спор директора и завуча до конца и тихо ушел к себе. Мне было особенно тяжело, потому что это напрямую касалось меня. Ведь Белый Мигун — или его сообщники здесь — охотился за мной как за потенциальным Хранителем Тайны Мортонгов. Уже несколько раз я мог оказаться в их руках — всякий раз меня спасала случайность. Но однажды все случайности будут учтены и тогда...

В тот день на шестом курсе у меня была контрольная по хищникам. Я раздал опросные листы, засекал время и стал наблюдать, как школьники скрипят перьями. Обе группы — девушки и юноши — сидели вместе. И я заметил, что Кристиан Шульц вместо того, чтобы отвечать на вопросы, смотрит куда-то через плечо.

— Ученик Шульц, в чем дело?

Он так и подпрыгнул:

— Н-ничего.

— Тогда займитесь делом.

— Но мастер Мортон, Крис...

— Что?

Кристиан смотрел не на меня.. Проследив за его взглядом, я увидел, что его сестра-близнец Кристина полулежит на парте, закрыв лицо руками. Вероника, сидевшая с ней, осторожно обнимала подругу за плечи.

Я подошел к девушкам:

— Что случилось?

— Это из-за Адама, — объяснила Вероника, и Кристина громко всхлипнула. — Они... ну, в общем, они дружили и...

Контрольная была забыта. Кое-кто на задних партах даже вскочил, чтобы лучше видеть и слышать. Я потрепал Кристину по плечу:

— Ученица Шульц... Кристина!

Девушка подняла голову. Она плакала, и цветные дорожки от размазанной косметики бежали по ее щекам. Вероника глядела на меня жалобными глазами.

— Контрольную можешь не писать, — сказал я Кристине. — Сходи умойся в живом уголке и посиди там немного. Когда успокоишься, вернись в класс... А все остальные продолжают заниматься делом!

После уроков мы с Кристиной отправились в больницу к Лексу. Вероника увязалась с нами — якобы поддержать подругу. Но на самом деле в глубине души я знал, что девушка пошла ради меня. Я ей нравился и кажется, она мне...

В больнице народу было неожиданно много. В коридоре торчал весь седьмой курс в полном составе, а у постели больного столпились остальные «Царевичи» во главе с Берегиней. Боевой маг была в своей учительской мантии, и я понял, что она тоже только что вела уроки. Просто удивительно, какая у нее сила воли!

Белый как полотно, Адам Лекс лежал на постели. Кристина, ахнув, кинулась к нему, и Берегиня еле успела перехватить девушку, удерживая на месте.

— Он еще не приходил в себя, — сказала она.

Невеля Виевна, вся в белом, как никогда сильно напоминая хрестоматийный образ Смерти — не хватало только косы в костлявых пальцах, — курсировала туда-сюда между коек и ворчала:

— Даже во время эпидемии бубонной чумы у меня в больнице не было столько народа! Куда катится мир? — однако к постели Адама она не приближалась, и я счел это добрым знаком.

Из-за ширмы, где обычно хранились лекарственные препараты, вышел Черный Вэл собственной персоной, неся пробирку, которая воняла нашатырем и еще чем-то. Решительно отстранив ревниво встрепенувшуюся Берегиню, он склонился над больным:

— Сейчас он очнется...

Действительно, Адам вздохнул и медленно открыл глаза. Кристина молча заплакала, а Вероника крепко схватила меня за руку.

Берегиня устремила к своему любимцу:

— Адам! Адам, ты меня слышишь?

Юноша повел глазами по сторонам и остановился на Черном Вэле.

— Вы были правы, — прошептал он еле слышно. — Это был он... Я хотел его остановить... Простите меня...

— Все хорошо. — Вэл погладил юношу по волосам.

— Он ушел, — прошептал тот. — Я не сумел...

— Тебе не за что себя винить.

— Все равно...

Услышав разговор, Невея встрепенулась.

— Это что еще такое? — завопила она, кидаясь к постели. — Что за допросы на моей территории? Вэл, ты опять? Уйди немедленно!

— Не подходи, — прошипел зелейник, вскакивая и вставая между лихоманкой и Адамом.

— Ты его убьешь своей вонючкой!

— А ты — своим прикосновением!

— У него лихорадка!

— Нет! Он будет жить. Он важный свидетель!

— В самом деле, Невея, — подала голос Берегиня, — ты хочешь убить ученика?

— Кое-кто уже чуть не убил его, когда послал на смерть, — парировала та. — Насколько я понимаю, твой «Царевич» не случайно оказался возле тайной комнаты? Его туда послали!

Боевой маг обернулась на Вэла. Как и я, она слышала слова Адама: «Вы были правы». Значит, Адам и Черный Вэл знали, кто находится в комнате.

— Вэл, — видимо, мы с Берегиней подумали об одном и том же, — что это значит?

Зелейник скривился, словно от зубной боли.

— Я должен был кое-что проверить, — процедил он и вышел.

Вероника все еще цеплялась за мою руку. Я отодвинул от себя девушку. Мне надо было хорошенько подумать.

До самого вечера я не находил себе места. И даже после ужина продолжал мерить шагами свою комнату. Адам и Черный Вэл были союзниками. Они вместе следили за... за кем?

Ответ на первый вопрос напрашивался сам собой — в школе происходят странные события, и связаны они с возрождением секты Белого Мигуна. Черный Вэл — бывший боевик этой секты, он любил Мигуна и до сих пор сохранил светлые воспоминания о своей юности. И он...

Я остановился, как будто напоролся на стену, и хлопнул себя по лбу. Цепочка выстроилась мгновенно и была такой четкой, что мне стало страшно.

Адам Лекс. «Иван-Царевич» Берегини, ее любимец и будущий боевой маг. Недели три назад он попросил о дополнительных занятиях, чтобы защищаться. Попросил после того, как с ним о чем-то переговорили Эмиль Голда и Антон — приятели Даниила Мельхиора. Даниила Мельхиора, чей отец тоже был сектантом и отдал жизнь за свободу Белого Мигуна. Совсем недавно Черный Вэл допрашивал Даниила о том, как умер его отец.

Адам Лекс следил за Даниилом по просьбе Черного Вэла! Круг подозреваемых сузился до пары имен — Вэл и Даниил. Оба связаны с сектой, оба могут способствовать ее возрождению. У Черного Вэла колоссальный опыт, а у Даниила — черная магия, которой лишен Вэл. Сначала они могли быть даже союзниками, но когда встал вопрос о власти, их пути разошлись. Маг, лишенный магии, ничто в волшебном мире. По возрасту и опыту именно Даниил должен подчиняться Вэлу, но мальчишка не захотел этого. И тогда лорд-зелейник решил применить силу. А то и вовсе задумался об устранении конкурента. И подготовил на это Адама.

Да, все так и происходило. Я чувствовал это, но одновременно меня не оставляла мысль, что где-то в стройные ряды умозаключений вкралась ошибка.

Адам Лекс не умер, хотя все еще находился в больнице. И дама Морана все еще не сообщила о делах в школе Инквизиторскому Совету. Наверное, она тоже проводила собственное расследование или же хотела, чтобы директор совершил ошибку и можно было обставить дело так, чтобы мессира Леонарда сместили с должности. Но, как бы то ни было,

жизнь шла своим чередом.

Несмотря на то что здесь было намного севернее, чем у меня на родине, в воздухе чувствовалась весна. Сугробы начали оседать и таять. Небо синело, в полдень сладко пахло сырой водой и прелью, а воздух в роще звенел от птичьих голосов. У самца-единорога испортилось настроение — начинался период гона. Он стал злобным, пробовал кусаться и подчинялся только девушкам. Самка тоже нервничала и, напротив, слушалась только меня.

Я выгуливал единорогов в школьном парке. Правда, я был не один — самца пасли сразу две девушки, по очереди окликая огромного зверя. Самочка бегала кругами, игриво подкидывая задние ноги, и самец то кидался за подругой, то рыскал вокруг в поисках соперника. Причем всякий раз за неимением других единорогов врагом номер один он выбирал меня. И если бы не девушки...

Моими спутницами были Вероника и Инга. Кристина все дни пропадала возле Адама и сейчас сидела возле него, благо было воскресенье. А Вероника за последнее время стала моей спутницей. Правда, официально это называлось «занятие в кружке», и я иногда с волнением думал, что будет, если узнают правду.

А правда пугала меня еще больше, чем мысли о возрождении секты Белого Мигуна. Состояла она в том, что Вероника мне нравилась.

Это было какое-то наваждение. Но девушка снилась мне чуть ли не каждую ночь, а когда я видел ее, то всякий раз начинал улыбаться, вне зависимости от того, что думал и делал в этот момент. Иногда мне стоило огромных усилий скрывать свои чувства, но я должен был давить в себе посторонние мысли потому, что продолжал оставаться для нее учителем, и еще меня пугала внезапность вспыхнувшей симпатии.

Прижав уши, единорог опять пошел на меня в атаку, но Вероника подскочила ко мне и взмахнула рукой:

— Стоять, Дымка!

Единороги не все белые. Наша пара была серого цвета. Имя Дымка придумали самцу уже давно, а самочка все еще была безымянной. Услышав свою кличку, самец замер, прядая ушами. Он косился на меня недоверчиво, но Вероника подняла руку, и он подошел и стал нюхать ее ладонь.

Самочка капризно заржала, гарцуя по поляне, и самец восторженно зафыркал. Он разрывался между своей ветреной подружкой и собственными инстинктами.

— Иди, гуляй, — разрешила Вероника, и Дымка галопом умчался догонять подругу.

— Здорово он тебя слушается, — сказал я. — Тебе надо идти на единорожью ферму. У тебя талант.

— Только для его сохранения надо заплатить слишком дорого, — возразила девушка.

— Не бери в голову. Это я так.

Инга ходила в сторонке, иногда поднимая со снега веточки или просыпавшиеся с кленов семена. Я и радовался ее присутствию, и злился — она мешала мне побыть с Вероникой наедине.

— Скорее бы лето... — Девушка запрокинула голову, Улыбаясь ярким солнечным лучам. — Мне так надоела зима...

— Летом будут экзамены, — напомнил я.

— Зато летом тепло. И можно сходить к озеру. Вы хотите?..

Я не успел ни ответить, ни сделать девушке замечание за ее не совсем школьные мечты, но не успел — мимо нас промчались единороги. И самец, пробегая, нарочно задел меня боком.

Я покачнулся, зацепился за что-то в сугробе и упал. Вероника кинулась мне на помощь, и мы вместе рухнули в снег.

— Мама! — вскрикнула девушка, падая мне на грудь.

Словно молния пронзила меня — настолько сильно было внезапное желание. Миг наваждения был краток, но за эту долю секунды, что я не владел собой, наши губы соприкоснулись.

— Максимилиан, — прошептала Вероника.

Я оттолкнул девушку и быстро встал.

— Извини, это больше не повторится.

— Но Максимилиан...

— Мастер Мортон, — прошипел я. — Запомни это!.. Мы не должны это делать! Никогда! Ни под каким видом!

— Но почему?

— Потому что я — твой учитель. А ты — школьница. И если кто-нибудь узнает, плохо будет нам обоим! Вставай. И пошли в школу. Единороги уже нагулялись.

Я свистнул — и самочка тут же помчалась ко мне, с разбегу ткнувшись носом в подставленные руки. Самец Дымка уже нацелился ревниво бодаться, но я вытащил из кармана морковку, и единорог уступил своим желудку, захрустев угощением. Я обхватил теплую шею самочки, почесывая ей холку. Меня била нервная дрожь. Какое счастье! Я целовался с девушкой!.. Какой ужас — я целовался со своей ученицей! Это не просто преступление — это нечто большее. Единороги чувствовали мое волнение. Самочка перебирала ногами, фыркала и прижимала уши, а самец сверлил меня таким тяжелым взглядом, что по сравнению с ним выговор дамы Мораны за аморальное поведение не казался чем-то ужасным.

— Инга! — позвал я. — Бери Дымку и пошли в школу!

Девушка послушалась. Мы направились к выходу из парка. Когда я обернулся, Вероника все сидела в сугробе.

— Вставай, — сказал я. — Пошли.

— Я ногу подвернула, — плачущим голосом сообщила эта хитрюга. — Помогите!

— Доведешь единорогов до живого уголка? — повернулся я к Инге.

— Доведу, — кивнула она и посмотрела на меня так, что мне захотелось отшлепать обеих девчонок за то, что поставили меня в идиотское положение.

В тот вечер я подошел к учительской — мы отправились в очередной патруль — как в воду опущенный. Берегиня сразу заметила мое состояние.

— Что случилось? — спросила она.

Я промолчал. Не хватало еще трезвонить по всей школе, что со мной творится что-то непонятное. Боевой маг вгляделась в мое лицо и понимающе хмыкнула:

— Весна-весна, пора любви... Что ж, мальчик, вот ты и вырос!

— Уверяю вас, это не то, что вы думаете!

— Мы все понимаем, Максимилиан, — проворковала Лилита, аккуратно складывая рубашку Спурия, который уже готовился превратиться в волка. — И даже не спрашиваем, кто она.

— Да не влюбился я ни в кого! — закричал я.

— А это не мой нос! — хохотнула Берегиня. — Я старше, чем ты и все твои родственники, вместе взятые, и знаю, что такое любовь!

С последним мне трудно было спорить — у Берегини над узкой, по-военному заправленной койкой висела картина Константина Васильева «Дунай», в память о ее так и не рожденном ребенке и умершем муже. Но не признаешься же, что влюблен в ученицу! Благо здесь, кажется, никто не сомневался во врожденном благородстве наследника семейства Мортон.

Спурий наконец закончил превращение, и мы отправились в обход школы.

Уже несколько дней в школе царил тишина. Днем как обычно, шли уроки, вечерами дети готовили домашнее задание или находили себе дела по интересам, ночами педагоги обходили жилые этажи, чаще всего в одиночку, а иногда в компании с привидениями. Странное зеркало исчезло, тайную комнатку закрыли на три слоя заклинаний, и, по словам Прилежного Ученика, никто из учеников вот уже четыре ночи не пробовал выходить из своих рекреаций. Словом, все шло, как должно. Но именно это меня настораживало.

Берегиню, как выяснилось, тоже. Старуха таскала на себе такое количество оружия, что

оставалось лишь удивляться, как вообще она ходит. Благодаря ей я научился отличать саблю от меча и топор от алебарды. Путался пока только в метательных ножах и не отличал гладиуса от скрамасакса². По словам Берегини, это уже было немало.

То, что произошло этой ночью, я целиком склонен списывать именно на царивший в школе покой. Мы расслабились. Пустив Спурия по следу, мы неспешно шли по залу, и боевой маг между делом учила меня распознавать ножи и кинжалы. Она тащила их на себе штук двадцать, вытаскивая из рукавов, отворотов сапожек, из-за пояса и с ножен на груди. Один достала с ловкостью фокусника даже у меня из-за спины! Каждый я должен был внимательно рассмотреть, а потом на ощупь отличить.

Дама Труда семенила рядом с нами, а Лилита вырвалась чуть вперед. В руках она несла одежду Спурия.

— Чему вы учите юношу? — на ходу обернулась она к нам. — Разве в этом состоит главная цель в жизни?

— У твою Спурия полна пасть клыков, но даже ему польза в ножах — будет знать, когда воткнуть, — откликнулась Берегиня. — А парень должен разбираться в железах. Что это за мужик, который не знает, с какой стороны за меч хватаются!

— Оружие! Фи! — Лилита гордо отвернулась.

В это время в воздухе возникла легкая дымка, и перед нами материализовалась Студентка-Неудачница. Привидение колебалось, словно под порывами ветра.

— Скорее! — закричала она. — Я опять перепутала заклинания! И там он...

Откуда-то снизу пришел гулкий звук, словно эхо Далекого взрыва.

Выхватив у меня из руки скрамасакс, который я как раз изучал, Берегиня длинными прыжками умчалась вдаль. Мы поспешили за нею. Дама Труда, впрочем, скоро отстала, и мы с Лилитой прибыли на место происшествия вовремя.

Вовремя — чтобы понять, что опоздали. Берегиня, держа в каждой руке по сабле, присев, кружилась на месте посреди колонн в холле первого этажа. Вокруг нее были разбросаны части доспехов. Сдавалось впечатление, что по холлу прошелся ураган.

Рядом что-то скрипнуло. Я отшатнулся — и из-за колонны на то место, где я только что стоял, рухнул еще один доспех. Лилита завизжала — в железной кирасе торчала рукоять топора.

— Пригнись!

Я упал на колени, увлекая за собой Лилиту, — над нашими головами просвистел шлем и острым носом воткнулся в стену, будто увлекшийся дятел. Берегиня ринулась туда. В темноте послышался грохот, резкие выдохи, хеканье в такт ударам, ругань — и все стихло.

Пнув ногой стальные поножи тевтонского рыцаря, к нам подошел наш боевой маг. Она тяжело дышала, костистое лицо ее поблескивало от пота.

— Что могло их оживить? — нахмурилась она. — Это был не дух Рыцаря, точно говорю.

Студентка-Неудачница возникла в воздухе над нашими головами и принялась носиться над грудями доспехов, заламывая руки и причитая:

— Это было ужасно! Ужасно! Ужасно! И его не было! Не было среди них!

— Кого? Рыцаря?

— Да! Его здесь не было! То есть я сперва подумала, что он тут был, а потом мне стало ясно, что его слишком много.

— Понятно. — Убрав сабли, Берегиня опустилась на колени перед самой большой грудой доспехов и провела над ними руками. Доспехи вспыхнули голубоватым светом.

— М-да, — проворчала старуха, приглядываясь к сиянию. — Этому заклинанию я не учила.

² Гладиус — короткий меч римских легионеров и гладиаторов.Скрамасакс — боевой нож древних саксов (Прим. авт.)

Откуда-то сбоку вынырнул Спурий. Судя по озабоченно-хитрой морде, оборотень где-то прятался, пока шло сражение. Он стал бегать туда-сюда и вдруг замер, подняв правую переднюю лапу и прижав уши.

— Он взял след! — одновременно с Лилитой выкрикнули мы.

— След? — Берегиня так и взвилась. — Веди!

На бегу крикнув только-только подковылявшей даме Труде, чтобы она расставила доспехи по местам, мы помчались за оборотнем. Я вообще не привык бегать — спорт не моя стихия. Да и угнаться за боевым магом, который входит в транс быстрее, чем человек произносит свое имя, тоже непросто. Поэтому эта парочка далеко обогнала нас. Мы с Лилитой ориентировались только по лязгу доспехов Берегини и лишь в силу привычки догадывались, что след ведет нас на верхние этажи.

Тот, кто удирал сейчас от нас, явно отлично знал замок. Он поднимался наверх самым коротким путем, дважды используя тайные лестницы, и слишком торопился, чтоб хотя бы делать вид, что путает следы.

И все равно мы опоздали.

Мы увидели их возле учительской. Берегиня стояла, опустив руки с саблями, а Спурий кружил возле, нюхая пол. Потом сел, поджав хвост, и завыл.

— Он потерял след! — ахнула Лилита, подбегая.

— Нет, — боевой маг выбросила в нашу сторону руку с саблей, — нарушена стихия места. Разве не чувствуешь?

Лилита передала мне рубашку, чоботы и кожаные штаны Спурия и на цыпочках подобралась ближе, раскинув руки и шепча заклинания. Я шел за нею след в след. Женщина поравнялась с Берегиней и всплеснула руками:

— О нет!

Я подошел. Спурий, прекратив кружить, замер, уткнувшись носом в щель, где был его нож...

Именно, где БЫЛ! Ножа там не было!

Только в полнолуние, три дня в месяц, Спурий мог перекидываться в волка без особых усилий. В другое время ему нужно было пользоваться ножом, бревном или другими подручными средствами. До полнолуния оставалось дней десять, и сегодня, как обычно, он взял нож — который исчез. Без него Спурий просто не умел обращаться обратно в человека. Более того — тот, кто завладеет ножом оборотня, получает над ним власть и может приказывать зверю.

Мы с Берегиней подумали об одном и том же, потому что боевой маг сказала, поудобнее перехватывая сабли:

— Кое-кому сейчас лучше вернуться в свою комнату и покрепче запереть двери!

Спурий зарычал.

— Неужели вы будете с ним драться? — ахнула Лилита.

— Если надо — буду. Ну, чего встал?

Я попятился. Моя комната находилась недалеко — на другом конце этого же крыла. До нее было метров сто или чуть больше. Но пройти эти сто метров я должен был под пристальным взглядом желтых глаз оборотня, который сейчас видел во мне только кусок мяса. Или вот-вот увидит — смотря по тому, как скоро укравший нож отдаст ему приказ на уничтожение.

Мне повезло. Я сумел добраться до своей комнаты и наложил крепкий засов. Когда-то давно, в конце осени, Спурий предупреждал, что может напасть на меня. Я тогда приготовил пояс против оборотней. Еще один вручил мне сам Спурий после того, как неизвестный сторонник Белого Мигуна потребовал моей выдачи. Ложась спать, я надел их оба и утром все еще не снял, когда явился перед началом занятий в учительскую.

Спурий до сих пор пребывал в зверином обличье. Он сидел возле пентаграммы, поджав хвост, и Лилита присела возле него, глядя по заливку. Остальные учителя с опаской ходили кругами, словно в первый раз видели своего коллегу в таком виде. Вообще-то так оно и

было. В стороне Берегиня шепталась с мессиром Леонардом и дамой Мораной. Завуч иногда косилась на оборотня — наверняка прикидывала, кого поставить вместо него на замену. Но был понедельник, у большинства педагогов по пять пар уроков.

— Максимилиан! — окликнула она меня. — Как специалист скажите нам — коллега Волчий Хвост опасен? Его можно подпускать к детям?

Я не успел ответить. В следующий миг Спурий развернулся, одним движением скинул с себя руку Лилиты и молча бросился на меня.

Длинное тело распласталось в прыжке. Я отпрянул, закрывая лицо руками. Мощный удар сбил меня с ног, мы покатались по полу под крики женщин. Оборотень подмял меня и отчаянно щелкал челюстями, пытаюсь добраться до горла, но почему-то этого не делал. Я уже чувствовал, как слюна капает мне на шею...

А потом его отбросили в сторону. Я помню только промелькнувшее мимо черное тело, и сильный толчок Раскидал нас в разные стороны. Закричала Лилита. Я врезался спиной в ножку стола. В глазах потемнело, и я не сразу пришел в себя и понял, что произошло.

Прямо передо мной, закрывая мне обзор, замер с опущенными рогами мессир Леонард. Густая грива на его шее и холке стояла дыбом. Директор закрывал меня от катающегося по учительской клубка, в котором смешались серая шерсть оборотня и пестрый камуфляжный комбинезон Берегини. Лилита верещала так, словно ее режут, и рвалась разнимать дерущихся — ее удерживали за руки.

Перескочив через меня, к дерущимся бросился Черный Вэл, и прежде, чем кто-нибудь успел сообразить, лорд-зелейник со всего размаха ударил Спурия ногой в челюсть.

Такой удар я видел только однажды, когда случайно поймал в своей видеочаше китайский боевик. Голова оборотня мотнулась, страшные челюсти щелкнули впустую, и он отключился. Берегиня мигом оседлала бесчувственное тело и принялась заламывать его лапы назад.

— Не смейте! — кричала Лилита. — Ему же больно!

Она схватилась за амулет, готовая защищать оборотня, но Маска и Сирена повисли на ее локтях, оттаскивая коллегу прочь. Дама Труда подбежала к Берегине и протянула ей узкую веревочку, сплетенную из цветных ниток:

— Это должно помочь. Она особая!

Боевой маг кивнула, принимая помощь. Спурий задергался и завыл, когда веревочка коснулась его лап.

В учительскую вплыла Невея Виевна. Огляделась по сторонам и сказала мне:

— Вставай. Ты цел.

Я с трудом поднялся на ноги, цепляясь за стол и шерсть мессира Леонарда. У меня болели грудь, спина и слегка кружилась голова. Лыбедь подставила мне плечо, на которое я с благодарностью оперся.

— Это уму непостижимо! — первой опомнилась Дама Морана. — Вы понимаете, что произошло?

Невея склонилась над Спурием. Он был в сознании и извивался в путах, щелкая челюстями и мешая Берегине, которая сидела на нем верхом, вставить в пасть распорку.

— Он одурманен, — объяснила лихоманка. — Ему отдали приказ, и он не успокоится, пока его не выполнит.

— Какой приказ?

— Какой еще приказ можно отдать оборотню? Только убить!

Все сразу посмотрели на меня. А что я мог сказать?

— Спурий предупреждал меня однажды, что может кинуться. Я принял меры, — я задрал рубашку и показал два пояса.

— Благодарение Семерым Великим. — Дама Морана перевела дух. — И как вы только догадались?

— Нож. Кто-то украл нож Спурия.

— Мальчик совершенно прав, — вмешалась дама Труда. — Подобные предметы

обычно крепко связаны со своими носителями. Тот, кто завладел ножом, завладел и душой нашего коллеги. И теперь он управляет им. Пока нож не вернется к Спурюю, оборотень подчиняется новому хозяину.

— Значит, — Лыбедь прижалась ко мне, — он рано или поздно убьет Максимилиана?

— Не думаю, — сказал я. — Я нужен ему живым. — Хранитель Тайны.

Мессир Леонард внимательно посмотрел на меня. Мы с ним знали, что Тайна умерла вместе с моим отцом, но большинство продолжало думать именно так.

Спурий наконец затих, выбившись из сил. Из его пасти текла кровь. Черный Вэл переминался с ноги на ногу рядом, словно примеривался, стоит ли бить второй раз.

— Так, — завуч оглядела нас, — что будем делать?

— Спасать Спурюю! — воскликнула Лилита. С этим никто не спорил — нож необходимо было вернуть, и как можно скорее. Кроме того, — все это понимали — тот, у кого нож, и есть преступник.

Глава 14

Занятия, конечно, были отменены. Школу прочесали вдоль и поперек, вылавливая детей из самых потайных уголков. Проверяя по списку, все ли на месте, школьников согнали в праздничный зал. Большинство были только рады тому, что не надо сидеть в душных классах, тем более что день, как назло, был солнечный и теплый, и сквозь высокие стрельчатые окна лился весенний свет. Казалось, даже отсюда слышно, как в парке орут птицы.

Ребят разбили на курсы, каждый курс — на группы, и старосты доложили, что все на месте. Ради такого случая даже принесли Адама Лекса из больницы, и Кристина Шульц приплясывала на месте, не спуская глаз со своего парня.

Спурюя все-таки развязали, но только после того, как Черный Вэл силком влил ему в пасть одурманивающий настой. Оборотень по-прежнему мог реагировать на приказы хозяина, но двигался заторможенно и все норовил прилечь вздремнуть. Заплаканная Лилита не отходила от него ни на шаг, но зачарованный оборотень с трудом ее узнавал. В нем пробудился настоящий дикий зверь. Злости добавляло ему то, что я находился в непосредственной близости.

Не доверяя помощникам, мессир Леонард сам начертил на полу огромный круг, куда согнали всех детей. Нам он доверил только расставить по кругу свечи, которые и зажег, прочитав заклинание. Удивленные и напуганные таким поворотом дела, дети притихли. Кто-то из первокурсников даже захныкал.

— Всем молчать! — оказывается, у нашего директора настоящий бас. — Слушайте внимательно! Сегодня ночью в школе произошла трагедия. Совершенно нападение на одного из учителей. Опасности подвергся не только он, но и кое-кто из его коллег! Есть все основания подозревать, что преступник находится среди вас.

Его слова были встречены бурей возмущенных возгласов. Без сомнения, слово «преступник» было лишним. Но мессир Леонард и ухом не повел. Он переждал вспышку возмущения и продолжил:

— Мы провели тщательное расследование и можем с уверенностью утверждать, что это — ученик нашей школы. Что заставило его встать на путь зла — пока трудно объяснить. Надеюсь, что он облегчит нашу задачу и свою участь тем, что сознается самостоятельно. В этом случае добровольное признание зачтется ему при расследовании, а заодно он избавит своих соучеников от неприятной процедуры опознания. Даю две минуты на то, чтобы преступник сознался и сам вышел вперед!

Дети зашептались, толкаясь локтями. «Ты знаешь, кто это? — Нет. А ты? — И я не знаю!» — раздавались шепотки. Лыбедь все цеплялась за мою руку, но я не обращал на нее внимания. Я искал глазами Веронику. Когда девушки не было видно, у меня еще получалось

бороться со своим чувством, но стоило ей появиться — и я терял над собой контроль. Вот и сейчас — я знал, что она находится где-то здесь, и рвался ее увидеть. Без нее мне не было спокойной жизни.

Наконец я отыскал ее глазами. Она шепталась со своими подружками и не смотрела в мою сторону. Это было какое-то колдовское наваждение, но я почувствовал ревность. Ну почему она не глядит на меня?

— Время вышло! — провозгласил мессир Леонард немного погодя. Но никто не сделал шага вперед.

— Неужели никто не признается?

— Я знаю! Я! — Адам Лекс рванулся привстать на носилках. Сидевшая возле него на корточках Кристина обхватила его за плечи, стараясь уложить на место и что-то яростно зашептала на ухо.

Берегиня рванулась к своему любимцу. Она знала, чье имя хочет назвать Адам — того, кто напал на него у тайной комнаты. Знал это и я.

— Это я! — раздался мальчишеский вскрик, и, расталкивая локтями толпу, к краю круга пробился Эмиль Голда.

— Я! — закричал он, размахивая руками. От него все отпрянули, словно от зачумленного. У Адама глаза полезли на лоб.

— Ученик Голда! — рявкнул мессир Леонард. Он тоже был сбит с толку. — Это правда?

— Правда! — закричал мальчишка. — Это я все делал! Это я стащил нож и прятался в тайной комнате! Я! Я! Я!

— Но почему?

— Мне так хотелось.

— ПОЧЕМУ?

Мальчишка насупился и замолчал.

Я не верил ни своим глазам, ни своим ушам. Кто бы мог подумать! Эмиль Голда! Самый обыкновенный подросток! Родители ни в чем не замешаны, сам ни разу не получил серьезного взыскания, хотя и учился более чем посредственно. Единственная зацепка — дружил с Даниилом Мельхиором, которого я подозревал.

Я быстро обернулся на Черного Вэла. На лорде-зелейнике не было лица, и я почувствовал мстительную радость. Получил-таки! Будешь знать, как допрашивать ни в чем не повинных детей!

Леди Ульфрида и Берегиня с двух сторон приблизились к мальчику. Завуч провела ладонями над его макушкой, а боевой маг быстро и ловко обыскала его:

— Ножа при нем нет!

— Куда ты дел нож? — строго спросил мессир Леонард.

— Я сначала хотел его подбросить... ну, кому-нибудь, — промолвил Эмиль, — а потом решил... Я не знал, кому подбросить, и просто выкинул.

— Куда?

Мальчик замолчал. И молчал он так долго, что уснувшие были подозрения всколыхнулись с новой силой.

— В канализацию, — наконец выдавил он.

Это уже было серьезно. Если мальчишка не врал, то достать нож будет уже невозможно. Проще сделать новый и дожидаться полнолуния, когда Спурий станет человеком без всяких там ножей. Но до этого срока почти десять дней. Всякое может случиться, если нож все-таки обнаружат!

Станный это был день. Станный и немного пугающий. Виновником оказался тот, кого меньше всего можно было подозревать. Кто-то посторонний, совершенно случайный

человек.

Уроки, конечно, было сорваны. Правда, занятия возобновились после обеда, но дети ходили пришибленные. У меня в классе стояла гробовая тишина. Мальчишки боялись даже кашлянуть и расходились после звонка, словно с похорон.

Допрашивать Эмиля Голду не стали — во-первых, мы не имели на это права, а во-вторых, информация, которую он мог выложить, явно предназначалась не для наших ушей. Дама Морана послала запрос в Инквизиторский Совет, и мы со страхом ждали решения.

Вечером все педагоги собрались в учительской. Через час после отбоя по графику надо было заступать группе мессира Леонарда, но ни Лыбедь, ни Невея Виевна, ни даже леди Ульфрида не помышляли о походе. Преступник обнаружен, так что теперь суетиться? Эмиль сидел в Комнате Без Углов, откуда только что выпустили Алису Дагарель, и оставаться в заключении он должен был вплоть до решения Инквизиторского Совета. Можно было радоваться, что вычислили и обезвредили опасного врага, но веселья не получалось.

Снаружи слышались шаги и приглушенные голоса. Потом в двери робко постучали.

— Можно? — В щелку просунулась мальчишеская голова. Это был Антон Буре, приятель Эмиля Голды.

— В чем дело? — Берегиня, как старшая по званию, ибо ни директора, ни второго завуча здесь не было, подняла голову.

— Вот мы тут, — Антон пошире распахнул дверь, и позади него обнаружилась толпа человек тридцать-сорок, — мы тут письмо написали... Про Эмиля!

— Отпустите его! — попросила какая-то девочка с третьего курса. — Он хороший!

— Он ни в чем не виноват! — загалдели ребята. — Он просто так сказал!.. Он невиновен! Простите Эмиля! Он больше не будет!

Среди третьекурсников возвышалось несколько старшеклассников. Я с волнением узнал Ингу Штурм, подругу Вероники, и Кристиана Шульца, брата Кристины, а также двоих «Иванов-Царевичей».

— Вы понимаете, за кого просите? — сдвинула брови Берегиня.

— Понимаем! Еще как понимаем! — снова загалдели дети, а старшекурсники добавили:

— Мы берем его на поруки! Перевоспитаем, если что!

— Но вы даже не представляете, в чем он обвинен!

— Ножик стырил? — фыркнул один из «Царевичей». — Так новый можно сделать. Я сам могу сделать, если надо! А Эмиль тут ни при чем!

— Тогда кто же виноват?

Делегация сникла.

— Кто надо, тот и виноват, а только не Эмиль, — пробурчал Антон. — Честное слово!

Он протянул завучу лист пергамента, одна половина которого была исписана:

— Вот мы тут подписи собрали в его защиту.

Леди Ульфрида, стоявшая ближе всех к двери, взяла пергамент и пробежала глазами неровные строки.

— Я доложу о вашем визите директору, — сказала она. — А пока отправляйтесь к себе!

Держа послание так, словно это был пакт об объявлении войны, леди Ульфрида скрылась в коридоре, ведущем в кабинет директора.

Я сидел ни жив ни мертв. Если ребята правы и Эмиль невиновен, то, выходит, он покрывает настоящего преступника. Вопрос в другом — что заставило его так поступить?.. Я встал и направился вслед за леди Ульфридой.

Она уже все рассказала мессире Леонарду, и я застал директора вышагивающим по кабинету, цокая копытами так, что на мозаичном полу вспыхивали искры. Петиция лежала на столе. Кроме леди Ульфриды, там была дама Морана. Никто не удивился моему появлению. Еще бы, ведь я был Мортонем. Тем самым Мортонем.

Запинаясь, я изложил коллегам свою точку зрения на виновность Эмиля.

— Вы же исследовали его, миледи, — в заключение обратился я к леди Ульфриде, —

что вы почувствовали?

— Понятия не имею, — призналась преподавательница стихийной магии. — Все было, как в тумане. На мальчика, несомненно, было оказано воздействие, причем чары накладывал некто настолько опытный, что могу сказать одно — в нашей школе таких специалистов нет. Даже Лилита — и та не смогла бы справиться лучше.

— В нашей школе нет? Что это значит? — остановился мессир Леонард. — На территории МИФ находится посторонний?

— Да. Или у кого-то из наших учеников потенциал гораздо выше, чем можно себе представить. Просто он до поры до времени скрывал свои истинные возможности...

— И заставил Эмиля взять на себя чужую вину! — закончил я.

— Вы ошибаетесь, Максимилиан! — осадила меня леди Ульфрида. — Эмиля НИКТО НЕ ЗАСТАВЛЯЛ это делать. Он сам захотел покрыть преступника. Просто тот, кого он спасает ценой своей чести и свободы, сумел придать ему необходимую решимость, твердость духа и поставил в его сознании мощный блок, чтобы мы не смогли пробиться к памяти мальчика с помощью гипноза.

— Значит, мы не сможем узнать, кто истинный преступник?

— Сможем, почему же нет? — сказала дама Морана. — Я сейчас же отправлю дополнительное извещение в Инквизиторский Совет. Они наверняка располагают специалистами, которые сумеют извлечь необходимую информацию, как бы преступник ни прятал ее. Разоблачение — лишь вопрос времени.

Я молчал, переводя взгляд с одного собеседника на другого. Меня снедали сомнения. Да, конечно, нужно узнать, кто в школе решил возродить секту Белого Мигуна и охотится на меня. Конечно, преступник должен быть наказан. Но это же ребенок! Неужели они не понимают, что отдают Инквизиторам мальчика? Мальчишку лет тринадцати-четырнадцати? У дамы Мораны старший сын прошел через застенки Инквизиторского Совета и покончил с собой. Неужели она настолько очерствела, что готова пожелать такой же участи чужому сыну? И еще, — вдруг мелькнула у меня мысль, — а что, если взять на себя вину другого Эмиля заставила обыкновенная мальчишеская дружба? А вдруг он просто спасал друга?

...Когда я учился в школе, у меня не было настоящих друзей. Разве что несколько приятелей, с которыми было интересно общаться и которые терпели меня, был брат, на которого я мог положиться, была Анастасия Мельник, русская красавица, ради которой я был готов умереть... Но друга, такого, чтобы пожертвовал ради меня всем, — такого друга у меня не было. Впрочем, мне ни разу не грозила смертельная опасность... А если бы грозила? Если бы я написал моим бывшим сокурсникам, что меня хотят убить? Кто из них примчится через сотни и тысячи километров мне на помощь? Никто. Потому что настоящая дружба встречается так же редко, как настоящая любовь.

— Извините, — подал я голос, — а Эмиль Голда — его родители были сектантами?

— Да. Так же, как и у его приятеля Антона. У одного — мать, у другого — отец. Вообще-то в нашей школе таких детей не так много — кроме этих двоих, еще трое-четверо.

М-да, маленькие сектанты. Неудивительно, что они крепко держатся друг за друга. И наверное, именно из-за этого так крепко сдружились с Даниилом Мельхиором, чей отец отдал жизнь...

Тьма рассеялась, и брызнул свет, такой яркий, что стало больно не только глазам, но и душе. Оставался один-единственный вопрос — кто из них двоих? Ошибиться отчаянно не хотелось — это профессионалы имеют право на ошибку, а я дилетант. Но Черный Вэл допрашивал именно Даниила Мельхиора! Даниила, который уже попадал в переплет. Даниила, чей отец освободил Белого Мигуна из заточения.

Надо было поговорить с ребятами.

Делегация все стояла у окна, но подойти к ним я не смог — возле ребят уже обнаружился Черный Вэл. Он возвышался над ними, как орел, и его скрипучий голос долетал до меня безо всяких усилий, словно зелейник знал, что я буду поблизости.

— Вы понимаете, что ожидает вашего приятеля? — говорил он. — О нем доложили

Инквизиторскому Совету!

— Эмиль ни в чем не виноват! — бросился защищать друга Антон.

— Я это знаю, — с ледяным спокойствием кивнул Вэл. — Более того, я знаю, что на самом деле Эмиль покрывает кое-кого другого, истинного виновника всех событий. И вы тоже знаете, кто виноват на самом деле.

Ребята загалдели, повторяя, что Черный Вэл ошибается.

— Это глупое геройство, — покачал тот головой. — Я никогда не ошибаюсь. И не называю вам ЕГО имени только потому, что мне самому не нужно, чтобы он оказался в руках Инквизиции. Я его предупреждал. Я он не захотел меня слушать. Так передайте ему, что я буду ждать. В любое время, в любом месте. Пусть приходит. Мои условия он знает. Если хочет спасти Эмиля, пусть соглашается на все и без споров!

Ребята молчали, изумленные таким поворотом дела.

— И запомните, — Вэл перешел на шепот, — в инквизиторских застенках несладко. Не честь, не свобода — сама жизнь Эмиля Голды в ваших руках. Инквизиторы убьют его — просто от досады, что не добились правды. А потом примутся за вас. Я же могу вас всех спасти. Если тот, о ком я говорю, сам придет ко мне. Понимаете — сам!

Не прибавив более ни слова, он повернулся и ушел. И я, и дети с одинаковым страхом смотрели ему вслед. Меня так и подмывало броситься обратно в учительскую и рассказать, как зелейник плетет свою паутину.

Не знаю, что меня остановило. Может быть, просто моя трусость. Ведь я боялся Черного Вэла. И опасался совершить ошибку.

Во время ужина я увидел Веронику — и сердце мое забилося так гулко, что, наверное, было слышно остальным учителям. Я кусал губы и старался изо всех сил делать вид, что меня не интересует эта шестикурсница, но голова сама поворачивалась вслед за нею. Я боялся этого чувства — и в то же время желал, наконец, испытать, каково это — любить. Не в силах больше сдерживаться, я вскочил с места, едва девушка направилась к выходу.

Мы покинули столовую почти одновременно — у меня хватило твердости духа задержаться возле буфета и выпить стакан чая прежде, чем сорваться с места, и затем с несолидной для учителя скоростью вылетел вон.

Вероника медленно шла по холлу, направляясь к лестнице на третий этаж. Раскуроченные доспехи уже привели в божеский вид, и первый этаж замка выглядел как всегда. Парадная дверь была распахнута.

Я догнал девушку как раз посреди холла. Она обернулась, услышав мои шаги, улыбнулась, и сердце у меня упало. Великие боги! Как сладко, когда тебе улыбаются!

— Привет, Вероника, — сказал я.

— Здравствуй... те.

— Как жизнь?

— Все хорошо.

— Знаешь, что случилось ночью?

— Вся школа знает.

— Спурий Волчий Хвост напал на меня. Если бы не оберег...

— Как — напал? — Глаза девушки распахнулись во всю ширь.

— Так. Ему приказали. Тот, кто украл нож. Ты знаешь, что мастер Спурий — оборотень?

— Да, с первого курса.

— Так вот. Нож ему был нужен, чтобы превращаться в волка. Тот, кто украл нож, управляет им. Именно он заставил Волчьего Хвоста броситься на меня.

— Но почему?

— Я же Мортон. Забыла?

— Не может этого быть! — прошептала девушка. — Я не верю! Нет! Он не мог!

— Ты знаешь, кто это?

— Нет! Нет! — Вероника бросилась ко мне, обхватила руками. — Он не мог этого

сделать!

— Это не Эмиль Голда?

— Нет! Но я обещала молчать! И вам я не скажу... Простите меня!

Сбоку послышались шаги. Кто-то из учителей возвращался из столовой. Я схватил девушку за руку, и мы нырнули за колонну. Тут стоял доспех, закрывающий нас от посторонних глаз. Я прижал Веронику к стене, поскольку моя учительская мантия была темнее ее платья. Девушка жарко дышала мне в шею.

Мимо нас прошли Берегиня и дама Морана. Они ни о чем не разговаривали, но я почувствовал, что обе дамы только что закончили важный разговор и пришли к общему мнению.

— Что ты знаешь? — прошептал я, когда завучи отошли достаточно далеко. — Ты знаешь, кто мог украсть нож и натравить на меня оборотня?

Девушка затрясла головой. Я знал, что она мне врет. Врет, несмотря ни на что.

— Не хочешь говорить — не говори, — согласился я. — Просто кивай, если я сам скажу правду... Итак, в школе известно, что случилось ночью?

Она кивнула.

— Это знают все?

— Почти, — прошептала Вероника после недолгого молчания.

— Все дети?

Она снова кивнула.

— Дети знают правду и молчат?

На этот раз был не кивок — просто ресницы качнулись вверх-вниз. Но мне этого было достаточно. Дети все знают. Они знают, кто выводил кровавые надписи, они знают или догадываются о возрождении секты Белого Мигуна. Они знают, кто стоит во главе секты — и молчат.

— Почему вы молчите? Вы боитесь довериться взрослым?

Вероника смотрела куда-то вдаль, и в ее глазах светилась горечь.

— Потому что взрослые все знают лучше нас, — наконец прошептала девушка. — Потому что они всегда правы. Потому что они думают, будто у них есть право распоряжаться чужими жизнями. Потому что мы сами хотим во всем разобраться.

— Но ведь это опасно! Адам Лекс пробовал — и теперь лежит в больнице! Вот она, ваша самостоятельность! Мы за вас отвечаем! И у нас есть право решать, что хорошо, а что нет!

— Хорошо только для вас! — воскликнула девушка, и глаза ее внезапно наполнились слезами. — А особенно для одного бесчувственного чурбана, который думает, что если он старше, то уже больше ничего не хочет!

Выпалив эту тираду, она оттолкнула меня так, что я чуть не потерял равновесие и схватился за доспехи, чтобы не упасть.

— Вероника!

Но девушка уже помчалась прочь.

Я вернулся к себе в комнату в отвратительном настроении. И причиной этому были не только последние события. Дети что-то знают или догадываются, но не хотят говорить взрослым. И это плохо, очень плохо, потому что ученики с их подростковым максимализмом не понимают, в какую опасную игру они ввязались. Случай с Адамом Лексом их ничему не научил. Даже судьба Эмиля Голды...

Нет, сказал я себе тут, Эмиль Голда тут ни при чем. Это яркий пример самопожертвования — но вот стоила ли тайна ТАКОЙ жертвы? Ведь в любом случае жизнь мальчишки будет сломана. И мы, учителя, старшие, взрослые, за это в ответе!

...Когда-то давно уже происходило нечто подобное. Меня на свете не было, но были мои родители и родители Эмиля и его приятеля Антона. Были живы Йозеф Мельхиор и его будущая жена, был еще молодым Черный Вэл. У дамы Мораны Геррейд было два сына, а не один, как сейчас. Были живы очень многие — и был Белый Мигун, к которому бежали

подростки. Одних влекла романтика, других — высокие идеи, третьих — возможность вырваться из привычного круга, возможность восстать против мира взрослых, навязывавшего свои ценности. Во все времена молодежь — та сила, на которую опираются диктаторы и тираны, потому что только молодежь готова ломать, не задумываясь о том, что и как будет строить на развалинах. Да, я понимал своего отца — с самого детства ему внушали, что он — Мортон, что на нем лежит огромная ответственность, что он должен прожить жизнь на благо магов всего мира, что Тайна — это почетная обязанность. Одни обязанности — и никаких прав. В спецшколе для детей из высшего общества наверняка были строгие правила, дома тоже не давали покоя. Я сам, став Мортонем официально всего год назад, уже начинал ненавидеть этот обычай. Как же, должно быть, было несладко отцу, выросшему среди понятий «долг» и «обязанность»! Секта стала для него глотком чистого воздуха, а моя мать — наградой за пережитые испытания.

...Прошу меня простить — я никоим образом не хочу оправдать секту Светлого Пути как таковую. Я просто пытаюсь объяснить, ПОЧЕМУ уходят подростки. И почему я сам, наверное, ушел бы, если бы моя жизнь сложилась чуть по-другому. На взрослых лежит громадная ответственность, единственный наш долг — это сделать так, чтобы дети ЗАХОТЕЛИ жить в построенном нами мире. И чтобы они захотели сохранить и передать этот мир своим детям.

Сейчас в Школе МИФ происходило нечто подобное началу секты. Конечно, никакого Белого Мигуна тут быть не могло, но нашелся кто-то, сумевший его заменить и незаметно для всех перетянувший на свою сторону всю школу. Если бы знать его цели, можно было бы подумать, как вывести детей из-под его влияния. Ведь из-за него Адам Лекс лежит в больнице, из-за него Эмиль Голда сидит под замком и ждет приезда Инквизиторов. Из-за него в Комнате Без Углов провела не самые приятные три дня Вероничка...

Здесь стройный ход моих мыслей дал сбой. Вероничка... От мыслей об этой девушке мне стало сладко и больно. Я не видел ее вот уже два часа. И я обидел ее при нашей последней встрече. Сумеет ли она меня простить?

До отбоя оставалось совсем немного времени, и я заметался по комнате, не зная, на что решиться. Я ведь не герой, не люблю риска и предпочитаю тихие кабинетные рассуждения суете и шуму. Даже прежде чем кинуться к понравившейся мне девушке, я должен взвесить все «за» и «против», дабы не наломать дров.

Сложность заключалась в том, что она была моей ученицей. Если бы она была, скажем, одноклассницей моей сводной сестры Эммы, мне было бы проще переступить этот порог. Но я был ее учителем, я не имел права испытывать к ней какие-либо чувства. Мой долг — опять долг! — состоял в другом.

Мысли мои снова и снова возвращались к Веронике. Наша встреча на лестнице в Башне Баньши. Урок по уходу за единорогами... Ее вечерний визит в живой уголок за подсказкой по магии слова... Ее пристальные взгляды на лекциях и смущение, когда я спросил, что с нею происходит... Я уже тогда ей нравился, но она не смела даже намекнуть... Приглашение на день рождения... Ее любовное письмо, и наконец, как застала она у меня в комнате Лыбедь... Учительница магии жеста и танца сразу догадалась, зачем пришла девушка!.. Но я же не виноват! Видят Семеро Великих — я боролся со своими чувствами, но чары Вероники оказались сильнее...

Чары!

Я остановился посреди комнаты, прекратив расхаживать из угла в угол. Чары... чары... Чары?

Что такое любовные чары, я знал — сам когда-то хотел приворожить Настю Мельник, да духа не хватило. Любовная магия используется магами довольно часто и приносит не совсем те плоды, которые получают простые смертные, если пытаются применить те же знания друг против друга. Разница между магами и простыми смертными состоит в том, что влюбленный маг не только зачаровывает любимого, но и САМ МЕНЯЕТ свое сознание в нужную сторону, а простой смертный ограничивается тем, что привязывает к себе объект

любви, не меняясь сам.

...Эти сухие рассуждения помогли мне ненадолго отвлечься от сжиравшего меня пожара чувств. Я понимал, что должен немедленно бежать к Веронике и на коленях просить прощения за то, что обидел ее подозрением, но осознание того, что все это заставляет меня проделывать магия, удерживало меня на месте. Неужели это правда и я зачарован? Вероника не могла так со мной поступить. Она слишком хорошая, слишком добрая, слишком необыкновенная...

Но и СЛИШКОМ внезапно все началось. Буквально пару недель назад, когда у меня пропал платок. И сильнее всего чувство было неделю спустя, после того случая в рекреации. Тогда, кстати, я видел мой платок у Вероники — она вытирала мне кровь с лица. Я хорошо помнил пятна моей крови...

Пятна моей крови! На моем платке! В руках Вероники!

Вероника — ведьма! Внучка знаменитой Вероники Вайды, прорицательницы и чародейки!

Мне стало страшно. Магия чувств на крови слишком сильна, чтобы с нею можно было бороться. И дело не только в том, что мне внушили любовь — кровь могла попасть к моему врагу. О том, что ждало меня в этом случае, не хотелось и думать.

Сорвавшись с места, я помчался на третий этаж. До отбоя оставалось меньше часа, этажи уже почти опустели. Только со второго доносились крики и беготня — первокурсники, несмотря на последние события, не теряли жажду жизни.

Рекреацию, где жили шестикурсницы, я нашел легко, но несколько минут простоял у решетки, боясь, что меня заметят посторонние. Совсем рядом находилась комната Сирены. Если она заметит меня тут...

— Мастер Мортон? мимо пробежала Инга Штурм. — Вы к кому?

— К Веронике, — ответил я, чувствуя себя как никогда глупо. — Она дома?

— Да. Позвать?

Девушка выбежала мне навстречу в легком домашнем платъице, вся такая свежая, тревожно-счастливая, что у меня упало сердце, и заготовленная речь, которую я репетировал несколько минут, вылетела из головы.

— Это вы?

— Отойдем! — Я взял девушку за руку и утащил ее в нишу окна. Здесь висели темные портьеры цвета червонного золота, из окна в холл изливалась ночная темнота, а от входа в девчоночью рекреацию нас было практически невозможно увидеть.

Девушка смотрела на меня влюбленными глазами, и я с трудом вспомнил, что хотел сказать.

— Вероника, я не могу без тебя жить. — Эти слова вырвались у меня взамен заготовленных, и я сам ужаснулся тому, что говорю, но остановиться уже не мог. — Ты мне снишься каждую ночь, я не могу спокойно на тебя смотреть. Мне безумно хочется поцеловать тебя. Я просто не владею собой... Вероника, скажи мне честно — я заколдован?

Затаив дыхание, я ждал ответа. Что бы ни сказала девушка, я приму ее слова на веру, потому что чары, если они были, сделали меня доверчивым. Но мне нужно было знать правду. Очень нужно, иначе...

— Вероника, пожалуйста, не молчи! Скажи хоть что-нибудь! Я не рассержусь. Мне просто надо знать... Ну пожалуйста, Вероника!

Я схватил ее за плечи, встряхнул. Она опустила голову и стояла передо мной такая же беспомощная, как и две недели назад, когда ее поймали ночью в коридоре школы.

— Да.

— Вероника?

— Да, — чуть громче повторила она.

— Ну почему? — Я сел на подоконник — меня не держали ноги. — Скажи на милость, зачем ты это сделала?

— Вы мне нравитесь. Очень нравитесь, но вы не обращаете на меня внимания. — Она

всхлипнула. — Я думала, что вы... я так хотела, чтобы все было хорошо... И ведь было хорошо, правда же?

— Вероника, нельзя играть с чувствами. Это очень тонкая и сложная стихия. Здесь так легко ошибиться... Если бы ты знала, как мне сейчас больно! Если бы ты только могла понять, что натворила!

— Пожалуйста, — голос девушки дрожал, она была готова заплакать, — я не думала... я просто хотела... Вы мне так нравитесь! Никто из мальчишек мне так не нравился, как вы! Вы лучше всех! Вы самый-самый. ну, пожалуйста...

— Вероника, не начинай снова, — я постарался взять себя в руки. Чары или нет, но я обязан бороться с колдовством. — Это запрещенный прием! Любовная магия очень опасная штука. Спроси у дамы Лыбеди, она все тебе объяснит. Нельзя так манипулировать другими людьми. Тем более мной! Я твой учитель! Если узнают, это будет такой скандал! Мы оба вылетим из школы!

Вероника заплакала. Она плакала молча, опустив голову, и не пыталась вытереть слезы. Смотреть на это спокойно я не мог. Наверное, я слабохарактерный или же ее неумелая магия все-таки принесла свои плоды, но я пошел на попятную.

— Ну, Вероника, ну пожалуйста, — сдался я. — Если хочешь, я могу быть тебе другом. У меня никогда не было друзей-девушек, правда-правда! Мы же можем дружить? И мы уже друзья, ведь так? Вспомни — у нас есть общая тайна... Там, в Башне Баныши! И еще я готов помогать тебе делать уроки. Ты заходи, одна или с подружками, я помогу. Только не надо больше пытаться влюбить меня в себя. Этого нельзя делать, понимаешь?

Не поднимая глаз, Вероника покивала головой.

— И пожалуйста, сними свое заклятие. И верни мой платок. Хорошо?

— Угу.

Мы постояли еще немного — я дал девушке время прийти в себя. Если она сейчас явится в рекреацию зареванная, ее подружки обо всем догадаются, а мне не хотелось, чтобы она лишний раз переживала. Но в конце концов, это ее первый опыт любви. Пусть учится!

Вероника долго молчала, переживая. Потом подняла глаза:

— А вы правда будете со мной дружить?

Я рассмеялся:

— Вероничка, какой ты еще ребенок! Конечно, буду! — Я протянул ей руку. — Можешь всегда на меня положиться!

Девушка улыбнулась, и мы скрепили наш дружеский союз рукопожатием.

Я возвращался к себе в приподнятом настроении, словно сбросил с плеч громадную ношу. Правда, легкость была обманчива — мне было слишком легко, настолько, что любой ветерок мог унести меня куда угодно. Человеку не должно быть всегда хорошо — это закон природы. Но сейчас я не хотел думать ни о чем постороннем. Одна проблема решена, другие будем решать по мере поступления.

Четвертый этаж уже погрузился во тьму — до отбоя оставались считанные минуты. Серели только пятна высоких зарешеченных окон, смутно мерцал вдали факел возле лестницы, да из-под двери учительской пробивалась полоска света. Интересно, кто засиделся тут?

Я по натуре человек не любопытный — ну сидят там допоздна, значит, есть дела. Несколько раз я сам оставался в учительской после отбоя, увлекшись проверкой контрольных работ или заполняя журналы в конце прошлого полугодия. Наверное, там дама Морана составляет вопросы к экзаменам. До конца года, правда, еще больше двух месяцев, но настоящая завуч начинает готовиться к экзаменам с первого дня учебы.

А потом послышались голоса. И, различив первые же слова, я машинально отступил в тень, прижимая к колонне.

Позвякивая кольчугой, из учительской вышла Берегиня. Боевой маг была не одна. С нею вышел мессир Леонард и дама Морана. Берегиня взмахнула тонким копьём, очерчивая круг.

— Никого, — прошептала она. — Все уже спят.

— Я сейчас пойду дам сигнал к отбою, — тихо проблеял мессир Леонард.

— Не стоит, — покачала головой старуха. — Еще шесть минут осталось. Это может навести на подозрения. Пусть думают, что все идет как прежде.

— Невея Виевна предупреждена? — Это спросила дама Морана.

— А как же! — Нежить возникла рядом с заговорщиками. — Я только что переговорила с привидениями — они обещали задержать Закладную Жертву и на всякий случай убрали с этажа всех домовиков и брауни.

— Это зря. Шныряющие домовики — лучший показатель, что все идет, как обычно!

— Их с успехом заменит Нетопырь. Это он умеет!

— А если все зря? Если эта ночь ничего не даст? Если мы ошиблись? — продолжал сомневаться директор.

— Я же при вас раскидывала руны! — всплеснула руками дама Морана. — Как можно быть таким недоверчивым!

— Вы сами помните, как легла руна Ансуз. Руна-пересмешник! Боги готовят нам сюрприз!

— Помолчите вы! — оборвала спорщиков Берегиня. Она опять описала кончиком копья полукруг, и я заметил, что он слегка светится. — Хотите переиграть все в последнюю минуту?

— Тут кто-то есть! — Невея взвилась в воздух легко, словно сама была привидением, и я похолодел. Ну что бы мне пройти мимо чуть раньше или задержаться у девушек! Все безопаснее, чем тут!

Берегиня легким прыжком выскочила вперед и сделала несколько боевых движений. Такое я видел только в кино и залюбовался ее отточенными жестами. Взмахнув последний раз копьём, старуха выпрямилась.

— Конечно, есть! Но это не тот, кого мы ищем. Пошли! Не стоит терять время!

— Я все-таки дам сигнал к отбою! — заявил мессир Леонард и убежал обратно в учительскую. Минуту спустя где-то вдалеке разнеслась мелодичная трель. Я знал, что она повторится еще ровно через шестьдесят секунд и тот, кто за этот промежуток времени не успеет добежать хотя бы до своей рекреации, будет считаться нарушителем общественного порядка. Привычка, выработанная еще со школьных лет, едва не сорвала меня с места.

Мимо меня на большой скорости пронесся Малюта Скуратов. Привидение лихо спланировало к ногам Берегини и отдало честь правым крылом:

— Докладываю! Вверенные мне военно-воздушные духи заняли боевые позиции. Ждем приказаний начальства!

— Вы знаете, что делать! — прошипела Берегиня. Такой я еще ее не видел — старуха стала злой, колючей и озиралась вокруг с таким видом, словно за каждой колонной притаился целый отряд боевиков и даже ее коллеги — и те были предателями и преступниками.

Нетопырь и Невея Виевна растаяли в воздухе, а к Берегине и даме Моране присоединился мессир Леонард. Все трое крадучись двинулись по коридору — боевой маг впереди, дама Морана за ним, а замыкал мессир Леонард.

Я с тоской посмотрел в сторону своей комнаты. Не отправься я выяснять отношения с Вероникой или просто уйди чуть раньше — и сидел бы у себя, ничего не зная о творящихся в школе делах. Но теперь я просто не мог позволить себе спокойно вернуться в комнату. Начальство что-то задумало. Я должен узнать правду!

Заговорщики не взяли с собой ни свечи, ни факела. Настоящий боевой маг может видеть в темноте, а пуке, каким был мессир Леонард, вообще предпочтительна тьма. Исключение составляла дама Морана да неприспособленный я.

Это ужасно трудно — следить за теми, кто сам вышел в дозор! Нельзя выдать не только себя, но и тех, за кем следишь. Говорят, в этом и состоит экзамен на боевого мага — двое следят друг за другом, стараясь сделать так, чтобы ни противник, ни экзаменатор его не

заметили. Проигравшим считается тот, кого обнаружат первым.

...Нет, мне нельзя отправляться в дозор! Задумавшись, я не заметил, куда ступаю и опомнился лишь, когда под ногой что-то хрустнуло.

Звук был совсем тихим, но тренированное ухо Берегини его уловило.

— Стоять! — тихо рыкнула она. — Кто идет?

Обнаруживать себя у меня не было ни малейшего желания, но я совсем забыл о привидениях. Не успел я пошевелиться, как над моей головой возник Нетопырь и высыпал мне на голову пригоршню конфетти, оставшегося от праздника Йоль.

— Тук-тук! Кто там? — воскликнул он.

Берегиня тут же оказалась рядом, и светящееся копьё уперлось мне в нос. При его мерцающем свете моя физиономия, должно быть, выглядела очень забавно, потому что в следующий миг боевой маг опустила оружие и скривилась, что означало у нее улыбку:

— Так вот кто тут шляется!

— Мортон, что вы тут делаете? — прошипела дама Морана. — Кто дал вам право здесь находиться? Вы что, не знаете, где вам надлежит быть?

— Вот и обещанный рунами сюрприз, — сказал мессир Леонард. — В самом деле, Максимилиан! Что случилось?

— Это я должен спросить у вас, — ответил я. — Я шел к себе и услышал ваши голоса. Мне показалось, что вы задумали что-то серьезное.

— В высшей степени серьезное! И вам будет лучше, если вы немедленно уберетесь отсюда! — тихо зарычала дама Морана. — И напишете объяснительную по поводу ваших ночных скитаний где ни попадя!

— Никуда Максимилиан не пойдет, — оборвала ее Берегиня. — Вы хотите, чтобы он спугнул добычу?

— Он ее и так спугнул — своим грохотом и топотом!

— Да замолчите вы обе! — не выдержал мессир Леонард. — Не стоит терять время!.. Нетопырь?

— Я здесь. — Привидение зависло в воздухе над моей макушкой.

— Что там?

— Все тихо, вашбродь! — Малюта Скуратов отсалютовал крылом.

— Тогда идем. Максимилиан, будьте подле меня.

Я не без трепета коснулся ладонью густой шерсти на толстой холке директора. Мне было страшно. Уж больно настороженна и собранна была Берегиня, и слишком злым был взгляд дамы Мораны. Я не сомневался, что попал в очередную неприятность, и гадал только об одном — куда все собрались?

Все-таки не зря мессира Леонарда принимали за исчадие Преисподней — по сравнению с его копытами я топал, наверное, как стадо слонов. Держась одной рукой за его шерсть, второй я шарил вокруг себя и только благодаря этому вовремя догадался, что мы спускаемся по ступеням. Лестница была узкая, на ней царил крошечный мрак, и если бы не светящийся кончик копья Берегини, я бы запаниковал. Ну не люблю я темноты!

Малюта Скуратов кружил над нашими головами. Ему, призраку летучей мыши, мрак был нипочем. Однажды он задел меня по щеке крылом, и я еле сдержал вскрик.

Лестница закончилась на маленькой площадке. К тому времени глаза мои немного привыкли к темноте, и я разглядел, что впереди открывается длинный коридор, похожий на тот, где мы обнаружили Адама Лекса. Но что-то мне подсказывало, что это не тот этаж.

К Нетопырю присоединилась Студентка-Неудачница. Смущаясь и нервно теребя передник, она доложила, что все тихо, и испарилась. Сам Нетопырь взмыл к потолку и прилепился там к каменной колонне.

Мы молчали, слушая биение своих сердец и приглушенное дыхание. Меня так и подмывало спросить, что мы тут делаем, но я боялся нарушить тишину и только крепче сжимал свой амулет.

Сколько прошло времени — не знаю. Берегиня замерла в стороне от нас, слившись с

темнотой. Погас даже кончик ее копья, и я не был уверен, что боевой маг осталась на месте. Дама Морана дышала мне в затылок. Мессир Леонард оцепенел, что вообще характерно для существ его племени.

Чувства мои были обострены до предела, поэтому я догадался, что тот, кого мы ждем, вот-вот появится, раньше, чем в глубине коридора мелькнул огонек. Зал с двумя рядами высоченных колонн был таким длинным, что я успел испугаться блуждающего огонька и успокоиться. Дама Морана нервно сжала мне локоть, словно боялась, что я закричу. Как ни странно, прикосновение завуча придало мне уверенности. Я обернулся к ней и ободряюще кивнул. Кивнул — и заметил, что она улыбнулась мне в ответ.

Огонек приближался. Скоро стало ясно, что это свечка и что несет ее кто-то невидимый... Нет, прошу прощения, все-таки видимый, но облик его был размыт. Мы видели только высокий стройный силуэт в длинном плаще. От фигуры исходили волны Силы. Кто бы это ни был, перед нами был могучий маг.

Я обернулся на даму Морану. Она во все глаза смотрела на незнакомца и лишь покачала головой, показывая, что ничего не может мне объяснить. Ее рука по-прежнему лежала на моем локте.

Незнакомец приблизился, и стало заметно, что свеча в его руке из черного воска — такие применяют для вызывания мертвецов и в магии вуду. Остановившись в нескольких шагах от нас, незнакомец поставил свечу на пол. Она озарила железную дверь в стене, и я вытаращил глаза.

Мы стояли возле Комнаты Без Углов! Там, где сейчас сидел Эмиль Голда!

Постояв несколько секунд, глядя на дверь, незнакомец опустил на корточки перед ней и вытащил из-под плаща нож. Внимательно осмотрел его и поднес кончик лезвия к пламени свечи.

Нож вспыхнул, как маленькое солнце. На миг все стало видно, как днем. Я заметил оцепеневшего мессира Леонарда, подкрадывающуюся Берегиню, даже Студентку-Неудачницу, зависшую в воздухе за колонной. Потом все погасло, но я успел узнать нож. Он принадлежал Спuriю!

В следующий миг Берегиня без замаха, с места, метнула копье.

Я не видел броска — просто копье вдруг вонзилось в плиты пола на том месте, где только что сидел на корточках незнакомец. Но его там уже не было. Стремительная тень уносилась прочь по коридору и наверняка скрылась бы, но на ее пути встала Студентка.

— Отец Побед, прими... — начала было она что-то кричать, но незнакомец промчался сквозь нее, и привидение серой пеленой упало на пол.

— Стоя-а-ать!

Нетопырь камнем рухнул на голову беглеца, отчаянно колотя крыльями. Дождь конфетти, мелкого мусора и пыли посыпался на плащ. Конечно, это не могло остановить незнакомца, но Берегиня успела выдернуть копье из плит пола и бросилась наперерез...

И отлетела в сторону, отброшенная каким-то незнакомым мне приемом.

— Мессир Леонард! — простонала дама Морана. — Что же это!

Директор под моей рукой стоял, словно окаменев, и я сделал то, что не смог бы повторить больше никогда. Я просто сжал кулак и ударил мессира Леонарда по голове.

Пука очнулся. Он сделал всего один мягкий, кошачий шаг вперед, опустил голову — и ринулся за беглецом.

Незнакомец остановился, выбросил руку с зажатым в ней ножом, выкрикнул что-то, но остановить мессира Леонарда не сумел. Витые рога врезались ему в живот. Нож вылетел из ослабевших пальцев, со звоном упал наземь, а вслед за ним рухнул и незнакомец.

В тот же миг Берегиня, оправившись от удара, зверем прыгнула на него и со всего размаха огрела по голове.

Мы с дамой Мораной подбежали в тот миг, когда она сорвала с его лица капюшон плаща.

— Не может быть!

Глава 15

Перед нами лежал Даниил Мельхиор!

Я поднял свечу и осветил его лицо.

Сомнений не было. Даниил Мельхиор, бледный, с закатившимися глазами и расплывающимся синяком на скуле — след удара Берегини, — лежал на полу, придавленный ее коленями. На нем был плащ, скрывающий мага в темноте, под ним мальчик был совершенно наг, если не считать широкого пояса, увешанного амулетами.

— Черная магия вуду, — с презрением прошептал мессир Леонард, раздавливая копытом один из них.

— Кто бы мог подумать! — промолвил я.

— Мы! — ответила дама Морана. — Мы знали, что Эмиль Голда мог покрывать настоящего преступника, и решили устроить засаду — на всякий случай. А чтобы не прогадать, пустили слух, что вызвали Инквизиторов. Мы решили, что Эмиля постараются освободить.

Я только покачал головой. Оказывается, не мне одному приходят в голову оригинальные мысли!

Даниил вдруг пошевелился и открыл глаза. Я напрягся, стискивая амулет в кулаке. Мне подумалось, что он будет сопротивляться, но мальчик повел себя странно. Оглядевшись, он захлопал глазами:

— Где я? Вы... что тут происходит?

— Это ты должен сказать нам. Откуда у тебя этот нож? — Дама Морана сунула ему под нос нож Спурия.

— Н-нашел.

— Где?

— В канализации... Понимаете, — быстро заговорил Даниил, — мы же все знаем, что мастер Спурий превратился в волка потому, что у него отняли заколдованный нож. И что его взял Эмиль. И что он его потерял. И что за это его посадили в Комнату Без Углов. Вот я и подумал, что если найду нож, то Эмиля отпустят. И я хотел его вернуть Эмилю... ну, чтобы он передал его мастеру Спурию.

— А почему ты не принес его в учительскую? И что тут делал ночью, да еще в таком виде?

Даниил оглядел себя и густо покраснел. Он попытался прикрыться, но Берегиня крепко держала его за локти.

— Пожалуйста, отпустите меня, — попросил он.

— Вот уж дудки! Попался — так ответишь, — процедила боевой маг.

— Пустите!

— Мальчик, ты только что применял запрещенную в Школе МИФ магию вуду. Ты использовал амулеты и колдовал. Это очень серьезное правонарушение. За свои поступки надо отвечать, — назидательно покачал рогами мессир Леонард.

— Позвольте ему хотя бы одеться, — не выдержал я. — Не унижайте мальчика!

— Это не мальчик — это преступник! — возразила дама Морана.

Даниил заплакал.

— Это не я! Я ничего не делал!.. Я не знаю, кто это! — причитал он сквозь слезы. — Я не хотел! Я больше не буду!

— Конечно, не будешь. — Берегиня рывком поставила его на ноги. — После того, как с тобой побеседуют инквизиторы, ты серьезно пересмотришь свое поведение!

Рыдание Даниила после этого само собой перешло в сдавленный скулеж. Даже я содрогнулся, представив себе инквизиторов, и от души посочувствовал мальчишке. Но поделать ничего не мог. Я только стоял и смотрел, как Берегиня уводит арестованного.

Рядом материализовался Нетопырь. Призрак летучей мыши был помят, одно ухо висело криво, задняя лапа нарочито поджата, но вид его был гордый.

— Ты видел, как я его? Видел? — заглянул он мне в лицо. — Пф-ф! И готово! Это было здорово, правда? Я герой, правда?

— Герой-герой, — покивал я.

— Что с тобой? Тебя зацепили?.. Эй, Невея! Тут человек помирает!

— Со мной все в порядке, — оборвал я. — Просто нет настроения.

— А ты умри и сразу все проблемы решатся! Давай прямо сейчас, а? Я помогу, если что!

— Спасибо, не хочется, — отказался я, поднял с пола забытую свечу и пошел к себе в комнату.

За неимением второй Комнаты Без Углов Даниила заперли в одном из склепов. И хотя все учителя молчали, словно набрали в рот воды, о его пленении каким-то образом стало известно всей школе.

Еще за завтраком я понял это. Старшекурсники яростно шептались, замолкая, если кто-то из учителей проходил мимо. Третий курс вообще хранил гробовое молчание, и многие порции так и остались нетронутыми, а младшекурсники озирались вокруг с откровенным страхом.

И надо же такому случиться, что в этот день вторник — все четыре моих урока были у третьего курса! Хорошо хоть группа Даниила и Эмиля сегодня не должна прийти!

Но одного взгляда на суровые лица подростков мне хватило. Я встал на кафедре, постоял, собираясь с духом, и сказал:

— Сегодня я хотел устроить контрольную работу по магическим обитателям славянского мира, но вы все знаете, что произошло накануне днем и этой ночью. Поэтому контрольной не будет. — Мальчишки удивленно переглянулись, но никто не проронил ни звука. — Предлагаю просто посидеть и помолчать.

И сел, сцепив пальцы в замок. Будь моя воля, я бы вообще отменил сегодня занятия. А сейчас мне как никогда хотелось побыть одному.

Мальчишки не сводили с меня глаз. Я чувствовал, что у них на языке вертятся десятки вопросов, и не удивился, а скорее обрадовался, когда с задней парты раздался робкий голос:

— А что теперь будет?

— С вашими товарищами? Про Эмиля Голду ничего сказать не могу, а Даниила Мельхиора отдадут Инквизиторам.

Вот тогда они все и ахнули:

— Как — отдадут? Зачем? Почему?.. Что с ним будет?

— Они его убьют? — со слезами в голосе спросил пухлый щекастый мальчик, светлыми кудряшками похожий на девочку.

— Не знаю, ребята. Надеюсь, что Даниил останется жив.

— А я слышал, что Инквизиторы отрезают у людей магию, — сказал кто-то из детей. — И что от этого умирают, потому что это очень больно.

— Нет, — ответил я. — Инквизиторы... Я, правда, не знаю, что они делают, но боюсь, Даниила ожидают большие неприятности. Его вряд ли убьют, но и хорошего тоже ждать не приходится. Инквизиторы разберутся, как его наказать.

— А мой отец говорит, что инквизиторы убивают магов! — хныкал тот же пухлый мальчик.

— Глупости! — повысил я голос. — Конечно, наказание бывает очень суровым, но надо сперва установить степень вины...

— Дэн ни в чем не виноват! — закричало сразу несколько голосов. — Он тут ни при чем!

— А кто при чем? Ребята, в школе действительно происходили странные события. Кто-то пытался возродить секту Светлый Путь. Она была запрещена двадцать лет назад. А теперь ее гуру, Белый Мигун, на свободе. И если он вернется к власти, плохо придется всем.

Двадцать лет назад сектанты убили очень многих...

— Да, — сказал мальчик на задней парте, — у моей мамы погибли родители.

— Вот видите!

— Но ведь это сделал не Дэн!

— Конечно, не он. Но он мог подготовить все для возвращения Белого Мигуна. А тот вернулся, чтобы мстить. Это очень опасно, ребята... Мне тоже жалко Даниила, но... Но я боюсь Белого Мигуна. Он враг нам всем.

— Мы можем чем-нибудь помочь?

Я поискал глазами говорившего. Это был Мартин Стурулсон, младший брат Марты Стурулсон, капитана команды шестикурсниц по мамбалету. Мальчишка был решительный и деловой. Я покачал головой:

— Нет. К сожалению, мы ничем не сможем им помочь.

— Может быть, вы пойдете к директору? Мы с вами...

— Нет. Мессир Леонард отправил сообщение в Инквизиторский Совет. Завтра или послезавтра сюда должны прибыть десантники с Искателями.

— А что это такое?

— Ай-яй-яй! — притворно рассердился я. — А еще уроки учите!.. Что такое Дикая Охота, знаете? Так вот, Искатели выведены инквизиторами из собак, сопровождающих Дикую Охоту. Искатели специально натасканы на поиск магов-преступников. Они никогда не ошибаются и если берут след, то могут идти по нему годами. Три десятка Искателей сейчас рыщут по свету в поисках Белого Мигуна и рано или поздно его отыщут. И будут гнать, пока не загонят.

— А на что Искатели похожи?

— Делаю вам замечание, ученик Стурулсон, — сказал я. — Искатели похожи на Грумантского Пса со Шпицбергена. Это большие черные звери без хвоста, но с торчащими ушами. Простые смертные знают об их существовании и знают, что они преследуют магов. А поскольку простые смертные нас в большинстве своем недолюбливают, то в их понимании черные собаки считаются друзьями. Есть даже примета: увидеть во сне черную собаку, значит, обрести верного друга. А подвергнуться ее нападению — значит, верный друг тебя защитит. Ну а для мага увидеть черного пса во сне означает, что им заинтересовались инквизиторы.

— И это... эта... и оно придет в школу?

— Да. И выяснит, кто виновен, а кто нет. Искатели не ошибаются!

Мальчишки тихо зашептались, а я подумал, что очень надеюсь на чудо — чтобы Искатель ошибся и не нашел среди наших учеников преступника.

На большой перемене, когда я спустился в столовую, меня остановила дама Морана. Завуч была бледна от сдерживаемой ярости.

— Что вы себе позволяете, лорд Мортон? — прошипела она, не утруждая себя необходимостью говорить потише, ибо вокруг было полно детей. — Что за слюнтяйство? Что за пораженческие настроения? К чему вы призываете детей?

— Я вас не понимаю.

— Не понимаете? Немедленно отправляйтесь и пишите объяснительную, почему вы сорвали урок!

— Я не...

— Вы позволили себе вольнодумство относительно Инквизиторского Совета! Вы вели недопустимые речи! Вы не имели никакого права рассказывать детям об Искателях!

— Но в школьной программе...

— Разве там сказано, что надо агитировать против Инквизиторов? Делаю вам выговор, лорд Мортон. Еще раз узнаю, что вы беседуете с детьми на посторонние темы — берегитесь!

Отчитав меня, как мальчишку, на глазах доброй половины школы, завуч удалилась, гордо расправив плечи. Чувствуя на себе пристальные взгляды, я прошел на свое место. Аппетита не было, и я вяло ковырялся в салате. Я был бы рад провалиться сквозь землю.

Рядом зашуршало платье — ко мне подседа Лыбедь. Сейчас мне никого не хотелось видеть, но я накануне дал себе слово бороться с любовной магией Вероники и улыбнулся коллеге.

— Ей все это выложил третий курс, — объяснила мне преподавательница магии жеста. — Они пришли к ней и попросили раскинуть руны, чтобы узнать, что ждет обоих учеников у инквизиторов. И, естественно сообщили, что это вы им рассказали об Искателях и тому подобном. Дескать, мы все равно все знаем и взрослые не имеют права скрывать от нас правду. Каково?

— Они правы, — тихо ответил я. — Дело касается их друзей. Не стоит недооценивать детскую дружбу. Эмиль Голда пожертвовал собой ради друга...

— На ученика Голду было наложено заклятие! Маска изучила его ауру и пришла к такому выводу. Он не сознавал, что творит. Когда инквизиторы очистят его память, он ужаснется и первым откажется от Мельхиора, который довел его до этого.

— Он этого не сделает, — возразил я. — Вы не знаете детей.

— Максимилиан, я работаю в школе уже... уже много лет, — улыбнулась Лыбедь. — И подростков знаю как облупленных. Они меняют настроение по пять раз на дню. Переходный возраст, знаете ли! Их привязанности недолговечны, увлечения поверхностны...

Мимо со своими подружками проходила Вероника. Девушка нарочно не обращала на меня внимания, слишком нарочно. «У меня все хорошо!» — говорила ее улыбка и звонкий голос. «У меня все плохо!» — противоречили ее глаза. Ах, Вероника, если бы ты знала как плохо и мне! И если бы мы могли поменяться проблемами!

Наутро нас разбудил Голос Школы. Мессир Леонард опять вызывал учителей к себе в кабинет.

«Прибыли инквизиторы! — была моя первая мысль, когда я вскочил с кровати и запрыгал на одной ноге пытаясь попасть в штанину. — Прибыли инквизиторы, и директор хочет провести с нами инструктаж. Наверняка с ними и Искатель, и мне, как специалисту, необходимо познакомиться с этим зверем. Возможно, я даже буду его поводырем...» Увы, я не знал, как работают Искатели и нужны ли им люди-помощники.

Но в кабинете директора никого постороннего не было. Мессир Леонард ждал нас в своем кресле, рядом стояла мрачная дама Морана. Похоже было, что новости у нее не из приятных. Большой котел был наполнен разбавленным вином до отметки 111 — ждали важных сообщений.

Когда я вошел, сразу поискал глазами Спурия. Оборотень был уже в своем человеческом облике и крепко сжимал рукой висящий на груди заветный нож. Дама Лилита держала его под руку с радостным и независимым видом. Я искренне порадовался за эту пару. Оборотень тоже нашел меня взглядом и подмигнул, показывая на свой нож. Уж теперь-то он не доверит его никому — особенно после того, как виновник всех бед был обнаружен.

Последним в кабинет прошел Черный Вэл и встал у Двери, подпирая ее широкими плечами. Только после этого мессир Леонард прыгнул с кресла.

— Уважаемые коллеги, — начал он, — вчера ночью произошло важное событие: нами был обнаружен виновник всех происшествий. Это Даниил Мельхиор, бывший ученик Школы Полых Холмов в Англии, племянник всем известного Клада Мельхиора. Мальчика подозревают в покушении на жизнь и здоровье некоторых учителей, а также в незаконном использовании магии вуду. Есть и другие обвинения в его адрес, но полагаю, о них не стоит распространяться...

— Но почему же? — перебила директора дама Морана. — Я думаю, можно сказать — мы считаем, что ученик Мельхиор собирался реанимировать в стенах нашей школы секту Светлый Путь, созданную Белым Мигуном много лет назад.

— Ах, как это ужасно! — тут же запричитала Лыбедь и придвинулась ко мне ближе. — Страшно подумать, Максимилиан, чем это могло нам грозить!

— Я всегда была уверена, что мысли этого отрока глубоки и таят в себе опасности, — изрекла Маска. — Он подобен океану — на поверхности может быть штиль, но медузы уже

почуяли идущую со дна бурю и спешат убраться подальше. И кто знает, какие сокровища и чудовища таятся в глубине его детского "я"!

— И ведь утянул за собой невинного Эмиля! — поддакнула ей Сирена. — Совратил душу чистую!

— Простите, коллега, но тот, кто связался со злом, не может быть невинен, ибо запятнан сим деянием, вольным или невольным! — тут же пустилась в полемику Маска.

Две подруги уже готовы были сцепиться в мистико-философском споре, но директор притопнул копытом:

— При желании мы сможем устроить ради вас диспут, но сейчас мы собрались сюда для другого. Вчера утром дама Геррейд послала в Инквизиторский Совет запрос и поставила в известность Комитет по Образованию и Культуре, дабы вышестоящие смогли принять решение. Выяснять, насколько виновен каждый из детей, не в нашей юрисдикции. Мы не сможем ничего доказать, даже имея на руках все улики и факты. Мы просто не имеем на это права! Поэтому Инквизиторский Совет и узнал о происходящих в Школе МИФ событиях.

Он посмотрел на даму Морану, и мрачная завуч продолжила за него:

— К сожалению, Совет отклонил мою просьбу немедленно изолировать виновника и его сообщников. Они только пообещали, что рассмотрят наше сообщение и вынесут решение сегодня утром или ближе к обеду. Пока решение не принято, мы не должны ничего предпринимать.

По ее лицу было видно, что это злит завуча больше, чем что бы то ни было.

— Мы ждем начала утренней передачи, — объяснил мессир Леонард и подошел к котлу. По поверхности воды уже бежала рябь. Потом она замутилась, и сквозь клубы тумана стал проступать герб-заставка.

Полилась мелодия — начинался выпуск новостей. Мы молча стояли вокруг котла и ждали.

Но два диктора, — один похожий на водяного зеленоватым оттенком кожи и перепонками на пальцах, а другой вполне человекоподобный, — сменяя друг друга, рассказывали о малозначущих для нас событиях. Где-то в верхах шли дебаты по новому Кодексу Внешней Политики, не все было в порядке в Новом Свете, и главы государств и различных департаментов высказывали свое мнение. Известная пророчица предсказывала политические и экономические осложнения, возникали распри с простыми смертными на почве экологии. Кто-то пропал без вести, ученые делали открытия, военные проводили учения, с Вершины Древа доходили какие-то смутные вести и сплетни о высшем свете. И наконец...

— К вопросу о странных событиях в Школе МИФ, которая находится на границе Скандинавии и Южной Лапландии, — человек-ведущий повертел перед собой официальный бланк. — Вчера днем руководством Школы в Инквизиторский Совет было послано важное сообщение о том, что на территории школы подростками предпринята попытка реанимировать запрещенную секту Светлый Путь, созданную печально известным гуру Белым Мигуном тридцать восемь лет назад и разгромленную восемнадцать лет спустя. Главарем новой секты был объявлен сын бывших сектантов, чье имя в интересах следствия пока не разглашается. В свете того, что сам Белый Мигун до сих пор пребывает на свободе, это сообщение оказалось чрезвычайно важным. Однако нет никаких доказательств того, что бывший гуру находится где-то поблизости от Скандинавии. Поэтому Инквизиторский Совет решил послать в Школу МИФ, руководит которой знаменитый профессор Потусторонней Магии доктор наук и исследователь Леонард из рода ирландских Пук, всего-навсего Искателя для прояснения ситуации. В случае, если связь подростков Школы МИФ с беглым преступником будет доказана, Инквизиторский Совет обещал принять меры! О дальнейших сообщениях из Скандинавии мы будем вас информировать. Пока же нам известно, что Искатель уже в пути и должен прибыть в упомянутую Школу во второй половине дня. Туда же мы намерены отправить корреспондента за свежими новостями... Следите за нашими выпусками!

Ведущий повертел бланком, и вдруг его изображение померкло, сменившись другой картинкой. На сей раз это была очаровательная рыжая девушка с толстой косой и в псевдорусском сарафане.

— А теперь новости спорта! — звонким голоском отчеканила она. — Команда по игре в кнаттлейк «Дети Одина» намерена обжаловать решение спорткомитета, на котором было вынесено решение исключить ее из состава чемпионата за использование магии на поле... Тренер «Детей Одина» заявил, что игроки лишь ставили защитные экраны, обороняясь от магических нападков болельщиков своих противников...

— Как! — Маска первой отстранилась от котла. — И это все? Не вижу смысла в этом сообщении!

— А Искатель? — парировала Лыбедь. — Они обещали прислать Искателя!

— Кстати, эти создания не опасны? — Лилита с тревогой посмотрела на Спурия.

— Нет. Но, понимаешь ли, дорогая... — Тот глубокомысленно замолчал, и Лилита трагически закатила глаза.

Дама Морана была недовольна. Она, видимо, ожидала чего-то большего.

— Инквизиторский Совет недооценивает опасность, — высказалась она. — Они посылают всего лишь одного Искателя и то для того, чтобы ПРОВЕРИТЬ! Чего проверять, когда и так все ясно? Даниила Мельхиора надо арестовать! И уже сегодня проводить в тюрьму! Как и его сообщников.

— Вот Искатель и выяснит, кто они, эти сообщники, — сказал мессир Леонард. — Ведь Искатели не ошибаются, не так ли, лорд Мортон?

— Э... не совсем, — помявшись, признал я. — Теоретически существует вероятность ошибки. Примерно одна миллионная доля процента!

— И этот Искатель непременно ошибется, даю вам слово! — запаниковала дама Морана, но ее никто не слушал. Об Искателях, которых никто из нас живьем не видел, тем не менее ходили самые разные слухи и большинство из них были печальными для магов. Я уже говорил, что Искатели были выведены инквизиторами специально для охоты на магов! У нас даже непослушных детей пугают: «Будешь капризничать — Искателя позову!» И вот одна из таких тварей станет расхаживать по школе! Какой удар для детей!

И, конечно, я просто не мог обойти этот факт молчанием. Едва прозвенел звонок на первый урок, я плотно прикрыл дверь в аудиторию и обратился к ученикам:

— Ребята, то, что я вам скажу, должно остаться между нами. Поклянитесь мне, что будете молчать и ни в коем случае не скажете ничего другим учителям. Только своим друзьям из других классов. Обещаете, что не проболтаетесь взрослым?

Мальчишки — это была группа Даниила Мельхиора и его друга Эмиля Голда — подались вперед.

— Я не имею права вам говорить об этом, — продолжал я, понизив голос, — потому что это должно стать полной неожиданностью, но в Школу вызван Искатель. Это особенный зверь. Таких нет в природе, их не изучают в школах и высших учебных заведениях, потому что Искателей вывели инквизиторы для охоты на магов. Запомните это! Искатель — тот, кто ищет среди магов преступников. Скрыться от него невозможно. Если он взял след, то будет идти по нему до самой смерти. Искателя очень трудно убить. Он неуязвим для ядов, ему не страшны боевые заклятия и заклятия смерти, он не боится огня и воды, он способен сразиться с драконом и в одиночку одолеет стаю грифонов. Это ужасная тварь, и от нее нет спасения... По крайней мере, я о подобном ничего не знаю.

Класс долго молчал. Мальчишки переглядывались, такие пришибленные, что я подумал, не переборщил ли, рассказывая обо всех ужасах.

— Инквизиторы натравили эту тварь на нас? — наконец спросил Антон Буре, приятель Даниила и Эмиля. Это он носил в учительскую петицию с просьбой освободить Эмиля. И последний из их тройки оставался на свободе.

— Инквизиторы надеются, что Искатель отыщет среди нас тех, кто решил возродить секту Белого Мигуна, — ответил я. — Заодно он должен выяснить, кто из двоих — Даниил

или Эмиль — предстанет перед Судом Инквизиции.

— Дэн невиновен! — выкрикнуло сразу несколько голосов.

— Искатели не ошибаются, — возразил я. — Поэтому будьте готовы ко всему. И скажите это остальным. Пусть дети ждут... ждут всего на свете. Вы обещаете, что не выдадите меня?

Мальчишки не стали горячо клясться, но мне только этого и надо было. Оставалось предупредить еще одну группу четвертого курса и шестикурсниц.

С девочками оказалось проще — тема у нас была «Хищные животные», и я просто стал рассказывать им об Искателях — когда и кем были выведены, с какой целью, как выглядят и есть ли против них средства защиты. На мое счастье, я отыскал парочку старых журналов, где были помещены статьи об этих тварях, так что информацией располагал. Девушки слушали меня во все уши. Кое-кто даже записывал.

— Смотрите! — вдруг воскликнула Инга Штурм. — Сорока! Почтовая сорока!

По карнизу, еле видная сквозь наледь стекла, скакала сорока и отчаянно колотила клювом в стекло.

Почему-то я был уверен, что это ко мне. Я распахнул заледеневшую, разбухшую за зиму раму, и птица, оглушительно треща, влетела в класс. Девушки повскакали с мест, размахивая руками, и она заметалась, натыкаясь на стены. Потом врезалась в чучело крокодила и рухнула на стол.

Я поспешил накрыть ее руками прежде, чем птица ускачет, и осмотрел, несмотря на яростное сопротивление. К ее лапке был привязан маленький, свернутый в трубочку листок. Когда я отпустил сороку, она встряхнула перьями, нагадила на классный журнал и самостоятельно покинула класс.

В телеграмме, доставленной птицей, было всего два слова:

«Уезжай немедленно!»

Клянусь, впервые в жизни я был готов безоговорочно подчиниться анонимному благодетелю и чуть не помчался собирать вещи, но вовремя вспомнил, что Йотунхеймский экспресс отправляется только дважды в сутки — рано утром и в обед. До отхода поезда оставалось минут сорок, но добраться до вокзала я мог самое раннее через час. Так что, хочешь не хочешь, пришлось остаться в Школе еще на сутки.

Настроение у меня было паршивым. За всю вторую половину дня появилась только одна хорошая новость — вторая сорока прислала сообщение от Инквизиторского Совета, что Искатель попал в снежный занос, добираясь из Невриды через Карелию, и потому не может прибыть раньше утра следующего дня. Эти звери неутомимы, они могут не спать и не есть по пять-шесть дней и все это время бежать, а потом еще и сразу кидаются в драку. Искатель может трижды переплыть туда-сюда Амазонку в ее нижнем течении и способен шесть часов продержаться в ледяной воде Арктики. Он задерживает дыхание на полчаса, переносит шестидесятиградусный мороз с ветром и сорокаградусную сухую жару. Так что я не сомневался — рано или поздно Искатель доберется до Школы.

Настенные часы отсчитывали минуты. Давно миновал ужин, на улице потемнело, несмотря на то что до Весеннего Равноденствия оставалось всего две недели. В живом уголке притихли все его обитатели. Даже водяницы и фараонки, которые чуяли весну и ворочались в своих аквариумах, лежали на дне в иле притихшие, словно мертвые.

Я сидел у себя, листая книгу и отчаянно пытаюсь заставить себя читать, но мысли мои бродили далеко от сильфид и саламандр, о которых я должен был рассказывать четверокурсникам завтра. Завтра придет Искатель. Завтра... К нему выведут Даниила и Эмиля. Огромный зверь... Интересно, что он сделает? Как определит преступника? И как потом поступят учителя? Ведь того, на кого укажет Искатель, следует передать в руки Инквизиции. Нет, то, что мы делаем, неправильно. Мы не имеем права обвинять детей! За всем этим стоит кто-то из взрослых! Я был убежден в этом. И Даниил наверняка все знает. Знает, но молчит, как молчал Эмиль, покрывая его.

Даниил мне доверял — ведь только я знал правду о его мотыльке, только ко мне он

прибегал, когда с душой его отца случилась беда. И если мальчик как-то связан с Белым Мигуном, я могу попробовать убедить его сотрудничать. Может быть, до прихода Искателя у нас еще есть время...

На отбой прозвонили больше четверти часа назад. Несмотря на беспокойство, Школа притихла. Факелы-фонари были потушены, рекреации заперты, на каждом этаже поставлены охранные заклинания специально для полуночников. К счастью, я, как учитель, знал все эти заклинания. Мне было достаточно протянуть вперед руку, касаясь другой своего амулета, и сигнализация не срабатывала.

Со стороны мой поступок наверняка показался бы глупым. Куда я иду и зачем? О чем хочу поговорить с Даниилом Мельхиором? Что скажу ему? Но просто сидеть и ждать завтрашнего дня я не мог. У меня было предчувствие...

Все во мне сжалось, когда я ступил на витую лестницу Башни Баньши, где в одном из склепов сидел Даниил Мельхиор. С того дня, когда меня туда загнал призрак, я не подходил к ней близко. Одно воспоминание о холодной, как лед, стене, на карнизе которой я стоял, шатаясь под порывами ветра, навредило на меня ужас. Как много бы я дал, чтобы больше не приближаться к Башне! Но выбора у меня не было. Где-то там сидел взаперти одинокий маленький мальчик. Может быть, он и был в чем-то виноват, но я не хотел в это верить.

Башня жила своей жизнью. Где-то шуршали брауни, завывал полтергейст. Раз или два мимо меня во мраке проплыло что-то бесформенное. Но — ни одного лишнего звука, жеста, силуэта.

На нижнем этаже я догадался прихватить с собой лампу и, поднявшись наверх, осветил круглый зал и череду дверей, а также высокую колонну, поддерживающую сводчатый потолок. Окошки, узкие, как трещины в скале, открывались под самым потолком. Если бы не они, на вершине Башни царила бы абсолютная темнота — остальные окна были в самих склепах.

И только я подумал об этом, как совсем рядом послышался странный хруст!

Миг — и я метнулся за колонну, пряча лампу под полую мантию и шепча охранные заклиния. Мне пришло в голову, что полночь уже близка и кто-то из мертвецов вздумал погулять. Хотя в этом замке, напичканном привидениями, лишний призрак будет только мешаться. И, тем не менее, шорох и похрустывание доносились из-за одной из дверей!

Я оцепенел, и только мысль о том, что где-то тут сидит Даниил, помешала мне упасть в обморок. Бежать-то мне было некуда, а второй раз фокус с разбитым надгробием не пройдет. Оставалось ждать и молиться, в надежде, что оживший мертвец меня не заметит.

Дверь открылась!

Я зажмурился, стараясь не дышать, и не видел, как обитатель склепа покинул свое обиталище. Только слышал легкие, крадущиеся шаги и...

Стоп! Ожившие мертвецы и призраки передвигаются совершенно бесшумно. Даже вечно таскающийся с инструментами Неугомонный Строитель и Оживающий Доспех ухитрялись не производить лишний шум. А чтобы идти, нужны настоящие ноги. Значит...

Все еще укрывая лампу мантией, я скользнул к двери склепа. Она была прикрыта — не заперта, но прикрыта достаточно плотно, чтобы с первого раза не отличить от запертой. Но когда я коснулся замка амулетом, дверь вспыхнула на миг желтоватым светом.

Ее только что открывали с помощью магии.

Как ни коротка была вспышка, я успел заметить, что заклинание было ужасно сложным и страшным, ибо на пороге были начертаны кровью две руны, одна скандинавская, другая кельтская, и обе означали дорогу. Кровь еще не успела подсохнуть. Ручка двери тоже была выпачкана в крови — я заметил следы маленьких пальцев. Интересно, чем он вскрыл себе вену?

Раздумывать было некогда, и я поспешил по следам беглеца. Ах, Даниил Мельхиор, что же ты наделал!

Я был так раздосадован, что не позаботился об осторожности, и мальчишка, конечно, меня услышал. На какой-то миг мы даже увидели друг друга. Он, кравшийся на цыпочках,

замер на одной ноге на повороте лестницы, но в следующий миг сорвался с места и помчался прочь, прыгая через три ступеньки.

— Стой, Даниил! — закричал я, бросаясь следом.

Он летел сломя голову, чудом не промахиваясь мимо поворотов. Я бежал, стараясь не потерять лампу и одновременно зовя мальчишку. Но тот на все мои крики только прибавлял ходу.

— Ага! Попался! Кто тут хо...

На нашем пути возник Неугомонный Строитель. Он раскинул руки, пытаясь удержать Даниила, но тот пронесся сквозь него, и Строитель от изумления так и замер, выпучив глаза и присев.

— Извините, — пробормотал я, протискиваясь мимо. Терпеть не могу прикасаться к привидениям — всегда чувствуешь при этом жуткий холод и все тело покалывает.

— Вернитесь немедленно, оба! — закричал он нам вслед. — Вы мне так весь замок раскурочите, а я еще не придумал, что в нем переделать! Немедленно вернитесь!.. Вот я вас...

Его крики стихли вдали.

Хотя я и успел достаточно изучить замок, все-таки часть его залов и галерей оставалась для меня тайной. Я по натуре домосед и не люблю лазить по пыльным чердакам и спускаться в подполье. Поэтому вскоре после встречи со Строителем я потерял направление и не знал, куда бегу. Просто чудо, что мне удалось не оторваться от Даниила, хотя когда мальчик наконец остановился, я едва дышал и был готов лечь и умереть на месте.

От усталости я не сразу сообразил, куда мы прибежали. Пытаясь руками унять бешено колотящееся сердце и одновременно вспомнить, на каком повороте потерял лампу, я привалился к стене. Даниил точно так же отдыхал в противоположном конце помещения. Я видел его белое лицо и широко разинутый рот, слышал хриплое дыхание.

— Даниил, — позвал я, — пойми, я... не хочу тебе зла!.. Я не... хотел... Пойми, ты должен... вернуться... я обещаю, что...

Мальчик помотал головой. Он прижимался лопатками и спиной к стене и смотрел в потолок.

— Ты должен вернуться, — настаивал я. — Так ты сделаешь только хуже...

— Ни за что, — прошептал он.

— Так надо!

— Я не хочу умирать, — промолвил он еле слышно.

— Не бойся! Доверься мне, Даниил! Я сумею...

Внезапно он выпрямился. Я рванулся следом, но усталое тело не слушалось. Мальчишка оказался быстрее. Он сделал два шага, подпрыгнул — и я поздно понял, что это он там высматривал в потолке.

Там был люк на крышу. На некоторых башнях были устроены площадки для наблюдений за звездами. Лестницы убрали, чтобы ученики не лазили на крышу в неурочное время, но Даниил цеплялся за выбоины в камнях и, как ящерица, карабкался к люку.

Я еле успел подбежать и схватил его за ногу в тот миг, когда он уже дотянулся до люка и распахнул его свободной рукой.

— Назад!

— Пустите меня! — закричал мальчишка, повисая на руках. — Я не хочу!

— Надо, Даниил!

— Они будут меня пытаться! Как пытали отца! Я не хочу! Я лучше умру!

— С тобой ничего не случится, обещаю!

— Вы врете! Вы все врете! Он тоже врал!

— Кто — он? Твой отец?

— Нет!

Второй ногой мальчишка лягнул меня, попав по голове. Я вскрикнул от боли, но рук не разжал. Мелькнула мысль, что если я повисну на Данииле, то он не удержит на руках

двойной тяжести.

— Мама! — закричал Даниил, когда я повис на нем.

— Слезай!

— Я лучше умру!

Он попытался лягнуть меня второй ногой, но я поймал ее, и он мог только извиваться, висая на руках. Я болтался в каком-нибудь локте над землей и удивлялся силе этого хрупкого паренька.

И тут...

Я скорее почувствовал, чем увидел, что на сцене появилось новое действующее лицо. Вернее, что оно вот-вот готово появиться. Оно возвестило о своем визите ледяным прикосновением к сердцу, дрожью в руках и туманом в глазах. Короче, мне просто стало плохо, когда противоположная стена озарилась мертвенным белым светом и в этом сиянии проступила фигура молодой женщины, связанной по рукам и ногам, с кляпом во рту и безумно вытаращенными глазами. Закладная Жертва явилась на шум.

От страха руки мои разжались, и я рухнул на пол. Закладная Жертва рванулась, завывала и нашла меня вытаращенными глазами. Если бы не путы, она бы достала меня в тот же миг, а так она только забилась и злобно замычала через кляп, пытаясь добраться до меня.

Пятясь, я отползал назад, пока не уперся спиной в стену. Встать сил не было, к тому же я, кажется, подвернул ногу — уж больно сильно болела лодыжка. Проверять времени не было — Жертва слышала меня, меня заметила, и спастись я не мог. Даже если бы я успел начертить защитный круг...

Говорят, перед смертью в памяти человека проносится вся его жизнь. Но у меня в те мгновения в голове билась только одна мысль — если я буду сопротивляться, то Жертве придется со мной повозиться, и это даст время мальчишке убраться на безопасное расстояние.

И только я об этом подумал, как наверху что-то мелькнуло. Там оставался открытый люк, в который проникал холодный ночной воздух и свет молодого месяца. Сейчас в люке мелькнула голова Даниила. Видимо, его заинтересовало завывание Закладной Жертвы.

— У... уходи, — прошептал я, дрожащей рукой нашаривая амулет. Если я успею вспомнить хоть одно боевое защитное заклинание, я проживу на несколько секунд дольше, прежде чем...

Жертве удалось наконец выпрямиться. Она издала торжествующий вопль-мычание и качнулась, собирая силы для разгона. Я сжал в кулаке амулет, зажмурился и...

Мягкий шлепок об пол.

Затем беззвучный хлопок.

И резкий запах озона.

И глухой вой, в котором смешались
боль и злоба.

Я осторожно приоткрыл один глаз. Прямо передо мной, расставив ноги, приняв боевую позу, замер Даниил Мельхиор. Его худая угловатая мальчишеская фигура закрывала от меня искрящийся, переливающийся Знак Света, по ту сторону которого корчилась от боли Закладная Жертва. Мальчишка стоял удивительно твердо, словно настоящий боевой маг. Он не шевелился, но я чувствовал напряжение его сознания, когда он начал теснить Жертву вон отсюда.

Мне даже не требовалось ему помогать. Словно простой смертный, разинув в изумлении рот, я наблюдал, как Даниил Мельхиор, применяя боевую магию пополам с черной магией вуду, изгоняет привидение.

Наконец Жертва исчезла, всосалась в стену. Даниил уронил руки, через несколько секунд погас и Знак Силы. Площадка погрузилась в темноту. Оставалось только одно светлое пятно на потолке — распахнутый люк.

А потом Даниил тихонько подошел и сел передо мной на корточки. Я попытался улыбнуться, хотя мною еще владел страх.

— Вам плохо? — прошептал мальчик.

— Наверное, я просто подвернул ногу, — ответил я. — Все пройдет.

Ловкие мальчишеские руки пробежали по обеим моим ногам от бедер до лодыжек. Задержались на левой, которая болела.

— Вот тут?

— Да.

— Ни перелома, ни вывиха... Наверное, просто ушиб.

— Да. — Я сел поудобнее, насколько это возможно на камнях, подтянул ногу и помассировал ее. Боль в самом деле отступала.

— Ты почему не ушел? Ты же хотел уйти...

— Я вернулся. — Даниил все сидел на корточках, но мои глаза уже привыкли к темноте, и я мог рассмотреть его лицо. — То есть сначала я хотел уйти, но меня что-то вернуло. Что-то сильнее меня. Оно мне словно сказала: «Ты должен его спасти!»

— Но ты хотел убежать, — напомнил я.

— Да, — мальчик обернулся на открытый люк, — я не хочу к инквизиторам. Они пытали папу и маму. Родители рассказывали мне об этом... Маме было тринадцать лет, папе пятнадцать. А их пытали...

— Твои родители были боевиками?

— Не знаю. Они не говорили. Они хотели родить сверхмага...

— Ты им стал, — улыбнулся я и, дотянувшись, потрепал его по длинным лохматым кудрям. — Ты пользуешься заклинаниями, которые не изучают и на седьмом курсе. А для тебя они будто семечки. Ты талант, Даниил!

— Скажите это инквизиторам, — скривился он. — Когда они за мной приедут.

— Сначала придет Искатель. Знаешь, кто это такой? — Даниил серьезно кивнул. — Так вот, сперва именно он решит, виновен ты или нет. И если виновен, вот тогда...

— А если нет?

— Если нет — перед тобой извинятся и отпустят. И перед Эмилем Голдой тоже.

— Эмиль пострадал зря, — убежденно прошептал мальчик. — Из-за меня. А вот я...

— А что ты?

Даниил на четвереньках подполз поближе. Глаза его вспыхнули, словно угольки.

— Я слышу голоса, — прошептал он дрожащими губами. — Вернее, один, но он... он какой-то странный. Ведь это он велел мне только что вернуться и вас спасти. И он же подсказывал мне, что и как делать. И с ножом этим... возле Комнаты Без Углов. Он сказал — и я сделал. И раньше еще было несколько раз...

— Ну, это меняет дело! — оживился я. — Тогда просто скажешь инквизиторам, что слышишь этот голос, и они отыщут того, кто с тобой разговаривает. И все! А тебя отпустят.

— Правда?

— Чистая правда, — кивнул я. — Ну, может, слегка подкорректируют твои способности, чтобы ты больше не смог слышать другие голоса. Ведь если ты один раз попался на эту удочку, можешь попасться и во второй. У человека меняется восприимчивость, понимаешь?

Даниил помолчал, обдумывая услышанное. Я же старался выглядеть как можно увереннее, потому что сам сомневался в правдивости своих слов. Инквизиторы, конечно, отыщут того, кто управляет Даниилом, но их методы поиска, мягко говоря, далеки от совершенства.

Одно было хорошо — мальчик, кажется, раздумал убежать.

— Вы пойдете к себе? — спросил он.

— Нет. — Я пошевелил левой ногой. — Посижу немножко тут. Путь предстоит долгий, так что лучше набраться сил.

— Я с вами, — сказал Даниил.

— Тогда иди сюда. Тут ужасно холодно.

Несостоявшийся беглец прижался ко мне. Вместе и правда было теплее, настолько теплее, что уже через минуту я почувствовал, как глаза мои закрываются сами собой.

Я проснулся от бурчания своего желудка. В сказках герои могут терпеть голод и холод, а уж былинные и мифологические персонажи, кажется, вовсе не нуждались в таких банальных вещах, как теплый обед, мягкая постель и уборная. У меня же затекло все тело, ломило кости, в животе бурчало, а мочевого пузырь готов взорваться. Да еще и левая рука онемела напрочь. Но именно слева ко мне прижимался во сне Даниил Мельхиор. Мальчик еще спал. Свет, лившийся из распахнутого люка, позволял разглядеть его бледное лицо, еще по-детски мягкое, но уже со взрослыми морщинками.

На улице, судя по всему, было ненастно — свет в люке был какой-то серый, и на пол время от времени падали капли. Я размял ноги и потрепал Даниила по плечу:

— Подъем, соня!

— Нет! Я не хочу! — вскрикнул он и проснулся.

— Как жизнь? — поприветствовал я его.

— Ух ты! А я думал, мне это все приснилось! — Он сел на пятки и огляделся.

— Опять голоса слышал? — догадался я.

— Ну... почти.

— Понятно. Давай-ка выбираться отсюда!

Я встал, потянулся, с трудом разминая конечности. Даниил вскочил, как кузнечик, — свеж, бодр, подтянут.

Ушибленная нога заболела шагов через десять, так что спускались мы осторожно. Даниил шел рядом, хотя мог легко меня бросить. Подозреваю, что это было от страха, — как ни силен был этот подросток вчера ночью в бою с Закладной Жертвой, при дневном свете перед лицом встречи с Искателем и инквизиторами он отчаянно трусил.

Мы спустились по винтовой лестнице и вступили на пятый этаж. По тому, что вышли мы довольно далеко от кабинета директора, возле аудитории для занятий магией рун, я понял, что ночью мы сидели в Звездной Башне — единственной, где привидения почти не появлялись.

Вот тут нас и заметили. Собственно, нас увидели, еще когда мы спускались. Кто-то из старших детей поднял тревогу, и когда мы ступили на пятый этаж, навстречу нам уже бежали.

Впереди, с развевающейся гривой, мчался сам мессир Леонард. За ним неслась Берегиня с одним из своих «Царевичей». Потом подоспели Лыбедь и Спурий. Оборотень был мокрый как мышь и с разбега хлопнул меня по плечу:

— А! Я ж говорил, что он живой!

— Максимилиан Мортон! — закричал директор, нацеливая рога мне в живот. — Где вы были всю ночь?

Я крепко стиснул ладонь дернувшегося было бежать Даниила:

— В Звездной Башне.

— Мы там были! Час назад! Вас никто не видел! Где вас носило?

Он кричал, топал ногами и все порывался пырнуть меня рогом. И пырнул бы, если бы не подбегавшие отовсюду ученики и педагоги.

— Мы ищем вас уже два часа! Вся Школа на ногах! Вы понимаете, что было бы, если бы вы погибли? Это крайне безответственно! Я вами ужасно недоволен! Если дама Морана не вынесет вам выговор, я сделаю это сам! Более того — считайте, что выговор у вас уже есть! И строгий выговор! Что вы молчите? Оправдывайтесь, если смо...

Но тут мессир Леонард увидел Даниила, и словесный поток иссяк.

— Эт-то что такое? — прошипел он. — Откуда? Как? Почему? Кто позволил?

Я уже открыл рот, чтобы все объяснить, но Даниил меня опередил.

— Я убежал, — сказал он. — А мастер Мортон меня остановил. А потом он подвернул ногу, и мы решили подождать, пока она перестанет болеть. А потом уснули. Вот.

— Вы хотели убежать?

— Да, потому что я знаю, в чем меня обвиняют. — Мальчик оглядел собравшуюся толпу. Вокруг нас уже стояло человек пятьдесят, и любопытные продолжали прибывать.

— Все считают, что я служу Белому Мигуну и хочу убить мастера Мортон, — громко произнес Даниил. — Но это неправда. Я... Я не хочу, чтобы меня допрашивали инквизиторы. Поэтому я хотел убежать. Или умереть. А мастер Мортон не дал мне это сделать.

— Мальчик невиновен, мессир. — Я крепче стиснул ладонь Даниила. — Если бы он действительно был связан с Мигуном, я был бы уже мертв.

Директор вдруг ткнулся мне рогами в живот. Я охнул от боли и покачнулся.

— Повтори это для Искателя, — проворчал он.

Глава 16

Нас вдвоем — Даниил так крепко держался за мою руку, что чуть не раздавил мне пальцы, — отконвоировали в учительскую. Впереди маршировал мессир Леонард, за ним мы, а замыкали шествие Берегиня и ее «Царевичи». У всех троих были такие решительные лица, что я боялся, как бы они не набросились на нас по дороге. Спурий рысил рядом, забегая то справа, то слева.

У порога учительской нас встречали почти все мои коллеги. Дама Морана мстительно улыбалась, а у Черного Вэла было такое выражение лица, что я чуть было не закричал: «Это он! Он во всем виноват!» Даниил, проходя мимо него, прижался ко мне и спрятал глаза.

В учительской на ковре сидел большой черный пес со стоячими ушами. Он сидел настолько неподвижно, что его можно было принять за статую, если бы не блестящие глаза. Увидев его, Даниил спрятался за меня и тихо вскрикнул. Я обнял мальчика свободной рукой.

Дверь в учительскую так и осталась распахнута настежь — человек двадцать учеников застряло в ней так плотно, что их не мог бы сдвинуть с места даже направленный взрыв. И еще около сотни теснились снаружи.

— Искатель прибыл на рассвете, часов в пять утра, — объяснил мессир Леонард, — и мы сразу отправились к вам. Вы, как специалист, должны были помочь нам установить контакт с этим существом. Но вас не было в комнате. Тогда мы отправились сразу за арестованными, но нашли только ученика Голду. Ученика Мельхиора на месте не оказалось. Я сопоставил факты и поднял на ноги всю школу. Мы были уверены, что вы уже мертвы!

— Я жив, как видите, и прошу у вас прощения за то, что заставил переволноваться, — сказал я. — Надеюсь, это зачтется Даниилу?

— Его виновность должен доказать Искатель. Иди сюда, мальчик! Встань здесь.

— Я не хочу, — Даниил помотал головой, не отпуская мою руку. — Я ни в чем не виноват! Это не я!

— Ученик Мельхиор слышит голоса, — объяснил я. — Они отдают ему команды — и он подчиняется. Я считаю, что это кто-то из взрослых. В любом случае опознание так не проводится!

— Я подумал об этом, — кивнул мессир Леонард. — Ученик Голда!

Из соседнего помещения Берегиня за руку вывела Эмиля и поставила рядом с Даниилом.

— Достаточно? — нарочито уважительно обратился директор к мальчику.

— Он боится, — сказал я. — Я готов. Пусть Искатель осмотрит и меня.

Сбоку у двери стоял, привалившись к стене, Черный Вэл. Его прищуренные глаза, в которых горел недобрый огонек, не отрываясь, смотрели на мальчишек. Когда он посмотрел на меня, в его взгляде мелькнуло презрение.

— Мне кажется, — не выдержал я, — что здесь должны собраться все заинтересованные лица. Мне, например, кое-что известно о прошлом и настоящем Черного

Вэла...

— Лорда Черного Вэла, с вашего позволения, юноша, — процедил тот и отлепился от стены. — Если мессир директор позволит, я тоже представляю свою кандидатуру...

Он спокойно прошел мимо меня и остановился с другой стороны от Даниила. Мальчик смотрел на него с таким выражением лица, что не надо было быть психологом, чтобы сказать — он боится зелейника, и боится смертельно. А тот подлил масла в огонь, взяв Даниила за подбородок:

— Тебе дается последний шанс. Я еще могу кое-что изменить...

Даниил отодвинулся ко мне.

— Нужно бы еще парочку добровольцев, — мечтательно протянул мессир Леонард. — Для статистики.

Он обернулся к Искателю, и громадный черный зверь величаво кивнул лобастой головой.

Берегиня шагнула к двери, за которой теснились ученики.

— Ты, ты, ты, ты и ты, — наугад ткнула она пальцем в тех, кто стоял ближе. — Три шага вперед.

Названные с опаской протиснулись в учительскую Их расставили так, чтобы они более-менее разбавили наш редкий строй. И только после этого Искатель встал.

Как я уже упоминал, это был огромный черный пес с торчащими ушами, лобастой головой, широкой грудью бойца и сильными лапами, но без хвоста и каких бы то ни было признаков пола. Негромко клацая когтями по полу, он подошел к нам.

Первым в ряду стоял какой-то семикурсник — мимо него Искатель прошел, даже не поведя ухом. Вторым оказался Эмиль Голда. Зверь слегка приостановился — я заметил, как зажмурился мальчик, — но лишь втянул носом воздух... Тишина стояла такая, что я слышал собственное дыхание... То же самое постигло третьего и четвертого добровольца. А пятым оказался Черный Вэл.

Я затаил дыхание, когда Искатель принялся обнюхивать его опущенную руку. Никто из нас не имел понятия, как этот зверь находит свою жертву. Но он недолго задержался возле зелейника и, миновав девочку-добровольца, подошел к нам.

Даниил пискнул и попытался укрыться за меня, когда черный нос с сопением ткнулся ему в живот. Дама Морана даже вскрикнула — но тут Искатель отвернулся от перепуганного мальчика и не менее внимательно обнюхал меня. Он долго тыкался в наши с Даниилом сцепленные руки, потом изучил мои ноги и... отошел.

В стороне, среди остальных учителей, стоял Спурий — уже в своем человеческом облике. Искатель направился прямо к нему и уселся перед изумленным оборотнем, задрав морду.

Тот побледнел и попытался отступить, но в этот миг их взгляды встретились, и оборотень замер, как парализованный. Наши дамы отодвинулись от него — даже Лилита отступила на шаг.

— Но я тут ни при чем! — выдохнул Спурий. — Я сам пострадавший! Это ошиб...

Он осекся и стал медленно нагибаться, не отрывая глаз от взгляда Искателя до тех пор, пока они не оказались на одном уровне.

— Я его понимаю! — изумленно ахнул Спурий. — Мы с ним... Мы одной крови! И он говорит мне... Да, — это он промолвил совсем другим тоном, явно обращаясь к Искателю, — я так и сделаю.

Спурий выпрямился и подошел к нам. Склонив голову набок и словно к чему-то прислушиваясь, он прошелся туда-сюда перед нами и, повернувшись к зрителям, развел руками.

— Да, — кивнул он, — кто-то из них пытался заставить меня напасть на лорда Мортонна. Я это чувствую так же, как и Искатель. Кто-то из них. Но кто — я не могу объяснить. Этот человек... он... хорошо спрятался. Он затаился. Его нельзя идентифицировать обычным способом. Можно только его спровоцировать.

Даниил — я видел это — перевел дух. На лице Черного Вэла не дрогнул ни единый мускул. Зато Эмиль Голда был близок к обмороку.

— Значит, надо ждать? — подвел черту директор.

Спурий и Искатель кивнули.

— Это невозможно! — кинулась в бой дама Морана. — Это школа! Мы не можем превращать ее в следственный изолятор! У нас и так сегодня будет сорвана половина уроков потому, что дети слишком возбуждены, чтобы сосредоточиться на учебном процессе. Я уж не говорю о педагогах! Я требую, чтобы правонарушитель был вычислен как можно скорее, чтобы мы вернулись в нормальный режим работы! Я надеюсь, мои претензии тут кого-нибудь волнуют?

Искатель отреагировал на ее тираду своеобразно — он прошел к камину и лег на коврик у огня, свернувшись калачиком.

— Надо ждать! — отрубил директор и посмотрел на часы. — До начала занятий еще четверть часа. Есть время добраться до своих аудиторий. Вы меня слышите? Ко всем относится!

Когда надо, наш директор умеет быть грозным и действительно опасным. Не прошло и трех минут, как большинство зрителей исчезли. Искатель не пытался нас задержать, поэтому мы тоже ушли.

Весь день школа жила под напряжением. Мессир Леонард не вылезал из своего кабинета, потому что едва он высовывал нос наружу, как его начинали атаковать сороки с телеграммами от различных журналистских агентств с просьбой дать эксклюзивное интервью. Даму Морану бомбардировали реляциями и пространными письмами из Министерства Образования и высших сфер. Вороны и сороки с гербами на крыльях носились по этажам на бреющем полете, сбрасывая на учеников свои визитные карточки, так что многие девушки уже к обеду ходили в платках, оберегая волосы. Пришло несколько писем и десяток телеграмм и мне. Кроме семейства Граф, которое были обеспокоено моим состоянием, о моем существовании вспомнила добрая треть моих однокурсников по Неврской Школе Искусств, что в Беловежской Пуще, и из Педагогического Маг-Колледжа в Похиоле. Пришла даже коротенькая телеграммка от моего преподавателя в Ветеринарной Школе: «Горжусь и тревожусь». И только от загадочного наблюдателя, чьи конверты приходили без обратного адреса, с единственной литерой "М", я не получил ни строчки.

Но главное было не это, а Искатель. Огромный черный пес, сверкая глазами, важно расхаживал по этажам и время от времени обнюхивал кого-нибудь из учеников. Во время перерыва на обед он уселся возле учительских столов на возвышении, и школьники ели под его пристальным взглядом. А когда я встал, он направился за мной и проводил меня до аудитории, но конца урока не дождался — отправился бродить по своим делам.

Искатель ни на кого не нападал, ни к кому не выказывал враждебности: я после четвертой пары, увидев его у дверей учительской, даже подошел и дотронулся до торчащих ушей — но вместе с тем это странное существо внушало всем суеверный страх. Так простые смертные обыватели смотрят на настоящего мага. Он ничего не делал, но я чувствовал, что Искатель видит и слышит больше, чем любой из нас.

В пятницу у меня пять пар уроков, так что освобождаюсь я только часам к пяти. Поскольку впереди ждали два выходных, можно было не осчастливливать своим присутствием учительскую, и я отправился в живой уголок.

В поведении его обитателей уже чувствовалась весна. Козлерог, грифоны и гриф линяли, сбрасывая зимнюю шерсть и оперение. Началась линька и у Жаравь-птиц — две из них встретили меня с голыми спинами и без маховых перьев на крыльях. Фараонки и албасты проснулись, но были еще вялыми и только плавали туда-сюда вдоль стенок аквариумов. Я решил в выходные сменить им воду, чтобы ускорить пробуждение. Единственными, кто проигнорировал начало весны, была пара волков. Они сидели в разных концах своей вольеры и даже не смотрели друг на друга.

Я присел перед решеткой. Звери обратили в мою сторону две пары янтарных умных

глаз.

— Понимаю, — сказал я, — вам тут ужасно тесно. В вольере, где и самим побегать негде, заводить щенков — верх легкомыслия. Но обещаю, что в будущем году выбью для вас отдельную вольеру в школьном парке.

Звери не сводили с меня глаз, но я вдруг почувствовал, что они прислушиваются не только к моим словам. За стеной, в тамбуре, отделявшем живой уголок от кабинета для практических занятий, что-то происходило.

В школе еще не объявили отбой, более того — до ужина оставалось почти полчаса, и зайти туда мог любой. Но дело в том, что я запер дверь на крюк! В тамбур не мог никто проникнуть!

И все-таки там кто-то был. Волки внезапно прыгнули вперед, прижимаясь лбами к решетке, и я сквозь шорохи, попискивание, хруст и шипение обитателей живого уголка услышал... голоса.

Они мне были смутно знакомы — мужской и женский. И они ссорились.

— Ты должен попытаться! Еще раз! — убеждал женский.

— Я уже пробовал, убедись сама, — возражал мужской.

— Попробуй еще раз! Не сдавайся! В конце концов, это твой долг!

— Знаю!

— А раз знаешь, почему ничего не делаешь?

— Я пытаюсь, но ты же сама видишь...

— Ничего я не вижу и ничего не хочу знать! Ты мужчина или кто?

Я осторожно встал и направился к двери. Волки угадали мой маневр и заметались вдоль решетки, подвывая. Пользуясь любым предлогом, чтобы пошуметь, к ним присоединились шуликуны, а дивы подняли такой крик, что я испугался, как бы этот бедлам не спугнул незваных гостей. Тогда я не узнаю, кто они такие.

Левой рукой я коснулся амулета. Он слегка нагрелся — верный признак того, что совсем рядом кто-то использует магию. Наши амулеты — это одновременно аккумуляторы магической энергии и индикаторы среды. Они подают сигнал тревоги, если против хозяина совершаются враждебные колдовские действия, а также при случае могут выступать как вампиры, забирая чужую энергию. В случае с колдовством Вероники мой амулет не сработал, во-первых, потому, что магические действия были сильно растянуты во времени, а во-вторых, он просто не принял ее любовную магию за враждебную.

Итак, я подкрался к двери, сжимая в кулаке амулет и мысленно проговаривая необходимые формулы, чтобы оказаться в нужном состоянии сознания. Голоса за дверью ненадолго умолкли. Я ощутил сильную вибрацию — кто-то пытался проникнуть мыслью в мой разум. Автоматически — натренировался на нежити еще в Колледже — я поставил защиту.

— Вот, опять, — тихо вскрикнул мужской голос.

— Больно? — встревожился женский.

— Ты же знаешь — я больше не могу чувствовать боль...

— Тебе не удалось?

— Нет. Он меня учуял.

— Что же делать? Мы обязаны встретиться с ним!

Я почувствовал, что вспотел. Эти незнакомцы говорили обо мне!

— Попробуем еще раз, попозже!

— О, чтоб мне исчезнуть! Этого попозже может и не быть! Ну, что это такое! Один раз получилось — и то не сумел удержать контакт! Придется делать все самой. Когда-то я неплохо управлялась с толпой. Неужели не управлюсь с одним-единственным человеком!

— Будь осторожна, Жен...

«Жен!» Женева? Так звали мою мать... Возможно ли? Мои родители...

Я распахнул дверь.

В тамбуре не было окон, его освещали два светильника у наружной двери и еще одна

лампа-факел у большого трюмо. Мой силуэт возник темным пятном на фоне света из живого уголка.

Тамбур был залит бледно-голубым сиянием, струящимся из трюмо. Зеркало стояло боком ко мне, я не видел, кто там отражается, но в тот миг, когда сделал шаг, входная дверь дрогнула от мощного толчка.

Мне показалось, что из зеркала раздался крик. Дверь дрогнула снова, и крючок слетел с петли.

Черная тень ворвалась в тамбур и ринулась на трюмо. Я успел узнать Искателя, но остановить его уже не мог. Огромный пес со всего размаха обрушился на зеркало, и оно треснуло.

Дождь осколков посыпался на пол, голубое сияние померкло.

Отряхнувшись от осколков, Искатель, как ни в чем не бывало, подошел и ткнулся большой головой мне в руки, словно обычный, требующий хозяйской ласки пес.

— Что ты наделал, скотина? — промолвил я. Но он только посмотрел снизу вверх блестящими желтыми глазами. Волки за моей спиной взвыли.

Вечер пятницы был тягостным. Искатель ластился ко мне, пытаясь даже вилять задом вместо отсутствующего хвоста, но я гнал его прочь чуть ли не пинками. После ужина я заперся у себя и тихо предавался самобичеванию. Раскинув мозгами, я решил, что сам во всем виноват — ну что бы мне запереть дверь на ключ! Или раньше не полениться и прибить новый крючок взамен этого хлипкого! Да его ребенок легко вырвет из петли, не то что пес ростом с теленка! Теперь я лишился возможности поговорить со своими родителями... А ведь они явно хотели мне что-то сказать!

До звонка к отбою оставалось всего несколько минут, когда в дверь забарабанили.

— Мастер Мортон!

Это был голос Вероники. Уже несколько дней девушка ловко избегала моего общества, да и я дал себе зарок держаться от нее подальше, но тут все обещания были забыты, и я поспешил отпереть дверь.

— Мастер Мортон, скорее!

Она ворвалась ко мне в комнату, бледная, растрепанная, и схватила меня за руку:

— Бежим!

— Куда?

— Нам нужна ваша помощь!

Если честно, другую такую ловушку придумать было бы трудно. Я пошел за этой девушкой, даже не спросив ее ни о чем. Ее магия еще властвовала надо мной, но и без этого я ей верил — столько тревоги было в голосе Вероники.

— Куда мы идем?

— Мы вам все объясним! Скорее же!

Звонок на отбой застал нас на полпути в одну из рекреаций. Она была не заперта, но огни уже погасли, и дети сидели вокруг камина, держа в руках свечи. Десяток лиц повернулись к нам.

— Привела! — Вероника гордо поставила меня перед учениками.

Я огляделся. Здесь было несколько третьекурсников во главе с Антоном Буре, почти весь шестой курс и кое-кто из семикурсников. В числе последних обнаружился Адам Лекс, полулежавший в кресле. Кристина Шульц сидела рядом с ним и держала его за руку.

— Ты откуда здесь взялся? — спросил я Адама.

— Сбежал, — лаконично ответил он и напустился на Веронику: — Ты кого нам привела? Это же препод!

— Ну и что! — кинулась на мою защиту Вероника. — Макс самый лучший из преподав! Вы сами знаете — остальные бы тут же стали спрашивать, что да как, а Макс пошел сразу!

— Макс? — не поверил я своим ушам. — Что за фамильярность?

— Ой, да хватит, — отмахнулась девушка. — У нас проблема, а вы нам еще морали

читать будете!

— Адам прав, — вступил в разговор его сокурсник. — От преподав одни проблемы!

— Во-первых, не препод, а мастер Мортон, — неожиданно вспыхнул я. — А во-вторых, Вероника сказала, что вам нужна помощь. И если это не розыгрыш, то вы просто обязаны принять любую помощь, в том числе и мою — и еще благодарить за то, что до вашей просьбы снизошли. Рассказывайте, что случилось?

Ребята переглянулись. Девушки шестого тревожно зашептались. Взгляды присутствующие переместились на Антона Буре.

— Мастер Мортон прав, — проворчал он и поднял на меня глаза. — Нам просто некому довериться. И если вы не поднимете нас на смех...

— И не подумаю, — пообещал я. — Что случилось?

— Дэн ушел, — сказал он. — Сразу после ужина. И увел с собой Эмиля.

Обоих мальчишек отпустили, и они весь день провели вместе со всеми, а вечером вернулись в свои спальни в рекреации третьекурсников. Пока Искатель не вынесет решение, они оба считались невиновными. И вот...

— То есть как так ушел? Совсем? И куда?

— Мы догадываемся, — подал голос Адам. — В подвалах есть кое-какие тайные комнаты. Мы там с Берегиней проводили учения в прошлом году. И она говорила, что часть подземелий не отпирается.

— Где эта часть?

— Под Башней Баньши.

Я присвистнул. На вершине этой башни жила баньши, там же чаще всего видели Закладную Жертву. Ее труп был замурован в стену именно там. Тела всех, кто становился привидениями Школы МИФ, находили в ее подвалах — за исключением Прилежного Ученика, который умер в библиотеке, и Нетопыря, который человеком не был отродясь. Плана этой части подвалов не существовало, ибо туда не совался даже мессир Леонард, специалист по потустороннему миру. И Даниил Мельхиор пошел туда, да еще с товарищем!

— Мы хотели его остановить, — сказал один из «Царевичей» — парни стояли на страже у входа, — но нас просто обошел. Понимаете — мы хотели, но не смогли!

— Понимаю, — вздохнул я. — Еще как понимаю... Адам, это он сразил тебя возле комнаты с книгами?

— Да, — помрачнел тот. — Ко мне подошел Черный Вэл и кое о чем намекнул. Я ему не поверил и решил проверить. Ну и получил по полной программе... Как он меня скрутил — ума не приложу!

— Даниил слышит голоса, которые приказывают ему поступать так или иначе, — вспомнил я слова самого мальчика. — Тебе крупно повезло тогда, Адам. У Даниила не было приказа тебя убивать. И вы двое, — обернулся я к остальным «Царевичам», — тоже дешево отделались. Мальчишки слишком спешили на голос, чтобы сражаться с вами.

— Что же теперь будет? — спросил Антон.

— Не знаю! — отрезал я. Меня разбирала злость и досада — я подозревал кого угодно, даже самого Даниила, но не верил, что все настолько серьезно! — Но вы должны были знать! Ведь вы знали, правда? Вы все знали с самого начала?

Ребята помрачнели. Как всегда, они были уверены, что с честью пройдут все испытания, все преодолеют и сами раскроют тайну, потому что взрослым некогда и преподаватели просто не верят в детские фантазии. Но реальность оказалась слишком опасной, и им ничего не оставалось, кроме как довериться мне.

— Ладно, — я пристукнул кулаком по раскрытой ладони, — что толку сидеть, когда надо действовать.

— Что вы хотите сделать? — встрепнулся Лекс.

— Как — что? Спасать мальчишек.

— Вы скажете...

— Директору? Нет времени. Если вы считаете, что я не смогу это сделать,

предупредите остальных взрослых. И больше никакой самостоятельности! А я пошел.

И я в самом деле развернулся и отправился на второй этаж, откуда открывался выход в Башню Баньши.

Я шел быстро, словно стараясь обогнать собственные сомнения и страхи. Здесь явно не обошлось без Белого Мигуна — в том, что Даниил Мельхиор может оказаться его адептом, я уже не сомневался. Вопрос в другом — при чем тут Эмиль Голда и я сам? Стоит ли мне вообще совать туда свой нос? Не проще ли разбудить мессира Леонарда или пойти поискать Искателя? Пусть пес-охотник пойдет первым! Да и Берегиня тут бы не помешала... Но я шел один, не представляя, что и как буду делать. Хорош спасатель — лезет вперед очертя голову!

Я шел, а в голове роились сомнения. Что я смогу один? Зачем иду в подземелья? Что меня там ждет? Нужен ли я там вообще? Но все сомнения отметались одним соображением — там, внизу, дети, которым нужна помощь. И на третьем этаже тоже остались дети. Они надеются на меня, ждут, что я смогу это сделать...

А что сделать? Спасти мальчишек? От чего? От самих себя? Или от Закладной Жертвы? Или от обладателя таинственного Голоса?

На узкой лестнице, ведущей в подвалы, на меня пахнуло холодом, и перед носом материализовался Нетопырь Карлик. За его спиной маячили еще две-три полупрозрачные фигуры.

— Куда спешим? — воинственно окликнул меня он.

— Мальчишки ушли к Закладной Жертве, — ответил я и попытался пройти сквозь призрака.

— Поучился бы врать у мелкоты, — проворчал Нетопырь, снова оказываясь передо мной. — Куда ты лезешь? Жить надоело?

— Уйди, а то развею, — предупредил я, сжимая в кулаке амулет.

— Ой-ой, какие мы страшные, — проворчал Нетопырь, но взлетел повыше, — а я тебе говорю — поворачивай назад!

— В самом деле, мастер Мортон, — вокруг меня закружились привидения, — не надо этого делать! Это опасно для вас! Подождите до утра!

Они пробовали меня остановить и даже хватали за руки. Ощущение не из приятных — руки словно окунались в лед. Пальцы левой, которой я сжимал амулет, окоченели и утратили чувствительность, а правая онемела, и поднять ее, чтобы перехватить амулет, сил не было.

Одно-два привидения не могут причинить вред человеку, но когда их пятеро, они становятся опасны. Поняв, что меня просто не пропустят, я рванулся с места бегом. Пришлось врезаться головой в живот Неугомонному Строителю — словно в сорокаградусный мороз выскочить без шапки, — я на миг потерял ориентацию и натолкнулся плечом на стену, а когда снова открыл глаза, передо мной замер Безумный Проповедник.

— Остановитесь! — возопил он, простирая руки к своим собратьям. — Прочь, порождения Тьмы! Сей доблестный отрок решил вознести свою жизнь на алтарь Господа, через жертвы идя на это ради любви! Не следует становиться на пути того, кого влечет мученический венец! Ибо Господь наш...

Дальше я дослушивать не стал. Пользуясь тем, что привидения приостановились, дабы послушать Проповедника, я бросился бежать по лестнице вниз.

Она была запутанная — несколько раз разветвлялась, шла то вверх, то вниз, выходила в темные мрачные залы и превращалась в прямые коридоры. Спотыкаясь в темноте на каждом шагу, я спешил вперед. Ориентировался я интуитивно, догадываясь, когда надо свернуть, а когда лучше двигаться по прямой. Меня вело нечто сильнее меня. Успеть найти мальчишек до того, как их нашла Закладная и...

С разбегу я вылетел в круглый зал и затормозил, в последний момент заметив на полу нечто белое. Откуда-то сверху сочился бледный свет, позволяя рассмотреть мрачные своды, низкий потолок, три черных провала боковых ходов — и тело в центре зала.

Крадучись, словно в каждой щели ждала засада, я подобрался ближе — и вскрикнул,

падая на колени. Передо мной лежало тело Эмиля Голды!

Мальчик был обнажен, его торс, руки и ноги были разрисованы рунами. За запястья и щиколотки он был привязан к четырем железным костылям — к пятому тянулась цепочка от его шеи. Глаза мальчишки были распахнуты, в них застыло изумление. Мне показалось, что он не дышит.

Я ужасно боюсь трупов и еще недавно мог упасть в обморок при виде крови. Меня и сейчас трясло, но я понимал, что должен убедиться, жив Эмиль или уже мертв. На первый взгляд на теле не было повреждений, но тут было так темно...

Было темно — до того момента, когда я дотронулся до мальчишеской груди кончиками пальцев. Тут же с боков вспыхнул желтый свет, озаряя и сам зал, и нас с Эмилем, и огромную пентаграмму, в центре которой мы находились.

Я плохо учился в школе, когда мы проходили темные науки. Как раз в то время я простыл и был отослан домой, а экзамены сдавал по конспектам сводного брата Эраста. Да и билет мне достался... Короче говоря, я только по лежащему телу Эмиля и по крови, которой он был разрисован, догадался, что мы имеем дело с черной магией. И что это — ловушка, в которую я влез и сам захлопнул за собой дверцу.

Но руки мои опирались о тело Эмиля, и я услышал, как в груди у него еле-еле стучит сердце. Мальчишка был еще жив, но жизнь покидала его тело с каждой минутой. Дотянувшись, я закрыл ему глаза и попробовал снять петлю с его шеи.

— Как трогательно!

От страха руки мои дрогнули, и я отдернул их, пока окончательно не придушил Эмиля. Голос был абсолютно чужим. Я могу поклясться жизнью, что никогда прежде не слышал его даже во снах. И в то же время...

Сбоку послышались тяжелые уверенные шаги. Некто подошел и остановился на краю пентаграммы.

— Я давно ждал тебя, Максимилиан Мортон. Посмотри на меня!

Шея моя одеревенела, и голову я поворачивал очень долго, а когда наконец увидел...

У края пентаграммы стоял Даниил Мельхиор! Но лицо его! И глаза! И осанка! Это был он! И — не он!

— Я долго тебя искал, — улыбнулся он. — Почти двадцать лет. А теперь ты сам пришел ко мне!

— Кто ты?

— Твой отец бы догадался. Твоя мать тоже. И родители еще многих и многих, те, кто остался мне верен, несмотря ни на что.

— Белый Мигун?

Тонкие губы раздвинулись в улыбке:

— Белый Мигун.

— Но как?

— Ах, это! — Он оглядел себя. — Пришлось воспользоваться этим телом. Отец этого юного дарования пожертвовал ради моей свободы самым дорогим... Глупец, он думал, что мне нужна его жалкая жизнь! Мне нужно было новое тело, молодое, сильное. Тело, которое может привести меня куда угодно. Ведь главное — дух, а не оболочка, в которую он заключен. И я взял его сына. Йозеф пытался мне помешать. Пришлось его убрать, ибо родительская любовь пересилила в нем преданность мне. Когда Светлый Путь снова будет восстановлен, я запрещу своим последователям самим воспитывать своих детей. Пусть отдадут их в общие группы и заботятся по жребию — сегодня один, завтра другой, чтобы и дети не привыкали ко взрослым. Одобряешь?

Я покачал головой. Я все еще стоял на коленях над телом Эмиля Голды. Мальчик был еще жив...

— Что ты с ним сделал? — выдавил я.

— С кем? — Брови Даниила Мельхиора изогнулись как-то по-новому. — С Даниилом?

— С ним. И с Эмилем.

— Оба будут жить — если я того захочу. Этот, — он подбородком кивнул на распростертое тело, — доказал свою преданность мне. Его служба мне больше не нужна, и я могу его отпустить. А тот, второй... Не твоего ума дело.

— Но как тебе это удалось?

— Переселение душ. Слышал о таком?

— А душа Даниила? Где она?

— Не твоего ума дело, — повторил Белый Мигун с раздражением. — И хватит болтать. Пошли!

Тело мое отчаянно захотело подчиниться, но я усилием воли заставил себя остаться на месте.

— Ах да, — Белый Мигун, казалось, не удивился моей непокорности, — посмотри у него под затылком.

Я послушно просунул руку под спутанные волосы Эмиля и нашарил там какую-то тряпочку. Это оказался мой платок! С пятнами моей крови! Тот самый, который взяла Вероника!

— Как? — ахнул я. — И она тоже?

— Не стоит думать о людях хуже, чем они есть на самом деле, — усмехнулся Мигун. — Я с ней не справился. Пришлось просто украсть сувенирчик. Ну, пошли!

Теперь мне было понятно, почему Вероника последние дни была сама не своя. Даниил просил у нее мой платок, и она, сама наводившая на этот клочок материи любовные чары, заподозрила неладное. Белый Мигун пытался действовать силой, но девушка устояла. И тогда платок пропал. Когда — до того, как Вероника согласилась снять с меня любовное заклятие или позже, — значения уже не имело. Я встал и направился за Белым Мигуном в один из темных проходов. Странно, я был совершенно свободен, мог дотронуться до амулета и произнести какое угодно заклинание, мог просто повернуться и уйти, но шел за странным существом, как на привязи. Видимо, точно так же он завладел в свое время разумом Спурия — и тот напал на меня, подчиняясь велению тела, а не разума. Но почему Даниил-Мигун позволил мне увидеть и узнать себя? Неужели он хочет меня убить?

— Я сейчас умру? — Язык еще повиновался мне.

Мальчик — или тот, кто выглядел, как мальчик — даже не повернул головы.

— Возможно. Позже. Но пока ты нужен мне живым.

— Из-за Тайны? — догадался я.

Коридор закончился в еще одном зале. Вдоль стен по периметру были расставлены свечи — все витые, черномagicеские. Воздух буквально был напигован магией — от нее даже стены искрились и потрескивали. Еще одна пентаграмма была начерчена на полу. В середине ее стояло большое зеркало. Я узнал его сразу — именно оно недавно невесть каким образом оказалось в рекреации девушек-старшеклассниц. И именно в нем я видел своих родителей и чуть было не разглядел лицо... теперь я знаю — лицо Даниила— Мигуна.

Мы подошли. Отразились. Мы — это я и Белый Мигун. Да-да, именно Белый Мигун, а не Даниил Мельхиор. Мальчик стоял рядом со мной, но в зеркале отражался среднего роста плотного сложения мужчина лет шестидесяти, с огромной залысиной и длинными седыми волосами, лежащими на покатых плечах. У него был крупный мясистый нос, полные губы и кустистые изломанные брови. В зеркале он был совершенно обнажен, и его покрытое редкой растительностью тело вызывало во мне отвращение своей бледностью и дряблостью кожи.

— М-да, — промолвил он, — над этим придется еще поработать. Неприятно будет проколоться на такой мелочи.

— Как же вы раньше-то...

— Раньше я скрывался. Это очень трудно — постоянно себя контролировать... Но хватит! Кто это там?

Я и сам уже услышал быстрые шаги. В конце коридора показалась темная фигура. К нам кто-то бежал, но Мигун не спешил сражаться с пришельцем.

— Учитель? — послышался знакомый голос. — Это вы?

Я узнал Черного Вэла. Лорд-зелейник был одет кое-как — бриджи, сапоги, мантия на голое тело, — его бледное лицо было искажено. Даже не взглянув на меня, он рухнул перед Мигуном на колени.

— Я знал! Я знал, что это вы! — воскликнул он непередаваемым тоном. — Я сразу почувствовал ваше возвращение! И я хотел быть вам полезен. Но вы прятались от меня в личине этого мальчишки. Вы не доверяли мне! Почему? Вы же знаете, что я все для вас сделаю! Я бы привел к вам этого, — небрежный кивок в мою сторону, — в любой день и час. Я бы сделал его вашим рабом! Я бы завербовал для вас сотни новых сторонников! Но вы мне не доверяли! Почему? Чем я провинился?

— Ты веришь мне?

— Да!

— Тогда не спрашивай меня ни о чем! — И Даниил-Мигун положил ладонь на голову Черного Вэла. Лицо зелейника озарилось такой светлой и счастливой улыбкой, что мне стало страшно и тоскливо. Я был один, среди врагов, предан и брошен на произвол судьбы.

— А теперь займемся делом! Максимилиан Мортон! Повернись к зеркалу!

Я оглянулся — и ахнул. За стеклом больше не было нас троих. Да и самого стекла больше не было. Там пылал огонь, и по ту сторону языков пламени, держась за руки, стояли мужчина моих лет и девушка со светлыми волосами. Даже сейчас я легко узнал их, хотя видел всего один раз в жизни.

Это были мои родители. Они ничего не говорили, не двигались — они просто смотрели на меня. Отец был спокоен, а мать вся трепетала. Она была беременна, и я вдруг ясно понял, что это — мой нерожденный брат.

— Рад? — прозвучал за спиной голос Мигуна, и я увидел, как мои родители вздрогнули. Отец крепче стиснул ладонь матери, она обняла свободной рукой выпуклый живот. — Мне стоило большого труда вызвать их сюда. Догадываешься, в честь чего эта встреча.

— Тайна лордов Мортонов? — сказал я.

— Ты умен, Максимилиан. Я знаю — ты не Хранитель Тайны, твой отец почему-то не рискнул доверить ее младенцу. И это большая потеря для мира магов. Представляю, какой начнется хаос, когда все узнают, что Тайны больше нет!.. Это будет покруче конца света. Но у тебя есть шанс — ты можешь сейчас провести Ритуал и забрать Тайну у своего отца. Здесь и сейчас он не посмеет тебе отказать.

Я во все глаза смотрел на родителей. Отец еле заметно покачал головой. Он запрещал... или пытался запретить мне что-то. Мать разве что не приплясывала на месте. Мой отец был Хранителем Тайны, которую нельзя доверить ушам постороннего. А сейчас таким посторонним был не кто-нибудь, а сам Белый Мигун. И я знал, что Ритуал будет пройден — дух, заключенный в зеркало, не может отказать тому, кто его изловил.

— Это вам даром не пройдет, — с трудом вымолвил я. — Искатель найдет вас и тогда...

— Искатель? Посмотри сюда!

Я обернулся. В углу у стены лежало то, что еще недавно было огромным черным псом. Шкура, снятая кое-как, с ошметками плоти. И я понял, чьей кровью были намалеваны пентаграмма и руны на теле Эмиля Голды.

— Зверек оказался тут очень вовремя, — сказал Даниил-Мигун. — Мне нужна была кровь.

— Зачем? — ошетинился я. Не потому, что желал потянуть время — просто не могу я не реагировать на упоминания о магических животных!

— Мне нужна была кровь, — повторил Даниил-Мигун. — Кровь волшебного существа, чтобы моя магия вступила в силу. Сначала была Арысь — но мне помешал Спурий. Да и образцы ее крови не подошли... Потом настал черед твоих зверей из живого уголка. Я хотел устроить кровопускание драконам или кому-либо еще, но драконы вырвались, а остальные тоже не подходили. И когда пришел Искатель, я понял, что инквизиторы сами дали мне в

руки оружие — это существо РОЖДЕНО с помощью магии и подошло как нельзя лучше.

Я попятился от этого страшного человека — и тяжелые руки легли мне на плечи. Руки Черного Вэла.

— У нас мало времени, — твердо сказал он. — Не бойся — это не больно.

— Да-да, начнем! — Белый Мигун потирал руки.

Вокруг вспыхнули прежде невидимые черные свечи — мы оказались в кольце зловещего огня. На полу под нашими ногами проступили руны.

— Запомни... — Черный Вэл подтолкнул меня к зеркалу и поставил перед стеклом, удерживая за плечи. Из его сильных рук я не смог бы вырваться, даже если бы был полностью свободен. — Запомни — ты можешь задать всего один вопрос. Всего один-единственный, но самый важный. Второго случая не будет, поэтому хорошенько подумай, О ЧЕМ ты хочешь спросить своих родителей. Вопрос должен быть САМЫМ ВАЖНЫМ для тебя. Понял? Самым важным! И только одним!

— Отойди! — прикрикнул на него Мигун. — Будешь подслушивать — убью!

— Конечно, учитель! — Черный Вэл кивнул ему и последний раз наклонился к моему уху: — Только один вопрос. Второго просто не будет, как ни старайся!

Я встал перед зеркалом, и мой отец начал говорить.

Слова Ритуала звучали в гробовой тишине подземелья и камнями падали мне в сердце. Я не понимал и не старался вникнуть в смысл — каким-то особым чувством я знал, что запомню их на всю жизнь и произнесу второй раз, лишь когда буду передавать новому Хранителю. Но даже без этого знания я все равно не мог бы сосредоточиться на Ритуале. Передо мной были мои родители, которые бросили меня в двухлетнем возрасте, покончив с собой. Мне о многом хотелось поговорить с ними, а надо ограничиться одним-единственным вопросом. Как страшно и больно — задать родителям ВСЕГО ОДИН вопрос! И как трудно — выбрать один-единственный вопрос из сотен и сотен не заданных за всю жизнь!

...Странно — почему я думаю именно об этом, когда должен — о Ритуале и о том, как бы спасти Тайну от Белого Мигуна? Почему слова Черного Вэла не дают мне покоя? Ведь ясно же, каким должен быть вопрос. Ясно?

Мать смотрела на меня во все глаза. Смотрела так, словно знала — через несколько минут мы расстанемся навсегда. Но что мешало ей остаться со мной двадцать лет назад? Приговор? Страх? Гордость? Но им должны были сохранить жизнь. Почему они добровольно расстались с нею? И со мной? Ведь если бы не самоубийство, ничего бы этого не было! Они тоже меня предали. Они меня бросили!

— Почему? — закричал я, не дожидаясь, пока прозвучат последние слова Ритуала и настанет время Формулы. — Почему вы бросили меня двадцать лет назад? Почему допустили, чтобы я вырос у чужих людей? Почему вы так со мной обошлись? Почему?

— Максимилиан! — страшно закричал Белый Мигун.

Мать рванулась ко мне, таща отца за руку. Он замолчал, и я понял, что ПРОПУСТИЛ весь Ритуал.

— Мы не бросили тебя, Максимилиан! — услышал я ее крик. — Нас убил Мигун!

За моей спиной раздался сдавленный звук — не то стон, не то хрип. Но я не обернулся. Тот единственный вопрос, на который мне намекал Черный Вэл, был задан, и я внимал ответу.

— Мы ждали решения суда, — это заговорил мой отец. — Ночью пришел ОН. И спросил, совершил ли я уже Ритуал. Я знал о предстоящем помиловании и сказал, что нет. Тогда Мигун предложил совершить Ритуал прямо сейчас. Но я догадался, что он задумал, и отказался. И тогда он...

— Макс, сзади!

Крик матери опоздал — страшный удар, от которого у меня потемнело в глазах, отбросил меня к стене. Я откатился кубарем, упав на влажную от крови шкуру Искателя. Разъяренный Белый Мигун, еще более страшный оттого, что был в личине Даниила Мельхиора, навис надо мной, но за миг до того, как он обрушился на меня, перед ним

выросла черная тень.

Черный Вэл закрыл меня собой, скрестив свои стилеты над головой.

— Макс, беги! — выкрикнул он, и молния из рук Мигуна ударила в образованный стилетами крест. — Беги!

Лишенный магии, он не имел шансов выстоять против черного мага, который недавно убил Искателя. И я побежал.

Голубые вспышки молний озаряли мне путь. Я проскочил первый зал с телом Эмиля и заметался, спеша выбрать один из трех выходов.

Возле центрального на полу лежала метла. Обычная школьная метла — на таких девчонки играли в мамбалет. Теперь понятно, как Вэл сюда попал так быстро! Не раздумывая, пока страх не сковал мои члены, я вскочил на нее, щелкнул тумблером и взмыл в воздух.

Но на первом же вираже я все-таки зажмурился от страха, и поэтому не знаю, обо что ударился головой, и потерял сознание.

Глава 17

— Он приходит в себя!

— Отойди, дай мне посмотреть!

— Еще чего не хватало! Уж ты насмотришься... Иди на других любуйся, сколько влезет, а этого не дам!

— И пожалуйста, больно надо!

Это были голоса мессира Леонарда и Невеи Виевны. Они ссорились, но так спокойно, что их пререкания звучали, как музыка. Я пошевелился.

— Что я говорил! Ты отошла, и он очнулся!

— Дай посмотреть!

— Уволю! Юноша столько пережил...

Я открыл глаза, и надо мной раздался восхищенный вздох облегчения. Мессир Леонард стоял на задних ногах, опираясь передними о край моей кровати. Я лежал на больничной койке. Из-за спины директора мне был виден ряд кроватей, две из которых были закрыты с боков ширмами. Невея Виевна маршировала между ними с раздраженным видом.

— С возвращением, — нелюбезно приветствовала она меня. — Я же говорила, что он очнется.

— Что со мной было? — прошептал я.

— Ты сильно ушибся, — ответил директор.

— Ударился головой. Были бы мозги — было бы сотрясение, — уточнила лихоманка.

— Что было ТАМ? — повторил я вопрос.

— Что бы ни было, все уже кончилось. Можешь не беспокоиться.

— Как я сюда попал?

— Тебя принес Черный Вэл. Он две ночи не отходил от твоей постели.

Мессир Леонард поймал мой недоуменный взгляд и пояснил: — Сегодня воскресенье, девять часов утра. Ты проспал больше суток.

— Там, в подземельях Башни Баньши, Белый Мигун, — вспомнил я. — И ученик Голда!

— Они уже здесь. — По знаку директора лихоманка отодвинула одну ширму, и я увидел белое лицо Даниила. — Ученик Голда с другой стороны. Он будет жить.

— Вы ничего не понимаете! Белый Мигун в теле Даниила Мельхиора!

— Я все знаю. — Мессир Леонард надавил мне копытами на плечи, заставляя лечь. — Черный Вэл мне все рассказал, и я тут же принял меры... Правда, ученику Мельхиору все равно придется встретиться с инквизиторами. С Мигуном не шутят. Но я лично просил их пощадить жизнь мальчика.

Хлопнула входная дверь. На пороге стоял Черный Вэл.

— Лорд Вэл! — покачал рогами директор. — отправил вас отдохнуть! Почему вы не у себя?

— Извините, — скривился тот, подходя, — я шел к себе, но это... Доставили только что утренней почтой письмо для лорда Мортон.

В руках у него был белый пергаментный конверт.

— Это от твоего деда, Максимилиан. — Черный Вэл подошел и приподнял подушку, помогая мне сесть повыше.

— От деда? — Я повертел конверт. — Но я...

— Ты не единственный Мортон в мире. — Вэл присел на соседнюю кровать. — У тебя есть дед, двоюродный дядя, родной дядя и кузина. И все они очень о тебе беспокоятся!

Я вскрыл конверт. С первых же строчек слова поплыли у меня перед глазами, потому что почерк был мне знаком. Тот самый...

«Дорогой мне внук, Максимилиан! Я очень рад, что ты с честью выдержал все испытания и достоин носить высокое имя Мортонов. Вот уже несколько лет я наблюдаю за тобой...»

Я сложил письмо и порвал его.

— Нет, — отрезал я под недоуменными взглядами мессира Леонарда и Черного Вэла, — он называет меня дорогим внуком, а сам столько лет не подавал о себе вестей! У меня были родственники, а жил я у чужих людей! Моя родня обо мне беспокоилась — и палец о палец не ударила, чтобы познакомиться!

— Это крайне неразумно, Максимилиан! — возразил директор.

— И у них были на то причины! — Черный Вэл собрал клочки бумаги, сложил их на прикроватной тумбочке и прочел отрывок:

«Когда твой отец покончил с собой в тюрьме, я был очень зол на него и сгоряча дал согласие на твое усыновление. У меня оставался младший сын, которого я надеялся женить и чей потомок должен был стать новым Хранителем. Четыре года спустя у твоего дяди родилась дочь. Других детей у него не было, и я вспомнил о тебе. Но твои новые родители увезли тебя в другой город, так что пришлось потратить время на поиски. Тебе к тому времени исполнилось двенадцать лет, и я решил, что не стоит ломать твою жизнь. Я встретился с семейством Граф, заявил на тебя права и договорился с ними, что в день твоего совершеннолетия сам открою тебе тайну твоего происхождения. Заодно надо было понять, каким человеком ты вырос, ибо быть Мортоном — особая миссия. Мой информатор внимательно следил за твоими успехами и докладывал мне и я рад, что мой единственный внук оказался настоящим человеком».

Против воли я дослушал письмо деда до конца.

— За мной следили? — спросил я, когда Вэл замолчал. — Кто?

— Я, — признался мессир Леонард. — А Вэл... то есть лорд Вэл пытался мне помочь.

— Я сразу заподозрил ученика Мельхиора, — объяснил тот, отводя взгляд. — И решил проверить. Мне, как бывшему сектанту, это не составило труда, хотя от моей магии инквизиторы не оставили ничего. А после урагана, когда ты повредил руки, я решил написать лорду Иерониму Мортону и предложил стать твоим охранником. Я обещал, что позабочусь о тебе, но лорд Мортон мне не поверил...

— И написал мне, чтобы я держался от вас подальше, — вспомнил я анонимное письмо.

— Но я все-таки следил за тобой. И когда вечером в пятницу ученица Корбут-Вайда прибежала ко мне и сказала, что ты пошел в подвалы, я сразу понял, что тебе грозит опасность. И, кажется, поспел вовремя.

— Вы спасли мне жизнь, — сказал я. — Спасибо. Я не думал, что вы...

— Лучше, чем кажусь? — криво усмехнулся Вэл. — Да уж...

— Правда, сперва я думал, что вы и Белый Мигун заодно...

— Так оно и было, — вздохнул Черный Вэл. — В секте я был нужен, а в мире магов...

Маг без магии! Какая глупость! Я хотел пойти за Мигуном, чтобы мстить тем, кто отнял у меня магию. А потом услышал, что он убил Женни...

— Вы так сильно любили мою мать?

— Тогда любил ее — теперь люблю ее сына, — вздохнул Вэл.

— Вы рисковали из-за меня жизнью, — вспомнил я. — Как же вы выстояли против мага? Вы — без магии?

— Он скрутил Белого Мигуна так, что тот и пикнуть не мог, — с гордостью произнес мессир Леонард, вставая между нами. А я, признаться, успел забыть о присутствии директора! — И должен сказать, молодые люди, что такой высокой школы боевой магии я давно не видел. Берегиня может подтвердить.

— Боевой магии? — переспросил я. — Вэл? Неужели в вас проснулась магия? Но ведь вас же стерилизовали!..

Лорд-зелейник вдруг смутился, как мальчишка. А мессир Леонард потрепал его по колену.

— Мой юный друг, — назидательно молвил он, — магию нельзя «отрезать». Это не рука, нога или другая часть тела. Магия — это особое состояние души. Душа может спать, но потом она просыпается. Вы же знаете, Максимилиан, как проходит Посвящение в маги — соискатель должен рискнуть жизнью. И лорд Вэл встал на грань жизни и смерти — ради вас.

— Я прошел Посвящение вторично, — объяснил Черный Вэл.

— Да, так и было, — кивнул мессир Леонард. — И, скажу вам, молодые люди, я ужасно рад, что работаю с вами! Это прекрасно, что есть те, кто способен на самопожертвование ради друзей.

Черный Вэл смотрел на меня смущенно, и я улыбнулся ему и подмигнул. И он подмигнул мне в ответ.

— Вот будет сюрприз для инквизиторов, когда они узнают, что стерилизация обратима! — промолвил я.

— Будешь трепать языком — они узнают это очень скоро, — проворчала из своего угла Невея Виевна. — Они уже здесь!

Я только ахнул. А Вэл отвел взгляд.

— Более того, — проскрипел он, — толкутся в прихожей. Я проходил мимо них.

— Что им нужно?

— Наверное, ждут, когда ты придешь в себя.

Я чуть было не грохнулся в обморок. Инквизиторы хотят меня видеть! Больше всего на свете настоящий маг боится инквизиторов. И страшнее всего то, что мы сами в незапамятные времена организовали Инквизиторский Совет, Инквизиторский спецназ и Суд Инквизиции. И до сих пор позволяем инквизиторам следить за порядком в нашем мире.

И эти визитеры не заставили себя долго ждать. Невея Виевна выскользнула за дверь, с кем-то переговорила, и в больничную палату вошли трое.

На первый взгляд это были обычные люди в красных одеяниях свободного покроя. Бритые головы всех троих покрывали алые шапочки. Лица их были тоже обыкновенные, если бы не глаза — слегка навывкате, они смотрели не мигая, будто у змей. И еще — они никогда не улыбались. Сложив руки на груди, три инквизитора встали на пороге, оглядели палату и направились к нам, отесняя от меня мессира Леонарда и Черного Вэла.

— Итак, это вы и есть, означенный Максимилиан Иероним лорд Мортон из рода Мортонов, — прозвучал бесцветный голос одного из них. — Сын Иеронима лорда Мортон тридцать шестого и внук Иеронима лорда Мортон тридцать пятого, Хранитель Тайны лордов Мортонов?

— Да.

— Мы представляем здесь Инквизиторский Совет. И уполномочены задать вам несколько вопросов. Первый...

— Простите, что вмешиваюсь, — вперед шагнул мессир Леонард, — это допрос или беседа?

— Какая разница? Допустим, допрос. А вы имеете что-то против?

— Имею, и очень много. Во-первых, Максимилиан Мортон нездоров, а закон запрещает допрашивать больных. Во-вторых, означенный Максимилиан Мортон работает в моей школе. А насколько я знаю, вы не имеете права проводить допросы в учебных заведениях. Отпускать же его я не намерен, ибо сейчас идет учебный год, и у нас сорвется план занятий. И в-третьих, я не думаю, что вам так нужно знать мнение Мортон о произошедшем. Истинный виновник обнаружен, и сперва надо допросить его, а уж потом опрашивать потерпевших.

— И в-четвертых, вы все-таки имеете дело с лордом Мртоном, а не с каким-то сектантом-боевиком, — добавил Черный Вэл.

Инквизиторы резко развернулись в его сторону. Казалось, они думают, взять им зелейника под стражу или нет, и я понял, что нужно вмешаться:

— А в-пятых, у меня так болит голова и все тело, что я все равно не смогу сосредоточиться на ваших вопросах, — простонал я, стараясь говорить как можно жалобнее. — И вообще я хочу спать.

Инквизиторы переглянулись. Они смотрели друг на друга так долго и пристально, что я был готов поклясться — эти типы обмениваются мыслями. Но наконец один из них сказал:

— Хорошо. Мы отложим нашу беседу. Но после окончания учебного года будьте любезны явиться в Инквизиторский Совет для допроса. Мы пошлем вам официальное уведомление и пропуск. А пока мы заберем с собой этих юношей.

Инквизиторы подошли к ширмам, за которыми лежали Даниил и Эмиль, и отодвинули их. Я увидел лица мальчишек. Они были такими беспомощными, что мне захотелось вскочить и отправиться к инквизиторам вместо них. Двое наклонились над кроватями, поднимая мальчиков.

— Дети болеют, — вступился за них мессир Леонард.

— Это не дети, — ответили ему. — Один из них преступник, а другой его сообщник. Их мы обязаны изолировать от общества во избежание эксцессов.

Спорить с ними было невозможно. Я увидел, как директор по-собачьи сел на пол, как потупился Черный Вэл, и похолодел. Несмотря на то что Даниил Мельхиор чуть меня не убил, я испытывал к нему жалость. Участь его была слишком ужасна, чтобы злорадствовать.

Помощь пришла, откуда не ждали. Невея Виевна просочилась сквозь дверь и подплыла к одному из несущих мальчика инквизиторов. От ее улыбки прямо-таки истекал могильный холод.

— Я вам помогу? — Она протянула руки, дотрагиваясь до локтей инквизитора, и тот выронил мальчишку, отшатываясь назад. Очнувшись от столбняка, Черный Вэл поспешил подхватить упавшее тело. Второй инквизитор сам выпустил свою ношу и отступил, бормоча проклятия.

Переглядываясь, они пошли прочь. Мессир Леонард, быстро кивнув нам головой, устремился вдогонку. Мы с Черным Вэлом остались наедине. Зелейник посмотрел на меня с какой-то странной улыбкой и тихо погладил по руке.

Негромкий стук в дверь заставил его отступить в сторонку. На пороге маяла Вероника.

— Мастер Мортон? — робко позвала она.

Черный Вэл с шипением втянул сквозь зубы воздух и поспешил спрятаться за ширму, пока девушка его не заметила. На Невею, копошившуюся возле больных мальчишек, она не обращала внимания.

— Я здесь, Вероника, — позвал я.

Девушка подошла. За прошедшие сутки она сильно изменилась — побледнела, стала взрослее. Но глаза ее сверкали так, что я загляделся на блеск этих глаз. И как я раньше не замечал, какие они у нее красивые? Так бы и смотрел... Голос Вероники вырвал меня из мечтаний.

— Простите меня, мастер Мортон, — прошептала она, опуская глаза. — Я не должна была вас звать...

— Ты ничего не могла изменить, — возразил я. — У Белого Мигуна был мой платок — тот самый, который...

— Я знаю. Вот он. — Девушка вытащила из кармана свернутый платок. — Я его постирала. Он теперь чистый. Безо всякой крови и вообще...

Она положила его на тумбочку и долго гладила кончиком пальца. Видно, ей было очень трудно расстаться с моей вещью, и право слово, я был готов отдать его девушке — пусть делает с ним, что захочет. Но из-за плеча девушки, из-за ширмы уже высывалось лицо Черного Вэла. Тот делал мне знаки, намекая, что я должен отослать Веронику прочь.

— Спасибо тебе, Вероника, — сказал я. — Если не возражаешь, я немного посплю. Я устал...

— Вам плохо? — встрепелась она. — Простите меня! Это я во всем виновата! Вы не должны были меня слушаться! И зачем я только...

Она всхлипнула и вдруг упала на мою постель, разразившись рыданиями. Я поднял беспомощный взгляд на Черного Вэла. Тот не успел ничего предпринять — в больничную палату ворвалась дама Морана. Невея зашипела, словно рассерженная змея, но завуч не взглянула в ее сторону. Она просто взмахнула рукой — и лихоманку как ветром сдуло. Черный Вэл еле успел нырнуть за ширму.

— Какое бесстыдство! — загремела дама Морана. — Это недопустимое поведение для школьницы! Немедленно извинитесь и извольте покинуть помещение! И зайдите ко мне в кабинет — я должна вам кое-что сказать!

Несчастная Вероника что-то пролепетала и бегом бросилась прочь. А завуч повернулась ко мне.

— Это невеста знает что! — напустилась она на больного меня. — Школа превращена в сумасшедший дом! По классам разгуливают инквизиторы, между этажами застряла съемочная группа последних новостей, еще несколько журналистов топчутся в учительской и срывают мне уроки, а дети и педагоги совершенно выбиты из колеи! Только и разговоров, что о ваших подвигах и о Черном Вэле. Какие вы герои, да какие молодцы!.. Слушать противно! — Я попытался открыть рот, но она этого даже не заметила, — Вот что, Мортон, или вы завтра же выходите на работу, или я вас увольняю, несмотря ни на какое общественное мнение! Я не позволю, чтобы из моей школы делали притон! Скоро экзамены! Я не потерплю! Я вас выведу на чистую воду!

— Я обязательно завтра буду на занятиях! — быстро выкрикнул я. — Честное слово!

— Да, завтра! Или послезавтра напишете заявление об уходе! Подумаешь, герой! Один подвиг не дает вам права срывать учебный процесс! Объявляю вам выговор! И завтра же составлю докладную на имя директора! Такого отвратительного педагога в нашей школе никогда не было...

Решив, что достаточно испортила мне настроение, дама Морана покинула больничную палату, так громко хлопнув дверью, что у меня на тумбочке подпрыгнул стакан.

После ее ухода у меня на самом деле разболелась голова. Право слово, если бы знать заранее, я бы предпочел три часа провести в обществе инквизиторов, чем три минуты в присутствии завуча.

— Я ее ненавижу, — пробормотал я, зажмурившись. — И когда-нибудь убью! Почему она ко мне придирается?

— Начальники все такие. Особенно женщины-начальницы. — Черный Вэл отошел к постелям мальчишек, приводя обоих в порядок точечным массажем. — Будь моя воля, я бы вообще запретил женщинам занимать командные посты.

— Страшно представить, если она сменит когда-нибудь мессира Леонарда, — вздохнул я. — Она такая жестокая...

— Так ведь мессир Леонард не человек, — усмехнулся Вэл. — Он — ирландский пука, нежить. А у нежити нет понятия добра и зла. Только человек может быть добр или жесток. Нежить поступает так, как хочет. Сегодня мессир Леонард защитил тебя, а завтра он поступит с тобой так круто, что даже дама Морана тебя пожалеет.

— Она никогда никого не пожалеет, — возразил я. — Дама Морана отправила на тот свет своего сына за то, что он был сектантом, вы сами говорили!

— И до сих пор казнит себя за это.

— Хорошенький способ самобичевания, — проворчал я, — во всех своих бедах обвинять других!

Черный Вэл закончил возиться с мальчиками и подошел к моей постели.

— Тебе тоже надо отдохнуть, — сказал он и дотронулся пальцами до моих висков. Я хотел было возразить, что здоров, но почувствовал, что веки тяжелеют, и заснул прежде, чем вымолвил хоть слово.

Наверное, в последнем прикосновении лорда-зелейника все-таки была целительная магия, потому что проснулся я наутро свежий до изумления. Еще вчера у меня болела голова и грудь, а сегодня все было в порядке!

Невеи Виевны в палате не было. Я сам оделся, благо, моя одежда лежала тут же, аккуратно свернутая, и подошел к постелям Даниила и Эмиля. Мальчики находились под действием магического сна. Один из них просто был слишком слаб, а другого нарочно удерживали в этом состоянии из опасения, что находящийся в его теле Белый Мигун снова заявит о себе. На запястьях и шее Эмиля Голды еще виднелись синие следы от веревок, он был бледен, и я от всей души пожелал ему скорейшего выздоровления. Что до Даниила, то я испытывал к нему двойственные чувства. Этот мальчик пал жертвой своих родителей, он ни в чем не был виноват, но в его теле жил Белый Мигун, и я не знал, жив ли сам Даниил Мельхиор или на постели лежит только его тело, а души уже нет. Если бы знать, что Даниила больше нет, я бы предпочел видеть это тело мертвым.

Тихо хлопнула дверь. Обычно Невея Виевна, как любая нежить, просто просачивается сквозь стены, но на этот раз она воспользовалась привычным способом — из-за меня.

— Ты уже встал? — прошипела она. — Чего тут торчишь? Там все тебя ждут.

— Меня? Кто — все?

— Там увидишь! Я пришла специально его разбудить, а он уже готов! Скорее! Скорее! Не заставляй меня...

Она расставила руки и пошла на меня, и я поспешил рвануть к двери, чтобы избежать прикосновения лихоманки. От досады Невея могла наслать такую болезнь, что потом за всю жизнь не поправишься.

Перед больничной палатой был небольшой зал ожиданий — человек на десять-двенадцать. Сейчас тут собралось не менее полусотни желающих меня лицезреть. Я увидел всех своих коллег, кое-кого из старшекурсников и дюжины полторы незнакомых магов и волшебниц. Среди них мелькали журналисты. Эпатируя публику, они одевались по моде простых смертных — то есть у женщин были короткие стрижки, обтягивающие джинсы и футболки с яркими и не всегда пристойными картинками, а мужчины щеголяли в спортивных костюмах с надписями «Динамо» и «Адидас».

Когда я возник на пороге, вся эта пестрая толпа сперва затихла, а потом разразилась приветственными криками. Защелкали, рассыпая искры, фотокамеры. Я едва успел сосредоточиться, ибо чрезмерное внимание к внешнему облику мага может иметь неприятные последствия.

— Минуточку, молодой человек, — какой-то корреспондент присел возле меня на корточки, — пожалуйста, разведите руки в стороны. Я хочу снять абрис вашей ауры для журнала «Новости бионики».

— Пожалуйста, повернитесь и к нам, — подскочила еще одна женщина средних лет, так густо намазанная косметикой, что я принял ее за папуаску в боевой раскраске, — портрет для «Вестей Мидгарда». Вас можно фотографировать? Это не опасно?

— Раньше надо было спрашивать, — рядом возникла Невея Виевна, и журналистов как ветром сдуло. — Лорд Мортон вполне здоров, однако чересчур активное внимание может кое-кому тут навредить. Понятно?

— Прошу вас только об одном снимке, — едва не простонал еще один фотограф. —

Это пойдет в центральные газеты. Обещаю, что наложу на него тринадцать степеней защиты от наведения порчи.

— Лорд Мортон сам на кого хочешь наведет порчу, — кто-то мягко взял меня под руку. Я встретил прищуренный взгляд Черного Вэла и улыбнулся ему. — Меня можете фотографировать — моя аура абсолютно стерильна.

Да-да, господа и друзья читатели, нас, магов, не так-то просто сфотографировать. Мы опасаемся попадать в объектив камеры, ибо каждый снимок негативно отражается на нашей магической ауре. Более того — часть нашей сущности переносится на снимок, так что при помощи фотографии можно даже побеседовать с человеком, как бы далеко он ни был, не говоря уж о наведении элементарной порчи. Для того чтобы избежать таких последствий, мы, маги, должны сперва привести свое сознание в особое состояние. Без вреда для здоровья можно фотографировать только тех, у кого нет магических способностей.

— А, простите, вы кто? — поинтересовался фотограф.

— Лорд Черный Вэл, к вашим услугам. Коллега и друг молодого Мортонна.

— Лорд Вэл спас мне жизнь там, в подземельях, закрыв собой от гнева Белого Мигуна, — заявил я. — Я благодарен ему за это и готов выразить свою благодарность не только на словах, но и на деле любым доступным способом.

Журналисты тут же застрочили в блокноты и на пергаменты, запечатлевая мое высказывание. Потом было сделано несколько снимков — мы под руку с Черным Вэлом.

— Ты понимаешь, что сказал? — прошипел мне на ухо Вэл, уловив минутку.

— Понимаю, — так же шепотом ответил я. — Я жалею, что подозревал вас. Кроме того, я надеюсь, что эти снимки дойдут до моего деда.

— И что?

— Хочу доставить ему несколько приятных минут.

— Ты его не любишь, — констатировал Вэл.

— Да, — признался я. — Хотя я и Мортон, у меня нет причины любить мою семью. Эти лорды Мортонны не желали признавать меня до двадцати одного года, да и позже не очень-то горели желанием познакомиться поближе. Видите ли, они испытывали меня — гожусь ли я им в родственники! Родню не выбирают! Она либо есть, либо нет.

Черный Вэл вздохнул. Я понял, что он вспомнил о своей жене и дочери, которых не видел уже несколько лет, и пожалел о своих словах.

— Вы разрешите задать вам несколько вопросов? — снова надели на нас журналисты.

— Простите, что отвлекаю, — к нам пробилась дама Морана, и я съежился от предчувствия публичного разноса, — но Максимилиан Мортон мой сотрудник. Он избрал для себя благородную и трудную работу — воспитывать подрастающее поколение. Несомненно, этот юноша — достойный пример юным сердцам для подражания. И, могу сказать как его непосредственный начальник, что молодой лорд Мортон успел зарекомендовать себя прекрасным педагогом. У него талант общения с детьми. И в коллективе его все уважают, а в свете последних событий будут ценить еще больше. Однако он в первую очередь учитель, а уже потом — герой дня. Вы обязательно встретитесь с ним чуть позже, а сейчас прозвенит звонок на уроки. Дети вас заждались, милорд!

И, мило улыбнувшись прямиком в объективы фотокамер, дама Морана под руку увлекла меня прочь.

Это был очень долгий и трудный день. Четыре пары уроков — три у седьмых и одна у шестого курса. На переменах за мной хвостом ходили журналисты, приставая с вопросами, а в обеденный перерыв меня окружили коллеги. Наши дамы наперебой поздравляли меня с выздоровлением, хвалили, щебетали всякую чушь в оба уха, а Лыбедь до того расчувствовалась, что обняла за шею и крепко поцеловала в губы. Но самое неожиданное было то, что дама Морана за один день резко переменила ко мне отношение. Она мило улыбалась, если мы встречались, брала под руку, хвалила мой метод ведения уроков и чистоту, которую я навел в живом уголке. А если рядом оказывался кто-то из корреспондентов, начинала вслух выносить мне благодарности за нынешние и прошлые

заслуги. Послушать ее — так во всем мире нет второго такого талантливому учителя и для Школы МИФ большая честь, что я работаю у них. И что Школа МИФ никогда не расстанется с таким самородком. Сказать, что я был шокирован подобными словами, — значит ничего не сказать.

Но это было лишь начало. Большинство журналистов уехало на следующий день сдавать материал в газеты и журналы, а съемочная группа последних новостей, таскавшаяся за мной весь день и не оставлявшая в покое даже на уроках, так вообще умчалась со свежим репортажем ночным проходящим экспрессом. Но несколько самых дотошных задержались.

Их я встретил, выйдя утром из своей комнаты. Увешанные камерами, амулетами и сумками парень и девушка сидели на полу у самой двери, и я нечаянно стукнул их по спинам.

— О, наконец-то! — воскликнул парень, доставая камеру. — Улыбочку! Герой сражения с Мигуном ранним утром... Что может быть естественнее!

— Скажите, вас не мучают страшные сны? — пристала девушка. — Не терзают предчувствия? Обычно это чувствуешь — ведь ваша схватка с Мигуном явно не была последней, так?

— Мигуна вот-вот заберут инквизиторы, — ответил я. — И, надеюсь, мы с ним больше не встретимся!

— Мы тоже на это надеемся, но все-таки как вы думаете? У вас есть предположения на этот счет? — Девушка совала мне под нос витой рог, наполненный зеленоватой жидкостью. Я знал, что это такое — все слова, которые будут сказаны над этой жидкостью, потом прозвучат, стоит ее перелить в другой сосуд. А если этой зеленой водой полить растение... О, лучше не фантазировать, какие мутанты появятся в результате подобного эксперимента!

— У меня есть только одно предположение, — признался я, — как мне провести ближайший урок.

— Но неужели вы, лорд Мортон, можете СЕЙЧАС думать об уроках?

— Да, именно сейчас. Я учитель, и у меня нет времени отвлекаться на глупости. Писать о новостях — ваша работа, вот вы ею и занимайтесь, — отрезал я и пошел к столовой.

— Но вы не можете просто так отделаться от нас! — Журналисты бежали следом. — Мы должны сделать репортаж...

Парень приостановился, поманил спутницу пальцем и что-то зашептал. Через минуту сияющая девушка догнала меня.

— Идея! — воскликнула она. — «Один день с лордом Мортоном!» Полный хронометраж событий — ваш утренний туалет, ваш завтрак, уроки, общение с детьми и коллегами в неформальной обстановке, заслуженный отдых вечером и философские разговоры за чашкой чая.

— Я не пью чай! — отрезал я.

— Тогда кофе! Коньяк! Старый добрый эль! Березовый сок! Что угодно! Это будет сенсация! Только мы додумались показать героя в обычной обстановке. Ведь вы же на самом деле простой человек, каких много, и, наверное, любой на вашем месте поступил бы точно так же?

Отделаться от этой парочки мне так и не удалось. Они следовали за мной по пятам. Девушка меняла зеленоватую «воду памяти» в роге каждый час и трещала без умолку. Ее вопросы сыпались на меня в самое неподходящее время. Она приставала к третьекурсникам с просьбой поведать миру, какой я хороший учитель. Доставала остальных учителей и едва не сорвала занятия, вздумав заставить меня дать детям практическую работу и при этом комментировать действия своих учеников. Право слово, я запрыгал от радости, когда она наконец отбыла вместе со своим напарником.

А через несколько дней инквизиторы забрали Даниила Мельхиора и Эмиля Голду.

Уроки в тот день отменили — все равно никто из детей не усидел бы за партами. Вся школа сгрудилась на первом этаже, провожая своих друзей. Третий курс занял первые ряды, и даже высокомерные семикурсники не могли заставить ребят сдвинуться с места.

Впереди шагали двое военных из Инквизиторского спецназа, держа наготове боевые жезлы. За ними несли Даниила Мельхиора. Мальчик еще находился во власти колдовского сна. Он должен был проснуться только в камере — во избежание пробуждения заключенного в его тело Белого Мигуна.

Эмиль Голда шел сам, но был так слаб, что его поддерживали под руки двое инквизиторов. Он шатался, и по всему было видно, что бедняга на грани обморока. Когда его проводили мимо нас, среди ребят послышался ропот.

— Куда они его увозят?.. Зачем? Неужели нельзя без этого? — раздавались недовольные голоса.

У самых дверей Эмиль споткнулся и чуть не упал. Сразу несколько человек бросились к нему. Шагнул вперед и я — и тут же на мое плечо легла чужая рука.

Я обернулся — и вздрогнул. Возле меня стоял инквизитор.

Они все словно на одно лицо — высокие, худые, бритоголовые, с тонкими губами и слегка выпученными глазами. Отличаются только возрастом — одни старше, другие моложе. Этот показался мне самым молодым — но только показался.

— Не беспокойтесь, — негромко, но весомо промолвил инквизитор, — мы позаботимся о мальчиках.

Он уходил последним и закрыл за собой высокие резные двери школы.

Жизнь продолжалась. Школа МИФ благодаря мне прославилась на пол-Европы. Отовсюду нам слали письма и телеграммы, несколько раз приезжали делегации. Нас посетил даже министр образования и пообещал дополнительные инвестиции.

Беседовал он и со мной. Дама Морана притащила его ко мне в кабинет, но сперва заглянула в аудиторию и комнату практических занятий и прошипела:

— Быстро наведите тут чистоту! Сейчас у вас будут гости, и горе вам, если я замечу хотя бы соринку!

Я бросился подметать пол и собирать разбросанные вещи. Так министр меня и застал — с веником и совком.

— Наш молодой коллега предпочитает все делать сам, — проворковала дама Морана, сопровождая его под руку. — Он не слишком-то полагается на магию, считая, что в магических животных ее и так много.

— В самом деле, милорд? — Министр, седоголовый старец в длинном белом балахоне, расшитом магическими символами, и с целым иконостасом амулетов на груди, оглядел меня с ног до головы. Дама Морана из-за его плеча осуждающе покачала головой — дескать, мог бы и приодеться к визиту столь важного гостя.

— Да, я считаю, что с этими существами не следует подменять живое общение заклинаниями, — сказал я. — Именно это помогло мне выстоять против Белого Мигуна. Он смог подчинить себе не только мое тело, но и души моих покойных родителей, однако его замысел был сорван без единого заклинания.

— Значит, вы считаете, что магия не всесильна?

— Я считаю, что на нее не следует полагаться. Есть вещи, которые просто невозможно достичь колдовством. И не всякую проблему можно решить с помощью амулетов и волшебства.

— Но вы же маг!

— Прежде всего я человек.

— Сильно сказано... Вы хотите что-нибудь пожелать?

Удивленный такой резкой сменой темы, я только захлопал глазами.

— Ну, разве у вас нет никаких просьб — из тех, что решаются не заклинаниями, а именно словами? Вы ничего не хотите пожелать? Может быть, я могу вам чем-то помочь? — улыбнулся в бороду министр.

Дама Морана из-за его плеча усиленно кивала мне и подмигивала — дескать, проси, но не забывай, кто ты и где находишься. И я выпалил:

— А можно нашим волкам и единорогам расширить вольеру? А то зверям повернуться

негде...

После моих слов в живом уголке воцарилась тишина. Даже попискивавшие шуликуны притихли. Дама Морана скорчила гримасу и еле успела сменить ее на любезную улыбку, когда министр повернулся к ней.

— В самом деле, это, я думаю, разумная просьба. Вы не находите?

— Да-да, мы хотели это сделать, — заюлила завуч, — но в этом году в смету не было заложено строительство... Мы решили сначала переклеить обои в моей кабине...

Она осеклась, понимая, что сейчас выставляет себя в неприглядном свете.

— Но за время летних каникул определенно найдем возможность! Обещаю!

— Очень хорошо. А я обещаю, что мы найдем дополнительные средства... И даже подарим вашему живому уголку какое-нибудь редкое животное. Скажем, феникса. Вы умеете ухаживать за фениксами?

— Лучше келпи, водяную лошадку из Шотландии, — попросил я. — Или кошку Гулон с лисьим хвостом.

— Хорошо, поищем, — пообещал министр.

Дама Морана проводила его и на прощание так на меня посмотрела, что я опять захотел написать заявление об уходе.

Вообще отношение моих коллег ко мне переменялось. Наши дамы считали, что я слишком возгордился и задрал нос. Особенно неистовствовала Лыбедь. Пытаясь меня соблазнить, она рвалась ко мне в больницу, а потом весь день ходила хвостом, стараясь попасть мне на глаза и рассказывая журналистам, что она мой самый близкий друг. В конце концов у меня прямо спросили, является ли она моей невестой.

Пришлось соврать, что я вообще не интересуюсь женщинами. Это Лыбедь ужасно обидело, она подговорила остальных учителей, и теперь, стоило мне войти в учительскую, как разговоры замолкали сами собой. Исключениями стали только дама Труда, слишком добродушная, чтобы поддерживать бойкоты, и Берегиня, у которой был свой взгляд на любую проблему. Но даже у них сложилось мнение, что меня надо немножко проучить.

Единственное, что радовало меня, были дети. В самый первый день занятий, когда я переступил порог аудитории, мальчишки шестого курса устроили мне овацию. Аплодисменты не смолкали минут пять, к радости журналистов, а Кристиан Шульц даже устроил маленький фейерверк. Мальчишки и девчонки теперь толклись возле моего кабинета и наперебой хвастали любопытным журналистам, какой я хороший учитель, какой добрый, и так далее.

Помалкивала только Вероника. Девушка вела себя, как обычно, но несколько раз я замечал ее пристальный взгляд — она по-прежнему не могла отвести от меня глаз. Но теперь ее внимание было мне приятно и настраивало на романтический лад. Вот только я по-прежнему не мог себе представить, как подойду к этой девушке и что скажу. И нужно ли что-нибудь говорить.

И надо же было такому случиться, что через неделю, за несколько дней до Весеннего Равноденствия, мне пришло еще одно письмо.

Письма мне в те дни приходили пачками. Просыпаясь по утрам, я видел на подоконнике трех-четырёх почтовых воронов, терпеливо ждущих, когда их освободят от конвертов. Мне писали читатели газет, мои бывшие одноклассники, приемные родители и семейство Мортон. Девушки признавались мне в любви, юноши хотели хоть раз оказаться на моем месте. Не было писем только от фон Ньердов, родственников моей матери Женевиэвы. Но они наверняка просто не знали, что это я — сын их Женни. А может быть, никого из них не было в живых.

А это письмо... Оно пришло в числе других, вместе с конвертом от Мортон и двумя посланиями от читателей. Разглядев женский почерк, я ожидал, что там будет очередное признание в любви, и поздно сообразил, что письмо написано по-русски.

«Здравствуй, Эмиль, или, как тебя теперь зовут, Максимилиан! Пишет тебе твоя сокурсница Настя Мельник. Я очень рада была услышать о тебе хорошие новости. Ты меня

помнишь? Я, признаться, часто вспоминала о тебе — ты был очень не похож на остальных наших мальчишек. Но я верила, что рано или поздно ты прославишься — и не ошиблась в тебе. К сожалению, я, как и ты в школьные годы, не знала, что ты — гот самый Мортон, Хранитель Тайны. Думаю, так было нужно. Но теперь ты стал самим собой и даже знаменит. С тобой многие хотят переписываться, но, надеюсь, ты ответишь на мое письмо и, более того, — надеюсь, ты примешь мое приглашение. Этим летом я с родителями еду на поклонение к Синему Камню в Переславль-Залесский и хочу пригласить тебя с собой. Заодно я покажу тебе Россию, и мы отлично проведем время. Ручаюсь, у тебя ни разу не было таких каникул, какие устрою тебе я...»

Дальше читать я не смог — свернул и сунул обратно в конверт. Не только потому, что написано было это письмо моей первой школьной любовью. Просто Анастасия Мельник... Как бы вам это сказать... Она, конечно, красивая девушка, и я до сих пор люблю ее фотографию в памятном адресе, но это письмо было написано именно Максимилиану Мортону. Пока я был Эмилем Графом, я был ей неинтересен, а стоило ей узнать правду о моем происхождении, как все переменялось.

Но почтовый ворон все еще топтался на окне. Ответ можно было отправить с ним. И я выдрал из блокнота лист.

«Здравствуй, Настя, — начал я на полузабытом уже русском языке — на нем мы писали сочинения в Неврской Школе Искусств, а это было больше трех лет назад! — Меня очень обрадовало твое письмо, но, к сожалению, принять приглашение не могу. Дело в том, что, как мировая знаменитость, я уже расписал свое лето по часам. Сначала мне предстоит визит в Инквизиторский Совет, потом я обещал навестить своих приемных родителей Графов, затем меня ждут в гости мои новые родственники Мортонны, а в конце лета мне обещали устроить поездку в Шотландию на охоту за тамошними водяными лошадами. И это не считая официальных приемов и пресс-конференций. Так что к Синему Камню я смогу вырваться не раньше Святочных Каникул. До встречи. Макс Мортон».

Послание получилось излишне сухое и хвастливое, но на это и был расчет. Пробежав глазами письмо — а вдруг там вклялись ошибки? — я запихнул его в Настин конверт и прикрепил к лапе почтового ворона. Тот обиженно каркнул, нагадил на подоконник в знак протеста и улетел.

Мой расчет оправдался — больше Анастасия Мельник мне не писала.

Вот так незаметно прошли полтора месяца. Наступила весна. С каждым днем становилось все теплее, мои Жаравь-птицы в живом уголке перелиняли и каждый день танцевали в своей вольере, оглашая живой уголок и лекционную аудиторию гортанным курлыканьем. Иногда их крики даже мешали мне читать лекции. Проснулись от зимней спячки аспиды, змеи, Скарапея и фараонки, все они весело плескались в аквариуме. Предчувствуя приход мая, вилы и албасты теперь не давали мне спать, голося часов до трех ночи. У единорога Дымки характер испортился окончательно. Теперь он слушался девушек, только если меня не было рядом — его подруга ждала потомства, и самец бешено ревновал ее ко всем существам мужского пола. Пришлось даже отсадить козлерога, потому что Дымка однажды здорово избил его копытами.

Весна действовала и на людей. У семикурсников уже невозможно было вести уроки: без пяти минут выпускники с тоской пялились в окна на очистившиеся от снега и понемногу зеленеющие поля и одетую в вуаль свежей листвы рощу. В пруду сошел лед, и теперь можно было мечтать о прогулках при луне. Я сам видел, как однажды там гуляли Лилита и Спурий. Поскольку была ночь полнолуния, Спурий был в облике волка. Он, как щенок, скакал вокруг Лилиты и выл. Среди школьников тоже участились появления влюбленных парочек, а почтовые вороны, увешанные любовными посланиями, как майское дерево дарами, важно расхаживали по школе. Мы, учителя, старались, как могли, гасить чрезмерный любовный пыл своих подопечных — во-первых, потому, что приближались экзамены, а во-вторых, совсем скоро должен был состояться Праздник Бельтан.

В разных странах его называют по-разному. Это и Первомай у русских, и День Живы у

славян, и Бельтан кельтов и галлов, и собственно День Весны и Любви. Как и в Хеллоуин, в этот день можно все. И даже мы, взрослые, в этот день должны отбросить серьезность и просто-напросто веселиться. Целые сутки — от первого луча солнца первого мая до первого луча солнца второго мая — будет веселье. Ибо уже на другой день начнется подготовка к экзаменам. За полтора месяца школьники должны обновить свои знания и сдать экзамены, чтобы ко Дню Летнего Солнцеворота разъехаться по домам.

До Бельтана оставалась какая-нибудь неделя. Я коротал время, прогуливаясь в школьном парке и ломая голову над тем, как облегчить жизнь моим зверям. Несмотря на обещания министра образования о помощи, слова так и остались словами, и я уже решил, что на время школьных каникул переселю часть зверей в вольеры на территории парка. Я даже обнаружил укромный уголок: если затянуть его сеткой, можно будет перевести туда козлерога. А в кустах живокости получится отличное логово для волков. Дело было за малым — уломать нашего завхоза и бригаду брауни, чтобы они поделились со мной сеткой.

Меж стволов мелькнула тень. В школьном парке не так уж много тенистых уголков — деревья здесь растут ровными рядами, дорожки посыпаны песком, а кусты высажены строго по плану. Поэтому я издали узнал Арысь-поле.

— Добрый день! — крикнул я, и чудовище подбежало ко мне.

Правду сказать, я вздрогнул, когда она резко села передо мной. Полгода назад, когда Спурий по снегу тащил меня на помощь раненой Арыси — тогда я еще не знал, что ее ранил Даниил Мельхиор, пытаясь добыть кровь для своих черномagicеских опытов, — я в ночи не успел ее рассмотреть. А теперь видел перед собой жуткую помесь волка, крокодила и человека, закутанную в грязную рванину. На ее груди и правой руке-лапе еще виднелись шрамы, оставленные ножом Даниила-Мигуна.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я. — Раны не болят?

Арысь помотала головой. Говорить по-человечески она не могла — не то строение гортани. А телепатией в мире мифических существ владеют единицы.

— Вы просто гуляете? — задал я наводящий вопрос.

Она помотала головой.

— У вас какое-то дело? — Я вспомнил, что Арысь была ранена, когда прибегала к сыну повидаться.

Чудовище кивнуло.

— У вас дело в школе? К сыну?

Новый кивок.

— Я могу вас проводить?

На этот раз Арысь задумалась, а потом встала и сделала лапой жест — мол, прошу.

И мы направились к парадному входу в школу, где перед ступенями на вымощенном плиткой плацу стоял памятник Семерым Великим Магам. Сперва Арысь-поле шла на задних лапах, но быстро обнаружилось, что при этом она на три головы выше отнюдь не мелкорослого меня, и чудовище опять встало на все четыре.

У крыльца уже стоял кое-кто из моих коллег. Я увидел мессира Леонарда, даму Морану, Спурия и леди Ульфриду. Неподалеку нарочито безразлично прогуливались мальчишки — они явно знали больше меня. Заметив нас с Арысью, Спурий подбежал к нам.

— Только что прилетела сорока — они уже на подъезде, — сказал он.

Минут десять спустя в широких воротах показался обычный дилижанс — точно в таком же я осенью приехал в Школу МИФ. Даже возница, кажется, был тот же самый. Он осадил дилижанс у памятника Семерым Магам, распахнул дверцу, и из нее появился... инквизитор.

Я шархнулся прочь от его алой мантии и красной шапочки, покрывающей бритую макушку. Дети настороженно притихли. Но неожиданный гость не спешил подниматься на крыльцо. Он придержал дверцу открытой и помог спуститься с подножки Эмилю Голде!

Мальчишки разразились приветственными криками, но он даже не посмотрел на друзей. Эмиль очень переменился. Он ужасно похудел, его русые волосы были сбриты, и

голову покрывал только-только начавший отрастать ежик. Вместо школьной формы, в которой его увезли, на нем была какая-то роба мышинового цвета. Он испуганно огляделся по сторонам и сорвался с места.

— Мама!

Арысь-поле взвилась на задние лапы, подхватывая мальчика передними. А Эмиль обхватил чудовищную самку руками и ногами и повис на ней, прижимаясь щекой к ее морде. Из глаз Арыси покатались крупные слезы.

Спурий за локоть оттащил меня в сторонку.

— Она его мать, — со вздохом объяснил он. — Это к Эмилю Арысь-поле бегают по ночам.

— А кто же его отец? — удивился я.

Вместо ответа Спурий как-то странно посмотрел мне через плечо. Я обернулся — привезший мальчика инквизитор все еще стоял возле дилижанса и во все глаза смотрел на Эмиля и Арысь.

— Не может быть!

Спурий только развел руками — дескать, думай, что хочешь.

Глава 18

И вот он настал — Бельтан.

По традиции в этот день устраивают карнавал. В Неврской Школе Искусств и потом в Колледже я не особенно жаловал такие мероприятия — из-за застенчивости и невысокого мнения о своей персоне. Да и с фантазией у меня похуже, чем у всех магов. Настоящий чародей и волшебник просто обязан быть выдумщиком и фантазером — без воображения нет магии. Поэтому для меня сущим наказанием было придумывать карнавальный костюм.

В этом году дела обстояли таким же образом. Вечером, за два часа до торжественного открытия праздника, я еще не придумал, как наряжусь. То есть за два часа до выхода я только вспомнил, что нужен карнавальный костюм.

Еще год назад я бы запаниковал и вовсе никуда бы не пошел, но последние события меня кое-чему научили, и я заметался по комнате в тщетной попытке найти хоть что-нибудь подходящее. Открывая все дверцы подряд, я в один прекрасный момент добрался до шкафа...

А я и забыл, что до меня тут жила женщина! На меня прямо-таки обрушился ворох платьев, туфель, париков, пелерин и разных кружевных штучек. Всю эту гору придавил кованный сундучок с косметикой, и я понял, что выход найден.

Два часа спустя я осторожно переступил порог своей комнаты. Чтобы удержаться на каблуках, мне пришлось взять зонтик, на который я опирался, как на тросточку, и все-таки колени мои от волнения подгибались, когда я вошел в парадный зал.

И сразу понял, что никто не будет надо мной смеяться и тыкать пальцами. Потому что даже Хеллоуин не шел ни в какое сравнение с тем, что происходило в Школе МИФ в день Бельтан.

Все мои коллеги изменились до неузнаваемости. Лыбедь красовалась в костюме облачной девы — огромные белые крылья закрывали ее тело с ног до головы, а на распущенных волосах сверкала огромная корона. Больше на ней, как оказалось, ничего не было. Леди Ульфрида преобразилась в снежную королеву, а вместо Лилиты по залу прыгала Богиня Кали в ожерелье из черепов, вся перемазанная сажей и увешанная оружием. Сирена тоже была птицей — только угольно-черной с длинным золотым хвостом и вампирьими клыками во рту, а вместо Берегини в ступе сидела жуткого вида Баба Яга — горбатая, грязная, в лохмотьях и ужасно старая. Изменилась даже дама Морана — она переделалась в настоящую валькирию: длинные косы, кольчуга, рогатый шлем и копье. Костюмы остальных коллег были куда как скромнее. Исключение составили только Спурий — в облике волка — и сам мессир Леонард. Наш директор-пука превратился в толстого белого пони с ромашками

в гриве. С задорным ржанием он носился среди школьников. Время от времени он приставал к какой-нибудь из девочек с предложением прокатиться, но стоило всаднице устроиться на его толстом крупе, как он сбрасывал ее и убегал, весело помахивая хвостом.

— И-ги-ги-ги-ги! — подскакал он ко мне. Заглянул в лицо — и попятился.

— Я тоже хочу прокатиться, — подмигнул я. Но директор ошалело помотал головой и со всех своих коротеньких ножек ринулся прочь.

Я очень боялся, что мессир Леонард разболтает всем о моем маскараде, но, видимо, в облике пони он был лишен возможности разговаривать, так что какое-то время я крутился среди школьников, разглядывая средневековых рыцарей, различных духов, девочек-фей, мальчиков-гномов, чертей, русалок и прочую нечисть. Некоторые оригиналы оделись как простые смертные — джинсы, кожаные куртки, тренировочные костюмы, татуировки и кроссовки. Были и те, кто изображал растения — подозреваю, что оранжерея лишилась больше половины своих насаждений.

Праздник должен был начаться шествием масок, после чего все проследуют к украшенному майскому дереву для пира. В разгар пира будут показаны различные чудеса: обычно для этой цели приглашают артистов, но наша школа решила обойтись художественной самодеятельностью. А в конце выберут Короля и Королеву Мая: тех, чьи карнавальные костюмы будут признаны лучшими. Ну а после этого начнутся танцы и все остальное, на что окажется способной фантазия участников праздника.

Меня не узнавали довольно долго, пока не пришла пора садиться за столы. Только когда я скромно устроился в уголке учительского стола, меня вычислили методом исключения.

— Это ведь вы, Максимилиан? — наклонилась ко мне женщина удивительного вида. Она была необыкновенно худощава и затянута в змеиную кожу. Ее лицо мне было совершенно незнакомо, разве что голос...

— А вы — Маска? — догадался я.

— Хочешь, чтобы тебя не узнали — будь самим собой, — загадочно изрекла она. — Ибо все мы носим маски, и иной так сродняется с этой личиной, что не расстается с нею и после смерти. Но будьте осторожны — раз примерив маску, избавиться от нее очень трудно.

Я исподтишка разглядывал ее лицо — или то, что принималось за таковое. Непохоже, чтобы она такой родилась. Наверное, в юности с нею произошла какая-то катастрофа. Маска заметила мое внимание.

— Выглядит отвратительно, не так ли? — оскалила она губы. — К счастью, никто из окружающих не догадывается, что это — неумело наложенный макияж. И, надеюсь, вы никому не выдадите мою тайну?

— Я же Мортон, — сказал я. — А мы, Мортон, умеем хранить тайны. У нас шестнадцативековой опыт.

— А скажите, Максимилиан, — она придвинулась ближе ко мне, — что вы чувствуете, став Хранителем? Изменилось ли ваше мировоззрение? Ведь вы теперь в ответе за весь мир! Не давит ли на столь хрупкие плечи столь тяжкая ноша?

— Пока нет, — улыбнулся я, не желая говорить Маске, что я еще не стал Хранителем: ведь Ритуал не был пройден до конца.

— А что вас заставило нарядиться в этот костюм? Тайные желания или жажда показаться оригинальным и выделиться из толпы? Карнавальный костюм ведь очень часто отражает тайный мир человеческих чувств. Каждый наряжается тем, кем хочет быть в реальной жизни и чему мешают обстоятельства!

— Неужели? — Делая вид, что изучаю изобилие яств на столе и украшения зала, я еще раз осмотрел пирующих.

— Именно так. Я, например, оделась змеей потому, что мечтаю однажды сбросить с себя это надоевшее тело, как змеи каждую весну сбрасывают старую кожу, и родиться обновленной. А вы?

— А вы никому не передадите то, что я сейчас скажу? — шепнул я.

— Клянусь Аполлоном Тионским, покровителем иллюзий!

— Я просто нацепил первое, что подвернулось под руку! — признался я. — Не умею подбирать карнавальные костюмы!

— Это значит, что вы всегда стремитесь быть самим собой и не желаете, чтобы вас принимали за кого-то другого! — воскликнула Маска. — Ужасное качество для Хранителя Тайны Мортон, милый Максимилиан! Ведь вам теперь до конца своих дней придется притворяться!

Я вздохнул. Знала бы преподавательница магии иллюзий, что сейчас я притворяюсь Хранителем Тайны, которой не знаю!

Праздник тем временем продолжался, и начались танцы. Немного выпив, я осмелел и уже направился к девушкам, чтобы пригласить кого-нибудь, как вдруг рядом послышалось деликатное покашливание:

— Разрешите пригласить вас... МИЛЕДИ?

Я вскинул голову. Передо мной стоял принц эльфов — тех самых древних эльфов, что были высоки, стройны и красивы. Его светлые одежды трепетали от легкого ветерка, высокое чело венчал серебряный обруч, длинные темные волосы рассыпались по плечам.

— Вы принимаете приглашение, ЛЕДИ? — повторил он, подмигнул, и я шарахнулся прочь. Каблуки подкосились, и я бы упал самым позорным образом, если бы «эльф» не подхватил меня.

Это был Черный Вэл!

— Я... это... ну, я... э-э... — залепетал я.

— Не танцуете? — Его тонкие губы искривились в знакомой мне усмешке.

— Да! То есть... ну, вы понимаете, я... в какой-то мере... в общем...

— Понимаю. — Он смотрел поверх моей головы. — Но от бокала вина не откажетесь?

Май начинался теплым, и танцы перенесли в школьный парк. Брауни украсили его фонариками и гирляндами, и деревья озарились разноцветными огоньками. На краю парка стояли столики с угощением, а танцующие кружились меж деревьев. Подав руку, Черный Вэл отвел меня к крайнему столику и налил вина.

— Ты просто очарователен, Макс, — сказал он.

Я поперхнулся вином, и зелейник похлопал меня по спине.

— Как вы меня вычислили? — промолвил я, едва продышался.

— Вас невозможно не узнать, Максимилиан.

— А вы просто неузнаваемы! — выпалил я. — Я никогда не думал, что вы...

— Простые смертные устраивают карнавалы, чтобы примерить чужие маски и образы, хоть ненадолго вырвавшись из привычного круга условностей, попробовать разнообразить свою в общем-то бедную жизнь. — Черный Вэл прихлебывал вино и смотрел на танцующих поверх моей головы. — И только мы, маги, знающие свое истинное "Я", надеваем маски, чтобы скрыть его — или чтобы просто вспомнить, кто мы есть на самом деле.

— На самом деле я не... — возмущенно начал я. — Я хотел сказать... ну, вы понимаете, Вэл!..

— Лорд Вэл, — скривился он. — Уж сегодня могли бы запомнить!

Я взглянул на его светлые легкие одежды знатного эльфа и почувствовал угрызения совести.

— Простите меня, милорд, — сказал я. — Однако почему вы так упорно требуете, чтобы вас титуловали лордом?

— Смотри!

Он чуть-чуть поправил на плечах воздушный плащ, струящийся до земли, словно поток лунного света, и я увидел, что плащ скреплен на боку большой серебряной брошью. На ней был искусно вычеканен герб — наковальня, пронзенная увенчанным короной мечом и поддерживаемая двумя лебедиными крыльями. По контуру броши шел ряд алмазов.

— Это королевский герб. — Вэл по-прежнему не смотрел мне в лицо. — Ты же знаешь, что мое раннее детство прошло в детдоме простых смертных. Личные вещи его

воспитанникам не полагались — мы же были сиротами. Но эта брошь... Она была приколата к моим пеленкам и сопровождала меня всю жизнь. Ее у меня отбирали воспитатели, но она мистическим образом возвращалась. Когда убежал и жил на вокзалах и в подвалах, я мог продать ее, обменять, потерять — и находил на другой день, просто сунув руку в карман. Тот маг, что нашел меня на вокзале простых смертных и определил в интернат для волшебников-сирот, наверняка знал, чей это герб. Но испугался. По крайней мере, я так думаю. Потом я рылся во всех геральдических справочниках и знаю одно — это королевский герб. Но род, который его носил, угас.

— Не угас, раз есть вы, — осторожно возразил я.

— Угас! — жестко поправил меня Черный Вэл. — Ибо я не могу доказать свою причастность к этому роду. И давай не будем больше об этом! Пошли! Мне здесь надоело.

Сказать по правде, мне тоже, но я медлил. Тогда Черный Вэл просто взял меня за руку и повел через украшенную гирляндами и факелами рошу к темной громаде школьного замка.

Совсем рядом звучала музыка, слышались смех и возгласы артистов — на сколоченной заранее платформе показывали очередной номер художественной самодеятельности, но и под деревьями кипела жизнь.

Возле толстой ивы я заметил прильнувшую друг к другу парочку. Парень и девушка целовались так страстно, что я мог подойти и потрепать их по плечу — они бы ничего не заметили. Прервав поцелуй, девушка припала к плечу парня, застонала, пробормотав что-то, и по голосу я узнал Кристину Шульц. Парень подле нее оказался Адамом Лексом. Он шепотом ответил своей подруге и принялся дрожащими руками расстегивать крючки на ее карнавальной тунике.

Я рванулся к подросткам, но Вэл удержал меня.

— Не мешай, — прошептал он. — Сегодня можно. Через месяц он сдаст экзамены и уедет из Школы МИФ, а она будет учиться еще целый год. Одна! Без него!..

— Но ведь это же школа! И они еще дети! — возмущался я.

— Не мерь всех своей меркой. — Вэл потащил меня прочь. — Сегодня ночь Бельтана, ночь Любви. Сегодня можно все. Ручаюсь, Лилита со Спурием уже уединились где-нибудь в укромном уголке для занятий любовью и выползут из него только под утро.

Этот аргумент меня сразил, и дальше я шел молча, хотя внутри у меня все сжималось от тревожного предчувствия. Но волшебная ночь Бельтана сделала свое дело, и я подчинился ее чарам.

Мы прошли в школу одним из запасных выходов, которые отпираются не ключами, а особыми заклинаниями. Наши шаги гулко отдавались в каменных коридорах. Несмотря на царивший мрак — я трижды споткнулся на первых пяти ступеньках, — Вэл отлично ориентировался здесь. Когда я споткнулся в четвертый раз, он молча наклонился, стащил с меня эти уродские туфли, и дальше я шел босиком. Было ужасно холодно — мы шли по голым камням.

Лязгнула задвижка. Втолкнув меня в комнату, Вэл немного повозился — и вспыхнул свет. Газовая лампа — не светлячковый факел, как на этажах школы, а именно лампа, — озарила низкие своды, маленькое полукруглое окошко под потолком, камин, постель в нише, два столика, длинный сундук у стены.

Я был в обителище Черного Вэла. Его знаменитые темные одежды, делавшие его похожим на книжного злодея, валялись комком на стуле с высокой спинкой. Пока я озирался, хозяин комнаты достал еще вина. Я застонал, увидев полный до краев бокал:

— Я не пью!

— Чья бы корова мычала, — проворчал он. — Это Мед Поэзии — вернее, эль на основе Меда Поэзии. Не спрашивай меня, где я достал рецепт. Великий Один удавился бы от зависти, насколько для меня это оказалось просто.

Я попробовал. На вкус это был эль, так густо настоянный на травах, что его трудно было назвать пивом и тем более вином. На языке осталось странное послевкусие — видимо, то, что отличает Мед Поэзии от прочих напитков. Черный Вэл осторожно вынул опустевший

бокал из моей руки.

— Ну как?

— Здорово. — Я облизнул губы.

— Помнится, — севшим голосом вдруг произнес Вэл, — когда тебя атаковали журналисты, ты заявил при всех, что готов отблагодарить меня за спасение жизни любым способом... Сегодня у тебя есть возможность это доказать.

— Что вы имеете в виду?

Он молча покачал головой и сжал мои плечи.

— Ничего. — Лицо его вдруг исказилось, словно от сильной боли. — Просто побудь со мной. Я... я слишком долго был один. А сейчас особенно!

— Сейчас праздник, — напомнил я.

— Но не для меня. Для таких, как я, нет праздников и будней. Я проклят. — Он отпустил меня и отвернулся. Широкие плечи его поникли, и он стал словно меньше ростом. — Ты знаешь, что такое — быть проклятым? И как это больно? Ни родных, ни друзей...

Я не знал. Но мне вдруг ужасно захотелось хоть как-то облегчить его боль. Я встал за его спиной:

— Если это вам поможет, я готов быть вашим другом. И не только...

— Спасибо. — Он развернулся так стремительно, что чуть не ударил меня локтем в грудь. — В таком случае...

Он стремительно перехватил мои запястья одной рукой. Я не успел и пикнуть, как он достал нож.

— Что вы хотите сделать?

— Пошли.

Сопротивляться было бесполезно — Вэл тащил меня за собой, как мальчишку. Больше всего на свете я боялся, что сейчас нас заметят и пойдут сплетни и слухи. Но, хотя мы и выбрались из здания школы и направились через парк к пруду, на нас никто не обращал внимания. Ночь Бельтана сделала свое дело — и дети, и взрослые были так заняты собой, что не смотрели по сторонам.

Вэл привел меня к берегу пруда и опустился коленями на мокрый песок у самой воды, заставив меня сделать то же самое. От воды тянуло сыростью. Освободив одну руку, Черный ножом вырыл в песке ямку и перевернул мою руку запястьем кверху.

— Надеюсь, ты не будешь орать, — проворчал он и сделал надрез.

Я закусил губу и отвернулся, чтобы не смотреть.

— Под этими звездами, над этой водой, — нараспев зазвучал голос Черного Вэла, — клянусь всегда и всюду быть с тобой. Твои беды — мои беды. Мои беды — твои беды. Моя радость — твое счастье. Твоя радость — моя судьба... Повтори!

Я подчинился трясущимися губами. При этом я не выдержал и взглянул на свою руку, и увидел, что Вэл и себе сделал надрез, так что наша кровь смешалась и вместе капала в ямку.

Когда я кое-как договорил, Вэл ножом разровнял ее, засыпав кровь, и встал, отряхивая штаны от песка. Я тоже поднялся на ноги.

— Зачем вы это сделали?

— Понимаешь, — Вэл осматривал свой наряд с таким тщанием, словно ему еще предстояло идти на прием в королевский дворец, — ты сын моей Женеьевы. Я до сих пор не могу забыть твою мать, и, когда смотрю на тебя, мне кажется, что вижу ее. Я мечтал отдать жизнь ради ее счастья...

— Вы и так спасли мне жизнь, — сказал я.

— Мне этого мало. Женеьева, она...

— Расскажите мне о моих родителях, — попросил я.

— Хорошо. Только вернемся ко мне. Выпьем чего-нибудь. А то ты весь дрожишь. Замерз?

Меня действительно била нервная дрожь, но отнюдь не от холода — просто я на самом деле какое-то время был уверен в том, что Черный Вэл хочет моей смерти. И тем не менее я послушно последовал за этим человеком.

Мы расположились в его каморке. Когда Черный зажег в жаровне угли и придвинул к ним высокий стул для меня, сам расположившись на низенькой скамеечке и разлив по бокалам Мед Поэзии, в ней стало так уютно, несмотря на скудную обстановку и обшарпанные стены. Грея в руках бокал с Медом, Вэл негромким голосом, глядя куда-то внутрь себя, начал рассказ. Как, сбежав из детского дома и скитаясь по вокзалам, он случайно увидел в толпе мою мать — и еще прежде, чем она обратила на него внимание, понял, что готов на все ради ее глаз. А когда она заговорила с ним и предложила следовать за собой, пошел безропотно. И никогда впоследствии не спорил, если она приказывала что-нибудь. Он принял учение Белого Мигуна именно потому, что его прежде приняла она. И сражался не столько за своего гуру, сколько за нее. Ему было наплевать, что все остальные так или иначе были влюблены в мою мать. Он был уверен, что однажды она изберет его... Но появился мой отец. И все-таки для Черного оставалась надежда — до самых последних мгновений.

Мягкий голос убаюкивал. Я сперва слушал, по капле смакуя Мед, но сам не заметил, как уснул на середине рассказа.

А когда проснулся, был уже белый день.

Яркий солнечный луч проникал в подвальное помещение и падал как раз мне на лицо. Я лежал на узком топчане, укрытый пледом, а Черный Вэл устроился на стуле, положив ногу на ногу.

— Сколько времени? — спросил я.

— Почти полдень. Ну, Максимилиан, ты и здоров спать! Тебя и пушкой не разбудишь.

Полдень! Мои звери в живом уголке до сих пор не кормлены! Я рванулся вскочить — и сообразил, что совершенно раздет. Ну просто до белья. Это сразу заставило мои мысли двигаться в определенном направлении, тем более что сам Черный Вэл успел переодеться в свой всегдашний черный наряд.

— Вэл? Что это значит? Что... что-нибудь было?

— Ты о чем? — вскинул он одну бровь.

— Не притворяйтесь! Я хочу сказать, что проснулся в вашей постели, в таком виде и...

— Ах, вот ты о чем! — Он запрокинул голову и рассмеялся от души, хотя мне было не до смеха. — Уверяю тебя, твои опасения напрасны!

— Напрасны? — взвился я. — Нас выгонят из школы, если узнают, что мы...

— Не выгонят! — Вэл выглядел таким довольным, что мне захотелось врезать ему как следует. — Потому что все в курсе — я ничего не смогу тебе сделать! И не только потому, что ты — сын Женеьевы. Я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** стерилен! Моя жена, — он скривился, как от зубной боли, — слишком ненавидела меня, чтобы допустить, что меня хоть когда-нибудь смогут полюбить и что я смогу быть счастливым. И она наложила на меня заклятие. Я ничего — абсолютно ничего! — не могу! Кроме того, то, что ты переночевал у меня, еще не скандал. Было бы хуже, если бы здесь переночевал какой-нибудь ученик или ученица.

— Вероника! — вырвалось у меня прежде, чем я вспомнил, что должен держать язык за зубами. Вэл потрепал меня по плечу:

— Все в порядке. Я знаю.

— Что?

— Про тебя и девушку. Это я дал ей любовный эликсир и научил им пользоваться.

— Вы с ума сошли! — Я рванулся вскочить, но Вэл придержал меня за плечи. — Зачем вы хотели влюбить меня в ученицу? Вы хоть понимаете, что чуть было не натворили?

— Понимаю. — Вэл был таким спокойным, что я больше, чем когда-либо, желал придушить его, — Ты был в опасности. Белый Мигун готовил на тебя покушение, использовал любые средства, чтобы выбить тебя из колеи и сделать легкой добычей. Его магия сильна, она опасна для такого, как ты. Я, лишенный магии, не мог тебя защитить, а

остальные наши коллеги относились к угрозе слишком поверхностно. Большинство магов считает, что Хранитель Тайны уже защищен самой Тайной. И мало кто понимает, что Хранителя надо защищать.

— Но я же не... — Мой воинственный пыл угасал. Я уже жалел о своей вспышке гнева — ведь Вэл действительно спас мне жизнь.

— Я не мог защитить тебя своей магией, но есть в мире силы, которые сравнимы с самыми могучими чарами, — продолжал Вэл. — Это сила любви. Тот, кого любят, защищен любовью. А если он любит в ответ, защита становится более сильной. Ты ДОЛЖЕН был влюбиться, причем взаимно, чтобы Белый Мигун не смог до тебя добраться. И когда я случайно подслушал признания Вероники — она плакалась подружкам, — я понял, что надо делать. Вспомни, пока в твоей душе жили первые ростки любви — и Белый Мигун бездействовал. Его надпись кровью «Отдайте Мортону!» была криком отчаяния — он НЕ МОГ тебя одолеть! Поэтому просил. И стоило тебе начать бороться против своей любви, как он взял реванш. Если бы ты хоть немного помедлил, позволил чувствам восторжествовать, у меня было бы время, чтобы самостоятельно выйти на Белого Мигуна.

— Он был в теле Даниила Мельхиора.

— И это я знаю. Я хотел поставить мальчика на грань жизни и смерти. Знаешь, как посвящают в маги?.. Соискатель должен рискнуть жизнью — рискнуть всерьез, тогда его сознание деформируется, и он становится магом. Так я думал, что в нужный момент Мигун испугается за жизнь этого тела и проявит себя. Однако ты мне помешал — ты поторопился выйти из-под защиты любви. И я чуть было не опоздал.

— Но в конце концов все закончилось хорошо, — решил я подбодрить Вэла, — Белый Мигун нейтрализован, я жив и здоров, Тайна укрыта в надежном месте до лучших времен, а вы вернули себе магию.

— Да. — Вэл прикрыл глаза и улыбнулся своим мыслям. — Я прошел Посвящение второй раз. Мигун мог меня убить, если бы я не ВСПОМНИЛ. Я вспомнил магию... Всю магию, — добавил он с горечью, и я понял, что он имел в виду лежащее на нем заклятие.

— Вэл... — Я осторожно встал. К моей радости, оказалось, что моя обычная одежда уже лежит на скамеечке у постели и больше не надо натягивать на себя маскарадный костюм. — Теперь, раз у вас есть магия, вы могли бы...

— Ты невнимательно слушал курс теории магии, — скривился Вэл, — заклятие может снять только тот, кто его наложил... или смерть чародея. А убивать женщину... Нет, я не настолько ненавижу женщин. Вот ведь ирония, — добавил он, — в моей жизни было всего две женщины — и каждая сыграла роковую роль.

— Где две, там и три, — попробовал утешить я его.

— Нет, — голос Черного Вэла опять стал скрипучим и неприятным, — третьей не будет. Никогда.

Снаружи действительно был день. Школа еще не отошла от праздника — даже в парке среди деревьев еще оставались неубранные столики с остатками угощений, а в траве тут и там валялись коробки от фейерверков, мишура и обрывки гирлянд. Никто не заметил, как я поднялся к себе в живой уголок — проходившие мимо дети и взрослые здоровались со мной так, словно ничего не случилось. Но у меня на душе почему-то было беспокойно.

Через две недели после Бельтана начались экзамены. Последние дни я потратил на то, чтобы написать билеты, — восемьдесят шесть билетов по нежитеведению и сто четырнадцать по магическим животным, не считая опросников для письменного экзамена у третьего и четвертого курсов. Я работал как одержимый, иногда чуть ли не засыпая над конспектами, чтобы не думать о том, что будет потом. Ведь сразу после экзаменов, едва отгремит выпускной вечер, я должен явиться в Инквизиторский Совет.

Экзамены в любой школе — горячая пора. Младшие курсы обычно сдают их письменно, а у старших устный опрос. Мне предстояло принять восемь экзаменов — четыре у третьего и четвертого курсов и четыре у шестого. Вместо экзаменов у седьмого курса должно было состояться Посвящение в маги. Совет педагогов решил освободить от

экзаменов Эмиля Голду, переведя его на четвертый курс по усредненной оценке его однокурсников, но остальным ребятам предстояло пройти тернистыми дорогами знаний безо всяких поблажек.

Я сидел в одиночестве в своем кабинете и проверял письменные работы девочек третьего курса, когда дверь отворилась и без стука вошли пятеро инквизиторов. От неожиданности перо выпало у меня из руки, и я молча наблюдал, как двое заняли места у дверей, внешней и внутренней, а трое остальных подошли ко мне. Из них двое казались глубокими старцами — пергаментная кожа, узловатые, с прожилками синих вен, руки, морщины и ввалившиеся тусклые глаза, — а третий оказался настолько молод, что я почувствовал смущение от встречи со своим ровесником.

— Максимилиан Мортон, — произнес один из старших, садясь напротив меня. — Здравствуйте! Меня можете звать братом Альбертом. У нас к вам есть несколько вопросов. Ваш директор уже осведомлен о нашем визите. Обещаем, что не будем отнимать ваше время.

— Если вы сами не будете упорствовать, — добавил второй старец. — Наш брат Май проследит за этим. — Он указал на молодого инквизитора. Тот остался стоять столбом возле кафедры.

Я только кивнул. Что я мог сказать? Они предвосхитили почти все мои вопросы.

— Наши братья не сумели побеседовать с вами весной, поелику вы чувствовали себя не лучшим образом, — продолжал брат Альберт. — Да и журналисты могли растрезвонить по миру о нашем внимании к вам. Сейчас шумиха поутихла, и мы можем побеседовать спокойно.

Спокойно, скажут тоже! Да меня била мелкая дрожь. Я был один среди пяти инквизиторов — не самая лучшая компания для мага любого возраста и ранга.

— Первый вопрос, — прозвучал голос брата Альберта, — знали ли вы близко Белого Мигуна?

— Нет, — ответил я. — Мне было два года, когда секту разгромили. Я и родителей-то своих не помню.

— Вопрос второй, — инквизиторы никак не показали, понравился ли им мой ответ, — поддерживали ли вы связь с кем-то из соратников своих родителей?

— Нет. О том, что у моих родителей были соратники, я узнал слишком поздно. Гораздо позднее, чем свое настоящее имя.

— Вопрос третий, — похоже, они действовали автоматически, не думая над произносимыми словами. — Как вы отнеслись к тому, что ваши родители были связаны с Белым Мигуном?

— Не помню. Никак.

— А все-таки? Не думали ли вы, что они совершили ошибку или, напротив, что их дело достойно подражания?

— Я думал только об одном — что в результате остался сиротой у чужих людей и не знал даже свое имени.

— Так вы завидовали своим родителям или осуждали их?

— Не понимаю вас, — огрызнулся я. — Какое это имеет отношение к настоящим событиям?

— Он упорствует. — Инквизиторы переглянулись не то с удивлением, не то с восторгом. Молодой брат Май сделал шаг ко мне.

— Отнюдь, — пошел я на попятную, — я просто хочу понять, являюсь ли обвиняемым, свидетелем или потерпевшим?

— Это будет зависеть от ваших ответов.

Меня прошиб холодный пот. Выходит, меня еще могут подвергнуть наказанию за то, что на меня охотился международный преступник? Наказывать за то, что ты — жертва?

— Я из рода Мортонов. Я — Хранитель, — сказал я.

— Согласно показаниям подследственного Мигуна, Ритуал не был пройден до конца, — возразили мне. — Следовательно, вас не защищает Закон Мортонов. И вы можете

быть подвергнуты наказанию, как любой маг, связанный с Белым Мигуном. Вот если бы вы прошли Ритуал...

— Вы забываете, что рядом со мной тогда были два свидетеля, — отрезал я. — А разве не является первой задачей Хранителя не допустить утечки Тайны?

Инквизиторы переглянулись, обмениваясь мыслями.

— Вы увильваете, — наконец вынес вердикт брат Альберт. — Почему?

— Потому, что считаю ваше присутствие недопустимым, — отрезал я. — Я считаю, что поступил правильно, не открыв Тайну посторонним, тем более Белому Мигуну. Это, по моему разумению, первая и главная задача Хранителя. А Ритуал можно и повторить в любое время...

— Нет, — огорошил меня брат Альберт. — Отнюдь не в любое. Только когда луна находится в том же созвездии в той же фазе, что и во время предыдущего Ритуала. То есть следующий Ритуал может быть пройден только на десятый лунный день в месяце Рыб.

— Через год? — вырвалось у меня. Я вдруг подумал, что во время Ритуала увижу своих родителей и, может быть, сумею поговорить с ними подольше.

— Через год, — подтвердил брат Альберт. — А за год с вами может случиться все, что угодно! А вдруг вы решите стать новым Белым Мигуном? Год — достаточный срок для того, кто...

Я понял, куда они клонят. Инквизиторы хотели узнать, не проникся ли я идеями секты Светлый Путь, не желаю ли подхватить знамя, выпавшее из рук моих родителей?

— Нет, — сказал я. — Можете быть спокойны. Секта Белого Мигуна не будет возрождена. По крайней мере, с моей помощью.

— Мы должны быть в этом уверены. Ваше сознательное "я" может говорить одно, а ваше подсознание — другое. Нам необходимо детальное исследование вашего разума и вашей души, Максимилиан Мортон.

— Вы еще не знаете, — вступил в разговор второй старец, — что в разных концах Старого Мира были арестованы бывшие сектанты. И многие из них связывали с вами определенные надежды.

— Я не знаю никого из этих людей, — поспешил сказать я.

— Вы так уверены? Не зная, о ком идет речь? Если бы вы проехали с нами...

— Нет! — Я вскочил. — Я не хочу никуда ехать. И... и не могу! Идут экзамены! Еще почти три недели!

— Мы понимаем. Мы пришлем за вами.

Брат Альберт поднялся и направился к двери. Его спутники последовали за ним. Уходя, брат Май взглянул на меня через плечо. Просто взглянул, но я рухнул на свой стул как подкошенный.

Инквизиторы слов на ветер не бросали. В конце сессии мне пришло два уведомления — одно на имя директора, официальное прошение отпустить меня сразу после окончания учебного года, и второе лично для меня, с пропуском и оплаченным билетом в один конец. Билет был датирован первым днем Солнцеворота, двадцать второго июня. Учитывая, что выпускной будет в ночь с двадцать первого на двадцать второе, я должен буду покинуть школу в полдень.

Почтовый ворон, доставивший мне это послание, был так горд своей миссией, что носился с карканьем по всей школе, привлекая внимание всех подряд, так что я не удивился, когда вечером ко мне зашел Черный Вэл.

— Что у тебя случилось, Максимилиан? — спросил он, увидев мое расстроенное лицо.

— Вот, — я показал уведомление. — Прибыть в строго указанное время!

— И даже билет прислали! — хмыкнул Вэл.

— Это меня и беспокоит! Билет в один конец!

— Боишься не вернуться?

— Я боюсь вообще туда ехать! — взорвался я. — У меня дурное предчувствие! Но... но ведь если я не поеду, они пришлют за мной конвой! И все равно доставят в Совет!

— Не доставят! — Вэл сложил письмо и запихнул его в конверт. — Если не найдут тебя.

— Интересно, как?

— Очень просто! — Вэл хитро улыбнулся и достал из крошечной сумочки на боку свернутый в трубочку пергамент. — Я после Бельтана написал жене, снова просил о встрече с дочерью. Она, видимо, все-таки научилась читать газеты и знает о последних событиях. Поэтому разрешение мне было даровано. У меня есть три дня. Хочешь поехать со мной? Ручаюсь, ТАМ тебя Инквизиторский Совет не достанет.

— Но как же мы уедем? Ведь поезд уже послезавтра!

— ТВОЙ поезд послезавтра, а через три часа мимо проходит ночной экспресс до Похиолы, — улыбнулся Вэл. — Он останавливается в Ключ-городе в десять утра. К тому времени, как инквизиторы опомнятся, мы будем на полпути к Асгарду!

— Вэл, вы... Я согласен! — воскликнул я, не раздумывая.

Час спустя, предупредив мессира Леонарда, что на выпускном вечере нас не будет, мы с Черным Вэлом покинули Школу МИФ и поспешили на станцию. Я чуть не пел от восторга. Меня ждали самые прекрасные и волнующие летние каникулы в моей жизни...